

"Там алеет зря (СИ)"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Александр Ефремов

Там алеет заря

Сентябрь 1898 года

Джон Браунинг сидел за столом и размышлял. Недели две назад в Русскую Оружейную Компанию поступил запрос. Компания Виккерс, купившая с потрохами фирму Максима и того самого, вдруг прислала запрос на обмен технологии автоматической перезарядки за счет короткой отдачи ствола на некоторые технологии РОК. Вообще то князь Агрениев давно вынашивал планы покупки этой лицензии у Максима, однако дело не двигалось много лет и про это многие даже как-то забыли. И вот вдруг британцы разродились согласием. Теперь же ему, Греве и наверно Мосину следовало дать ответ, а нужна ли РОК эта технология. Нет, производить в России пулемет Максима никто не собирался. Но дело в том, что за последние годы Хайрем сумел усовершенствовать своё детище и упростить механизм, что сделало пулемет более надежным. Фактически от Джона или как в России его называли Ивана Михайловича требовалось дать ответ, а сможет ли он, используя чужую патентованную технологию, создать пулемет, превосходящий его собственный. В надёжности, в простоте изготовления и обслуживания и так далее. Задача была интересной и чисто инженерной. У перезарядки за счёт отдачи ствола были определённые плюсы. Но ведь и запрашиваемые Виккерсом технологии РОК зачем-то понадобились англичанам. Впрочем это не его дело. С 96-го года он не являлся директором РОК, а только ее главным инженером. Все-таки управление огромной компанией и коммерция — это не его. А вот возня с любимым железом, изобретение нового, чего ещё никто до него не делал, это значило для него все. Это было его жизнью. И плевать он хотел на все миллионные предложения со стороны конкурентов РОК, которыми его периодически пытались соблазнить. У князя было намного интересней. А иногда его наниматель и немного партнёр подкидывал такие идеи, от которых захватывало дух. Не все, конечно, получалось воплотить в металле. Ох, не все. Некоторые идеи просто опережали время. Но так было даже интересней. Знать, что тебя ждёт интереснейшая работа, когда кому-то наконец удастся решить какую-то промежуточную технологическую задачу с приемлемыми затратами и результативностью...

Или взять эту идею Александра о мощных поясковых патронах для элитного оружия. Просто шикарная мысль! Жаль только, что использовать их в Империи просто негде. Но ведь и в САСШ с ними особо не на кого охотиться. Это патроны для сафари. А пробиться на этот ограниченный, но очень вкусный и денежный кусок рынка будет очень и очень непросто. Там свои законодатели мод. Ну так и мы, как говорят русские, не лаптем щи хлебаем...

Нет, как и всякий американец, Джон никогда бы не подумал отказываться от денег. Но деньги бывают разные, а годы, проведенные в России, окончательно притупили стремление к их неперемennomу и постоянному зарабатыванию. Мерить же все деньгами, как делали многие его бывшие соотечественники... Нет, этим он не занимался и в Штатах. Собственно он давно уже стал миллионером.

Здесь в России его деньги продолжали работать и прирастать. Периодически директора и юристы компании предлагали ему некоторые интересные сферы и схемы вложений, и иногда Джон их принимал. Однако с годами и увеличением цифр на его счетах он стал относиться к богатству, как к чему то обыденному и мало волнительному. Может в этом виновата округлость цифр, а может страна, в которой он работал... Какая в конце концов разница? У него есть любимая работа, и это главное!

Браунинг открыл ящик стола и достал оттуда пистолет Манлихера. Новая модель под патрон

7.63×21. Повертел его в руках. Ещё раз разобрал. Что ж, весьма неплохо. По мощности что-то близкое к Рокоту. Есть определенный стиль и законченность конструкции. И есть суровая и строгая красота оружия. Но его новый Браунинг Балтик и лучше и совершеннее. Хотя надо признать, что, пожалуй, пистолет у Манлихера получился. И он скорее всего станет первым конкурентом пистолетам РОК в Европе. Особенно, если австрийцы примут его на вооружение. Первым из других конкурентов. Потому как все, что в Европе пытались сделать и продавать до этого, сравниться с русскими и в том числе его моделями просто не могло. Причем при создании своего пистолета Манлихеру пришлось выкупить или выменять у князя Агренева несколько важных лицензий.

Что ж, так будет даже интересней, решил Браунинг. Монополия, пусть и частичная, это не всегда есть велл. Он вполне может доказать, что он лучший и без всяких монополий. А для этого...

Главный инженер убрал чужой пистолет в небольшой саквояж, поднялся, подхватив это вместилище пистолета, и направился в опытный цех. В котором его мастера трудились над новой задумкой — самозарядным охотничьим карабином. Впрочем, там было еще много всего прочего. Интересного и перспективного. Но карабин последнее время занимал Джона больше всего. Казавшаяся решённой задачка оказалась сложнее, чем он когда-то предполагал. Надежностью карабин похвастать не мог. И после определенного настрела начинались большие и не разрешимые проблемы. Пока не разрешимые. Ну так он на то и есть гениальный конструктор, чтоб такие задачки решать. И надо посмотреть, как мастера справились с последними изменениями в затворе крупнокалиберного пулемета. Увы, но доводить его придётся похоже долго. Не дешевая пока выходит конструкция. В Штатах наверно бы на это не слишком обращали внимание. Сколько там нужно этих пулеметов. Но специфика России накладывала на конструкцию пулемета свой отпечаток. Надо будет поговорить с Лазоревым. Если он сможет создать нужный станок с приемлемой точностью обработки ствольной коробки, то дело явно упростится. И это станет явным прорывом. А дальше... Нет, об этом пока рано говорить. Посмотрим.

А британцам надо пока ответить, что мы благодарны и изучаем их предложение, но на это нужно время.

Середина декабря 1899 года

Вернувшийся с Дальнего Востока князь шёл по заводууправлению к своему кабинету. И чуть ли не на каждом ему приходилось здороваться с известными ему людьми. И неизвестными. Ввалившись наконец в кабинет, он не успел даже как следует расположиться в своём кресле, как в кабинет ворвался Долгин и заключил Агренева в объятия. Кое-как отбившись от объятий, князь наконец устроился к креслу. А казак прямиком направился к бару.

— Что будешь? Кстати, извини, что не смог встретить. Дела, будь они неладны.

— Да ладно, Гриш, мог бы и не оправдываться. И так понятно. А насчёт выпивки... Ну давай красного.

Григорий откупорил пузатую бутылку, разлил рубиновую жидкость по двум фужерам и протянул через стол один из них князю.

— Испанское. Знаешь, Александр Яковлевич, если испанцы захотят, то вино они делают лучше чем французы. Только они как и мы... эммм... несколько ленивые. Пока не заставишь, все делают через пень колоду. А уж ихняя знать, это вообще что-то... Гонор похлеще, чем у наших

поляков будет.

— Ладно, — сделав глоток, оборвал Долгина Агренов. — Как тут вообще?

— Процветаем! Производство растёт, деньги прирастают, — усмехнулся Григорий. — А то ты не знаешь...

— Знаю. Ты вот что, про наше оружейное производство мне расскажи. С Браунингом по техническим вопросам я потом поговорю. Ты общую картину обрисуй. Я в основном в курсе, но, так сказать, из первых рук будет лучше узнать.

Долгин ненадолго призадумался.

— Тут не так чтоб уж очень. После того, как Военное ведомство в 1897-м перестало заказывать нам винтовки, заказов от казны стало мало. Револютеры да пулеметы им делаем, но понемногу. Казенные заводы только в этом году приступили к выпуску револьверов, хотя мы им станочный парк и прочее поставили ещё в 95-ом. Уж больно они долго с винтовками дело зачинали. Из-за чего в итоге бросили все силы на выпуск МАГов, а до револьверов только недавно руки дошли. Сейчас у нас оба оружейных завода, Сестрорецкий и Ковровский работают в одну смену. Да и то не на полную мощность. В основном на гражданский рынок и в основном, как ты понимаешь, на экспорт. Госзаказов военных от других стран практически нет. Ведущие страны уже перевооружились, а у прочих денег на это нет. Германцы вот решили винтовку поменять. Но ты ж сам дал команду им лицензию на Агрень продать.

— Это да, Гриш. Но там немцы так попросили, что пришлось это сделать. Да и думается мне, что не зря мы им уступили. Не зря, — задумчиво произнёс Князь. — Опять же добрую технологию работы со свинцо-цинковыми рудами с них за это сторговали.

— Ну, не знаю. Я б сам не отдал. Ведь пока никто лучше Агрени ничего не создал. — Григорий недовольно поворочался в кресле. — Так, теперь по отдельным странам. САСШ... мы туда до 60 тысяч различных стволов в год поставляем. Но ты был прав. Видимо нам там скоро начнут вставлять палки в колеса. Лунёв, из Америки пишет, что в Конгрессе ходят упорные слухи насчёт введения таможенной пошлины на наше оружие, — поморщившись, произнёс Долгин. — Так что не зря ты купил компанию того Стивенса. Ох, не зря. Пока американцы надумают, успеем там освоить в производстве некоторые новинки от Браунинга и Грече. Те, которые ты не отдал на откуп Ремингтону. Часть неиспользуемого в Сестрорецке оборудования мы демонтировали и отправили Штаты. Там его уже начали устанавливать. Но вообще жаль. Нам опять людей с оружейного производства придется куда-то переводить. Хорошо, хоть есть куда. Кстати, Джон взялся за новую версию своего пулемета. Если он сделает то, что хочет, убрав нижний рычаг картофелекопалки, то у него вполне получится лёгкий пулемет. Или, как ты говоришь, ручной. А какую он помповуху сделал! Вещь! Далее... По Южной Америке без перемен. Сбыт расширили еще на Мексику, Колумбию и Венесуэлу. Нашлись там заинтересованные лица, ставшие нашими дилерами. Сбываем потихоньку всякое разное. Не так чтоб очень много, но зато стабильно из года в год.

— О! Чуть не забыл, — вскинулся Гриша, — Александр Яковлевич, тебе медные рудники в Чили не нужны? А то есть вариант. И просят вроде недорого.

Агренов задумался:

— И что, вот так запросто и без проблем?

— Ну куда ж без них? — ехидно усмехнулся Долгин. — Но вполне решаемые. Ты вот вернулся, так что я теперь могу ненадолго отъехать и порешать эти проблемы. Если, конечно, нужно.

— Все б тебе самому делать. Что, команду ребят нельзя послать? — улыбнулся Агреньев.

— Дык я ж развеяться только. Да и надежнее будет.

— Ладно, потом поговорим на эту тему. Дальше давай! Что с Трансваалем?

— Ха! — встрепенулся Григорий. — С бурами все в лучшем виде. Они оружия и патронов у нас накупили с избытком. Так там ещё германцы суетятся, и даже французы. Британцев ждёт тёплый прием. Плюс, как ты и просил, пулеметов пять десятков дополнительно закинули под видом оборудования. Это те, о которых буры еще не знают. Вот только часть патронов в португальском колониальном порту застряла. Но как обещанная тобой война на Юге Африки начнётся, так буры тот остаток партии, о которой они тоже пока не знают, сами у португальских властей с вытребуют. Мы ж им потом скажем, где нужно взять. Жаль только у португальцев самих денег пока на перевооружение нет. А то б можно было бурам оружие поставлять целыми кораблями и в войну под видом поставок оружия в португальские колонии. Кстати, германцы мне на переговорах по Агрени уже намекали, что могут в случае чего организовать поставки боеприпасов через свою восточную колонию. Дороговато выйдет, правда. Но платить то за это не нам.

— Так! По Европе что?

— По Европе без изменений. Все поставки армиям Испании и Румынии исполнены и оплачены. Ну почти. Есть мелкие сделки по вооружению полиций Дании и Голландии пистолетами. И так, по мелочи. Пулеметы иногда заказывают. Но там и полсотни штук в год не продаётся. В основном все, что производим, идёт на гражданский рынок Европы. Тут мы на коне. Пистолетами нашим вообще конкуренции нет. Европа их распробовала. И при этом пока никто не может создать что-либо похожее. Так, поделки всякие, которые еле продаются. Охотничье оружие тоже хорошо идёт. Правда, SIG с лицензионными копиями иногда мешается, но у них цены выше. Так что пока грех жаловаться, хоть кое где таможенные пошлины на оружие начали поднимать. Тут у нас тоже оружие неплохо расходуется. Особенно пистолеты среди офицеров. Начали даже поговаривать о том, чтоб официально разрешить их ношение вне строя. Ну да я тебе насчёт этого писал. Сербия с Черногорией не прочь принять на вооружение Мосинки и возможно револьверы. Только у них денег на это нет. Потому ждут, пока кто-нибудь им что-нибудь не подарит. Но пока таковых не находится, — Григорий прервался и отпил из фужера.

— Так, далее. Персидскому шаху отправили пробную партию карабинов МАГ в 2000 штук. Что-то там замышляется. Поговаривают, что будет создана еще одна бригада гвардии по типу казачьих сотен. К Сонину даже целый генерал приходил. Наш. Со мной разговаривать отказался. Да и хрен с ним. Не больно то и хотелось. Ну а с китайцами ты там сам поболее моего дела имел. Они что, правда, хотят купить оружейный завод?

— Да, — ответил задумчиво князь. — Тысяч на сто винтовок в год. И возможно патронную линию. Но с деньгами у них туго. Потому предлагают всякий свой товар в обмен. И концессии разные. Тут думать нужно. К тому же там Маузеры суетятся. Им своё старое оборудование тоже кому-то сбыть нужно. А потому, как там выйдет с этими китайскими вопросами, никто сказать не может. В феврале или в марте в Европу приедет китайская делегация. Будем торговаться. Мне пока лишнее оборудование без надобности. Маху я 10 лет назад дал, когда завод ставил на такую мощность. Мог бы и поменьше на треть заказать. А потом уж прикупать

по мере надобности.

— Это да, — согласился Григорий. — Хотя мы немалую часть того оборудования продолжаем использовать на другие цели.

— Гриш, а что стало с моим прошением рассмотреть введение в армии калибра 9 мм для револьверов? Раз уж задержка с освоением револьвера на казенных заводах получилась. Мне так никто и не ответил из Военного Ведомства.

— Да что случилось. Ничего. Под сукно его положили. Князь Гагарин мне много чего порассказал тогда, когда я к нему с этим вопросом обратился. Болото там затхлое установилось опять. Генералы стрелковое оружие приняли и менять более ничего не хотят. У ГАУ сейчас новая забава. Пушку трехдюймовую на вооружение принимают. Но ты, поди, больше меня на это счёт знаешь, хоть и на Дальнем Востоке столько времени провёл. Кстати, как там вообще? А то инженеры и геологи возвращаются. И разное рассказывают.

Агреньев улыбнулся: — Да, знаю. И не только знаю. А Приморье..., да, оно такое. Разное. В основном глушь. Тайга великая, море холодное, и очень мало нашего народу. Туда сколько ни вези народа, все мало. Кстати, знаешь, там неплохо финны приживаются. И прибалты. А сейчас удалось значительную часть солдат, там служивших, на месте оставлять. С бабами там только беда жуткая. Я потому и стал тебе запросы на привоз молодых да сирот. Но это капля в море. Так что мужики в жены местных берут, да китайнок с корейнками. А вообще дела там потихоньку налаживаются. Но, к сожалению, именно потихоньку. Уж больно все дорого и долго туда возить. Вот Великий Сибирский путь достроят, тогда будет все намного проще.

Агреньев достал из кармана слегка помятое письмо.

— Есть у меня для тебя весточка, Братец твой, на Юкон посланный, воистину шалопаем и рискованым малым оказался. Сколько ему раз было оговорено, не лезь на сами прииски. Так нет. Влез. Шалопай, но удачливый, зараза. Будет. Если не пристрелят. Нахапал заявок два десятка на подставных людей. И теперь по самым скромным оценкам он обладатель 8 миллионов долларов. Пришлось отправить на Юкон ещё три десятка бывших экспедиторов с Амура. Чтоб задницу твоему братцу прикрыть.

— А он такой с детства, — ухмыльнулся с гордостью Григорий. — Вечно готов встрять во что-нибудь. Но и удачливый. Этого не отнять.

— В общем он зимует эту зиму там, потом продаёт заявки, какие сможет по разумным ценам и возвращается в Россию. На оставшиеся заявки напишет доверенность. А то, боюсь как бы там с ним действительно что-нибудь не приключилось. Но поедет он не сюда, а на Дальний Восток на три года. И он с этим согласился. Отрабатывать, так сказать, свою повинность.

— Да ладно, Александр Яковлевич, — не отрываясь от письма, произнёс Григорий, улыбаясь. — Вот ведь, чертяка! Он ведь службу не завалил?

— Только это его и спасло. Он даже казино первым в Доусоне ухитрился поставить.

Князь встал с кресла, подошёл к окну и долго смотрел на завод.

— М-да! Махина, однако.

— Это ты ещё в Сулине не был. Там вообще целый город отстроили. И металлургический завод,

и механический. И сельскохозяйственных машин. Два химпроизводства на базе коксовых батарей... Тысяч уже под тридцать населения наверно. И город ещё явно расти будет, хотя мы там ставить новые производства больше не будем. Ну а в Коврове ты был. Там и до нас городок был, а нашими заводами скоро поболее Владимира станет.

— А по Самаре что?

— А что по Самаре? Только все начали. Ну кроме НПЗ. Первую очередь завода уже ввели. Да вообще под него земли с запасом приобрели. На вырост. А с остальным пока только на стадии фундаментов или вообще еще без оных. Да что говорить, там ещё не всю землю потребную купили. Могу кстати похвастаться. Я теперь не только владелец поместья в Царстве Польском, но и хозяин немалого поместья под Бахмутом. Сосед Лунева.

Агреньев вернулся в своё кресло.

— То есть ты хочешь сказать, что под землёй у тебя кладовая коксующегося угля? — заинтересованно произнёс Агреньев.

— Отож! — осклабился Григорий.

— И когда ждать твоего угля?

— Ну как займы денег дашь, так начну шахту закладывать.

— А сам чего? — добродушно спросил князь.

— У самого больше нет. Все за землю отдал, — повинился Григорий. И с подковыркой спросил, — Так что, дашь, или мне у брата родного просить?

— Да сам возьмёшь, сколько надо. Там же, поди, ещё подъездные пути класть нужно?

— Ага, но я от Луневского поместья ветку кину. Он уже нанял бригаду на следующий сезон. Хоть и дальше получится, зато ни с кем договариваться не надо больше о разрешении на прокладку желёзки.

— Ясно... С Соломирским все остаётся как и договорено?

— Да. Да и что там может случиться? Это сначала его рабочие к нам перебежали, но потом Сонин вопрос этот с соседями решил полюбовно. Да и когда Грум-Гржимайло в Кыштым ездил, заехал он и в Сысерть. И много всякого Соломирскому насоветовал. Удержал того от разных неприятных и не нужных расходов. Да и периодически наши инженеры уральские к Соломирскому заглядывают, как и он сам в Кыштым. Так что весной можно начинать освоение его медного месторождения. У самого то у него денег мало, поднять дело в одиночку ему не под силу. А идти к кому-то на поклон смысла нет. Лучше чем мы никто ему условия не предоставит. Но тут появилась одна закавыка. Пока ты плыл в Одессу, от Витте приходил человек. И передал, что со следующего года таможенная ставка на импортную медь будет снижена до 20 процентов. Придётся отпускные цены на медь снижать.

— Ну этого следовало ожидать. Мы сейчас добываем меди столько же, сколько и все остальные отечественные производители. Итого 13-14 тысяч тонн. А потребление в стране в год около 20. Вот и вся математика. Но нет худа без добра. Без завышенных цен на цветные металлы у иностранцев будет меньше соблазнов лезть на наш рынок. Кстати, что там в Закавказье? Французы продолжают лезть за нашей медью?

— Увы, — развел руками Долгин, — купили ещё один заводик где-то у армян. И лезут и лезут. Сам то не хочешь туда влезть, раз там так медом намазано?

— Знаешь Гриш, вот сколько я не думал на эту тему, так и не пришёл к чему-то определенному. А потому наверно таки влезу, но только в компаньоны к кому-то. А там посмотрим. Кандидатуры на это есть?

— Есть, как не быть. Только они об этом ещё не подозревают, — ухмыльнулся Григорий.

— Ну и ладно, пусть пока пребывают в неведении о том, что их ожидает кусочек от 60 миллионов техасских нефтедолларов. Сонин здесь, на заводе?

— Нет, уехал три дня назад в Николаев с двумя немцами. Ты действительно хочешь поставить свою верфь?

— Ну не вечно же суда у британцев покупать. И есть надежда, что наши мотористы наконец доведут судовой движок на соляре. А нам и сухогрузы нужны и танкеры. Зачем бесплатно знакомить иностранцев с нашими достижениями да ещё за наш счёт?

— М-да, это ни к чему. Пока нам самим учиться и учиться у немцев и англичан. И американцев. Кстати, слышал, испанцы продали американцам Филиппины?

— Да, читал уже. Местным сильно не везёт. Бились с испанцами, чтоб попасть в кабалу к тем, кто им якобы помогал. Впрочем, это обычная практика англосаксов. Но там на островах ещё ничего не кончилось.

— Дай-ка я догадаюсь, — заинтересованно уставился на Агренева Григорий. — А не поучаствовал ли в очередной аванюре один известный мне князь?

— Не, меня там и рядом не было. Ну почти. Я только свел неких очень серьёзных офицеров русской наружности с некими китайцами. Ну и идею подкинул. А дальше они все сделали сами. И в один прекрасный день уже после моего отъезда из Порт-Артура должен был отплыть небольшой пароходик под якобы канадским флагом, груженный забытыми в тамошнем арсенале никому не нужными старыми китайскими винтовками. И патронами, конечно. Ну и доплыл уже наверняка до Филиппинских островов. А как ты знаешь, даже висящее на стене ружьё иногда стреляет. Я бы и современного оружия аборигенам подкинул, но не за свой же счёт это делать. Кто-то за это должен заплатить. Я и так тем хунхузам кое-что пообещал. Так что я пока подожду денежного заказчика. И что-то мне подсказывает, что он не преминет появиться в скором времени, — язвительно заметил Агрнев. — Захват испанских колоний Штатами очень многим пришлось не по нраву. Жаль только, что нельзя принять заказ из-за рубежа.

— И что, ты думаешь филиппинцы могут победить?

— Нет, конечно. Но партизанскими действиями они могут пить американскую кровь лет десять. Особенно если найдутся бескорыстные помощники. Ну или почти бескорыстные.

Середина января 1899 года

— Хотел позаниматься сегодня, но погода... Брр! — Великий Князь Михаил Александрович развалился в кресле. — Придётся в зал идти. Или в тир. Жаль!

— Ну извини, — развел руки Агрнев, — я погодой не заведу. Питерская погода непредсказуемая. Январская в том числе.

— Говорят, у сестрорецкого затворника по возвращению с Дальнего Востока случился роман? — с улыбкой подколот князя Михаил. Но продолжил уже серьёзно. — А знаешь, вы с Надеждой Николаевной смотрите! Из вас выйдет неплохая пара...

— Возможно..., — ответил Агренов. Но тон в голосе явно означал, что обсуждать эту тему ни с кем он не намерен.

— Ладно, — добродушно усмехнулся Михаил. — О чем ты хотел со мной поговорить?

— Ну, новогодний бал не место для серьёзных разговоров. — Агренов потянулся к столу, достал из ящика пачку фотографий и бросил её на стол. — Полюбопытствуй! Это по твоей части.

— Хмм, интересненько! — протянул будущий артиллерист, внимательно рассматривая предложенное. — И чьё это творение?

— Германия, Рейнметалл. Один из предсерийных вариантов гаубицы, которая в прошлом году была принята на вооружение. Моим людям удалось ознакомиться с экземпляром, любезно предоставленным доктором Эрхардом ещё до того, как немцы сделали выбор в пользу данной модели. Калибр 105 мм, ствол 10 калибров длиной, фугасный снаряд без малого пудом веса. Дальность стрельбы на полном заряде немного превышает 6 верст при угле возвышения 40 градусов. Вес — чуть более тонны.

— Кургузенький ствол... Рейнметалл? Так он же снаряды делает? Решил заняться и пушками?

— Как видишь. Между прочим выиграл конкурс у Круппа. Герр Крупп так и не смог похоже справиться с прыжками орудия при выстреле. По крайней мере именно об этом мне несколько раз писали мои люди из Трансвааля, куда Крупп поставил несколько батарей своих 120 мм гаубиц. При выстреле на максимальном угле возвышения ствола орудие у буров на тренировках несколько раз даже переворачивалось.

— Затвор интересный, — пробормотал Михаил, крутя одну из фотографий. Перейдя к другой, он удивлённо поднял брови. — А вот перегородка в станине явно не к месту. Как они заряжают гаубицу при больших углах, Александэр? — и поднял глаза на князя.

Агренов пожал плечами:

— Кто из нас артиллерист? Я или ты? Между прочим у нашей 6-дюймовой мортиры лафет в этом месте устроен ещё хуже.

— Это, да, — согласился Михаил, разглядывая следующее фото. — Противооткатные, насколько я понимаю, тоже в лафете. Только не понятно, как устроены.

Несколько минут он рассматривал фотографии. Затем отложил их и задумался, теребя пальцами мочка уха.

— Александэр, насколько я знаю, ты был одним из тех, кто протолкнул в ГАУ идею о размещению противооткатных устройств под стволом для нашей проходящей сейчас испытания трехдюймовки. Здесь же, — Михаил кивнул на лежащие на столе фотографии, — ничего этого и в помине нет. Что ты предлагаешь?

— Если организовать запрос Рейнметаллу от Арткома с просьбой предоставить орудие для испытаний, то в надежде заработать на лицензии вполне возможно доктор Эрхард согласится

привезти в Россию одну из ранних моделей. И у наших конструкторов появится хотя бы исходный материал, с чего начинать. Конструкция на мой непрофессиональный взгляд небезынтересная. А тормоз отката и пружину накатника мои сестрорецкие инженеры вполне способны рассчитать и сделать. Благо опыт уже есть. Остальное за конструкторами-артиллеристами. И ствол подлиннее сделать. Калибров 14–16. А то 6 верст дальности как по мне маловато. У гаубиц есть ещё один плюс применительно к нашей стране. Как ты знаешь, у нас не очень хорошо с изготовлением корпусов стальных снарядов. Здесь же начальная скорость снаряда мала и вероятно, что в качестве материала подойдёт чугун. Может и не рядовой, но подойдёт. А значит с производством корпусов смогут справиться много заводов, которые ранее этим не занимались. Не отвлекая на это заводы Горного ведомства.

— Ну допустим, — Михаил немного помедлил. — И кто по-твоему может сейчас начать работу над гаубицей? Путиловский и Обуховский заняты доводкой своих трехдюймовок. Им не до этого. А Обуховский впридачу ещё и обязали разработкой горной пушки. С ней у них ещё там и конь не валялся. Пермь слаба в этом деле, как и Петербургский орудийный. Кто?

Агренов пожал плечами.

— Начинать все равно нужно. Я готов помочь инженерами любому заводу, который возьмется за эту задачу. Скажем, можно создать совместную группу разработчиков от Арткома, Петербургского и Пермского заводов. Работать можно и в Перми. Славянов готов организовать работу, если потребуется. Он мне в каждом письме рассыпается в благодарностях. Писал, что мой аспириин его будто бы с того света вытащил несколько лет назад. Да и денег он с моей помощью за лицензии он теперь получает немало.

Михаил посидел в задумчивости пару минут. Потом бросил серьёзный взгляд на князя и ответил:

— Хорошо. Я подумаю, что можно сделать. Ты тоже подергай там за ниточки со своей стороны. Но ты прав, раз уж вернулся, начинать стоит. А то наши генералы вопрос о гаубицах могут мусолить ещё несколько лет в размышлениях, а нужно ли это нам или можно обойтись одной трехдюймовкой.

Михаил встал и подошёл к окну.

— М-да, погодка. Ну пойдём, что-ли в тир?

После истребления по паре сотен патронов и спарринга на саблях довольные аристократы расположились в почти пустом ресторане Колизеума, потягивая из высоких стаканов поднесенные им коктейли.

— Слушай, Александэр, — поинтересовалось Его Императорское Высочество, — на тебя Сандро жалуется. Вы ж с ним вроде друзья? Ну уступил бы ты ему эти пушки. На кой чёрт они тебе сдались? Пограничникам вообще вроде бы артиллерия не положена.

— А вот представь, Михаил. Лежали на складах никому не нужные четыре дюжины пушек Барановского. Лежали себе много лет. И никому не были нужны. Армия от них отказалась. В 91-м часть из них хотели установить на амурские пароходы. И даже конструкцию для этого придумали. Но потом по какой-то причине отказались. Пушчонки, конечно, тьфу, слабенькие. Но на Амуре и воевать по-серьёзному не с кем. А вот поугубить местных хунхузов, чтоб сильно не наглели — в самый раз. Пулеметы то пограничникам тоже не положены. Не за свой счёт же мне там было Амурскую стражу вооружать. Так вот в позапрошлом году я про эти орудия как

узнал, так сразу Витте и отписал, чтоб, значит, на ОКПС их забрать, раз они никому не нужны. На Амур, да на Приморье. Сергей Юльевич не отказал, и лапу на орудия с припасом наложил. И осенью двумя судами мне во Владивосток отправил. А в это время Александр Михайлович тоже захотел себе себе два десятка орудий для противодесантной обороны Ляодана. А пушки то уже на ОКПС числятся. Он ко мне обратился. А я что? Я ему их отдать не могу. Они ж не мои личные. Пусть с Витте вопрос решает.

— По-нят-но... — протянул Михаил, — ерунда на пустом месте. А вот теперь серьёзный вопрос! Когда артиллерия начнёт получать твой гренит? Все, что ты сейчас поставляешь, идёт Морскому Министерству. А нам ничего не достается. Пироксилин, конечно, хорош, но ежели влаги переберет...

Агрнев тяжело вздохнул:

— Понимаешь, не простое это дело. Для фабрикации гренита нужны азотная кислота, купоросное масло и сырой бензол. Серной кислоты у меня море. А вот с другими двумя ингредиентами проблема. Весь сырой бензол и азотка, до которых я могу дотянуться, я пускаю в дело. Мало их в стране вырабатывается. Выработку толуола в общем-то можно увеличить, но азотки мне взять все равно пока неоткуда. Если только не покупать у германцев или англичан. Но у них она дороже на треть. А в контракте на поставки гранита забита одна цена. Казна мне азотку поставлять не хочет. Или не может. Ну и завод новый ставить нужно. В общем я готов поставить казне завод по выделке гренита, если на то будет их воля. А дальше... Дальше как решат.

— То есть нужно ставить 3 новых производства? Или покупать за границей...

— Четыре. Ещё разделение сырого бензола на фракции. Причём очень желательно, чтоб это было в разных местах. Гренит — взрывчатка мощная. Не дай Бог что случится. Хотя фабрикацию сырого бензола можно и на частных хозяев возложить. Причём вплоть до законодательного уровня. Например, обязать всех хозяев новых коксовых батарей к постройке батарей определенного вида. Все равно у нас на юге металлургические заводы растут как грибы.

— М-да! Ну допустим. — Михаил задумался. — А если, скажем, Кабинет или Уделы дадут денег на это? Дело то вроде бы доходное. Или нет?

— Я только «за», — отозвался князь, — А брата убедить сможешь?

— Попробую... — в голосе Великого Князя уверенности не чувствовалось. — Но бумаги ты составь. Будет с чем к мамá сначала подойти. А уж потом и с Никки поговорю. Кстати мамá тебя к себе приглашала на 20-е. К пяти часам пополудни.

Михаил достал из карманчика часы.

— О! Мне уже пора. Проводишь?

Сдавая Великого князя на руки его эскорту из казаков, Агрнев получил от ехидно ухмыляющегося Михаила провокационный вопрос:

— Так когда мы на свадьбе его сиятельства гулять будем? Может меня в сваты возьмёшь?

Не найдя, что ответить князь, улыбаясь, только пожал плечами.

Михаил сел за руль, и махнул Агрневу рукой. Казаки на конях взяли автомобиль в коробочку и процессия, набирая ход, начала быстро удаляться.

Февраль 1899

Сергей Юльевич недоуменно уставился на поднос, который держал слуга. На подносе лежала визитка. Вообще-то он давно уже никого не принимал на дому. За исключением тех, которых приглашал сам. А на сегодня он не приглашал никого. И тем не менее слуга почему-то нарушил заведенный порядок. С явным недовольством взяв визитку в руки, министр финансов Российской империи прочитал напечатанный текст. Ах вот оно что! Ну это совсем другое дело. Такого посетителя не грех и встретить.

— Приглашай! И собери что-нибудь лёгкое на стол, — скомандовал Витте прислуге. — И проводи в гостиную.

Через пару минут в гостиную вошёл владелец визитки, мультимиллионер, хозяин заводов, земель, пароходов и прочая и прочая князь Агрнев.

— Добрый вечер, Сергей Юльевич. Извините, что без приглашения, но в силу некоторых обстоятельств я счел возможным вас побеспокоить в неурочное время.

— Ну что вы, Александр Яковлевич! Всегда рад вас видеть. Мне доносили о вашем приезде с Дальнего Востока. И я, если честно, уже подумывал послать вам приглашение, но вы оказались проворнее меня. Сейчас прислуга накроет на стол. Нет, ничего серьёзного. Полагаю вы ко мне не на пять минут минут заскочили.

Пока прислуга споро накрывала на стол, гость с хозяином успели обменяться традиционными любезностями и обсудить некоторые последние новости.

— Ну вот вроде и все. Прошу к столу.

Пригубив неплохое вино, Витте требовательно посмотрел на гостя:

— Итак, Александр Яковлевич, я вас внимательно слушаю.

Князь немного помолчал, видимо решая с чего начать, и заговорил.

— Видите ли, Сергей Юльевич, дело моё непростое. И, не побоюсь сказать, государственное. Проведя несколько лет на Дальнем Востоке, я пришёл к выводу, что наша политика в тех местах с одной стороны страдает излишней поспешностью, а с другой отстает от происходящих там событий. И вдобавок ко всему страдает определённой неуклюжестью.

— Хмм, странное сочетание! Продолжайте, прошу вас.

— Если говорить в целом, то предпринимаемые сейчас попытки переманить к себе Корею опоздали на несколько лет. Похоже корейцы сделали свой выбор и этот выбор, увы, не в нашу пользу. Момент, когда они были готовы сориентироваться на Россию упущен. Причем, что самое обидное, Корея явный сателлит. Японцы оторвали её от Китая, но стать самостоятельной страна не захотела. И теперь она неотвратимо падает в лапы этого молодого восточного хищника. Начавшиеся только недавно попытки с нашей стороны этому помешать, выглядят излишне неуклюжими и запоздалыми. Причём они нервнируют не только японцев, но и англосаксов...

— Позвольте, Александр Яковлевич, мне кажется, что об этом вам лучше было бы поговорить с министром иностранных дел...

— Сергей Юльевич, в это министерство я тоже постараюсь заглянуть. И то, что я сейчас говорю, это просто долгая предыстория вопроса. Постепенно доберемся и до экономики. С вашего разрешения я продолжу?

— Знаете что, пожалуй, мы пройдем в мой кабинет. Так будет удобнее. Ну и захватим со стола кое-что.

Собеседники прихватили бутылку и снедь со стола и переместились в хозяйский кабинет.

— Итак?

— Извольте. Мы несколько опоздали с Кореей. И дальнейшие шаги будут в русле нынешней политики будут вести к столкновению с Японией, к которому мы совершенно не готовы. Я почти убежден, что на сегодняшний день перевести Корею в русло под нашу руку можно только с помощью войны. А нам война сейчас, да и через лет пять-десять, совершенно не нужна. Количество населения нашего Приморья абсолютно не сравнимо с населением японских островов. И при этом мы не имеем устойчивой транспортной магистрали из центра страны к побережью Тихого океана. Как я уже не раз вам сообщал, находясь в тех краях, строящаяся сейчас железная дорога пропускной способностью в три пары поездов в сутки совершенно не способна обеспечить перевозку войск и их снабжения на Тихий Океан в случае начала конфликта.

— КВЖД уже пересчитывают на большую пропускную способность. А насчет Японии... Вы полагаете японцы осмелятся на нас напасть? Мне кажется это не серьезно. Им только с китайцами воевать. А с Россией... Безусловно вероятность такая существует, но я в ней сомневаюсь!

— Не совсем так, Сергей Юльевич. Если бы они территориально находились где-нибудь, на южной границе, типа Турции, то мы могли бы о них и не вспоминать. Но в данном случае им будет противостоять не Россия, а некие экспедиционные части, которые наша страна сможет пропихнуть через игольное ушко железной дороги. Ведь дорога в Забайкалье строится на три пары поездов. Это первое. И второе. Японцы не такие уж и плохие вояки. На суше у них учителя — немцы, на море — англичане. Они учатся у лучших. И при этом японцы по характеру очень упорные и бесстрашные бойцы. До определенной степени. Ну и, в третьих, они могут найти союзника. Англичане не откажутся решить некоторые свои вопросы чужими руками, заработав на этом. Собственно, они всегда так делают, если таковая возможность имеется.

Министр Империи задумчиво покрутил в руках карандаш:

— Ну допустим. Но в данном случае я мало что могу сделать. Изменение характеристик железнодорожного пути — дело долгое. И очень и очень затратное. То есть ваше предложение ведёт к серьезному удорожанию строительства и к его затяжке. А российский бюджет, к сожалению, лишними деньгами не отягощен.

— Я пока ещё ничего не предлагал, Сергей Юльевич. Я пока только начал описывать ситуацию. И далеко не закончил.

— Хорошо, я вас слушаю.

— То, что я сказал только одна часть проблемы. И к сказанному могу добавить разве что одну вещь. Если и когда наступит этот неприятный со всех сторон момент, нам придётся прямо во время военных действий ещё и расширять пропускную способность дороги, везя одновременно с войсками и снабжением ещё и рельсы, шпалы и все такое прочее. То есть впопыхах, мешая прохождению воинских эшелонов и уменьшая тем самым пропускную способность дороги во время войны.

Витте недовольно кивнул. А Агренов продолжил.

— Я понимаю, что предугадать потребную пропускную способность заранее очень трудно. Но ограничиваться тремя парами составов — это путь в никуда. Из всего вышесказанного я делаю вывод, что если мы опоздали с Кореей, то не следует догонять ушедший поезд, а было бы неплохо взять с Японии за Корею некоторые компенсации. Нам не нужно многое. Но в Корее добывается много всяких полезных ископаемых. И было бы неплохо получить к ним некий ограниченный доступ. Особенно к тем, которые нам нужны именно на Дальнем Востоке. Или которых нет или почти нет вообще в России. Если можно при этом расширять своё присутствие на рынках Кореи, насколько это будет возможно в имеющихся условиях, то хорошо. Если нет, ну значит нет. В конце концов нам есть, чем торговать с корейцами. Пусть даже платя повышенную пошлину.

Князь сделал глоток вина и продолжил:

— Перейдем к следующему моменту. Восточнее Нерчинска к нас огромные территории, а постоянного русского населения и ста пятидесяти тысяч наверно не наберется. Нет, когда-то дорога дотянется хотя бы до Нерчинска, поток переселенцев на Амур начнёт расти, но пока я говорю про то, что есть. А есть и другая неприятность. Как говорится, по настоящему новая земля становится нашей только тогда, когда русский мужик начинает её пахать. Вот только земли от Владивостока до Нерчинска, пригодной для земледелия, очень немного. А значит переселенцев на ней много не посадить. Миллион-полтора, плюс те, которые будут заниматься другими делами, не связанными с обработкой земли. А заниматься там есть чем. И через несколько десятков лет может сказаться недостаточность земельных угодий. Возить же продовольствие на миллионы человек на другой конец страны — занятие дорогое.

Витте хмыкнул:

— Скажете тоже. Через несколько десятков лет...

— Отнюдь! В конце концов мы сегодня закладываем фундамент того здания, в котором будут жить наши дети. Так почему бы не построить на совесть? Почему нам нужно серьёзно заселить те края? Ну хотя бы потому, что с той стороны границы живёт полмиллиарда китайцев. И то, что север Маньчжурии — место пока мало населенное, это только пока. Империя Цинь сильно ослабела и маньчжуры уже не могут только старым законом сдерживать миграцию ханьцев на север. Эту плотину прорвет в ближайшее время. Причём это мы сделаем сами. Строительство железной дороги по Маньчжурии привлечет миллионы ханьцев. Они придут и останутся. А на севере от Амура у нас с населением очень негусто.

— Ну вы прям оракул! — усмехнулся Витте. — Кстати, проведение дороги через Маньчжурию есть не только сокращение пути. Но тем самым мы привязываем Маньчжурию к себе. Вместе с населением.

— Знаете, Сергей Юльевич, мои способности предвидеть ситуацию мне никогда не мешали. А совсем даже наоборот, — улыбнулся Агренов, — Если бы в Маньчжурии жили одни маньчжуры

и прочие местные народности, то это было бы весьма кстати. Но увеличивающийся поток ханьцев в те места в том числе и на строительство железной дороги весьма опасен. Китай все-таки страна с много тысячелетней историей. И в то, что она окончательно станет колонией, поделенной несколькими мировыми державами на части, мне верится слабо. Хотя бы потому, что игроков в Китае очень много. Поэтому мне кажется, что Китай ещё может подняться. И тогда Маньчжурия, как территория будет для нас потеряна. Ведь в ней будут проживать к этому моменту десятки миллионов ханьцев. Сравнимое число населения мы туда не сможем переселить. То есть сейчас строя КВЖД, мы тем самым не только привязываем к себе Маньчжурию, но и активно заселяем её китайцами. При этом с заселением русского берега Амура дела обстоят весьма печально. Железнодороги из-за выбора КВЖД в качестве направления к Тихому океану там нет. А Амур в качестве транспортной артерии для массовых переселенцев все-таки подходит слабо.

— М-да... Ну и где же вы видите выход?

Агренив достал из кармана и разложил на столе карту.

— Железная дорога в районе Амура все равно жизненно необходима. Пусть не сейчас. Но после окончания постройки сквозного пути на Владивосток она нужна обязательно. А насчет территории... Взгляните на карту! Вот низовья Сунгари. Местность более менее ровная и подходит для земледелия намного лучше, чем та, что лежит севернее Амура. Кусок весьма немалый. Миллионы на землю посадить можно. Пока это в основном леса, но и на том месте, где мы сейчас находимся не так уж и давно тоже были леса и немного болот. А вот с юга и с запада местность ограничена горами. Невысокими правда, но и не слишком удобными, чтоб по ним передвигаться большими массами народа. И при удобном случае не мешало бы этот кусок постепенно отжать у китайцев. По-хорошему, он им сейчас совсем не нужен. Опять же сделать это можно различными способами. Да хоть в залог взять под обеспечение кредита, который вы им выдали, а за это время заселить туда русского населения. А потом уже поздно будет...

— Вы оригинально мыслите! — опять усмехнулся Витте. — Но чисто теоретически мне идея нравится. Подчеркиваю! Чисто теоретически. Но мне совсем не нравится идея разменять построенную КВЖД на кусок тайги. Что касается железнодорожного пути по Амуру, то он безусловно рассматривался изначально. Но был выбран именно путь через Маньчжурию. Он может быть построен быстрее. Когда теперь возможно будет приступить к постройке Амурской ветки, вам сейчас не даст ответ никто.

— Я и не говорю про настоящее время. Я лишь указываю на крайнюю необходимость этого пути. Но с вашего позволения я вернусь к Маньчжурии. Заняв некоторое время назад Ляодан, мы получили не только незамерзающий порт, к которому ещё нужно строить железную дорогу, что само по себе занятие весьма дорогостоящее, но и долгосрочную головную боль. Фактически мы добровольно взяли на себя защиту севера Китая, не получив взамен никаких обязательств с той стороны. Вернее обязательства со стороны Китая есть, но толку от них никакого, потому как никакой силы он несмотря на размеры и количество населения сейчас не представляет. Что показала война с японцами. При этом мы противопоставили себя Японии, не имея на сегодняшний день каких-либо серьёзных сил в этом регионе. Если будет позволено, я бы сравнил сейчас нас с человеком, который решил утвердиться двумя ногами на двух камнях, расположенных друг от друга больше чем ширина шага. Как бы штаны не порвать при этом...

— Весьма образное сравнение, Александр Яковлевич. Хотя тут я с вами, пожалуй, соглашусь. Но в данном случае не я определяю политику.

— С вашего разрешения я продолжу? Итак, у нас образовались две базы флота. Порт-Артур и Владивосток. И между ними Япония, которая если решится на войну, оказывается в заведомо выигрышной позиции изначально. Флот у нас, получается, разделен на две базы. Объединить мы его не сможем из-за опасения потерять одну из баз. А если не объединять, то наши эскадры можно разбить по частям, даже если наш объединённый флот будет сильнее японского. Даже просто содержать большой флот на Тихом океане очень дорого. У нас ремонтных мощностей там не хватает даже на то, чтобы просто поддерживать техническую готовность кораблей без всякой войны. Корабли у нас ремонтировались на японских верфях. Хотя сейчас кое-что начало меняться с подачи Его Высочества Александра Михайловича.

— Это все мне известно, Александр Яковлевич. У вас есть какие-то предложения?

— Нам нужен мир с Японией хотя бы лет на десять. И при этом было бы неплохо приостановить её кораблестроительную программу. Нам она даже экономически не выгодна.

— Вы просто отчаянный пессимист. Все время пугаете меня войной. По-моему, ваши страхи сильно преувеличены.

— Хотелось бы с вами согласиться, Сергей Юльевич, но не могу. Увы! Японцев с нами просто стравят. Тем более, что заинтересованных в этом сторон аж целых две. Как минимум, Британия и САСШ. Да и Германия не откажется от ситуации, когда мы будем слишком заняты своими восточными делами.

— Вот тут вы, пожалуй, правы, — Витте поднялся со своего места и прошелся по кабинету. На несколько минут в кабинете хозяина повисло молчание.

— У вас есть конкретные предложения? Только учтите, что Государь и его окружение совершенно не разделяют ваши опасения?

Агреев только пожал плечами.

— Я за выступаю за мирное решение. Вполне можно найти компромисс между интересами двух стран. По крайней мере я на это надеюсь.

— М-да. Тут я на вашей стороне, но пока обстоятельства не слишком благоприятствуют нашим желаниям.

Министр ещё раз прошёл по кабинету и вернулся в за свой стол.

— Что-нибудь ещё?

— Пожалуй. Россия строит железную дорогу через Маньчжурию к Порт-Артуру. Если в капитале этой дороги будет значителен вес французов или германцев, то при она обойдётся казне дешевле. А в случае чего наши потери окажутся тоже меньше. Да и посягать на собственность сразу нескольких стран решаться будет сложнее. Хоть мы и не получим части доходов, до которых ещё нужно дожить.

— Возможно это не лишено смысла, — задумчиво пробормотал Витте. — Продолжайте!

— По моим сведениям, в бухте Талиенван намечено строительство нового торгового порта?

— Возможно. И? — Витте требовательно посмотрел на собеседника.

— В случае конфликта с кем угодно в этих местах мы делаем вероятно противнику шикарный подарок. В том случае, конечно, если Порт-Артур остаётся нашей военно-морской базой. Если по каким-то причинам флот окажется заперт в Порт-Артуре или не сможет действовать активно, наши сухопутные войска не смогут удержать перешеек. Их просто перемещают с землёй морским калибром. И противник получит удобный порт для выгрузки у самых ворот Порт-Артура. Порт, который мы сами ему построим.

Министр долго смотрел на Агренева.

— У вас какие-то весьма неприятные прогнозы. Но это нужно как следует обдумать. Хотите добавить ещё что-нибудь?

Князь достал из чемоданчика чёрную папку и вручил её министру.

— Я позволил себе изложить на бумаге некоторые мои мысли. Здесь все, о чем мы говорили и кое какие прочие соображения.

Князь помолчал, как будто раздумывая...

— И знаете, Сергей Юльевич, я не удивляюсь, если через некоторое время в Китае может начаться смута.

Витте вздернул бровь, и с усмешкой спросил:

— И когда же ожидать этого пренеприятнейшего события?

Князь Агренов только пожал плечами:

— Восток — дело тонкое!

Проводив гостя, всесильный министр финансов огромной страны долго сидел в кабинете. И даже выпроводил пришедшую к нему жену. Некоторые мысли этого князя совпадали с его личными. И надо сказать, что таких мыслей и опасений было немало. Однако все-таки странный этот князь. Странный, но определено полезный. Этого не отнять. Все, чем он начинает заниматься, приносит немалую пользу и неплохие деньги. Весьма неплохие. И не только ему. Если же вдруг на Дальнем Востоке и в правду начнётся война, то это принесёт Агреневу огромные барыши на одних только поставках казне. При его то номенклатуре товаров порой далёких от мирной продукции. И тем не менее по его словам он хочет избежать этого. Не думает же он, что может потерять свои многочисленные вложения на Тихом Океане? Иначе бы он их просто не делал. Или, сделав, уже потихоньку начал бы распродавать. Но этого явно нет... Хотя может он считает, что ещё не время? Но вкладывать капиталы то он в те далёкие земли не перестаёт и сейчас... Патриот-идеалист? Хмм! Пожалуй, в нем это есть. Но при этом своего никогда не упустит. Зариться на его компании и прибыли уже давно никто не пытается. Ну кроме крупных иностранных банков и корпораций. При том, что хозяин как бы в отъезде уже несколько лет.

Что ж, то, что князь только что рассказал, следовало как следует обдумать. И насчёт порта Дальнего он возможно прав. Нужно с кем-нибудь из военных переговорить. Из тех, у кого есть голова на плечах.

Витте покряхтел по-стариковски и открыл папку, оставленную посетителем.

— Ну-с, посмотрим...

Середина февраля 1899

Владимир Николаевич Ламсдорф дописал последние строки и поставил точку. Быстро просмотрев написанное, он удовлетворённо кивнул. Вот так будет правильно. А детали распишут его трудолюбивые помощники. Для России сейчас крайне не желателен был рост вооружений на суше. И нужно попытаться его остановить. Потому как большое перевооружение — это огромные деньги, которые желательно бы пустить на более нужные для страны цели. А рост флотов европейских стран — это в первую очередь угроза Британии. Для России же это не особо опасно, тем более флот сейчас и так активно строится. До предстоящей Гаагской конференции оставалось ещё два с лишним месяца, но подготовка к ней сейчас отнимала у графа значительную часть рабочего времени. Мероприятие очень важное и от того, как Россия, инициировавшая её проведение, подготовит и проведёт эту конференцию, многое зависело. Возможная экономия бюджета, возможное повышение престижа страны. Да и личные карьерные успехи Владимира Николаевича волновали не в последнюю очередь. За два года службы на посту товарища министра иностранных дел граф успел показать себя с самой лучшей стороны. И как знать, возможно пост товарища министра ещё не предел его карьеры. В конце концов некоторые выходцы из остзейского дворянства в России забирались на самую вершину властной пирамиды.

Ламсдорф взглянул на напольные часы и отложил в сторону перо. Полдень. Предстоит принять несколько посетителей. Хотя первый из записавшихся сегодня на приём весьма заинтересовал графа. Вот интересно, что понадобилось князю Агрневу, одному из самых богатых людей страны от Министерства иностранных дел. Впрочем, что гадать? Сейчас все и узнаем.

Граф взял в руки колокольчик и позвонил. Через несколько секунд дверь кабинета открылась и на пороге появилась фигура его секретаря.

— Слушаю, ваше высокопревосходительство...

— Вот эти бумаги отнесите помощникам, — Ламсдорф протянул секретарю несколько исписанных листов, — и можете приглашать первого посетителя.

— Слушаюсь, — секретарь взял бумаги и быстро вышел, не до конца прикрыв дверь.

— Ваше сиятельство, — донеслось из приёмной, — прошу, Владимир Николаевич вас ожидает. Пятнадцать минут.

В кабинет вошёл князь Агрнев. Хоть вроде бы и не военный, но выправка в нем чувствуется, мельком оценил Ламсдорф. Знакомы они почти не были. Разве что представлены друг другу на Новогоднем балу. После взаимных приветствий князь расположился на стуле напротив.

— Итак, Александр Яковлевич, что же привело вас ко мне?

Князь достал из небольшого принесенного с собой чемоданчика две тонких папки и передал одну из них товарищу министра.

— Как вы возможно знаете, Владимир Николаевич, я несколько лет по служебным делам провёл на Дальнем Востоке. В этой папке я набросал некоторые свои наблюдения и соображения по поводу положения дел в тех местах, каковыми они мне представляются. И изложил некоторые предложения, кои на мой взгляд могут быть полезны для укрепления наших позиций в данном регионе. Надеюсь, вы найдёте время ознакомиться с моим взглядом

на происходящее там...

Ламсдорф принял папку, ознакомился с объемом написанного и кивнул.

— Хорошо, я посмотрю, Александр Яковлевич. Но вы ведь не только за этим записались ко мне на приём? — граф требовательно посмотрел на посетителя.

— Несомненно, Владимир Николаевич, — князь Агренов немного помедлил и продолжил, — я задумал в Персии в районе Персидского залива одно предприятие. На мой взгляд оно будет весьма полезным не только мне, но и нашему государству. Надеюсь, что министерство иностранных дел заинтересуется данным проектом и поможет мне его осуществить. Прошу вас ознакомиться! — князь передал Ламсдорфу совсем тонкую папку.

— Как вы знаете, — продолжил он, — устье реки Шат-эль-араб является перекрестком торговых путей Ближнего Востока. Однако русский капитал в тех местах представлен весьма слабо в противоположность британскому. А согласно германским планам строительства железной дороги Истамбул — Багдад, в тех местах скоро могут утвердиться и германцы. На восток от реки расположена территория Персии, с которой у нас весьма хорошие отношения. И я бы хотел получить вот в этих трех юго-западных провинциях концессию или лучше монополию на поиск и добычу нефти. А также право на постройку порта на персидской территории и ряда торговых представительств. Насколько я знаю, подобные проекты уже пытались осуществить британцы, но у них это не вышло из-за противодействия России. Мое же начинание более скромное, поэтому тщу себя надеждой, что оно может получиться.

Ламсдорф просмотрел написанное.

— Так, монополия на поиск нефти и нефтяного газа... извещение правительства шаха об иных найденных полезных ископаемых, приоритетное право на разработку иных кроме нефти, если таковые будут найдены компанией, право, угу только право на постройку портовых сооружений, железных дорог и трубопроводов, линий телеграфной связи!.. Организация торговых домов...

— Александр Яковлевич, вы серьёзно надеетесь найти там нефть? И я пока не очень вижу в чем тут интерес правительства...

— Честно говоря на нефть я не слишком рассчитываю, Владимир Николаевич. Британцы ищут нефть в Персии уже не один год, и пока ничего не нашли. Хотя если она будет найдена, то это просто шикарное место поблизости от такого крупного рынка сбыта как Индия. Поэтому изначально я рассчитываю на торговлю.

— Тогда я не очень понимаю..., — засомневался граф, — зачем вся эта история с нефтью, железными дорогами и прочим? Зачем платить за концессию аж на 50 лет и прочее?

— Владимир Николаевич, вы не дочитали до конца, — напомнил Агренов.

— Хорошо..., — и Ламсдорф продолжил чтение. — Так, возможность подключения к делу сторонних контрагентов и партнеров, организация охраны предприятий из русских и персидских подданных, организация торговой и портовой стражи, использование подданных России в качестве рабочей силы на строительстве... ТАК! Охрана, рабочая сила? Уж не собираетесь ли вы...?

Князь улыбнулся.

— Вы все верно подметили, Владимир Николаевич. Я, — Агренов голосом выделил это слово, — не собираюсь. Но если правительству будет нужно, то оно вполне может организовать достаточную ОХРАНУ, скажем, из казаков или прочих военнослужащих на вполне законных основаниях, которые будут изначально прописаны в договоре. Под видом упомянутых структур. Вплоть до того, что именно охрана будет определять на этой территории некоторые порядки...

— Хмм! Экий вы однако выдумщик, князь! — граф попытался быстро прикинуть в уме все плюсы и минусы подобного расклада. Заманчиво, конечно. Но проблемы, к сожалению, очень даже возможны. Британцам очень не понравится такое соседство.

— То есть нефть и прочее вы искать не собираетесь?

— Собираюсь. Но на первых порах, пока не удастся как следует закрепиться в тех местах, особо в этом усердствовать не буду. Что же касается чисто торговых дел, то я успел уже переговорить с рядом наших купцов, и они заинтересовались открытием дел в тех местах. Думаю, найдётся ещё немало желающих. А вместе зачинать дело всегда проще. Все-таки сосредоточие торговых путей Ближнего Востока, а значит рынок там достаточно емкий.

Ламсдорф в раздумьях постучал пальцами по столу. Предложение определённо было интересное. Хотя в части организации так называемой охраны весьма рискованное. Но ведь можно и не доводить до введения туда войск. И тогда это чистая коммерция. А что она не понравится британцам, так это их проблемы. Они и так все южное побережье залива под себя подмяли. А вот если нефть и вправду найдётся, то присутствие войск там будет необходимо и понятно. Не булыжники поди охранять будут. Вот только сухопутная связь с теми местами аховая, а на море правят бал британцы. Да и Вильгельм II намеревается туда влезть. Но ведь не поднимать же руки из-за этого. На крайний случай этот князь просто проиграет в деньгах и все. А государство просто будет не причём. Хотя он то вряд ли проиграет. Особенно если нефть найдёт. И тогда прибыль может выйти ого-го!

Граф бросил взгляд на спокойно сидящего напротив Агренева.

— Я надеюсь, вы понимаете, что предприятие несколько рискованное? Железная дорога в Персии, на которую наше правительство взяло концессию, пока до сих пор не начата строительством. И будет ли начата, неизвестно. А морем... — Ламсдорф не закончил фразу.

— Конечно. Иначе бы я и не пришёл к вам, — невозмутимо ответил князь.

— Хорошо, князь. Я переговорю с кое-кем, — Владимир Николаевич намекнул на самые верха. — Обещать я тут ничего не могу. Впрочем, не думаю, что коммерческая часть вашего предложения встретит возражения. Но тогда это будет только ваш риск.

— Буду вам очень признателен. И тоже попробую ещё переговорить кое с кем, — миллионер улыбнулся с некоторым намеком. — Рад был нашей встрече, граф!

— Взаимно, князь, взаимно. Я извещу вас о результате. Но сомневаюсь, что он будет скорым.

Аристократы поднялись со своих мест, прощаясь. Ламсдорф даже проводил Агренева до дверей. Когда же посетитель ушёл, Владимир Николаевич ещё минут пять сидел в своём кресле и размышлял. Уж больно все было неоднозначно.

— Ладно, — решил граф, — над этим можно подумать и позже. А сейчас следующий посетитель...

В это время князь Агренов вышел на улицу. Навстречу ему пронеслась галдящая и размахивающая руками группа молодых людей. Явные студенты. Князь вздохнул. Бузят студенты. Молодежь, блин! Даже Санкт-Петербургский Университет пришлось временно закрыть. Как бы до Москвы буза не дошла. Терять будущих спецов его Политеха из-за их молодых горячих голов Александру совсем не хотелось. Слишком в них много вложено. И слишком на них большие планы возлагаются. Придётся ехать в Москву и пытаться удержать особо ретивых от никому не нужного и глупого шага. Не настолько пока искусны пока его пропагандисты, чтоб достучаться до каждого. Ещё пару дней визитов и нужно будет ехать.

Александр сел в автомобиль и кинул водителю, — Домой!

— А вот кстати, — подумал он, — кого-то явно выставят на улицу или даже вышлют из столицы. Пожалуй, стоит попытаться прибрать этих молодых людей к себе. С практических факультетов, начиная этак с курса третьего. Может чего и выйдет из некоторых... Надо будет с Гореновым посоветоваться.

Февраль 1899

Поздним февральским утром автомобиль князя марки АМО после предъявления пропусков въехал на территорию завода, на котором это авто и появилось на свет. У заводоуправления автомобиль остановился. Перед самим зданием в шеренгу были выстроены грузовики и легковые авто. Видимо серийная продукция завода. Александр пришёлся вдоль строя.

М-да! Жуткое ретро! Впрочем на данный момент это лучшее, что производилось в стране. А может даже и в мире. Зато какой простор для совершенствования формы и содержания. Вот только ощущения при пользовании легковой Волгой были далеки от когда-то привычных. Впрочем, это опять же дело привычки. Стерпится — слюбится.

На крыльцо заводоуправления выскочил Луцкой в накинутом на плечи меховом пальто.

— Александр Яковлевич, здравствуйте! Позвольте Вас поздравить с возвращением! Пойдёмте в тепло. Карл сейчас подойдёт.

— И вам добрый день, Борис Григорьевич! Я тут глянул мельком. Это все наша серийная продукция?

— Да, но лучше, если Карл будет её представлять.

Они поднялись на второй этаж и вошли в просторный кабинет. За светским разговором прошло минут десять и, наконец, появился и сам главный конструктор отечественных автомобилей вместе с директором завода Степановым. Взаимные приветствия много времени не заняли и четыре больших начальника наконец расселись за большим Т-образным столом. Вводная часть общего доклада закончилась быстро.

— Таким образом, в прошлом году наш завод выпустил 185 легковых автомобилей с различными кузовами и 39 грузовых грузоподъёмностью 1.5 и 3 тонны. Из легковых почти половина поставлена в Европу. Грузовых мы туда пока не поставляли. Также за границу поставлено 35 легковых шасси для иностранных небольших заводов под сборку ими в их собственных кузовах. Сборка осуществлялась на пяти стендах в двух цехах. Отдельно грузовые и отдельно легковые. В этом году добавлено ещё два стенда легковых и один для грузовых. Планируем выпустить на этот год до 400 легковых автомобилей и до 50 шасси для сторонних заказчиков. Заказов на грузовые на этот год около 50. Кроме этого есть совместная работа завода с заводом Густава Листа по пожарному автомобилю. Она ещё не закончена. Поэтому

пока о их выпуске говорить несколько преждевременно. Хотя перспективы мне представляются весьма неплохими. Также есть интерес со стороны пивоваренных компаний к бочке на шасси трёхтонного автомобиля. В течении недели смежники должны поставить нам саму бочку для установки на шасси. И можно будет представлять образец. Каким будет возможный спрос, я пока не берусь сказать. Все-таки техническая грамотность в народе оставляет желать лучшего. Поэтому и спрос на грузовики пока очень невелик. Две трети выпуска грузовиков идёт другим вашим заводам. Хотя мы и предоставляем покупателям такую услугу как обучение водителей и механиков. Есть некоторые проблемы с производством, но мы их оперативно решаем. При заводе имеется вечерняя школа, в которой мы обучаем рабочих технической грамоте. Через неё же проходят ускоренным курсом новички, чтоб впоследствии пройти полный курс. Что касается отдельных моделей и моторов, то об этом лучше расскажут мои коллеги, — закончил доклад директор.

Бенц уже было хотел начать, но Александр остановил его жестом:

— Карл Фридрихович, при осмотре автомобилей перед заводоуправлением мне бросилось в глаза одна деталь. Шины. Не подскажете, почему решено было отступить от ранее намеченных вариантов?

Бенц открыто улыбнулся:

— Видите ли, Александр Яковлевич, история с шинами для легковым авто выглядит анекдотичной, но тем не менее это факт. Основным транспортом являются сейчас лошади, запряженные в разного вида повозки. Лошади имеют подковы, из которые периодически теряются гвозди. Гвоздей на дорогах столько, что весьма часты случаи прокола колёс. И чем шире колесо, тем больше вероятность прокола. Кроме того водители обычно не рискуют превышать скорость в 30–35 верст в час при езде даже по свободной дороге. Изначально мы делали широкую шину для легковых автомобилей с целью уменьшить тормозной путь. Но поскольку мало, кто рискует ездить быстро, а также из-за обилия гвоздей на дорогах мы решили сузить шины. И я считаю это правильным.

Александр хмыкнул. Даааа! Такой причины он представить себе не мог. Действительно, дворники убирают лошадиные яблоки на улицах, но кто целенаправленно будет убирать с них гвозди? Это ж никому не нужно.

— А с грузовиками какова причина? — поинтересовался Александр.

— Здесь проблема, к сожалению, техническая. Выдержать в серии грузовую шину с камерой пока не получается. Мы обращались на «Треугольник» и на «Богатырь». Консультировались также с французским «Мишленом». К сожалению, пока результат неважный. Нам обещали поработать над конструкцией шины, но сказали, что вероятно проблема в составе резины. Нужен подбор специального состава. Поэтому пока грузовики идут у нас с полнотелой шиной средней ширины. Из-за этого мы были вынуждены несколько снизить максимальную скорость у обеих моделей. Ездить превышая 15 верст в час на нынешних шинах по брусчатке и по грунтовой дороге весьма некомфортно. А асфальтовых дорог сейчас очень мало. Да и на них встречаются ямы. Так что к сожалению оба варианта являются вынужденной мерой.

— М-да! Не было печали... — проворчал князь. — Что у нас ещё ... гхмм... неожиданного?

— Больше ничего подобного, — вмешался Луцкой. Он взглянул на Бенца. Тот кивнул в ответ.

— По моделям мы вам о каждой расскажем при осмотре на улице и в цехах, — продолжил Луцкой. Я же сейчас остановлюсь только на своих двигателях. Двигатели на легковых моделях

двух и четырёхцилиндровые. По сравнению с временем вашего отъезда нам удалось их существенно доработать. Возросла надёжность и на треть мощность. Хотя из осторожности мало, кто использует всю мощность двигателя. На грузовой полуторке стоит та же четверка, что и на легковых моделях. На трехтонке — двигатель другой. Тоже четырёхцилиндровый, но большего объема. Этот двигатель пока выпускается в Сестрорецке. Вы вероятно видели его там в цехах. Сейчас мы начали работу над пятитонной моделью. Двигатель под неё уже разработан, но пока не выпускается. Сделана только пробная партия из пяти штук для разработки самого грузовика. Обе модели двигателей поставляются также сторонним покупателям для привода различных механизмов. Так что моторов мы сейчас выпускаем в разы больше, чем делаем автомобилей и шасси. И спрос на них только растёт. Большое количество продаём за границу в том числе и для автомобилей других фирм. К сожалению, есть проблемы из-за малого количества высоко квалифицированных мастеров и рабочих. Брак имеет место. Нужны ещё хорошо обученные люди. Не те, которых выпускают наши ускоренные курсы. Если нам удастся решить эту проблему, то и выпуск моторов можно существенно увеличить, — и он выжидательно посмотрел на своего нанимателя.

— Борис Григорьевич, я с Дальнего Востока вам рабочих не привёз. Их там почти вообще нет. По крайней мере нужной вам квалификации. Растите сами, ищите в наших учебных заведениях, требуйте с наших юристов, сманивайте наконец. Что я вам ещё могу посоветовать? У меня каждый управляющий и каждый главный инженер просит опытный персонал. Я конечно помогу, чем могу, но основное вам придётся делать самим. Все мои предприятия увеличивают выпуск продукции. И всем нужны кадры. Вот мой вам ответ, — Агрнев строго обвел глазами присутствующую тройку автомобилестроителей.

— Надеюсь это ясно!? А если так, то давайте пройдемся по цехам.

Александр поднялся из-за стола.

А затем была экскурсия по заводу. Несколько отдельных моментов он смог подсказать этим пионерам автомобиле и моторостроения. Мелкие нюансы, но они могут позволить увеличить выпуск при неизменном персонале. Свежий взгляд на проблему. Только и всего.

Уезжал с завода он в приподнятом настроении. Завод явно встал на ноги и готов развиваться и дальше. А это главное.

Конец февраля 1899 года

— Что ж, господа, хвалитесь! — произнёс князь обступившим его инженерам. — Знаю, что вы хорошо потрудились, но хотелось бы воочию увидеть то, над чем вы работали эти годы.

— Попрошу сюда, Александр Яковлевич, — инженер Кузьминский подвел князя к большому сборочному стенду с лежащей на нем паровой турбиной. — Вот наша красавица! Почти тысячу лошадиных сил. Причём замечу, это уже третья промышленная. Эта поедет на Кыштымский медный завод, — и он ласково погладил обшивку собираемого агрегата.

— Первую опытную мы сделали ещё в 96-м. Она, кстати, тут недалеко работает. Но там всего на 300 лошадей. А эта уже можно сказать серийная. Где-то через месяца два оборудуем ещё одно сборочное место и она станет полностью серийной.

— А где ж генератор?

— Генератор мы больше сюда с Перми не возим. Смысла нет. В соседнем цеху поставили

испытательный стенд, там есть и генератор. А штатный уже на месте устанавливаем на вал, центрируем, ну и так далее.

Агренов обошел стенд.

— Молодцы! Что сказать, просто молодцы! Надеюсь с премией вас не обидели? — усмехнулся он.

— Не извольте беспокоиться, Ваше сиятельство. Всех поощрили честь по чести.

— А мощнее проекты есть?

— Есть, как не быть, Александр Яковлевич. Следующий шаг — это турбина на 2.5 тысячи лошадиных сил. Но в металле пока есть только единичные детали. Нужны специальные станки. Что-то заказали у швейцарцев, что то нам соседи общались сделать. Там ведь как... Заказанное нами оборудование позволит в будущем изготавливать на нем турбины до 5–6 тысяч лошадиных сил. А может и больше. Но это дело весьма отдаленного будущего. Но мы заказали с запасом. На перспективу. А так у нас сейчас заказов на полтора десятка турбин этой мощности уже есть. Причём все внутренние. Сонин пока извне заказы не берет, хотя, как говорят, уже желающие имеются.

— Ну что ж, господа, порадовали, так порадовали. Спасибо вам огромное! Доброе дело вы сделали, — Агренов по очереди пожал руки инженерам и мастерам.

— Ваше сиятельство, дозволейте обратиться! — подошедший сотрудник внутренней охраны вытянулся в струнку. — Господин Сонин просил передать, что начальники заводов собрались. Просит вас прибыть. Ждут-с! Позвольте сопроводить?

— Так, господа, я не прощаюсь, потом я к вам ещё загляну, — обратился князь к инженерам турбинного цеха. И повернувшись к охраннику, молвил:

— Ну веди, братец, веди.

На улице мела февральская подземка. Впрочем после амурских погод подмосковный февраль выглядел не слишком морозным.

Там же. На следующий день

— А есть ещё что-нибудь из новинок? — спросил Агренов начальника опытного цеха, откладывая в сторону револьвер под 4,2 линии с несколько укороченным стволом.

— Есть, ваше сиятельство. — Оружейник открыл большой металлический шкаф, повозился в нем и достал что-то продолговатое, завернутое в тряпицу. Развернул. На свет показался короткий карабин. Даже весьма короткий.

— Под патрон 7,62×25. На семь патронов. Дальность стрельбы метров 300. Работа Мосина. Браунинг, как увидел, долго языком цокал. А потом назвал гениальной халтурой. Максимально простой и дешёвый. Произвести все можно и в обычной мастерской. Кроме ствола. Пострелял он из карабина, потом я. Не винтарь, конечно. Но поворотистый. Для леса может пойдёт, для зарослей, да для забавы. А вечером Джон ко мне подошёл и говорит:

— Ты, Петрович, эту вещь убери и никому не показывай. Нехорошая это вещь. Вот князь приедет, ему на суд отдашь. Пусть сам решает, что с ней делать.

Я потом карабин этот пару раз доставал, да кумекал над ним. Думаю он и в два раза более мощный патрон потянет. Но у нас такого нет.

Середина марта 1899 года

Генерал в очередной раз позвонил в колокольчик.

— Хусейн, засранец, где мой утренний кофе!?

В комнату вбежал слегка запыхавшийся слуга с подносом.

— Вот, мой господин. Не извольте гневаться. Хусейн всегда к вашим услугам.

— Где тебя дьявол носит? — продолжал возмущаться генерал, наливая себе кофе в чашку. — Пошёл прочь, и принеси мне мой новый френч!

— Слушаюсь, господин! — слуга попятился обратно к двери.

Затворив за собой дверь, слуга задом подпер стену и вознёс молитву Аллаху. Краткую молитву.

За дверью по мраморному полу, упав, зазвенела, чайная ложка. Разбилась чашка. Потом упало что-то грузное.

Хусейн приоткрыл немного дверь и заглянул внутрь. Увиденное его удовлетворило. Пробормотав что-то про нечистую собаку, египтянин прошёл через несколько комнат, вышел на улицу и засеменял куда-то в направлении базара. Сегодня он станет богатым. Солдаты караула не обратили на слугу никакого внимания.

Генерал Китченер лежал в халате на полу гостиной в лужице кофе. Таким генерала нашёл его ординарец, вернувшийся из отгула.

У Британии много...

Середина марта 1899 года

Агрнев подошёл к окну. Московская улица жила своей обычной жизнью. По своим делам спешили люди с поднятыми воротниками, проезжали повозки. Однако в эту жизнь метель внесла определённые коррективы. Столбик термометра за окном также не радовал.

М-да, пришел марток, одевай сто порток. Или сорок? Впрочем какая разница? Брр! Что-то совсем не хочется куда-то ехать. Впрочем, если так подумать, то и не обязательно куда-то сегодня ехать. На дне тяжелого засыпного металлического сейфа лежала красная папка, содержащая отчёт аналитического центра об экономической ситуации в стране. Труд не слишком толстый, но важность его была совсем не в толщине. Отчёт содержал вероятный приговор экономике — в ближайшие 6 месяцев вероятно начало экономического кризиса. За ночь прочитанная информация переварилась на подкорке и князь был согласен с имеющимся выводом. Да, кризис возможен. И следовало обдумать первоочередные меры, чтобы лучше подготовиться к неотвратимому. Нет, пока все выглядело просто замечательно и почти никто не придавал особого значения некоторым фактам и фактикам. Но вот если их сложить и проследить некоторые тенденции, то выходило уже не все так радужно. А совсем даже наоборот. Особенно если прекратится подпитка экономики дешевыми кредитами из-за границы.

Конец марта 1899 года

Фрейлина открыла дверь в покои Императрицы.

— Прощу вас, князь, её Императорское Величество Вас ожидает.

Агреньев сделал несколько шагов. За спиной почти бесшумно затворилась дверь. В зале за небольшим столиком сидела вдовствующая Императрица и что-то писала. Полминуты спустя Дагмара окончила своё письмо, развернулась к ожидающему посетителю и улыбнулась.

— Здравствуйте князь, рада Вас видеть. Вы про нас похоже совсем забыли на своём Дальнем Востоке.

— Здравствуйте Ваше Императорское Величество! — князь поклонился. — Ну что вы, я всегда к Вашим услугам.

— Не будьте таким официальным, Александр. Вы не на официальном приёме. Обращайтесь ко мне по имени отчеству. И присаживайтесь вот сюда, — она указала на стоящий рядом небольшой диванчик.

— Как вам будет угодно, Ва... Мария Федоровна, — Агреньев проследовал на указанное место и присел.

Императрица внимательно посмотрела на князя, собираясь с мыслями.

— За время Вашего отсутствия, Александр, произошло много всяких событий. Но я бы хотела поговорить с Вами вот о чем. В своё время вы подсказали мне весьма оригинальную, хоть и не бесспорную мысль об организации игровой зоны в Крыму. И финансирования за счёт доходов от этого предприятия народного образования. Вы наверняка знаете, что идея оказалась достаточно плодотворной, хоть ваши люди последнее время и не участвовали в управлении этим предприятием. Нашлись, — она слегка ухмыльнулась, — и более высокопоставленные особы, которые взяли управление в свои руки. Как вы понимаете, раз такое произошло, то дело стало приносить очень недурные доходы. И доходы только растут. Кроме того я с удовольствием посетила организованный Вами в Москве Политехнический Институт. Увиденное мной меня весьма удивило и обрадовало, после чего я взяла над ним некоторым образом шефство. Все это вы знаете. Обе задумки ваши удалась как нельзя лучше. Как в виде идеи, так и в виде исполнения. В котором несмотря на собственное временное отсутствие вы явно приняли непосредственное участие. И мне хотелось бы вам задать вопрос. Не хотите ли вы принять участие в организации ещё пары высших учебных заведений, в коих несомненно имеется нужда?

— Благодарю, Мария Федоровна, за столь лестную похвалу. — князь почтительно наклонил голову. — И, да, подобные мысли у меня есть. России определено не хватает собственных инженерных и прочих кадров. Увы, но мне с этим дефицитом приходится постоянно сталкиваться при организации новых предприятий. Но, к сожалению, хоть я и достаточно богат, но позволить себе за собственный счёт построить ещё один институт..., — князь в огорчении развел руками. — Тем более он у меня как бы не один.

Императрица нервно дернула рукой.

— Князь, оставим пока разговоры о деньгах. В конце концов крымское казино организовывали именно для того, чтоб найти деньги на образование. В том числе и высшее. И деньги эти стали

поступать. Мне бы хотелось узнать Ваше мнение по поводу первоочередности организации новых учебных заведений.

Агренив на секунду даже растерялся. В кои это веки Высшая власть готова с ним советоваться. Но заминка вышла почти незаметная.

— Если вопрос ставить таким образом, Ваше...

Императрица бросила на князя быстрый властный взгляд, и Агренив поперхнулся. А затем поправился:

— ... Мария Федоровна, то я бы выделил несколько первоочередных направлений. Это педагогическое, инженерное, геологическое, химическое и сельскохозяйственное. Если будет позволено...

— Будет! — с нажимом прервала его Дагмара. — И оставьте этот придворный этикет. В данном случае перед собой вы видите перед собой единомышленника ... в определённом смысле.

— Хорошо! — князь собрался с мыслями и продолжил. — О необходимости педагогического института особо распространяться, думаю, не нужно, — и заметив кивок Императрицы продолжил, — Инженеров в стране не хватает категорически. Причём разных и давно. Так же как геологов и химиков. Из-за недостатка последних, несмотря на вроде бы достаточно сильную отечественную школу, наша химическая промышленность слабо развита. И в ней главенствуют немецкие филиалы германских фабрик и заводов. Ваш покорный слуга предпринял некоторые усилия по организации заводов в этом направлении, и сразу же столкнулся с нехваткой специалистов с химическим образованием. Что же касается сельского хозяйства, то агрономов стране нужно столько, что я и боюсь представить... Но поскольку денег на все эти проекты даже у казны может не хватить, — Агренив посмотрел на Императрицу. Но не дождавшись какого-либо ответа на свой намёк, продолжил, — то вероятно следует действовать следующим образом. Во-первых, не организовывать сельскохозяйственный и педагогический институты с нуля, а сделать таковые не в столицах, а как факультеты при Харьковском и Казанском университетах. Инженерный и химический также объединить под одной крышей и сделать их не ранга университета или института, а чуть ниже. Как ИМТУ. Особо отличившихся можно было бы принимать на учёбу в университеты, скажем, на третий курс. А остальные будут практиками, готовыми работать на существующих или новых производствах. Геологический институт я бы рекомендовал организовать на Урале. В Екатеринбурге.

— Александр, — удивилась Императрица, — Екатеринбург даже не губернский город. И вы полагаете...

— Да, это так, Мария Федоровна, город небольшой. Но у него есть несомненное преимущество. Геологию в тех местах можно изучать прямо на окраинах города и вживую. Нашим же столичным специалистам и студентам о таком не приходится и мечтать. Да, те же пермяки будут при случае тянуть одеяло на себя, но, поверьте, лучше города в этом плане не найти. Богатство минералов в тех местах просто огромно. Возвращаясь к инженерному и химическому отделениям, я бы тоже рекомендовал организовывать их не в столицах, а в одном из крупных губернских городов. Скажем, в Нижнем Новгороде или Воронеже.

Императрица встала, махнула рукой, усаживая вскочившего Агренива на место, и прошлась по комнате.

— Что ж, князь, у вас как всегда весьма оригинальные идеи. Их стоит обдумать. Да! К

сожалению, как вы понимаете, создавать все эти институты придётся по очереди по понятной вам причине, но...

Она остановилась посреди комнаты.

— Но сначала нужно все как следует обдумать. Александр, у вас есть опыт по созданию новых заведений. Вы готовы мне помочь?

— Если это будет в моих силах, — Агрнев поднялся и с достоинством поклонился.

— Хорошо! — Дагмара вернулась на своё место. — Я извещу вас, когда придёт время.

Дагмара немного помолчала, что-то обдумывая.

— Александр, насколько я знаю, на Дальнем Востоке вы активно интересовались рыбодобычей. Вы намерены развивать это дело, или по возвращении оттуда ваш интерес приобретает иное направление?

— Хмм, — подумал Агрнев, — сейчас мне будут сватать датских корабелов. Впрочем, почему бы и нет?

— Да, Мария Федоровна, таковой интерес определённо был. И не побоюсь сказать, что мне удалось достичь в этом некоторых успехов. Обилие рыбы в тамошних водах поразительно. И только малочисленность местного населения и некоторые проблемы со сбытом мешали мне развернуться там ещё шире. Что касается планов..., — князь немного помедлил, — то, пожалуй, таковые действительно имеются. По моему мнению, перспективы расширения рыбодобычи на Севере Архангельской губернии весьма неплохи. Однако не скажу, чтобы эти планы были первоочередными. Я достаточно долго пробыл на Дальнем Востоке и мне нужно в первую очередь заняться местными делами. Так что вряд ли я смогу заняться организацией правильного рыболовства в северных водах раньше чем через год-полтора. Опять же нужно собрать сведения о людях, которым можно доверить это непростое, но, надеюсь, достаточно прибыльное дело.

— Что ж, я не ошиблась в своих предположениях, — улыбнулась Императрица. — Знаете князь, мои добрые друзья в Дании имеют большой опыт как в рыбодобыче, как и в постройке рыболовных судов. Если и когда вы надумаете, обратитесь вот к этому человеку.

Она быстро набросала на листке бумаги пару строк и отдала его Агрневу.

— Думаю он сможет вам помочь. Барон Фредерикс весьма сведущ в этих делах, да и при необходимости сможет свести вас с другими полезными людьми.

— Благодарю, Мария Федоровна. При случае не премину воспользоваться вашим советом. Сведущие в деле люди мне всегда нужны. И на том же Дальнем Востоке я бы не отказался от нескольких сотен датских рыбаков, если кто-то надумает переселиться в столь дальние пределы Империи. Поверьте, я с радостью найду применение их талантам, особенно если они не будут особо привередливы к временному отсутствию некоторых благ цивилизации.

— Хмм, неожиданный запрос! — заметила Дагмара, — хорошо, я поинтересуюсь этим вопросом, если вы мне подадите соответствующую бумагу. И подробно обрисуете условия, в которых окажутся эти люди. Но ничего обещать не могу. А вы не пробовали набирать рыбаков среди чухонцев?

— Благодарю, Ваше Императорское Величество! Думаю, что данное прошение я смогу передать вам не следующей неделе. Что же говорить о рыбаках с нашего балтийского побережья, то мои люди активно занимаются рекрутингом среди этих людей. И надо сказать, что те же финны очень неплохо приживаются в Приморье. Однако, к сожалению, познаниями в прогрессивных способах лова никто из них похвастаться не может. Также никто из них не занимался китобойным промыслом. Именно поэтому мне и нужны датчане и норвежцы.

— Хорошо, Александр Яковлевич, вы были услышаны, — ответила Императрица, подавая знак, что аудиенция окончена. — Да, и насколько я знаю, с вами хотел поговорить мой младший сын. Была рада вас видеть!

Первое апреля 1899 года

— Знакомьтесь, — Карпинский Павел Михайлович, управляющий нашим Кыштымским горным округом. За три года на своём посту показал себя отличным организатором и специалистом, — Сонин представил Агрневу крепкого усатого мужчину.

— Рад знакомству, ваше сиятельство, — рука у горного инженера оказалась твердой и сильной.

— Без чинов, Павел Михайлович, просто Александр Яковлевич. Заочно мы с вами неплохо знакомы, а вот теперь и воочию. Нам ещё с вами долго работать. Если вы, конечно, не против.

— Ну что вы, Александр Яковлевич, своей работой я очень даже доволен. Хозяйство, конечно, большое и временами хлопотное. Но чрезвычайно интересное. Да и помощников из молодёжи хватает.

— Вы случайно не родственник Александру Петровичу, — спросил Агрнев, дабы соблюсти приличия, хотя и так знал ответ.

— Родственник, но не близкий. Раньше мы мало контактировали, а как перешёл к вам на работу в Кыштым, частенько доводится с ним встречаться и переписываться.

Присутствующие расселись по креслам.

— Что ж, — продолжил князь, — поговорим о делах. Павел Михайлович, я хотел бы услышать ваше мнение о ситуации с угольным бассейном на юге от Челябинска.

Карпинский хитро улыбнулся в усы.

— Угольная лихорадка в полном разгаре, Александр Яковлевич. Но благодаря случаю или вашему гениальному предвидению большая часть самых перспективных, а также близких к самому городу участков оказалось либо получено от казны за выполненный для неё контракт, либо скуплено или арендовано на долгий срок у местного населения. Конечно, наверняка найдутся и другие участки, но скорее всего они будут значительно удалены от города и железной дороги. Собственно сейчас тут в меньших масштабах происходит то, что происходило в Кривом Роге и Донбассе. Покупатели и перекупщики оперируют суммами в десятки и сотни тысяч рублей за перспективный участок. Жаль только уголь почти исключительно только бурый. Я бы предпочел иметь дело с коксующимся или антрацитом, но чего нет того нет. В связи с полученными указаниями мы дюжину имеющихся участков особенно взятых в аренду продали с огромной прибылью. В моих отчетах все это отражено и на подходе ещё две сделки общей суммой в 600 тысяч рублей. Один из покупателей — французская компания. И до сюда добрались французики. Крупный долгосрочный контракт с Министерством путей сообщения на поставки угля железной дороге заключён ещё полгода назад. Сейчас у нас работают четыре

шахты, выдавая на гора все увеличивающееся количество угля.

— А по пласту угля неглубокого залегания что скажете?

— О! У меня нет слов, Александр Яковлевич. Уникальное явление, просто уникальное! Почти сто сажен сплошного угля единым слоем. И не менее полверсты в длину. Причем работы по выявлению и оконтуриванию его границ ещё не закончены. Все это богатство расположено на ваших землях. Я такого вообще не припомню. Я, конечно, как уже говорил, предпочел бы каменный уголь для предприятий горного округа, но и от бурого тоже не откажусь. Да и никто от такого богатства не откажется, — улыбнулся горный инженер.

— Закладывать шахты для добычи даже не вижу смысла, — продолжил он, — Это месторождение нужно разрабатывать разносками. Выйдет в итоге в два раза дешевле, чем сейчас добыча в шахтах. Да, изначально придётся серьёзно вложиться во вскрытие пласта, но потом конкурентов по цене у вас просто не будет. Все сразу, на мой взгляд, вскрывать особого смысла я не вижу. Вы просто не найдёте покупателя на такое количество угля. Их просто нет на такие объёмы. Как я уже говорил, уголь бурый и для доменного производства непригоден. Но добавлять его в смесь с хорошим каменным можно. Мы уже проводили пару опытов. Вскрывать карьер будем примерно через месяц взрывными работами. Необходимое количество взрывчатки уже накоплено. А потом уже будем разрабатывать экскаваторами, которые сейчас делают в Челябинске. К сожалению, половину взрывчатки пришлось покупать. Почти весь выпускаемый в округе гренит уходит Морскому ведомству за исключением той части, о которой вы в знаете. Собственно, если б не малое количество добываемой азотной кислоты, мы бы могли в достаточно короткие сроки увеличить производство грениита в разы, но... А с вашего завода около столицы нам кислоту не поставляют.

— М-да, тут у нас действительно пока замкнутый круг, — задумчиво согласился Агренов. — Для крупного производства аммиака нужно очень много электроэнергии. А для её производства либо паровые турбины, которые только начали выпускать, да и то они небольшой мощности. Либо ставить плотину с электростанцией на немалой реке, которой в окрестностях просто нет. По Шемахе прикидывали?

— Да, но смысла в этом нет. Гидростанцию поставить можно, но ее мощность выйдет не слишком велика. Однако главное не в этом. Придётся серьёзно потратиться на линию электропередач, а при такой мощности это просто лишено экономического смысла. Ставить же рядом с плотиной завод аммиака и кислоты ещё бессмысленней. Железная дорога для вывоза продукции выйдет на порядок дороже линии электропередачи.

— А на Тече?

— На Тече все тоже самое. Мощность будет слишком мала. Кстати, в тех местах мой родственник обнаружил месторождение корунда. Но оно на церковных землях. Епархия засуетилась. Даже из Москвы святые отцы приезжали. Месторождение нужно доразведать, но это не наша земля. Епископ уже ко мне приходил. Просил геологов на доразведку и инженеров. Да ещё в качестве бесплатной услуги. Ну так у меня свободных людей нет. Я ему сказал, что как будут, то ... Но он и так все понял. Я ему мысль покинул о возможной совместной разработке. Посмотрим, что они надумают.

Князь взглянул на Сонины. Тот только руками развел:

— На Урале, Александр Яковлевич, я тоже удобных мест не вижу. Карельский перешеек или Карелия. Но там нужно все создавать с нуля. Причём там не будет своего толуола и серной

кислоты. Хотя с последней попроще. Я посылал людей на Вуоксу и на Кемь. Отчёты имеются. Но решать вам. На Кавказе возможно что-то найдётся. Но там вообще по этому вопросу ещё никто не был. Опять же кому там нужна электроэнергия? В любом случае все это очень дорого, хоть в перспективе...

Князь задумчиво почесал щеку.

— Что ж, раз удобно не получается, придётся решать как-то по-другому... Кстати, насколько я понимаю, на Вуоксе и Кеми электростанции выйдут весьма не маленькие?

— Да, Александр Яковлевич. Проектов генераторов нужной мощности у нас нет. Не факт, что они есть и у Вестингауза. Можно, конечно, попробовать их создать, но хотелось бы сначала потренироваться на чем-нибудь попроще. Мегаватта на два-три на агрегат. С этим наши инженеры справятся. Агрегаты можно сделать в Перми, возможно подключив и Ковров.

Агреньев помолчал, помучил ещё раз щеку. И не придя к определенному решению, закруглил тему:

— Хорошо. Оставим этот разговор и вернёмся к углю. Со вскрытием пласта угля и началом его разработки мы фактически прекратим столь удачно протекающую для нас угольную лихорадку? Я правильно понимаю?

— Ну я бы так категорично не стал говорить. Всегда могут найтись желающие прикупить для себя кусок земли и поставить шахту. Но перекупщики, — да, должны быстро исчезнуть, а цены на землю упасть. Но продолжать эту лихорадку и оттягивать начало ввода в строй большого угольного карьера смысла я никакого не вижу, — ответил Сонин. — Как только оформим последние две намечающиеся сделки, так можно производить вскрытие карьера. Железную дорогу к нему уже подводят. Месяца за два с ней также закончат.

Агреньев задумался на минуту, глядя в окно.

— Хорошо! — произнёс он. — Теперь по Кыштыму. По второй очереди аммиачного завода работы начаты?

— Пока только организационные. Снег окончательно сойдёт, земля подсохнет, и начнем земляные работы. За тёплый период, думаю, основное сделаем, хоть новая часть завода крупнее первой. А возведение стен, подведение под крышу и монтаж оборудования можно частично и в зимний период делать. Было бы, что устанавливать. Андрей Владимирович мне телеграфировал, что основная часть оборудования уже заказана.

Александр взглянул на Сониного.

— Основная часть?

— Да, Александр Яковлевич. Есть некоторые проблемы. В Германии промышленный рост, очень много заказов. Поэтому заказы в основном сделаны, но где-то шестая часть необходимого под вопросом. Сроки поставки уж больно далёкие нам называют. Мы сейчас пытаемся найти других производителей или передвинуть поставки на более ранний срок. Но дело пока идёт туго. Кстати, треть из необходимого мы уже делаем сами. Здесь проблем не ожидается. Но пока только треть.

— Угумм... Пусть так. Далее! По меди у нас тоже все упирается в электроэнергию?

Собеседники дружно кивнули. А Карпинский решил уточнить:

— Выход черновой можно и увеличить, но особого смысла в спешке не вижу. Сейчас идет медная руда с хорошим содержанием золота и серебра. Смонтируют паровую турбину на заводе, отладят и запустят. Тогда сразу и увеличим выделку рафинированной. К тому же электроэнергия и для других целей нужна.

— Ладно. С местом нового электролитического завода окончательно определились?

Карпинский бросил взгляд на Сонины. Тот кивнул без раздумий.

— Ставить будем на окраине Челябинска. Нет смысла уголь далеко возить. Ничего секретного в выделке рафинированной меди нет. Года за два справить новый завод можно в чистом поле. Да и некоторых тутошных управляющих горными округами интерес имеется. Готовы свою черновую медь в переработку отдавать, если мы предоставим лучшие условия нежели чем Розенкройцер в столице.

Агреньев жестом прервал управляющего:

— Так может тогда завод в складчину ставить с желающими?

— Александр Яковлевич, это как бы не моя компетенция, пожал плечами Карпинский. — Дело то с нуля поднимать придётся. Заново то в дело немногие готовы сразу вложиться. А ну как не выйдет. Здесь то сомнений будет немного, потому как у нас такой завод уже имеется, но дело немалых денег стоит. Захотят ли хозяева вкладываться? Опять же германцы свои услуги предлагают. К тому же основной спрос сейчас в стране не на рафинированную, а на обычную штыковую медь.

Князь опять перевёл взгляд на Сонины.

— Александр Яковлевич, люди уж больно непростые. Сплошь графы да князья. Я кое с кем из управляющих переговорил, с теми, у кого медь черновую делают. Но они люди подневольные. Тем более Вы с Дальнего Востока к нам засобирались, так я это дело отложил. К тому же одно дело, договариваться о начале на пустом месте, и совсем другое, когда хотя бы стены завода поднимутся. А уж когда завод начнёт работу, от желающих вложиться в готовое вообще отбоя не будет. Бумаги на потенциальных вкладчиков я Вам подавал. А дальше, как решите. Можем и сами завод построить.

— Хорошо, я переговорю кое с кем. Проект завода вы мне передавали. Ммм..., так, скажем, через дней двадцать я дам ответ. Работу по заводу продолжать. В любом случае его мы строим. И Кыштымский потихоньку тоже стоит расширять, если на то надобность будет иметься.

Они ещё долго сидели, обсуждая проблемы. Карпинский, как и многие другие просил специалистов. Да не простых, а умелых и многознающих. На что, как и многие другие получил ответ, — учите сами, сманивайте со стороны. Люди все расписаны на год вперёд.

А тут ещё столько дел новых зачинать...

3 апреля 1899 года

— Что ж, готов помочь я вашему горю, Александр Яковлевич, — Доливо-Добровольский достал из ящика стола тонкую папку.

— Это даже не эскизный проект, а только прикидки. И не мои, а инженера Тимофеева. Но благодаря некоторым связям ко мне копии этих прикидок попали. На консультацию, так сказать. Жаль, конечно, губить такую красоту, но если для дела нужно, значит нужно. Предлагается использовать водопад Кивач. Вот, извольте ознакомиться. Гидростанция оценивается приблизительно в 7–9 Мегаватт. По крайней мере оценочный расход воды это позволяет. Причём я просматривал кое-какие старые материалы и могу сказать, что возможно дело одной гидростанцией в тех местах не ограничится. Но для этого нужна серьёзная экспедиция. Да и затрат постройка плотины потребует весьма немалых. Весьма. Грунты там скальные. Зато все расположено весьма близко к Онеге. И железная дорога не слишком далеко.

Агренив минут за пятнадцать быстро ознакомился содержимым материалов папки. Закрыв её и прихлопнул сверху ладонью:

— Беру, Михаил Осипович! А вы сами эту экспедицию возглавить не хотите этим летом?

— Ну а что ж не возглавить? Давненько я в поле по-серьёзному не выбирался. А дело может выйти добрым.

— Хорошо! Тогда с вашего позволения я эту папку у вас заберу на недельку. Вы пока начинайте прикидывать состав партии и что ей нужно. А через неделю ещё раз встретимся и поговорим. Договорились?

— Всенепременно! А то у меня ваши Вестингаузом обученные люди давно рвутся что-нибудь этакое сотворить. Да все никак. Электростанции малые городские уже всем надоели, хотя дело безусловно нужное и важное. Да и среди студентов весьма перспективные молодые люди имеются. Весьма.

Декан электротехнического факультета Московского Политехнического института, прощаясь, сопроводил дорогого гостя до дверей кабинета и вернулся в своё кресло.

— Вот это дело! А то все Ковров, Кыштым, да города губернские..., — довольно потирая руки, пробормотал себе под нос профессор.

Князь вышел из здания, отошёл немного в сторону и ещё раз оглядел место своего только что закончившегося посещения.

— Нет, определённо неплохо построили. Определённо!

Институт ещё пока не выпустил ни одного специалиста, но это, пожалуй, было его единственным недостатком. На все нужно время. И скоро это время придёт. А благодаря неумной энергии князя Гагарина и правильно выстроенной рекламной компании создание этого высшего учебного заведения обошлось Агрениву дешевле, чем ожидалось. Богатые меценаты Москвы и губернии скинулись и собрали почти половину потребной суммы на постройку Института. А благодаря покровительству вдовствующей императрицы, пекущейся о народном образовании, текущие расходы ВУЗа взяло на себя государство. Ну почти. И через два года новые химики, физики и механики первого выпуска покинут стены альма матер, чтобы начать работать на благо России. Впрочем, некоторые уже работают, ещё не покинув стен института.

10 апреля 1899 года

— Генрих, я же говорил вам, чтобы на этой неделе у меня важные дела, и я никого не

принимаю, — пушечный король Германии с недовольством воззрится на поднос с визиткой, который держал в руках дворецкий.

— Извините, герр Крупп, я помню ваше распоряжение. Я бы не позволил себе вас беспокоить, но думаю, что данный посетитель вас может заинтересовать, — дворецкий поставил поднос для визиток на стол.

Круппу было достаточно одного взгляда на визитку, чтоб понять, почему дворецкий был так настойчив. Эту визитку он не видел уже несколько лет. А вот её владелец всегда был у Круппа желанным гостем. Ну почти. Каждое его посещение приносило Круппу довольно солидные барыши. И вряд ли на этот раз будет иначе. Впрочем недостаток личного общения с владельцем визитки не сильно огорчал хозяина дома. Достаточно частая переписка с помощью телеграфа и намного более плотная с людьми князя Агренева также приносила выгодные заказы. И если б не некоторые ограничения, которые наложены германскими властями на сотрудничество с Россией, заказов было бы больше.

— Приглашайте! — отдал распоряжение Крупп.

Через пару минут в комнате появился и сам владелец визитки. Как всегда энергичный и уверенный в себе. После взаимных приветствий германский и русский мультимиллионеры расположились в удобных креслах, и потекла привычная беседа со взаимными прощупываниями.

— Александр, полагаю ваше затворничество в той дыре, которую у вас называют Дальним Востоком, закончилось? По крайней мере мне доносили именно это.

— Ваши люди правы. И хороши, как всегда, герр Крупп. Впрочем нельзя сказать, что время, проведённое там, было потеряно напрасно. Мне удалось наладить в тех краях несколько достаточно выгодных дел. И еще столько же начать. По сути наш Дальний Восток — это место весьма выгодное для всяких начинаний. Вы же знаете, что тот кто первый застолбит себе первенство на новом рынке, при наличии достаточного капитала и настойчивости почти всегда оказывается в очень неплохом выигрыше.

Князь прервался и отпил глоток белого вина.

— У вас замечательный вкус, Фридрих. Полагаю это рейнское?

Крупп кивком подтвердил предположение Агренева.

Александр поднял бокал и посмотрел вино на просвет. Помолчал немного и продолжил.

— Но сегодня я хотел бы поговорить о несколько других вещах. Как вы оцениваете положение в бурских республиках и перспективы ведения дел там для германских и русских деловых людей?

Крупп насторожился. Свои дела в Трансваале с этим русским он обсуждать совсем не собирался. Впрочем перспективы выглядели не очень, и князь наверняка это знал. Его люди на юге Африки тоже присутствовали и, хоть и не занимались вроде бы золотодобычей, но были явно в курсе всего происходящего. А происходящее Круппу решительно не нравилось. Дело шло к войне. И хоть на военных поставках бурам он также получал определённые прибыли, но добыча золота была в тех местах явно вне конкуренции по прибыльности с остальными видами деятельности.

— Не могу сказать, что перспективы выглядят радужными, но мы принимаем ряд мер для улучшения наших позиций. И мне бы не хотелось обсуждать это сейчас. — Крупп в своём ответе оказался очень дипломатичен.

Князь улыбнулся понимающе.

— Что ж, если не хотите говорить вы, думаю, вы не откажитесь выслушать моё мнение на этот счет?

Немец сделал неопределенный жест рукой, видимо означающий, что Агренов может продолжать.

— Хорошо. Во-первых, и думаю, что с этим вы согласитесь, нужно признать, что война на Юге Африки все-таки будет. И весьма вероятно она начнётся в этом году. К сожалению, политический расклад таков, что неважно кто первым начнёт боевые действия. Поддерживать буров официально, а значит воевать на их стороне, ни одно правительство Европы не захочет. И Германия в том числе несмотря на значительные германские интересы в тех местах. А вот собрать солидную добровольческую коалицию в помощь бурам Европе вполне по силам. Британия за последние годы успела отдалить любимые мозоли очень многим и успела рассориться и с Германией и с Францией и с Россией. Однако Королевский флот несомненно является первым в мире, и именно из-за его наличия никто не захочет официально требовать своего куса пирога на Юге Африки. Тем не менее, недавно уязвленные на берегах Нила французы также как и германцы при соответствующей организации вербовочных контор вполне могут выставить десяток-другой тысяч добровольцев, готовых с оружием в руках воевать на стороне буров. Полагаю, что и в России наберется много добровольцев отплатить заносчивым британцам за все хорошее.

Последняя фраза князя заинтересовала Круппа:

— И какое по вашему мнению количество добровольцев можно ожидать из России?

Но Агренов откровенно отвечать явно не спешил и сделал это весьма уклончиво и неопределенно.

— Мне это пока неизвестно, Фридрих. Но, как мне кажется их будет немало.

— И вы полагаете, что буры смогут опять отстоять свои государства? — Крупп попытался задать вопрос с иронией, но получилось не очень. Напряжение в вопросе явно чувствовалось.

Агренов только хмыкнул.

— Друг мой, разве я говорил о победе буров? Нет! Но я полагаю, что некоторые страны в той или иной степени смогут защитить свои интересы в предстоящей войне. И чем дольше она продлится, тем на большие уступки могут пойти англичане. По крайней мере я на это надеюсь. И не один я.

Крупп чтобы потянуть время на ответ, принялся за сигару. Когда же он наконец справился с её раскуриванием, лицо его снова стало непроницаемо.

— У России есть свой интерес в этой войне?

Но ответ получился слишком неопределенный.

— Я всего лишь скромный русский коммерсант, — и лишь лёгкая улыбка на губах князя.

— Надеюсь, вы не желаете столкнуть нас с Британией, — отшутился немец.

— Если вы сами не захотите этого, то ничего плохого не случится. Однако, ранее я не зря упомянул Британский флот, самый сильный флот в мире. И британцы приложат все свои силы, чтобы так оставалось и далее. До сей поры всякая страна, которая имела интересы вне собственной территории, и хотела бы быть не слишком зависимой от англичан в вопросах морской торговли, принуждена была развивать не только свой торговый флот, но и военный. А если эта страна находится в Европе, то ещё и иметь сильную армию для защиты от прочих врагов. Но даже богатая Британия не может позволить себе одновременно первый флот и первую армию в мире. Слишком это дорогое удовольствие.

Князь замолчал и опять принялся дегустировать вино. А Крупп заинтересованно посматривал на собеседника.

— Неужели, — начал с усмешкой пушечный король, — вы нашли ответ на вопрос — «Как бросить вызов Владелице морей»?

— Нет, конечно, — улыбнулся в ответ князь. — Таким образом вопрос не стоит. Однако способ заставить считаться с собой Британию я таки нашёл. Этот ответ будет намного дешевле, чем строительство соизмеримого с Британским флота, а опасен он будет в первую очередь именно Британии, которая очень сильно зависит от морских перевозок. И которая имеет многочисленный военный флот, предназначенный для защиты морской торговли.

— И что же это за таинственное средство? — не удержался от вопроса Крупп, хотя скепсиса в его голосе было достаточно.

— Таинственного в нем ничего нет. Более того, подводные лодки сейчас пытаются создать в нескольких странах.

— Вы верно шутите, мой друг? — немец не удержался от сарказма, — эти консервные банки в лучшем случае способны на несение службы по охране портов во время войны...

— Отнюдь. Я абсолютно серьезен. Я не говорю о сегодняшнем дне. Через лет десять, максимум пятнадцать то, что сейчас выглядит консервной банкой, как вы верно заметили, будет грозным оружием, способным при массовой постройке в случае войны оставить английскую промышленность на голодном пайке. И изрядно проредить при правильной тактике Королевский флот. Собственно опыты с подводными судами идут уже не первое десятилетие, но главным ограничителем до данного времени был двигатель. Вернее его отсутствие. Моим людям в этом году удалось создать прототип экономичного и безопасного двигателя для субмарин. Пока прототип. Сейчас он проходит ресурсные испытания. Но уже понятно, что двигатель будет очень перспективен. Не только на подлодках, но и на обычных надводных судах. Пока двигатель имеет четыре цилиндра и развивает около 100 лошадиных сил, но создание более мощных моторов с большим количеством цилиндров является обычной инженерной задачей.

Князь прервался, взял тонкую сигару из ящика и прикурил. Выпустив дым парой изящных колечек, он откинулся в кресло.

— Хорошо! — это видимо относилось к сигаре, — Представьте, Фридрих, подводная лодка с дальностью в три тысячи миль, способная погружаться в глубину не менее чем на 12 часов. Несущая 8-10 самоходных мин с большой дальностью хода и готовая к стрельбе ими без

подъема на поверхность. Ей все равно, кто перед ней, — крейсер или гражданское судно. Если бы такие имелись сегодня, кто знает, были бы британцы столь бесцеремонны на юге Африки.

— Каковы остальные предполагаемые характеристики?

— Надводная скорость 12 узлов, со временем больше. Подводная 3–6...

Заметив разочарованное выражение лица немца, русский промышленник поспешил несколько развеять недовольство Круппа.

— Мой друг, субмарина — это не породистый скакун. Это аллигатор, который выжидает в нужном месте добычу и атакует её коротким броском. Субмарине не нужна скорость миноносца. Пока она не будет готова напасть, будущая жертва не догадывается о её существовании. А потом будет уже поздно. Аллигаторы кстати почти никогда не умирают от голода.

— Ну, не знаю, — Крупп очевидно сомневался в новой затее, — пока это не выглядит убедительной затеей. Кстати, почему вы не обратились к русскому правительству? У вас сейчас активно строится флот. И от новых идей возможно не отказались бы...

Агренов затушил сигару в пепельнице и потер пальцы друг об друга.

— Возможно. И возможно даже большую часть работ мне бы оплатили. Но, во-первых, это уже была бы не моя разработка, и не мои патенты. И где бы строилась серия субмарин, сказать трудно. То есть я бы потратил много времени и сил на то, чтоб потом выступать в лучшем случае одним из поставщиков строительства серии. Во-вторых, из-за некоторых союзнических обязательств мои разработки вполне могут уплыть на сторону. И я ничего не смогу с этим поделать. Ну и в-третьих, это займёт скорее всего намного больше времени и средств. Если же мы договоримся о совместной разработке, то секретность от наглых нахлебников скорее всего будет обеспечена. Необходимые инвестиции будут идти в пополам, как и права на конечный результат. А подключение к заказам и русской и германской промышленности даст качество как разработки, так и исполнения. Ну и, наконец, то, что я участвую в деле и предлагаю его вам, вас не наводит на мысль, что мои идеи вполне осуществимы в достаточно короткой перспективе?

— Хмм, — задумался Крупп, — если ставить вопрос таким образом, то видимо я должен согласиться на сотрудничество. Но меня, если честно, терзают сомнения. Строить крейсера, как по мне, все-таки выгоднее и привычней. Каковы, кстати, необходимы первичные инвестиции?

— По-моим прикидкам общая сумма инвестиций на промежуточную модель, которая будет способна охранять не просто порты, но и побережье, и которую можно будет предложить на продажу составят около 3 миллионов марок. Причём значительную часть наработок можно будет использовать и для последующих более крупных и совершенных моделей. Правда после приёма подлодки хотя бы одним из флотов наших стран нам скорее всего придётся работать отдельно, но главное будет сделано.

— Что ж, полтора миллиона — это вполне приемлемая сумма. Но для начала мне нужно подумать. Да и дел сейчас много.

— Ничего, я не тороплю, — поспешил успокоить собеседника Агренов, — две недели вас устроят?

— Думаю, да.

— Тогда через две недели я вас навещу. У меня, знаете ли, за время моего пребывания на Дальнем Востоке скопилось в Европе порядочно дел. А вот эти бумаги, — князь достал из чемоданчика запечатанный пакет, — надеюсь, помогут вам лучше определиться насчёт участия в совместной разработке.

Князь немного подумал и произнёс.

— У меня имеется проект освоения никелевого месторождения. Совместного освоения. Вас ведь еще интересует никель? — и, дождавшись положительного ответа, продолжил, — Там конечно требуется провести ещё серьёзную доразведку, и пока есть некоторые сдерживающие обстоятельства, однако на мой взгляд месторождение очень и очень перспективное. Но об этом в другой раз. Через две недели...

Не успела закрыться за русским князем дверь, Крупп вызвал своего доверенного человека по особым поручениям, дабы проследить, насколько получится, дальнейший путь своего посетителя. Но не прошло и двух часов, как Шульц вернулся с виноватым видом.

— Герр Крупп, — оправдывался он, — мы проследили пролетку князя до города. Но на окраине князь и его спутник пересели из нее в русский автомобиль. Тот сразу развил большую скорость и через пару минут мы его потеряли. Я оставил двух своих людей на железнодорожном вокзале, но, боюсь, это бесполезно. Русский не хотел, чтобы за ним следили. И он об этом заранее позаботился. Мы даже не можем предположить направление, в котором он отправился. Герр Крупп, думаю, для вашего гаража тоже не помешает приобрести подобное транспортное средство.

— Предусмотрительный, чёрт! — беззлобно ругнулся хозяин.

— Нет, так нет. А насчёт автомобиля..., присмотритесь к тому, что есть в продаже, Шульц. А потом я приму решение.

Поезд увозил князя Агренева все дальше и дальше. В страну банков, часов и сыра. Впрочем с часами там сейчас не сильно лучше, чем в той же Германии. Относительно удобное купе предоставило ему несколько часов для размышления. Мысли текли степенно и неторопливо. Но в один момент Александр поймал себя на не характерном занятии. На сомнении в принятом решении. Он размышлял над тем, не приведёт ли его сегодняшнее предложение Круппу к более раннему началу Первой мировой войны. Или как её называли до сороковых годов — к Великой войне.

Потерзав ещё немного свой мозг, он решил, что занимается ерундой. Сейчас пытаться спрогнозировать начало ПМВ бессмысленно. Даже целый институт экспертов ныне не сможет ему ничего предсказать. Если у него все получится, то Россия будет сильнее, чем в его прошлой жизни. А несколько событий, предопределивших эту войну ещё просто не наступило. И как оно будет дальше, ещё предстояло пережить в его нынешнем будущем. Но он постарается. Очень постарается, чтоб в русско-японской страна не выглядела слабой. Может тогда события вообще пойдут по-другому. Нет смысла гадать о будущем, если это будущее можно подправить своими руками.

Июнь 1899 года

Агренов сидел за председательским столом в своём московском офисе. Напротив него за тем

же Т-образным столом собрались те, кому он доверял. Те, которые смогли не только сохранить дело, пока он находился на Дальнем Востоке, но и существенно его расширить.

— Господа, — начал Александр, — вчера вы все были ознакомления под подписку о неразглашении с содержанием доклада нашего аналитического центра о высокой вероятности предстоящего экономического кризиса в стране. К сожалению, я должен согласиться с выводами наших экспертов. С тех пор, как ко мне на стол лег этот доклад, ситуация не улучшилась, а есть дополнительные признаки надвигающегося спада. Экономика в стране перегрета. Не факт, что сразу все отрасли это ощутят, но кризис на мой взгляд будет обязательно. Фондовый рынок ощутимо перегрет. Цены на акции уже начали своё снижение, но очевидно, что они не отражают прибыльность их эмитентов. Бум акционерных обществ дошёл до того, что сейчас деньги дают просто за обещание начать какое-то дело. И далеко не факт, что что-то вообще будет организовано. Таких случаев масса. Поэтому, на мой взгляд и на взгляд наших экономических экспертов скоро этот дутый пузырь должен лопнуть, и вот тогда свободных денег резко не станет. Произойдет отток капитала из страны, и в дальнейшем это скажется на всей экономике. Поэтому я собрал вас, чтобы заранее предпринять ряд действий, направленных на то, чтоб пройти предстоящий кризис с минимальными потерями. А ещё лучше, если при этом удастся упрочить наше положение на рынках. Я бы хотел выслушать вас по поводу необходимых действий.

В зале наступила тишина, а потом Вениамин Ильич поворочавшись в кресле проворчал.

— Как-то все это ново, Александр Яковлевич. Нет, я понимаю, у людей чуйка имеется. Вот они в кризис не только не прогорают, а ещё и капиталы наживают. Но этот аналитический центр... Ново это как-то, не привычно.

— Вениамин Ильич, давайте считать, что аналитический центр — это как раз и есть те самые люди, у которых есть чуйка. По крайней мере раньше они нас очень редко подводили, — мягко одернул Александр своего главного стряпчего. Итак! Есть предложения?

— Времени было мало на обдумывание, Александр Яковлевич, — пожаловался младший Лунёв. — Но по идее стоит продать часть пакета акций компании, дабы иметь как свободную наличность, так и возможность откупить проданный пакет впоследствии по более дешевой цене. Ну и принять ряд мер, направленных на сокращение товарного кредитования покупателей. Но тут мы можем потерять часть рынка, поэтому нужно действовать весьма осторожно.

— Что ж, Геннадий Арчибальдович, как я вижу наши мысли в целом совпадают. Каков у нас сейчас пакет акций Русской аграрной компании?

— Если собрать весь пакет, распределённый между различными собственниками, подконтрольными вам, то около 62 %. И ещё около четырех в собственности сотрудников нашего ... гхм... концерна.

— А среди прочих акционеров как пакеты распределены?

— Здесь больше 9 % нет ни у кого. Около 12 % составляют мелкие акционеры. Составить общий пакет больше 16 % никто из акционеров не сможет. Мы специально так делали при акционировании, продавая относительно крупные пакеты разным группировкам.

— 62... Ну что ж, тогда давайте сделаем так. Вы распускаете слух о том, что компания собирается продать ещё 5 %-й пакет. Одним или двумя частями. Потенциальные покупатели

имеются?

— Более чем, Александр Яковлевич. Некоторые готовы платить выше рынка процентов на пять.

— Хорошо. Переговоры ведёте с несколькими желающими. Цель — продать 15-16 % акций пакетами так, чтобы до окончания продаж никто из покупателей не узнал, что продано больше 5 %. Срок — месяц. И желательно, как вы говорили, продать выше рынка.

— Александр Яковлевич, может лучше сделать новую эмиссию акций?

— Можем не успеть. Оформление и утверждение бумаг — дело не быстрое. И подумайте одновременно над выпуском облигаций. Возможно он и не нужен. Здесь я полагаюсь на ваше мнение. Совещание у нас не последнее. Так что можно вносить предложения по ходу дела. Договорились?

— Всенепременно!

Аналогично поступили и с Русской Лесной компанией, которой заведовал Виктор Вениаминович Лунёв, Тихоокеанскими горнорудной и рыболовной компаниями, Брянской цементной компанией и рядом других мелких. А вот с металлообработкой и машиностроением Александр расставаться не слишком хотел. Но и здесь имелись варианты.

— Андрей Владимирович, — обратился князь к Сониному, — я разговаривал с несколькими пайщиками Мальцевского товарищества. Они не против того, что я сокращу вдвое свой пакет. И даже готовы выкупить половину паев. У нас критических интересов в товариществе сейчас нет?

— Ничего особого. Вполне можно продать, Александр Яковлевич.

— Вениамин Ильич, тогда займитесь, пожалуйста этим вопросом. А я постараюсь переговорить с оставшимися двумя пайщиками. Документы вот в этой папке. — Александр подвинул к Луневу лежавшую перед собой синюю папку. — Я также говорил с управляющим Московским купеческим банком. Он был заинтересован в 5 %-м пакете. Но и от меньшего не отказался бы.

— Хорошо, Александр Яковлевич.

— Аристарх Петрович, в последнее время никаких подвижек по акциям Коломенского завода не случилось? — князь принялся за зама номер три.

— Увы, Александр Яковлевич. Но вы ведь хотели его приобрести, и я несколько... — запнулся Горенин.

— Извините, я действительно перескочил с одного на другое. Да, я его и сейчас хочу купить. Но раз нет..., — Агреев бросил на собеседника взгляд, — то нет. Жаль. Мне этот завод нужен для выделки соляровых двигателей большой мощности.

Александр пробежал глазами по списку. Вроде ничего не забыл.

— Тогда на сегодняшний день — все. Жду ваших предложений по укреплению финансовой стабильности доверенных вам компаний. Я понимаю, что времени у вас было мало, поэтому пока так. А вот машиностроителей попрошу обратить самое серьёзное внимание на увеличение ассортимента выпускаемой продукции. Нарботки у вас имеются. Поэтому тянуть не стоит. И естественно новинки. Чем раньше вы их запустите в производство, тем проще будет потом. Но

будьте осторожны с количеством изготавливаемого, дабы не залеживалось на складах. Спрос в кризис большим не будет. Поэтому и нужно расширение ассортимента.

Общее совещание длилось ещё минут пятнадцать, а потом ведущие направлений покинули кабинет. Остались только четыре заместителя.

— Господа, вы все знаете, что принадлежащие нам на этот момент компании Шibaева и братьев Зубаловых, в которых мы имеем контрольный пакет, на данный момент исчерпали возможности быстрого роста. Это связано с целым рядом причин. Поэтому вам всем было поручено составить своё мнение по перспективе вхождения нами в капитал торгового дома «А. Манташев и Ко». Сумма, которую я собираюсь вложить в эту компанию, очень велика. Цель понятна — увеличение нашего присутствия на нефтяном рынке. Да, сейчас возможно не самое хорошее время для вхождения в рынок из-за высокой цены на нефть, но именно этот кандидат назывался многими уважаемыми людьми в качестве человека, на которого можно ставить. И именно сейчас он организует акционерное общество. И сейчас у нас есть на это средства. Есть ли у вас сомнения или возражения по нашему участию в этом деле?

Как ни странно, возражений не было. Да и сомнений особо тоже. Даже Горенов характеризовал этого армянина достаточно положительно. Единственное, что он рекомендовал обязательно ввести своего человека на должность заместителя, который бы контролировал деятельность компании, чтобы исключить не нужные соблазны. А уже после вхождения в торговый дом Манташева непременно организовать охрану на нефтяных промыслах с участием экспедиторов князя. Исключительно в целях поддержания порядка. Решение было принято. На этом совещание и закончилось.

Июль 1899 года

Хорошо быть братом царя в Российской Империи. Любимым братом. Не прошло и нескольких месяцев после разговора с Михаилом в «Колизеуме», как 105-мм гаубица Рейнметалла образца 1898 года появилась на столичном артиллерийском полигоне. Впрочем, похоже не совсем она, а некий предсерийный ее образец. Трудно сказать, какими доводами оперировал Михаил к Императору Всея Руси, но результат вот он. На русском полигоне. Очень помог и Сандро через своего отца, Великого Князя Михаила Николаевича, главного артиллериста страны. А вот будущий сменщик отца на этом посту, Великий князь Сергей Михайлович особого интереса к орудию не выказал. Так, поприсутствовал на представлении и первых стрельбах, да и уехал по своим делам.

Увы, в апреле месяце Императорскую семью постигло несчастье. В Абастумани в своём поместье умер Великий Князь Георгий Александрович. В тот день 15 апреля Агренов находился в Швейцарии, но на похороны вернуться Санкт-Петербург успел, заскочив по дороге домой к герру Круппу. Сказать, что Михаил был расстроен смертью брата — это ничего не сказать. После пышных похорон Михаил был очень печален. Он стал замкнутым и раздражительным. За месяц после похорон Александр виделся с теперь уже Цесаревичем только один раз. И говорить с ним было очень трудно. Пришлось приложить огромные усилия, чтобы хотя бы немного вывести его из этого состояния. Как ни странно, именно прибытие на полигон гаубицы расшевелило Великого Князя. Вероятно он нашёл себе дело, которое отвлекло его от этого горя. Дело, которое нужно сделать самому, потому как большая часть генералов и высших офицеров не видела в гаубице особой нужды. А это значило, что если Великий Князь сейчас не приложит максимум усилий, то просмотр и испытания орудия закончатся ничем. И армия останется только с полевой трехдюймовой пушкой, испытания которой продолжались. Вернее пушек было две — Путиловского и Обуховского заводов, но Обуховский явно проигрывал.

Александр тоже как мог, старался привлечь внимание специалистов к орудию, но, к сожалению, связей среди артиллеристов у него было мало. А делать каждый раз подношения для того, чтобы протолкнуть нужное стране и самим артиллеристам решение — это как-то совсем неправильно. Князь Гагарин, возвращенный в прошлом году из Тулы в Санкт-Петербургский арсенал и заинтересовавшийся немецким орудием, и то успел сделать больше. Ну да и не мудрено. Все-таки Андрей Григорьевич был в среде артиллеристов своим, более того весьма ценился как специалист, пусть и в несколько другой области, нежели полевая артиллерия. Но при этом обладал поистине огромными связями.

Что совсем не удивительно, но самым заинтересовавшимся на полигоне выглядел Роберт Августович Дурляхер. Впрочем, это было, пожалуй, и не мудрено. В стране на нынешний день это был наверно главный специалист по орудийным лафетам. За три дня до первого показа Агрневу удалось плотно пообщаться с этим с ним. Скептицизм Дурляхера насчёт перспектив орудия Александру удалось развеять всего за минут десять, а далее Роберт Августович уже сам включился в обсуждение идеи и начал сыпать специальными терминами так, что уже скоро Агрнев с трудом его понимал.

На полигоне гаубица произвела на присутствовавших положительное впечатление. Все-таки сотрудники Рейнметалла своё дело знали, а гаубица была для своего времени весьма хороша. Оно и понятно. Лучше один раз увидеть, чем ... Впрочем, сразу после окончания первого дня показательных стрельб развернулась уже несколько лет дискуссия. А нужна ли русской армии гаубица, и не стоит ли ограничиться только одной полевой пушкой. В общем все как всегда. Присутствующие тут же разделились на три группы. Те, которые за. Те, которые против, и те которые не выражали своего мнения. Последних было больше всего, поскольку в этой группе оказались и сомневающиеся, и те, которым было все равно, и ждущие мнения своего начальника. А Великий Князь Михаил Николаевич своё мнение насчёт нужности гаубицы после показа высказывать явно не торопился. А поскольку главную идею по созданию собственной гаубицы с размещением противооткатных устройств под стволом знало всего несколько присутствовавших, то и спор господ офицеров опять закончился ничем. Стороны в очередной раз разошлись при своих мнениях.

Через пару дней ночью группа инженеров сестрорецкого завода с санкции начальника полигона смогла обмерить всю немецкую гаубицу. Да ещё взять образцы лафетной стали и материала ствола. Обиживать начальника полигона Александру пришлось долго. В итоге князь стал беднее на охотничью Авто-5, Плетку в дорогом исполнении и два полевых телефона. Что при этом подумал про Агрнева начальник полигона, Александру было наплевать. А ведь явно что-то не слишком приятное. Ну да и чёрт с ним. Не до великосветских понятий о дворянской чести. Потому как в то, что ГАУ захочет купить гаубицу, не верилось совсем. Ну почти. Да и калибр у неё не русский. И длина ствола на взгляд князя выглядела слишком малой. Всего 10 калибров.

Через неделю чертеж лафета был готов. Впрочем чертежом назвать это было сложно, поскольку разбирать гаубицу было нельзя. А ну как потом собрать не удастся. По этой же причине остался необмерянным затвор и противооткатные устройства в лафете. Правда инженеры смогли разобраться с принципом работы затвора, но сразу оговорили, что устройство весьма сложное и требует высокого мастерства от того, кто будет его изготавливать. Последнее обстоятельство не слишком обрадовало Александра, но тут уж ничего не поделаешь. Лафет, конечно, в точности тоже никто повторять не собирался, но лучше при конструировании иметь чертеж чужого лафета, чем его не иметь. Будет откуда подсмотреть некоторые решения. А вот насчёт затвора конечно жаль.

Гаубица прошла за месяц испытания стрельбой и возкой. И отбыла в Германию. А ГАУ так и не готово было принять решение, стоит ли заказывать Рейнметаллу гаубицу в русском калибре или нет. И стоит ли формулировать техническое задание на международный конкурс. Собственно, примерно такого результата и ожидал Александр. Хорошо ещё сразу не отказались. Впрочем генералы и полковники тоже люди, и они тоже читают газеты. А Сытин с прибытием орудия в Россию получил конкретный заказ на то, чтоб превознести в прессе достоинства орудий навесного огня. И, пожалуй, неплохо с этой задачей справился. Не сам конечно. Просто его корреспонденты брали интервью у разных людей, имеющих отношение к артиллерии, а на страницы газет в основном попадали только мнения о нужности мортир и гаубиц. К сожалению, с государственными изданиями так сделать было нельзя, но фон в прессе был таки положительный создан.

Через четыре дня на Петербургской квартире Агренева собрались четверо. Обсуждение вышло очень не простым.

— Ваше Императорское Высочество, лафет я спроектировать могу. Если на то будет соответствующий заказ ГАУ. И финансирование. Без этого я начать работу не могу. Это категорическое условие. Оно не моё. Таков установленный порядок, — обстоятельно объяснял Дурляхер.

— Но ежели говорить отвлеченно, — он посмотрел на Цесаревича и, увидев, поощряющий кивок, продолжил, — то конструкция лафета из-за отката ствола вдоль направления выстрела, как у проходящих сейчас испытания трехдюймовок, будет несколько иная, чем у германской гаубицы. Принцип мне примерно понятен, но потребуются большая работа. Насколько мне известно, подобных конструкций в мире для мортир ещё никто не создавал. Так что трудности я ожидаю немалые.

— Роберт Августович, если мне будет позволено как не специалисту, — начал Александр вкрадчиво, — то я лично не вижу причин, по которым Россия не может быть в этом первой. И почему бы именно вам не стать именно тем первым, кто спроектирует подобный лафет?

— Александр Яковлевич, лафет, как вы понимаете, вещь вторичная. Перед этим нужно спроектировать ствол орудия с казенной частью. То, как устроен затвор Рейнметалла мне понятно, но, боюсь, на наших заводах в настоящее время его воспроизвести в серии не удастся. Очень тонкая работа. Германцы себе это могут позволить, а мы, к сожалению, нет. А до всего этого нужно техническое задание и снаряд. Без этого мы сейчас говорим ни о чем.

— Роберт Августович, это все понятно. Я в отличии от Александрэра артиллерист, — вмешался Михаил. — Заказа ГАУ, как вы понимаете у меня сейчас нет. Однако и для самого заказа нужно ТЗ. И мне видится, что мы можем сейчас в общих чертах прикинуть это задание. Как вы на это смотрите?

— Как Вам будет угодно, Ваше ...

— Без чинов, Роберт Августович, — прервал его Цесаревич.

— Хорошо. Михаил Александрович, я к моему сожалению не имею дела к составлению заданий. Это несколько не моя обязанность.

— Пусть так, — Михаил достал из кармана свергнутый листок бумаги. — Мы с Александром Яковлевичем на досуге прикинули, что хотелось бы получить в итоге, — и протянул лист Дурляхеру.

Артиллерист вчитался в короткий список требований. Потом положил лист на стол и надолго задумался, постукивая пальцами по столу. Князь Гагарин подвинул лист к себе и тоже ознакомился с написанным. А остальные собеседники внимательно наблюдали за Дурляхером.

Наконец Дурляхер очнулся от раздумий и высказал своё мнение.

— Михаил Александрович, по моему мнению, если удастся выполнить эти требования, то это будет выдающееся орудие. Баллистика его мне ясна. Несколько не понятно, зачем нужна дальность в 7,5 верст. Для этого все-таки существуют пушки.

— Которые будут в два с лишним раза тяжелее, чем гаубица, — заметил Александр.

— Да, тут вы правы. Ну хорошо. Допустим так. Но к сожалению, я стволы я не рассчитываю. В России вообще очень мало специалистов по этому делу. Насколько мне известно, сейчас работы по расчету стволов для трехдюймовок закончены на обоих столичных заводах. И нарезку менять не уже не будут. Теоретически можно было бы подключить кого-нибудь из Арткома и Обуховского завода. Андрей Григорьевич, у вас вроде бы есть кто-то на Орудийном заводе?

— Есть такой человек. Вы правы, — согласно кивнул князь Гагарин, но нужна целая группа.

— Хорошо! — подытожил Цесаревич, — то есть принципиальное согласие есть. Если будет заказ ГАУ, специалисты и деньги, то все согласны взяться за работу?

Согласие было полным.

— В этом случае будем считать, что мы договорились. И ещё, Александр Григорьевич, и вы Роберт Августович, попробуйте переговорить со специалистами с Обуховского завода лично. Я не могу гарантировать, что заказ будет выдан, но когда он будет выдан, не хотелось бы терять время на долгие организационные вопросы.

Совещание почти что заговорщиков продолжалось ещё некоторое время, а потом все разошлись. И теперь Великому князю Михаилу Александровичу предстояла самая трудная задача — каким-то образом уговорить как Императора, так и ещё нескольких высоких чинов включая генерала-фельдмаршала. Уговорить просто попробовать. А ещё каким-то образом получить деньги на разработку. В российском бюджете, как известно, лишних денег никогда не было. Но тут Александр был готов вложить и собственные средства. Было бы решение. А ещё требуется как-то отстоять сформулированное техническое задание, чтобы получить перспективное орудие, а не вчерашний день.

Август 1899 года

Очередное августовское утро принесло очередную порцию прессы. Не само, конечно. Для этого у князя имелся секретарь.

Полюбопытствуем, что нам сообщает наша дорогая пресса. Так, ну это понятно. Так, Гаагская конференция завершилась полным успехом... Тра-ля-ля. Приняты конвенции... Приняты декларации. Это что такое?? О запрещении метания снарядов и взрывчатых веществ с воздушных шаров и дирижаблей или при помощи иных подобных способов...

Ну и кто после этого Николай с номером два? Нет, ну запретил бы сразу все русское оружие... Чтоб долго не мучиться!

Князь с раздражением откинул газету. Не, ну не идиот, а?!

Но тут глаз зацепился за знакомые слова. О! Нашлись умные люди! И что не удивительно среди англичан. Отказались запретить подводные суда. Это они правильно сделали. Вот только очень недальновидно для себя любимых. Но пока они об этом ещё не подозревают. Ну хоть это радует.

А вот ещё один умный подарок. Не принят принудительный арбитраж в международных делах. По настоянию Германии. А и правда, зачем им сторонний, то есть, читай, британский навязываемый арбитраж? Он и нам ни к чему.

Князь глотнул кофе и потянулся за булочкой. Новости, как и жизнь показывали свой окрас зебры. Чёрное — белое, чёрное — белое...

Август 1899 года

Вениамин Ильич сидел, пригорюнившись, и обдумывал новое порученное ему дело. У его работодателя и даже местами партнёра появилась новая навязчивая идея — завести своё ювелирное дело. Нет, завести ювелирную мастерскую можно было вполне легко. Стоило просто нанять или купить готовую мастерскую и дело сделано. Но князь желал создать целый ювелирный завод, и при этом так, чтоб на нем не было евреев. Странное желание. Как же без них, если в работе с золотом и камнями евреи — первые специалисты? Да поди их больше половины в этих делах. А ещё требовалось как-то наладить сбыт прямо таки промышленной продукции ювелирного завода. Нет, конечно, продавать золото, платину, серебро и драгоценные камни, добываемые в Горном округе князя и прочих местах, наиболее выгодно не слитками и россыпью, а именно в виде ювелирки, но как, скажите пожалуйста, налаживать сбыт предполагаемого количества всяких побрякушек, особенно если оптовыми покупателями и реализаторами продукции завода окажутся опять те же иудеи и их неформальные объединения, опутавшие своими сетями всю Европу и Америку? Как?!

Князь, конечно, назвал в качестве кандидатов пару имён ювелиров, но при этом сам сомневался в личностях и прямо признался в этом Луневу. Вряд ли тот же Фаберже вдруг захочет вдруг продаться и стать не хозяином собственной фирмы, а наемным управляющим. Да и не имеет он больше дела с более менее простыми поделками. Он занят единичными эксклюзивными вещами. Хотя возможно и пойдёт на сотрудничество по разработке эскизов и моделей будущих моделей. А возможно и нет.

Но сбыт в этом деле главное! В конце концов, как говорят, в стране открывается и разоряется в год не по одному десятку ювелирных мастерских. Людей наверно собрать можно, если подключить его подчиненных в губерниях. Вот только закрываются эти скороспелые мастерские как раз из-за того, что не могут обеспечить сбыт своих изделий. И это небольшие мастерские. А тут продукция целого завода!

Так ничего и не придумав, Вениамин Ильич встал из-за стола, бросил на него пару монет и двинулся на выход из летнего кафе. На улице его поджидала сияющая на солнце хромированными деталями чёрная Волга с личным водителем. Вещь как статусная, так и не менее нужная главному юристу многочисленных крупных компаний.

— Пожалуй, стоит поручить это дело нескольким молодым помощникам. Пусть устроят мозговой штурм, как выражается Александр Яковлевич. Глядишь, и сообразят что полезное. К Фаберже пока рано обращаться. Это нужно будет делать самому. Но это дело привычное — переговоры. А пока продолжим заниматься делами банка, выросшего из банковской конторы.

И продолжим сливать на его баланс акции и паи отечественных фабрик и заводов князя. Не всех, конечно, но многих. Экая громина выходит! И название под стать размерам. «Русский капитал»!

Сентябрь 1899 года

Уютный особняк с высокой красной черепичной крышей, скрывающийся в глубине небольшого парка в окраинах Берлина, сегодня принимал важных гостей. В гостиной за столом негромко переговаривались трое.

— И все-таки зря вы, герр Крупп не вложились в нашу Юго-западную Африку. Собственная колония — это совсем не то, что полунезависимое государство, от которого не знаешь, что ждать на следующий год, — произнёс хозяин особняка.

— Ну вложиться, Дитрих, я могу и сейчас. К тому же я сильно сомневаюсь, что за последние три года в этой пустыне найдены все россыпи ваших алмазов. Эта алмазная лихорадка только подстегнет интерес к данной забытой Богом территории. Причём даже не вкладываясь в нее, я уже получаю прибыль. Мои верфи загружены заказами на суда, мои заводы выполняют заказы на оборудование для приисков, и наращивают производство алмазного инструмента из добываемого вами сырья. Из того, что не идёт на украшение наших прелестных дам.

Собеседники улыбнулись. Представитель Дойче Банка отхлебнул из высокой кружки тёмного баварского пива и обратился к хозяину:

— Что слышно нового из дипломатических кругов по нашему вопросу?

— Увы, герр Дольц, тут я порадовать ничем не могу. Как вы знаете, после безвременной и такой удачной для нас ...гхм... кончины Сесила Родса англичане, казалось, потеряли решимость действовать в агрессивной манере в тамошних делах. Нет, генеральное направление не изменилось, но о решении проблемы военными средствами почти перестали говорить. Тем более, что перед своей кончиной Родс подложил своим соотечественникам немалую свинью, сагитировав значительную часть уитлендеров на отъезд из Трансвааля в ... как там её, в Родезию. Чем вы, господа, не преминули с успехом воспользоваться, увеличив наше экономическое влияние на юге Африки. Но в последние полгода, к сожалению, партия войны значительно окрепла. В беседах наши британские оппоненты на словах, как будто бы, признают необходимость учёта наших экономических интересов в бурских республиках, но стоит только дойти до отдельных выдвигаемых нами предложений по разграничению интересов, а тем более насчёт урегулирования англо-бурских отношений, так сразу мы упираемся в невидимую стену. Видимо, они считают дело уже решённым, а республики уже включёнными в свою империю. Пусть даже при этом придётся пострелять. А потом, господа, в лучшем случае вас обложат налогом на добычу золота в свою пользу. А, зная англичан, могу сказать, что налог очень скоро станет непосильным. Нас оттуда выдают за несколько лет. Ведь в своей империи они могут устанавливать какие угодно законы и налоги. И хорошо, если при этом вам удастся получить справедливую цену за то, что вы там оставите. К сожалению, все идёт к неизбежному концу. Радует то, что вы успели окупить свои расходы и поиметь неплохую прибыль.

Хозяин ненадолго задумался и продолжил:

— Как вы понимаете, Германия официально вмешаться в конфликт не может. Его Величество всегда готов поддерживать экономическую экспансию германского капитала, но задействовать флот против Британии даже для демонстрации солидарности с бурами не имеет смысла. Силы,

к сожалению, несопоставимы. Поэтому вам следует ожидать только политической поддержки. Более того, могу уверенно сказать, что в случае конфликта, против Британии будет вся Европа. Чем более затяжным он будет, тем больше на Британию выльют помоев в прессе. Содержание большого воинского контингента вне зависимости от результата действий выльется в очень немалые расходы для британской казны. И если все это не приведёт к быстрому и однозначному положительному результату, то у вас появятся неплохие шансы на сохранение вашего бизнеса в Трансваале. Недавно обиженные Лондоном французы тоже готовы подергать льва за хвост, пока тот будет сильно занят кем-то другим. Но также неофициальном порядком. В конце концов в Европе найдётся немало сорвиголов и прочих идеалистов, готовых отравиться хоть на край света, дабы защитить некую эфемерную справедливость. И если будут организованы вербовочные конторы, способные доставить добровольцев на юг Африки, то ... Хоть это и будет совсем не армия.

Собеседники замолчали. Крупп, прикурил сигару, глубоко затянулся и начал постукивать пальцами по столу.

— Шайзе!

И в комнате вновь воцарилось молчание.

Через некоторое время за дверью послышались лёгкие шаги. Стук в дверь. Вошёл дворецкий.

— Господа, прибыл полковник Мельвиг. Просить?

— Да, Ганс, мы его ждём.

В комнату вошёл коренастый человек в тёмном гражданском костюме. Остановившись перед столом, он коротко поклонился и щелкнул каблуками.

— Здравствуйте господа! Надеюсь, я не заставил вас долго ждать?

— Ну что вы, полковник, прошу, присаживайтесь! Тем более вы пунктуальны как всегда, — ответил хозяин. — Вам что-нибудь предложить?

— Благодарю, я, пожалуй, ограничусь сельтерской.

Полковник плеснул себе в бокал воды из бутылки, сделал пару глотков и откинулся на спинку стула.

— Господа, я получил несколько новых известий из Трансваала. Герр Крупп, последняя партия ваших пушек и снарядов прошла через португальскую границу без эксцессов. С сопровождающими их ...гмм... специалистами. Португальцы в колониях по-прежнему очень неравнодушны к бурскому золоту, — улыбнулся полковник и продолжил.

— По моим подсчетам сейчас в Трансваале около 20 тысяч граждан Германии и большинство из них благодаря отбору умеет держать в руках оружие. Есть также около 7 тысяч австрийцев. В основном чехи и венгры. Французов и прочих я специально не подсчитывал. К сожалению, английских уитлендеров в разы больше, но вряд ли кто-то из них возьмется за оружие до того, как англичане не займут Преторию. Большинство или уедет из страны или останется копать на приисках.

Три дня назад фольксрад Трансваала предложил англичанам вариант гражданства республики

после 5 лет непрерывного пребывания на территории Республики и выполнения ряда стандартных бюрократических процедур. Но вряд ли это предложение будет принято. После исхода уитлендеров, организованного Родсом, и последующего их возвращения могущих и желающих получить гражданство Республики у англичан получается много, но меньше, чем им нужно. Все идёт к войне, господа.

Полковник сделал глоток и продолжил.

— К сожалению, наши специалисты констатируют, что армии у буров нет. Все попытки убедить их создать хотя бы что-то похожее на армию оказались напрасными. Хорошо хоть удалось убедить их на создание постоянных артиллерийских подразделений и пулеметных рот. Хотя должен сказать, что в тактике буров присутствуют и положительные черты. Некоторые специалисты предсказывают бурам определенные успехи в случае войны. Особенно на первых порах. Далее... Нами проведена определённая работа и подготовлены некоторые неожиданности для англичан, которые могут на время задержать сосредоточение и транспортировку сил вторжения на театр военных действий. Тылы у англичан на юге Африки также могут оказаться под ударом. В последнее время нам удалось добиться договорённости с ещё одним местным вождем. Не бог весть что, но размазывать дополнительно боевые части по путям снабжения это очень неприятно и затратно. Вообще должен заметить, что сил у буров несколько больше, чем принято считать. Многие из них не поддались когда-то в Большой трек и остались на контролируемых сейчас Лондоном территориях. И при успехе буров многие из этих не ушедших в трек могут примкнуть к отрядам своих соотечественников. Более того, поскольку отступать бурам больше некуда, то драться они будут. Есть вполне обоснованные надежды на возвращение ими себе Наталья. Не факт, что им удастся захватить Дурбан, но Наталь они захватить могут. Если им улыбнется удача.

— То есть буры начнут первыми? Я правильно понял? — спросил представитель Банка.

— Думаю, да. Им нет смысла ждать, пока британцы подтянут в Африку дополнительные войска. Кстати, в Трансваале начали появляться русские путешественники. Многие из них с явной военной выправкой.

— И много таких замечено? — заинтересовался Крупп.

— Пока меньше сотни, но они продолжают пребывать. Офицеры.

— То есть это не люди нашего русского друга?

— Сомневаюсь. Думаю, русские тоже интересуются происходящим. Скорее всего это военные наблюдатели. Но не исключено, что некоторые из них захотят поучаствовать в отдельных эпизодах лично, а не будут довольствоваться одним только наблюдением.

— То есть русским интересно действие и результат, — задумчиво пробормотал хозяин дома. — А судя потому, что они ни коем образом не сдерживали поставки оружия князем Агрневым, русские не прочь как минимум затянуть происходящее. То есть если они давно знали, к чему все идет, то наверняка успели подготовиться откусить где-то себе кусок.

Хозяин покрутил в руках пустую кружку. Потом огладил рукой аккуратную бородку. Но так и не произнёс какого-то пришедшего ему на ум вывода.

— Посмотрим.

Крупп, внимательно наблюдавший за хозяином дома, потискал в руках потухшую сигару и

бросил её в пепельницу.

— Полковник, так и не удалось выявить, работает ли наш русский друг через кого-то на добыче золота там?

— Увы, герр Крупп. Это так и осталось для меня загадкой. А не зная правильного ответа, можно прийти к неправильным выводам, которые ... Ну вы понимаете. Люди Агренева в Трансваале есть. Но известные нам, золотом не занимаются.

— М-да... — протянул пушечный магнат — Загадка!

Декабрь 1899 года

— Разрешите, мой Лорд? Есть новости с юга Африки.

— Заходите, Гарри. Что у нас ещё плохого? — Первый морской Лорд Адмиралтейства Уолтер Талбот Керр с утра пребывал в паршивом настроении. И причиной тому был устроенный вчера разнос в Кабинете Министров. Можно подумать, это он главный виновник не прекращающихся поражений сухопутной армии в этой чертовой Африке. В то время как его моряки сейчас доблестно сражаются на суше, используя снятые с крейсеров орудия среднего и малого калибра.

— Мой Лорд, боюсь, новости действительно не внушают оптимизма. После падения Мафекинга буры высвободили несколько тысяч штыков и три батареи средних гаубиц, не считая прочей артиллерии. Судя по всему именно эти силы появились в Натале. Вчера генерал Буллер после неудачного боя вынужден был отойти к Питермарицбургу.

— Чёрт знает что! — Лорд Керр грохнул кулаком по столу. — Когда же наши сухопутные крысы прекратят пятиться? Или они рассчитывают заманить этих грязных мужланов под пушки моих крейсеров и броненосца в Дурбане? Это ж надо! Кимберли, Мафекинг, Ледисмит... Теперь что на очереди? Де-Ар и Питермарицбург? У буров, видимо, в плену хорошо кормят, если одни наши генералы только и способны отступить, а другие, такие как генерал Уайт вообще выкидывают белый флаг, — и Лорд выдал длинный морской загиб.

— Сэр, поступили сведения из Луанды. В португальский порт зашёл пароход компании ПИ энд Оуу. Капитан парохода сообщает, что в Гвинейском заливе судно было остановлено какой-то вооруженной пушками посудиною и подвергнуто досмотру. Судно не мобилизованное, обычная гражданская линия. Сообщается также, что среди пиратов, поднявшихся на борт задержанного судна, были вероятно дойчи.

— Уже второй случай, — пробурчал Лорд Керр.

— Боюсь, что третий, сэр. Пароход Аскония так нигде и не появился. А на нем перевозились артиллерийские парки и различное снаряжение для кавалерии. Третий после заявления Крюгера о том, что Трансвааль начал выдачу каперских свидетельств.

— М-да! — Первый морской лорд пожевал губы. — И ещё эти европейские крейсера, выдвинутые к западному побережью Африки. Якобы для защиты собственных колоний. Шакалы! Нас явно вынуждают к введению системы конвоев. А это снизит скорость переброски войск и снабжения в Капскую колонию. Гарри, есть что-нибудь новое по линии дипломатов?

— Ничего нового, сэр. Германцы продолжают усиливать позиции в Османской Империи, и замечено не здоровое их шевеление на Самоа, а русские пытаются сделать это в Персии. В

Китае продолжаются волнения черни. Но в данном случае это никому из конкурентов не выгодно. Американцы завязли на Филиппинах. Кто-то явно подбросил инсургентам оружия и боевые действия на островах только расширяются. Оружие китайское. Старые винтовки Манлихера под дымный порох. — Помощник усмехнулся, — Кто так удружил Штатам, пока не выяснено. Эксперты теряются в догадках. Одно ясно, что это оружие с китайско-японской войны. Правда в американской прессе появились обвинения в наш адрес, но это явный бред. С тем же успехом можно обвинить в поставках корейского вана. Французской активности сверх обычного в колониях не замечено. Хотя, конечно, в Европе сейчас пресса нас смешивает с грязью. И этот процесс только расширяется с каждой победой буров. Париж бурлит возмущением насчет нашей политики вокруг Нила, но кроме каких-то невнятных политических перешептыванием на континенте с заведомо неосуществимым итогом пока ничего не происходит. Слишком велики противоречия между странами в Европе, чтобы что-то могло срастись в итоге. Что касается волонтеров, то к сожалению, поток волонтеров на войну в Африке в Европе не иссякает. В Германии открылась ещё одна вербовочная контора.

— И в итоге мы имеем против себя весь мир, трусливо кружащий вокруг британского льва, но готовый вцепится нам в горло, если мы вдруг выкажем слабость..., — подытожил помощника Лорд Керр. — М-да, неприятная картина. По взрыву в Портсмуте есть что-нибудь нового?

— Нет, мой Лорд. Определённо это диверсия, но Виггинс сомневается, что нам быстро удастся выйти на след организаторов. Нет никаких зацепок. Слишком многим это может быть выгодно.

— Так, Гарри, вызовете ко мне Шелдона. И... нет, это потом. Идите!

Декабрь 1899 года

Бронепоезд, постукивая колесами на стыках, проезжал мост. Периодически взрыкивал пулемет, поливая позиции буров на холме. Пушки пока замолчали, чтоб не повредить конструкции моста. А не обнаруженные никем экспедиторы Никодим с Семёном сидели в небольшом окопчике. За неширокой, но весьма бурной речкой наступал батальон англичан. Никодим терпеливо ожидал. Его очередь была второй. Бронепоезд наконец проехал мост и тут же перед паровозом грохнуло несколько мощных взрывов. Часть невысокой железнодорожной насыпи просто исчезла.

— Опять Корней взрывчатки переложил, — буркнул Семен.

Бронепоезд резко затормозил и успел остановиться, не сойдя при этом с рельс.

Никодим крутанул ручку взрывной машинки и мостовой пролет рухнул в реку. Вместе с несколькими английскими солдатами, которые якобы проверили мост перед составом.

— Ну вот как-то так. И чо вы теперь будете делать?

С флангов по плотным наступающим цепям англичан открыли огонь два пулемета буров, выкашивая солдат и офицеров. Бронепоезд попытался достать бурские позиции перед ним из пушек и пулемета, но пока безуспешно. А фланговые пулеметы он просто не видел за взгорками.

За речкой англичане залегли, но от обстрела их это не спасало. Перед бурами они были как на ладони. Постепенно за речкой наметилось движение в тыл. Пулеметы уже не работали на закипание воды, а постреливали короткими злыми очередями по несколько патронов в особо торопливых солдат.

Бронепоезд тоже постреливал не слишком активно. Видимо, там сейчас решали, как им выпутываться из ловушки, в которую они попали. Собственно тут могло быть только два варианта. Либо ждать подмоги и тогда пытаться как-то вырваться из ловушки, либо попытаться самим немного подправить своё положение, хотя бы избавившись от пулеметов на флангах, про которые командир бронепоезда уже наверняка догадался. Вот только второй вариант был самоубийственным, о чем вероятно в бронепоезде подозревали. Пауза затягивалась.

Наконец англичане на что-то решились и бронепоезд усилил огонь. Из предпоследнего вагона выпрыгнуло шестеро солдат и полуползком под огнём буров начало пробираться в направлении позиции экспедиторов, которая находилась на полпути до взгорка, где работал пулемет буров. За рекой постреливали забившиеся по складкам местности англичане. Те кто успел спрятаться. А те, кто не успел, те либо страдали, либо им было уже ничего не нужно.

— Ползут! — Семен толкнул Никодима. — Пятеро.

Никодим отложил в сторону карабин и взялся за гранаты. Всего две. За эти гранаты командир спрашивал очень строго. Не дай бог чего. Ни одна граната не должна попасть к врагу! Ни одна! И делай, что хочешь. Хотя, конечно, людей командир экспедиторов ценил больше. А всякой разудалости не выносил вообще. Сделай дело наверняка и будешь молодцом. А не можешь сделать, отойди и попробуй ещё раз. Вот такие дела.

— Сейчас я их приголублю, — Никодим все-таки отложил одну гранату в сторону. А ну как понадобится ещё.

Бросок. Семен тоже высунулся из окопа и выстрелил. Грохнул взрыв. Семен ещё раз высунулся и ещё раз стрельнул.

— Один или двое осталось, — пробурчал он. Никодим тоже высунулся и стрельнул. И попал в цель.

Тут проснулся бронепоезд и над головами прошла пулемётная очередь. Но пулемет тут же замолчал.

— Кажется мне, что ихнему пулемёту буры кожух прострелили, сказал Семен. — А кстати, а чего снайперы молчат?

— А чо ты думаешь, что они молчат? Как ты в этой стрельбе выстрел снайпера различишь? А работы у них много, — Никодим кивком указал в сторону за рекой. — На этих то смысла нет патроны тратить, пока они под броней и настороже. Вот попозже и их черед настанет. Пусть пока патроны пожгут. На нашу долю меньше останется.

Часа четыре ничего особо не происходило. Периодически метко постреливали буры, уменьшая количество защитников бронепоезда. А может это были русские снайперы. Кто их разберет. Иногда огрызался огнём бронепоезд.

Наконец за рекой забухали пушки и на позиции буров полетели снаряды. И шрапнель. Издалека показались нестройные цепи англичан. И где-то слева в районе бывшего брода началась ружейная перестрелка. Но именно бывшего. Хрен там сейчас перейдешь вброд. Воды прибыло много. Но англичане этого, видимо пока не знали. Идеальная позиция. Чтоб обойти ее, нужно было сделать крюк в почти два десятка верст. Но там гостей тоже ждут. Или в четыре десятка. А бронепоезд вот он. И не бросишь его.

Цепи англичан приблизились, и из-за холма заговорили три бурских пушки. Где-то в стороне

зарокотал Пом-Пом. Над англичанами вспучились разрывы шрапнелей. Опять заработали на флангах пулеметы. С бронепоезда сигануло в сторону позиций экспедиторов полтора десятка солдат. Зарычал починенный пулемет. Загрохали по бурским позициям пушки бронепоезда.

— Вот и времечко пришло для второй машинки, — решил Никодим. И крутанул ручку.

Земля вздрогнула и взрыв разметал подобравшихся для атаки солдат из бронепоезда. Сверху посыпались камни и куски земли.

Семен высунулся из окопчика, стрельнул из Агрени и шмыгнул обратно.

— Знатно получилось! Командир у нас голова! Это же надо так угадать. Все как по писанному идёт...

— Не говори гоп, пока..., — Никодим хотел высунуться, но не успел. Над головой опять прошла очередь.

— Вот зараза! И когда ж у них патроны кончатся?

— Ничо! Пушай постреляют. Толку то с того. Дай-ка шашку динамитную. Ежели там кто остался, то там и приголублю.

Получив желаемое, экспедитор поджег фитиль, немного подождал и швырнул шашку в сторону, где несколько секунд назад скапливались англичане с бронепоезда.

Опять взрыв.

— Дай ещё!

— Нехрен! Нет там никого больше. Кончились.

А бой меж тем продолжался. Вот только и в этот раз англичанам не удалось подойти к берегу реки. А даже если бы и подошли, то что б они там делали? Особо ожесточенная перестрелка была слышна у брода. Но и она потом стихла.

Вечерело. Бронепоезд почти не стрелял.

— А они его сами не взорвут? — поделился сомнениями Семен.

— А леший их знает.

Прошло некоторое время, солнце закатилось за горизонт и свет как будто выключили.

— Ну что, пора к месту сбора?

— Да, пожалуй. Тока добро свое сейчас забираем. Утром некогда будет.

Ранним утром следующего дня по наспех положенным рельсам бронепоезд уполз в тыл. Это был второй бурский бронепоезд, захваченный у врага. И четвёртый в составе бурской армии. Десяток экспедиторов в полном составе отбыл в тыл вместе с бронепоездом за обещанной Де Ветом наградой.

Они просто хорошо сделали свою работу!

Декабрь 1899 года

Александр сидел за столом и ломал голову. Создаваемый им консорциум для разработки коксующихся углей Кузнецкого бассейна разваливался просто на глазах. Уже даже подписавшиеся на это дело начали выражать сомнение в своевременности больших трат. За последнюю неделю представители двух старых дворянских фамилий отказались от проекта. Нет, никто не выражал сомнений, что проект окажется выгодным. С этим как раз проблем не было. Слишком убедительными были данные геологоразведки и прочие документы, собранные трудолюбивыми сотрудниками его компаний, а все возрастающая потребность в хорошем угле для Урала из-за сильного сокращения лесов была видна. Однако экономика страны все очевидней сваливалась в кризис. А фамилии имели много собственных уже вложенных в различные предприятия и земли интересов, и рисковать потерей больших сумм категорически не хотели. Для чего им нужны были свободные средства. А получить быстро оные в том же Дворянском банке становилось все проблематичнее. Фактически банк прекратил выдачу крупных сумм под залог земель и имений. Население активно забирало из коммерческих банков вклады, напуганное начавшимися банкротствами, а иностранные банки прекращали выдачу банкам дешёвых кредитов. Госбанк же пока наблюдал за ситуацией и только поднимал учётную ставку. Волжско-камский банк, на участие которого так надеялся Агренов, никакого ответа пока не давал, но уже было очевидно, что его ответ будет отрицательным. Вывод вкладов и дешёвых иностранных кредитов не обошел стороной и этого столпа банковского рынка. Минфин, конечно, не даст такому гиганту упасть, но вот участие Волжско-Камского в финансировании крупных внешних проектов в настоящее время вызывало большие сомнения.

Мало того, недавно князь получил подтверждение того, что затеянное Аликс крупномасштабное дело, порученное ему, было всего лишь обычным кидаловом. Причём из такого источника, что сомнений в истинности сведений вообще не возникало. Собственно, полковник Васильев и был разработчиком схемы этой аферы, затеянной Императрицей. И после долгих сомнений поделился этими сведениями со своим старым знакомым, бывшим пограничником, которому в немалой степени был обязан своим нынешним положением и чином. Слава Богу, порядочность по мере восхождения по служебной лестнице он не растерял. Он рисковал всем, если слив информации из царских покоев дойдёт ещё до чьих то ушей. И тем не менее полковник рискнул. Более того, он поделился с князем сомнениями, что он знает о плане аферы все. Некоторое детали вызывали у Васильева определённые сомнения и настороженность. Как-то не слишком логично они ложились в общую канву. Некоторые оговорки Александры Федоровны, о которых ему удалось узнать, наводили на мысли, что в деле могли отметиться хитромудрые британцы. А это уже намного более высокий уровень игры. Против двух соперников такого ранга и класса он не готов был играть. Тем более в одиночку.

Впрочем афера развалилась ещё и не начавшись. И отчасти в этом помог кризис. После того, как Николай увидел итоговую сумму и сроки, в которые все нужно было осуществить, он категорически отказался что-либо одобрять. Особенно ему не понравилось, что казна три четверти всего этого должна финансировать сама. От предложения Императора взять это на себя, уже отказался сам Александр. Особо настаивала на этом Аликс, отчего Николай даже тактично посоветовал ей не лезть не в свои дела. И это в присутствии князя. Аликс тогда явно обиделась и дальше уже не вмешивалась в процесс переговоров. Император уполонил проект и потребовал растянуть его сроки вдвое. А пока князь с Витте пересчитывали все заново и согласовывали конкретику, начался банковский кризис. А вместе с ним начали исчезать источники финансирования. Попытки Витте взять кредит за рубежом ни к чему не привели. А потому объем работ пришлось сокращать ещё раз, так как финансирование теперь могло идти только из существующего бюджета. В итоге согласованное тянуло на без малого 50 миллионов, из которых казна и Уделы брали на себя 37. Срок 4 года. Причём большая часть шла, как бы

сказали в его первой жизни, по предоплате. А потому урезанный проект уже никак не мог поколебать финансовое положение Александра. Если он только сам с дуру не подставится. Более того, как ему удалось узнать, у Императорской четы случился явный разлад. Не иначе Николай в итоге что-то прознал про нелюбимые замыслы супруги. Что ни говори, а человеком Николай 2 был порядочным. Это государем он был слабым... И все бы ничего, но обиженная женщина может быть крайне опасна. А в ранге Императрицы тем более. И не столь важно, что власти у неё почти нет. Ведь если она сама для себя посчитает виновником её неудачи Агренева, то это опасно. А подобный выверт в женских мозгах исключать ну совершенно нельзя. Не на мужа же она злость срывать будет. Да и Васильев вполне может пострадать. А поддержка, которую могли оказать Агреневу Мария Федоровна и Михаил не являются гарантией спокойной жизни.

Агренов встал и прошелся по комнате. За окном шумел привычной повседневной жизнью Петербург. Петербург 1899-го года. Александр уже несколько раз жалел, что не расстроил в своё время брак Николая с Аликс. Всего то надо было проплатить несколько газетных статей в иностранной прессе о том, что Аликс является очень вероятной носительницей неизлечимой генетической болезни, которой будут страдать её дети мужского пола, то есть и будущий наследник престола. Те же американцы не отказались бы от такого пинка английской короне. А дальше скандал разросся бы сам собой. И тогда этого Августейшего брака бы просто не могло быть. Правда в этом случае весь известный ему ход истории оказался бы напрочь поломанным. И именно это в своё время остановило его от публикации скандального материала. И хотя в этом мире имелись некоторые отличия от тех, про которые он когда-то читал в другой жизни, общая канва истории совпадала. А знать ход истории на годы вперёд — это просто бесценно.

И что теперь делать? Выход представлялся очевидным. И, значит, Михаилу предстоит стать новым Императором. В конце концов именно для этого Агренов готовил младшего сына Александра Третьего. Вот только как это сделать, Агренов совершенно не представлял. Теоретически можно попробовать все сделать самому. Допустим, он завалит Николая. Вот только если его потом вычислят, то все предыдущее прогрессорство пойдёт псу под хвост. Да, на трон взойдёт Михаил. Но вот сможет ли он преодолеть инерцию идущего под откос поезда, которым сейчас представлялось Российское государство? Вот совсем не факт. И ведь не оставишь после себя записи с советами новому государю. Михаил их и в руки не возьмёт. Николай его брат, а после смерти Георгия их осталось всего двое. А есть ещё опасность того, что и последнего из Братьев могут захотеть убрать, если Михаил начнёт реформировать систему по своему разумению. Недовольных там окажется до жути много.

Александр конечно не страдал манией величия, но получалось так, что менять Императора нужно, но жизненно необходимо после этого оказаться рядом с Михаилом. А риск попасться был весьма немалым. И как быть?

Так ничего и не придумав, Агренов вернулся за стол. Покрутил в руках ручку с золотым пером. Вернёмся от судеб страны к делам нашим скорбным.

Строить железную дорогу только до Кемерово и добывать уголек пока только там? На это то денег у него вполне хватит и без казны, и добро на это есть. И имеется обещание Витте снизить тарифы на перевозку угля до Урала. В конце концов коксующийся уголь на уральских заводах нужен не одному князю Агреневу. Казенным горнозаводским округам он тоже нужен. Так что почему бы и нет? М-да... И жаль, конечно, те проекты, которые пошли под секвестирование, но не самому же их тянуть. Уж больно они масштабны и без поддержки государства их не осилить. А раз не получилось с ними, у него и собственные проекты имеются. И тоже очень важные. Да и имеющиеся можно расширить. И тут главное не

переусердствовать. А то кризис — дело такое. Не успеешь оглянуться, и без всякого кидалова можно банкротом оказаться.

Ладно! Пробьемся! А вот через несколько дней он станет женатым человеком. Первый раз за две жизни. И ведь не просто так. А влюбился как мальчишка.

Александр улыбнулся.

У него будет Надя! Надежда!

3 января 1900 года

Александр сидел в купе поезда, увозящего молодоженов в Швейцарские Альпы и смотрел, как за окном проплывают зимние пейзажи. Напротив него, свернувшись калачиком, спала Надя. Её милое прекрасное лицо во сне озаряла лёгкая улыбка. Видимо ей снилось что-то хорошее. При этом она совсем по-детски посапывала.

Свадьба и последующие за ним мероприятия за несколько дней совсем измотали молодых, и поэтому они просто напросто сбежали из столицы. В прошлой жизни он не был женат. И только теперь понял, что молодожёны отправляются в свадебное путешествие не только для того, чтоб побыть вместе, но и для того, чтоб вырваться из суеты, связанной со свадьбой и вытекающими из неё последствиями. Желающих поздравить, что-то подарить, что-то выторговать под такой повод гостей и прочих посетителей было слишком много. В общем они сбежали, хотя в Петербурге ещё оставалось много недоделанных дел, связанных с новыми контрактами с казной и Кабинетом. Ну да ничего. Его люди справятся. Ведь справлялись как-то без него несколько лет, которые он провёл на Дальнем Востоке.

Мысли вернулись к событиям осени и зимы прошлого года. Михаилу удалось почти что невозможное. Он пробил через Высочайшие инстанции разработку 4.2 дюймовой гаубицы. Неугомонный Цесаревич сумел связать в умах тех, кто отвечал за армию и собственно артиллерию несколько вещей. Что будто бы казна может получить завод гренига вместе с технологией его производства только в случае, если будет получен заказ на разработку гаубицы, а князь Агренив получит заказ на производство корпусов снарядов для неё. Заинтересованность Военного ведомства в грениге была весьма велика. Оно и понятно. Флот получал грениг для снаряжения снарядов, а сухопутчикам не доставалось из поставок почти ничего. Работать с гренигом было достаточно просто. В общем Великий Князь Михаил Николаевич и глава Военного ведомства генерал Куропаткин просто подмахнули бумагу. Ведь по их мнению, что там выйдет с разработкой, ещё не понятно. А завод по выделке гренига к тому моменту уже будет построен и никуда не денется. Агрениву же заказ на выделку корпусов снарядов сейчас вполне можно пообещать. А чтобы работы по грениговому заводу начались уже в следующем году, и на это казна выделила ассигнования, достаточно быстро провели через ГАУ все решения, немного подкорректировав техническое задание на орудие, и дали поручение Арткому в короткие сроки разработать проект патрона. Чертеж фугасного снаряда просто взяли пока от 4.2 дюймовой осадной пушки, а гильзу с метательными зарядами следовало разработать заново. Кроме этого вмешался кто-то, хлопотавший за Охтинский завод. На нем имелась мастерская по выделке мелинита. Поскольку производство было налажено, а начальная скорость снаряда гаубицы была невысока, то вполне обоснованно там решили, что фугасные гранаты гаубицы можно снаряжать и мелинитом, а не только гренигом или пироксилином. Так что завод получал в случае появления гаубицы дополнительную работу и финансирование. Ведь до этого мелинит шёл почти исключительно на снаряжение мортирных снарядов. И когда накопление запасов мелинита будет завершено, цех мелинита придётся ставить на консервацию. А так, если с гаубицей сростется, то цех вполне себе продолжит

работу.

Из-за большой дальности выстрела гаубицу изначально предназначили для осадной артиллерии. Да и ладно, не все ли равно, куда её изначально записали. Главное, что начали проектирование. Причём отдали его, как ни странно, Обуховскому заводу, заказав изготовление опытного образца к началу 1901 году. Точнее работали на проектировании специалисты Обуховского завода и Арткома. Такой выбор был сделан по причине того, что к декабрю стало ясно, что в конкурсе полевых трехдюймовок выиграл Путиловский завод, хоть пока об этом и не было объявлено. И именно ему достанется первый заказ на выделку трехдюймовок, а значит ему придется разрабатывать технологию массовой выделки орудий. А на это нужны время и инженерные кадры. Речь о втором производителе полевых пушек пока не шла до объявления результатов конкурса и принятия орудия на вооружение. Заказ на проектирование горной пушки с Обуховского завода сняли, поскольку к нему завод ещё даже не приступал, бросив все силы на доводку полевой пушки.

С казенными и кабинетными заказами тоже в итоге все было неплохо. Для начала князь получил заказ на постройку двух заводов для производства гренига. Вернее завод по выделке гренига решено было пристроить к Шостенскому пороховому заводу, а завод ректификации сырого бензола постановили построить в Донбассе. Но площадку под него пока ещё не выбрали. А чтобы обеспечить этот завод сырьем, порешили обязать нескольких промышленников, имеющиеся в Новороссии коксовые заводы, оборудовать печи системой по улавливанию сырого бензола и аммиачной воды, выдав их хозяевам гарантированный заказ на эти продукты на несколько лет. А также было рекомендовано не подписывать в дальнейшем разрешения на постройку коксовых батарей для новых заводов без соответствующего оборудования.

Глава Морского министерства Великий Князь Александр Михайлович тоже проявил большой интерес к грениговому заводу, вернее к его будущей продукции, но сухопутчики грудью на защиту своего будущего поставщика взрывчатых веществ. Тем не менее Сандро сумел добиться увеличения мощности завода на четверть. Все-таки отец сыну всегда поможет.

Весной начнётся модернизация Златоустовского и Нижнетуринского казенных заводов. Здесь Александру досталась только часть заказа, касающегося непосредственно оборудования по выделке стальных снарядов среднего и крупного калибров для морских орудий. Технологию Грум-Гржимайло передал Пермскому и Обуховскому заводам ещё в 97-м году, но дело шло пока неспешно, и снарядов по новой технологии выдвигалось мало. А потому решено было подключить к делу ещё два уральских завода Горного ведомства.

Ему наконец отдали в полное распоряжение Бакальское месторождение железной руды. До этого компания Агренева ещё в 98-м году после постройки казной ветки от месторождения до линии железной дороги стала единым оператором на Бакале. Все-таки экскаваторы — это не заступы и лопаты. Но теперь решено было поставить рядом с рудниками современные обжиговые печи, на постройку которых ему был выдан наряд. До этого руду обжигали просто в кучах, причём каждый из заводов это делал самостоятельно.

На кабинетных землях ему предстояло вывести из спячки риддерские полиметаллических рудники. Кабинет давно искал того, кто бы мог это сделать, чтоб получать прибыль с Кабинетных земель и заодно сократить покупку за рубежом свинца и цинка. И таки нашел такого кандидата в лице князя. Причём было оговорено, что когда проект будет осуществлен, князю в аренду могут сдать закрытый рудник в Шемонаихе. Риддерский проект был расписан на четыре года. Для начала ещё предстояло построить к нему от пристани на Иртыше

железную дорогу длиной около 40 верст. В самом Риддере или на Иртыше нужно будет ставить горно-обогатительный комбинат. А на собственные средства ещё и завод по выделке металлов из концентратов. Место под него князь был должен найти самостоятельно, но не дальше Омска. Причём на этот завод будет свозиться вся добыча с прииртышских полиметаллических рудников включая действующие казенные.

Началась трассировка пути от станции Юрга до кемеровского угольного месторождения. Причём контракт составлен так, что в ближайшие 40 лет за Агрневым остаётся преимущественное право на эксплуатацию всех угольных и рудных месторождений вокруг сооружаемой железной дороги на 100 верст. Да и продлить эту железную дорогу без его одобрения дальше к Салаирскому кряжу будет непросто даже для казны и Кабинета. К тому же удалось заключить на будущее долгосрочный контракт на поставку угля с Министерством путей сообщения. А там, глядишь, с Божьей помощью со временем и на продолжение дороги денег найдём.

Под полную реконструкцию Кабинетом ему отдавался металлургический завод в Петровске за Байкалом. Александр в свое время, пока ездил по амурским землям, заезжал и на этот завод. Там, почитай, все нужно было строить заново включая доменные печи. Потому как существующие не годились под модернизацию категорически. Завод снабжал металлом и изделиями из него все Забайкалье, но с ценами из-за крайней отсталости оборудования обстояло все достаточно печально. Тем более, что в качестве топлива имелся только древесный уголь. Слава Богу, что с лесом в тех местах проблем не было. Вокруг тайга. Правда уже прореженная вырубками. Ну да ничего. За Байкалом в округе ни одного конкурента до самого Хабаровска не было. А в Забайкальском округе проживало около полумиллиона населения. Да ещё рядом монгольские степи, Амур и КВЖД. Так что проблем со сбытом металла там не будет. Потому то он и взял этот завод в аренду на 24 года.

Был и ещё ряд заказов от казны. Тот же завод в

Надя открыла глаза и сладко потянулась. Она бросила взгляд на Александра и улыбнулась. А потом как-то с кошачьей грацией изогнулась, эротично провела рукой по высокой груди и прошептала:

— Мииилый! Иди ко мне...

Февраль 1900 года

Василий Иванович Мезенцев отложил в сторону биржевые сводки Парижской биржи и задумался. Определённо в Европе начинается то, что в первую очередь произошло в России. Заказ на игру в короткую на Европейских биржах он уже получил. И сейчас раздумывал над вариантами. Да, это конечно будет не такая шикарная игра, как удалось провернуть с акциями золотодобывающих компаний и Де Бирса в прошлом году, когда на обвальном падении после начала войны на Юге Африки удалось поднять почти два миллиона фунтов стерлингов, но тоже весьма интересно. Его контора уже несколько лет обслуживала интересы многочисленных предприятий князя Агрнева. Его маклеры работали и на фондовых биржах и на товарных. И редко оказывались в минусе. Иногда он получал жёсткие приказы делать так то и так то, и вот тогда прибыль со сделок исчислялась миллионами, как последний раз с Африкой. Где князь добывал такие мощные инсайды, Мезенцева уже давно не интересовало. А то, что это были инсайды, Василий Иванович несколько не сомневался. Испано-американская война, алмазная лихорадка в германской юго-западной Африке, качели на акциях золотодобывающих и алмазных приисках в бурских республиках и Капской колонии аж три раза, игра в длинную на Бакинских приисках... Из крупных событий мимо него прошла наверно только Техасская

нефтяная лихорадка. Да и то только потому, что его контора не работала в Америке. У его сиятельства в САСШ явно были другие люди. Сейчас контора стояла в шортах по акциям и паям двух десятков русских товариществ и банков. Хотя внутри страны делать это было сложнее, поскольку биржевые технологии были не так развиты, как в Европе.

Мезенцев взял в руки газету Российские вести.

Так, поглядим, что нам пишет пресса. Ага, угу..., это не интересно. Так! Питер Кронье отразил попытку британских войск деблокировать Де-Ар. Особо отличились иностранные волонтеры — артиллеристы. Тэкс, это вообще где? Ага, вот он Де-Ар. Молодцы! Так... бурские отряды вышли к побережью между Лоренсо-Маркеш и Дурбаном. А, ну да. Теперь у Королевского флота явно прибавится проблем. Это тебе не один португальский колониальный порт блокировать. Жаль только взять этот Питермарицбург бурам никак не удаётся. От него до Дурбана рукой подать.

Англичан Мезенцев не любил давно. Его дед чуть не погиб при обороне Севастополя в Крымскую войну. Впрочем нынешних союзников России — французов он не любил тоже. В последние несколько лет в прессе появилось достаточно много статей и прочих материалов о том, как поступали разные европейцы с его страной и вообще русскими. А также об их порядках в собственных колониях. Цивилизованные они, как же! Таких цивилизованных только на деревьях развешивать. И хотя государственные издания пытались сгладить негативный фон, властям это удавалось плохо. Сейчас правда вся Европа и САСШ впридачу ополчились против против англичан, ну так есть за что. Вот и реклама волонтерной компании. На войну в помощь бурам. Эх, был бы помоложе, наверно б и подумал насчёт по квитаться с британцами за все хорошее.

О! Правительство объявило, о необходимости налаживания добрых отношений с соседним Афганистаном и развитии торговли между странами. Дааа, это тоже камень в английский огород. Интересно, войска подтягивать к границе с Афганистаном будут или ограничатся заявлениями и торговлей? А ведь и в правду наступление на британские интересы в Азии началось. В декабре князь персидский шах концессию на юге Персии выдал, а русское правительство выдало заём персам... Дааа! Дела!

Так, САСШ намерены вдвое увеличить военную группировку на Филиппинах. Партизанская война расширяется. Нда, не повезло этим азиатам. Сначала воевали против испанцев вместе с американцами, а теперь американцы воюют против местных, кому они якобы помогали в борьбе за свободу. Впрочем что англичане, что американцы, один чёрт. Если первые чванливые, вторые наглые и бесцеремонные. Вон на прошлой неделе в Ведомостях писали, как они браконьерят на нашем Дальнем Востоке. И хоть бы хны. Правительство даже не чешется. Послали три не боеспособные посудины с Балтики во Владивосток и Петропавловск. Да разве ж ими что там сделаешь? Там не три нужны, а тридцать три. У князя одного своих судов там больше чем у всего государства российского. И гоняет он там, что японских браконьеров, что американских. Да только разве ж он один за всеми супостатами усмотрит? Эх!

Такс... Вильгельм 2 объявил Самоа зоной германских интересов. Где это вообще такое? Хмм... Где-то в Тихом океане. Тропические острова с населением из бывших каннибалов. Нет, тропический остров — это, пожалуй, неплохо. Можно было бы отдохнуть. Но каннибалы явно лишние. Вон, в прошлом годе младший Лунёв, говорят, перетрунулся, так его князь на Мадейру отправил на полтора месяца. Вернулся загоревший что твой турок, зато довольный как кот после случки. И, говорят, начал выпрашивать у его сиятельства разрешение на открытие дел где-нибудь в африканских колониях или центральной Америке. Что же он там растить хотел? Не, не помню. Да и ладно. Зато вина тамошнего привёз и отдарился. Неплохая

вещь!

Василий Иванович взглянул на часы. Новый писк моды — наручные московского завода Полёт. А эти вообще эксклюзив — с фосфорной подсветкой циферблата и стрелок.

— Так, пора бы и пообедать. А и правильно. Пойду-ка я, — решил Мезенцев. — А после обеда уже и решать будем, с чего начать в этом Париже.

2 марта 1900 года

— И чем ты так недоволен? Выкупил за сущие копейки свой желанный Жезказган. А Караганда, ну что Караганда? Помучаются её хозяйева ещё годик-два, да продадут. Выхода у них все равно нет. Медь со Спасского завода они и так в убыток продают.

— Понимаешь, Гриш, они ведь её могут и не нам продать. А Жезказган... Да, теперь он не уплывает в чужие руки. Но и добычу меди мы там организовать не сможем. Я так и не придумал, как в такой дали без железной дороги можно организовать что-то более менее эффективное. А перед казной в связи с покупкой Жезказгана у нас теперь образовались некоторые обязательства.

— Пффф! — фыркнул бывший казак. — То же мне беда! Подашь на Высочайшее имя прошение об отсрочке начала разработки в связи с покупкой и необходимостью геологической разведки земель. Что тебе Карпинский и Витте положительные сопроводительные письма к нему не напишут? Ведь разведку там по-любому нужно проводить. А как вскроются расписываемые тобой масштабы месторождения, так может чего и изменится...

— Но добывать то медь без железной дороги мы все равно не сможем.

— И что? Кто-то другой что-ли сможет? Месторождение у тебя. И никто его у тебя не отнимет. Мало тебе что-ли Карабаша и Дегтярского? Да их ещё развивать и развивать. За последнее только в прошлом году взялись. Мы ж всю страну медью обеспечить можем. А на Урале с Кавказом и без нас добытчиков хватает.

— Не сможем мы наверно страну медью обеспечить. Но в чем-то ты прав...

— Знаешь, Яковлевич, ты пытаешься решить проблемы государства за собственный счёт. А ты, между прочим, хоть князь и мультимиллионер, но ни разу не царь. И государевой казной не распоряжаешься. Вот ежели там все так вкусно в этих степях казахских, так пусть государство тебе эту железную дорогу и строит. Ну или себе.

— Вот, блин, научил тебя на свою голову, — улыбнулся Агренов справедливой отповеди.

— Научил, научил, — Долгин довольно покрутил ус. — Ты вот мне лучше скажи, что решил насчёт Дальнего Востока? Когда выезжаем?

Князь потискал рукой бритый подбородок, подумал и решил:

— Давай через две недели. Как раз успею все дела утрясти. По пути своими глазами глянем, как там дела с Кругобайкалкой обстоят. Должны успеть до схода льда на Байкале. А то не дай Бог застрянем там на несколько недель на берегу. Готовь команду экспедиторов, что с нами поедет.

— Так может не гнать лошадей? — засомневался Григорий, — поедем через месяц, да двинемся

без всяких препятствий.

— Нет, время поджидает. В крайнем случае в Иркутске с тамошними золотодобытчиками и купцами пообщаемся.

— Ладно. Слушай, а что это к тебе Великий Князь Константин Константинович зачастил?

— А, ерунда! — махнул рукой мультимиллионер. — Уговаривает меня спонсировать полярную арктическую экспедицию. Идут искать какую-то пресловутую землю Санникова. Причём плыть собрались на какой-то древней парусно-винтовой посудине, а не на ледоколе. Я ему сразу так и сказал, что не хочу спонсировать попытку весьма дорогостоящего самоубийства нескольких десятков весьма полезных русских людей. Но отделаться от Великого князя ой как непросто...

— Это что ж, он сам что-ли на Север поплывет во льды? — удивился казак.

— Не, это он так благотворительностью занимается. Хотя и сам от себя пожертвовал и от казны какое-то финансирование выбил.

— И что? Неужто ничего не дал?

— Ну пришлось. В общем я так и сказал, что никакого смысла в экспедиции не вижу. И жертвовать на неё не буду. Вот если б они собирались пройти от Архангельска до Петропавловска-Камчатского, тогда другое дело. Хотя на спасение людей, если случится такая беда, пообещал пемикана, лёгкие сани и кой-чего ещё. Говорил я с двумя этими полярниками. Отчаянные абсолютно. Наверняка попрутся в самые льды, где их затрет. И будут там зимовать, пока продукты не кончатся. А вот тогда мои подарки, глядишь и сгодятся. Хотя я может и зря на них так думаю. Но...

— М-да, делать людям больше нечего, чем по льдам шастать. Как будто на Мурмане или Груманте заняться нечем, — Григорий недовольно покачал головой. — Все пользы больше было бы...

В дверь постучали, она приоткрылась и в проеме появилась голова Купельникова.

— Разрешите, Александр Яковлевич?

— Заходи, Иван Иваныч!

Купельников прошёл в кабинет, присел за стол и положил на него свою, ставшую уже дежурной, папку. Бросил взгляд на дверь, и убедившись, что она закрыта, начал:

— Из Лоренцо-Маркеша пришло сообщение, что пароход «Денвер» смог прорваться через блокаду. Уже встал под разгрузку рядом с германской канонерской лодкой. Буры извещены о грузе.

— О! Это дело! — вскинулся Долгин. — Значит боеприпасов у них явно прибавится.

— Вероятные проблемы? Сумеем протащить груз?

— Сумеем, Александр Яковлевич, хоть англичане сильно бушуют. Немцы также готовы помочь. Португальские колониальные власти хоть и вынуждены придерживаться нейтралитета, но отдельные их представители слишком любят бурское золото. Однако, думаю, это последний пароход. Рисковать далее слишком опасно. Да и положение у буров незавидное.

— Мдааа, — протянул князь, — и чем ожидается оплата?

— Золотом, как всегда. — Купельников пожал плечами, — И весьма возможно, что нам достанется часть захваченных бурами алмазов из Кимберли. Будем брать, как вы просили, некрупные. Плюс технические. Груз намечено вывозить через германскую Юго-западную Африку. С ним из Трансвааля уйдет часть экспедиторов. Это, конечно, долгий и весьма неудобный путь, но германцы его уже «натоптали». Да и с вывозом из тамошнего порта проблем не будет. Досматривать корабли у немецкого побережья англичане не решаются. Это не их колония. Хотя некоторые пакости немцам они уже начали делать.

Купельников налил себе воды из графине, сделал глоток и продолжил:

— На английских и захваченных англичанами бурских землях наблюдается рост партизанских действий. Британцам приходится защищать не только свои растянутые коммуникации, но и ставить гарнизоны в более менее крупных местечках. Что отнимает у них массу войск, которые могли бы быть использованы на условных фронтах. А постоянные диверсии на путях подвоза уменьшают скорость передвижения грузов. Имеются серьёзные проблемы с заготовкой продовольствия для экспедиционной армии. Желающих продавать продукты британцам в Южной Африке стало совсем мало. И начались реквизиции, что не добавляет англичанам популярности среди местных. Хотя большую часть продовольствия им приходится завозить из Южной Америки, Европы и Индии. А это все сильнее сказывается на ценах. Наши и европейские корреспонденты шастают по тылам и вскрывают все новые гадости, творимые англичанами. И хотя военные власти всячески препятствуют их работе, особенно в передаче информации, но...

— Да уж, Иван Иванович! На Британского льва в последние месяцы пресса вылилась столько помоев, что хватило бы на десяток лет вперёд! — усмехнулся князь. — И в этом немалая ваша заслуга. Уж в России то точно. Кампания в нашей прессе разыграна как по нотам.

— Спасибо, Александр Яковлевич, — улыбнулся контрразведчик. — Есть сведения по Китаю. В тамошнюю прессу все эти настроения также проникают, хоть мы и не имеем к этому отношения. Как сообщают наши люди, да и иные наблюдатели, идёт значительный рост недовольства местного населения в особенности наиболее политикой «белых» на территории страны. Боюсь, что предсказанная вами смута уже началась. Пока это очень разрозненно, но ситуация постепенно ухудшается. К сожалению, настроения черни таковы, что китайцы почти не разделяют нас и прочих европейцев. Для них мы все «длинноносые варвары». И хоть наиболее активно китайцы не любят англичан, но когда полыхнет, то никто никого делить по национальностям не будет.

— Из Пекина, — продолжил Купельников, — сообщили, что заказанная вами партия оружия и боеприпасов доставлена и припрятана в двух надежных местах. Так что местные ни о чем не догадываются, как и наши соотечественники. И пока им не сообщат о заначке, никто об оружии знать не будет. В Благовещенске и Владивостоке наши складские запасы боеприпасов полны. Так что мы в целом готовы, ну насколько это возможно. Людей бы ещё...

— Увы, но людей у нас больше нет. Я говорил кое с кем, — Агрнев поднял глаза к потолку, — там тоже обеспокоены ситуацией в Китае. И начинают перебрасывать подкрепления в Порт-Артур и Владивосток. В понедельник, насколько мне известно, из Одессы уйдёт пароход с войсками. Хотя пока в верхах надеются ограничиться незначительными силами. Дивизия — две. Плюс местные войска и казаки.

Конец марта 1900 года

Крайним вопросом перед отъездом на Дальний Восток стало решение по Енисейскому золоту. И вот сейчас вместе с князем, Гришей и большой командой экспедиторов до Красноярска ехали две группы, которые должны пообщаться с енисейскими золотопромышленниками, пройтись по заявкам и выбрать несколько золотоносных участков, которые можно было бы прикупить для дражной добычи золота. А потом Горенов должен был окончательно решить вопрос с покупкой участков.

Предыстория вопроса была такова. Драги до этого времени в Империи не применял никто. И никто не производил. А вот в других странах они имелись и успешно применялись. Максимальная механизация, которую применяли в России, — это бочечные машины. И именно они и бутары применялись и в амурских владениях князя. Причина была простой. Для применения драги нужны грамотные механики. А ещё нужен нормальный доступ к запчастям, чтоб драга в случае поломки не простаивала. Потому даже у Агренева на Амуре их не было, потому как обеспечить их запчастями там было пока крайне сложно. Да и для дражного способа промывки золота существовал ряд ограничений.

С сороковых годов 19-го века, когда добыча золота в Империи достигла своего максимума, началось плавное ее снижение. Причиной было то, что постепенно самое доступное и легкое верховое в богатых россыпях золото заканчивалось. А добыча глубоко залегающих россыпей обычными способами была очень трудоемка. И часто просто не выгодна. За границей, в той же Канаде, Австралии или САСШ эту проблему начали решать с помощью драг. Дабы не отставать от прогресса, на прииски САСШ и Канады князем были посланы отобранные люди для ознакомления с самим процессом, его особенностями и конструкцией драг. Одна драга была куплена в Англии вместе с чертежами и доставлена в Кыштымский округ на одну из золотоносных речек. Драга отработала весь прошлый сезон весьма успешно. Герту, как главному машиностроителю, было поручено на основании чертежей имевшейся малолитражной импортной драги создать свой проект для воплощения его в металле. Иммануил Викторович с задачей справился, внес некоторые изменения и усовершенствования по итогам эксплуатации. Причём сделал сразу два проекта. Под паровую машину и под бензиновый двигатель. Причём надо сказать, что за работой драги на Урале следило как бы не полстраны. По крайней мере во многих уральских и сибирских газетах работу драги отслеживали весьма пристально. Оно и понятно. В случае успеха драги у золотопромышленников появлялся великолепный шанс добраться до бедных или глубоко залегающих золотоносных слоёв с неплохим экономическим результатом. Ведь, скажем, в Енисейской губернии, ещё недавно бывшей главным поставщиком россыпного золота в стране, имелось много разведанных и зарегистрированных участков, которые не разрабатывались из-за того, что содержание золота там было мало или оно лежало слишком глубоко для добычи с помощью лопаты, кирки и тачки. Приезжали посмотреть на работу драги и сами купцы-золотодобытчики. Александр, видя такой интерес, дал распоряжение не препятствовать наблюдателям, а напротив это дело поощрять. А в конце сезона в Челябинской газете были опубликованы результаты сезона работы вместе с геологическими данными участка, который разрабатывала драга. А также было сообщено, что челябинский завод начинает выделку собственных усовершенствованных драг. Статья была тут же перепечатана во множестве сибирских газет. Энтузиазм по этой статье был велик. Зимой заводу заказали уже две драги. Вернее только две, да и то из-за того, что цена драги была все-таки велика и немногие могли её себе позволить в одиночку. Заказы сделали богатый и известный сибирский золотопромышленник Асташев и только что созданное акционерное товарищество «Драга». И похоже, что только двумя заказами межсезонье не ограничится. Просто для покупки драги отдельным золотодобытчикам нужно было сорганизоваться в товарищества, оформить бумаги и собрать необходимую сумму. А это дело не быстрое. В собственный горный округ также было решено построить ещё одну драгу.

Основной замысел был прост. Заработать и на добыче золота и на продаже драг. А заодно прям на месте их и прорекламировать. Золото ценно в любое время. Есть ли кризис на дворе, нет ли... Все равно. А для добычи требуются драги, которые Челябинский завод и выпускает. Александр даже начал раздумывать над тем, а не попробовать ли сдавать драги в аренду. Но тратить собственную кубышку на это пока не хотелось, а с банковскими кредитами ныне все обстояло весьма не просто. Так что мысль об аренде драг была пока отложена в дальний уголок памяти. И записана в очередной карманный блокнот. Все равно пока чёрную металлургию и машиностроение кризис почти не затронул. А когда затронет, тогда и будем решать, подумал он.

Ко всему прочему купцы будут наверняка сами приезжать на завод, а там есть на что посмотреть и что прикупить. От лопат до двигателей и тракторов с экскаваторами. В общем выбор на любую толщину кошелька сибирского купца. Вот такое комплексное может получиться обслуживание не избалованного покупателя.

Александр зевнул. Однотонный перестук вагонных колёс клонил ко сну.

Тукдук-тукдук, тукдук-тукдук.... Хррр...!

Григорий на противоположной полке уже давно мирно похрапывал. Александр повернулся на бок и закрыл глаза. Морфей захватил его в свои объятия почти сразу.

Конец мая 1900 года

В своё время при геологической разведке и трассировании железной дороги на новый северный порт Мурманск на Кольском полуострове около озер Имандра и Лумболка было обнаружено медно-никелевое месторождение. Прямо рядом с предполагаемой линией прокладки. При дальнейшей разведке выяснилось, что хоть месторождение и не очень богатое, но весьма крупное. А поскольку никель считался стратегическим металлом, то казна с одной стороны отказалась месторождения передавать в аренду кому бы то ни было, а с другой стороны не могла сама его разрабатывать, поскольку не обладала ни специалистами, ни технологией обогащения и разделения данных металлов. Вот этой политики Валентин Иванович Грече не понимал. Сам не ам, и другим не дам. Но в итоге его нанимателю князю Агрневу удалось убедить столичных чиновников, что при подобном подходе к делу в стране своего никеля так и не появится. Изначально князь ориентировался на разработку более северного месторождения на Коле, но оно находилось на Финляндии, да и дорогу к нему пришлось бы прокладывать за собственный счёт и в довольно неблагоприятных условиях. Да и местность. Здесь хотя бы лес есть, пусть и не такой как в той же Карелии, а севернее вообще тундра да голые скалы. По результатам переговоров на самых верхах князю удалось договориться о разработке месторождения как с казной, так и с Круппом, с которым князя связывали давнишние партнёрские отношения. Казна оставляла за собой месторождение и оплачивала его обустройство всем необходимым. Крупп поставлял оборудование для горно-обогатительного комплекса и самого завода. А Русская горнорудная компания князя становилась оператором месторождения, вкладывала средства на все необходимое за исключением того, что давали немец и казна. Освоение месторождения было распланировано на четыре года. При этом Крупп в случае необходимости готов был поставлять и уголь. Но с этим ещё пока не определились.

Валентин Иванович сложил аккуратно разложенные на столе бумаги и вышел на крыльцо дома. Отсюда открывался просто шикарный вид на озеро Имандра. Правда, это если не смотреть направо. Вот там горы земли, сваленные стройматериалы и копошащийся людской

муравейник. К сожалению, своих людей сейчас князю хватать перестало, и к строительству пришлось привлечь фирму Бари, что несколько увеличивало бюджет огромной стройки. Впрочем только немного. У Бари из-за кризиса начались финансовые проблемы, и он согласился включиться в работу за не слишком великие деньги.

Пока Грeve любовался красотами природы, к домику пожаловала компания из трех немцев от пушечного короля и управляющий Русской горнорудной компанией господин Богомоллов. После взаимных приветствий Богомоллов объяснил причину столь неожиданного представительного визита.

— Валентин Иванович, мы с коллегами ещё раз все прикинули и у нас получается следующее. Если немного увеличить финансирование и дополнительно переключить часть рабочих бригад на постройку горно-обогажительного комбината, то через три года рудники и ГОК могут дать первую продукцию. За счёт её продажи можно получить дополнительный выигрыш и потом отчасти профинансировать достройку самого завода. Германские коллеги говорят, что у них есть право решить вопрос с более ранней поставкой оборудования. А потом в соответствии с имеющимся графиком казна осуществит положенные платежи и закроет кредит, который откроем мы и господин Крупп. То есть нам со своей стороны нужно внести половину суммы и увеличить количество строительных бригад. А это, полагая, вполне осуществимо.

— Хмм, мысль интересная Иван Иванович. Ну пойдёмте ко мне, разберём, насколько это выполнимо.

Засиделись они до вечера. Предложение выглядело весьма выгодным. Да, необходимо дополнительно вложиться, но сумма и сроки этих вложений представлялись приемлемыми. Согласовывать заново график возведения объектов с казной явно не имело смысла. Здесь одних только согласований на год выйдут, потому как его сиятельство отбыл на Дальний Восток, и все это делать Грeve придётся самому. А пробираться через чиновничьи барьеры в России — дело весьма не благодарное и не скорое. К самому министру финансов то просто так не попадешь. Да и будет ли он слушать Валентина Ивановича, неизвестно. Ведь все уже было утверждено. Право на подобные коррективы планов у личного порученца князя было. Поэтому порешили на том, что план принимается с некоторыми небольшими изменениями. Да и сумма, которую нужно было вложить, не представляла на сегодняшний день каких-то особых затруднений.

Через пять дней Валентин Иванович стоял вместе с профессором Доливо-Добровольским на берегу реки Нива. Пороги, пороги, пороги. Мощный поток несущейся мимо воды местами покрывали клочья пены.

— Здесь непременно, понимаете, непременно нужно ставить гидроэлектростанцию. Я скажу даже больше! Их здесь можно поставить целых две. Здесь и у Пинозера, — возбуждено говорил профессор. — Электроэнергии хватит не только за ваши медно-никелевые дела, но и на постройку завода по выделке алюминия...

— Михаил Осипович, все это понятно. Вот только денег у нас на это нет. Ни на гидростанцию, ни на завод. Да и стройка наверняка растянется на долгие годы. Вот если бы большую часть расходов на себя казна, то это другое дело. Но вы ведь знаете. Государь не утвердил и план гидростанции на Киваче. А там объем работ сильно меньше здешнего будет.

— Да неужто в России на такое дело как алюминиевый завод денег в складчину собрать нельзя? Это ж какая прибыль в будущем выйдет! — не унимался профессор.

— Можно наверно. Но не сейчас. Вы же видите, кризис в стране. Денег никто так просто не даст. Тем более длинных. Ведь отдача от них пойдёт только лет через восемь-десять.

— Ну так собирают же общества на постройку железных дорог. Да и побольше капиталы собирают.

— Это да, — согласился Грече. Но постройка железки — дело привычное и всем известное. А тут все внове. Да и с русскими нефелинами наши учёные никак справиться не могут. А строить крупный завод на привозном сырьё — опаска имеется. А ну как те же французы какую-нибудь пакость выкинут. И останемся все без штанов. Потому и начали мы строить небольшой алюминиевый завод в Таганроге. Антрацит рядом, турбины слава Богу свои, да и если что, то потери не особо великие будут. В два года управимся. А там, глядишь, учёные с нашими нефелинами справятся. И завод себе будет работать. Вот после этого и можно будет с людьми о больших деньгах говорить. Вы же знаете, как у нас ко всему новому народ с опаской относится... Ладно, пойдёмте. А то как бы мне на поезд не опоздать. Не хотелось бы в Кандалакше ночлег искать.

На обратной дороге на берегу реки им попался белобрысый малец с удой и двумя здоровыми рыбинами на кукане.

— Дядька, рыбу купи. Смотри какая! Только что из реки. Посолишь, и прям есть можно... — малец бросил рыбалку и поплелся за двумя почтенными господами в надежде сбыть улов. После минут десяти уговариваний ему таки это удалось. А через несколько часов уже в поезде Валентин Иванович с помощью проводника приготовил и отведал кольского харюза. И вправду, вкуснотища! Хотя засолить на денек-другой наверно все-таки стоило.

Июнь 1900 года

Князь Агренов бросил быстрый взгляд на улицу и опять отступил от проёма окна. Вроде все, но бережного Бог бережет. На улице валялось три десятка раненных китайцев. Впрочем половина из них или уже трупы или скоро ими станут.

— Контроль! — крикнул Агренов.

Раздалось несколько выстрелов и шевеление среди раненных на улице прекратилось совсем. Его экспедиторы, конечно, и не подумали покидать свои облюбованные укрытия. Просто сработали издалика.

Тут над головой раздался еще один резкий выстрел. Князь глянул в окно. В двух сотнях метров из-за угла бревенчатого дома медленно оседал на землю еще один китайский солдат.

— У Василя ещё плюс один, — отстранёно подумал Агренов. — Не зря я таки взял с собой снайперскую пару!

Прошло минут пятнадцать. Ничего не происходило. Прекратилась и стрельба на флангах. И только на западе Харбина ещё была слышна перестрелка. В коридоре послышались шаги и в двери появился старший второго десятка.

— Командир, может я с Петровым тихонько прошвырнусь вон до того двухэтажного дома? — десятник указал стоящую вдалеке постройку какого-то казенного типа. — Оттуда реку должно быть видно.

— Давай, Кирилл. Только осторожно. И возьми на подстраховку вторую пару.

— Бусделано, — армейской скороговоркой ответил десятник, и быстро вышел из комнаты.

Пара личной охраны продолжала торчать у окон. Агреев прошёл в угол комнаты и сел на стоящий там стул. Прислонил к стене остывающий автомат. Сел и задумался.

М-да, и нифига тут героического нет. Даже азарта никакого. Как будто на много раз отработанной полосе препятствий или в тире. Или он успел настолько зачерстветь, что сейчас убивает, не раздумывая и с абсолютным спокойствием? Нет, это я махнул! Война как никак. Хоть и не называется таковой. Так, подавление бунта. Да и то китайского. А вот погибшие на станции железнодорожники и разнорабочие, не ожидавшие такой подлости от китайских войск, — это... Князь сжал кулаки. Он не успел всего на минуту. И хоть тот китайский взвод они положили полностью, но люди погибли. Наши люди! Русские. И повинные только в том, что приехали сюда работать. Вот странно. Ведь он знал, что такое будет и ... Ну не знал, конечно, не помнил из прошлой жизни, но подозревал, что будет так. И все равно.

Александр встряхнулся. Нет, эти самокопания надо заканчивать. Кстати, раз до них дошло, значит душа не очерствела. Просто перед ним был враг. А врага положено убивать. Быстро и насмерть.

Так! Если катер ушёл вчера на рассвете, то максимум сегодня к вечеру в Хабаровске должны узнать о нападении на Харбин, даже если весть об этом не дошла туда круглым путём из Порт-Артура. Дня три на сборы. Может даже за два успеют. И дня три будут идти пароходы из Хабаровска до Харбина. Или четыре. Но это минимум. А если вместе с пароходами пойдёт конница по берегу, то неделя минимум. Чёрт! А меж тем китайцы разбирают пути. И ни хрена не сделаешь. Все они не разберут, конечно. Все-таки три импровизированных бронепоезда организовать удалось. Но тем не менее. Сиди тут и жди, когда тебя вызволят из осады. И на кой чёрт меня понесло в Харбин?

Князь вздохнул. — Ладно, надо сходить в штаб Гернгросса пока тихо. Может узнаю чего интересного? Сейчас разведка вернётся, доложится и тогда схожу.

— Дима, разведку не видать?

— Возвращаются, командир. Скоро будут.

Конец октября 1900 года

— Как вы знаете, в связи с определенными событиями на юге Африки, мы смогли выставить в Китае весьма незначительные силы при походе на Пекин. Да и действия их нельзя признать активными и удачными. Подавление бунта в провинциях Китая сейчас продолжается. Однако из-за недостатка сил оно затягивается. К сожалению, наши интересы в этой стране потерпели серьёзный урон. Убытки ещё только предстоит подсчитать, но могу сразу сказать, что они очень велики.

— И в чем проблема? — недоуменно спросил сэр Генри, — узкоглазые оплатят нам втройне.

— Видите ли, сэр, другие страны тоже понесли убытки, весьма существенные убытки. Но приняли в подавление бунта значительное участие. И также намерены получить с Китая компенсации. Боюсь, что именно количеством выставленных сил будет в значительной степени определяться распределение сумм, которые получит каждый из участников. Мы несомненно компенсируем убытки наших компаний, но говорить в данном случае о прибыли в ближайшее

время не приходится.

— Уильям, вы хотите сказать, что в старой доброй Англии перевелись дипломаты? — с усмешкой спросил сэр Генри.

— Что вы, сэр, — улыбнулся сэр Уильям, — но в настоящий момент ситуация нам не слишком благоприятствует. Предшественники маркиза Лансдауна вели, на мой взгляд, не слишком удачную политику, в результате чего сейчас у нас почти не осталось серьезных союзников в Европе. Как следствие, в настоящий момент наши дипломатические возможности воздействия на прочих участников весьма ограничены. И в китайских делах сейчас каждый думает только о собственной прибыли, не прислушиваясь к нашим аргументам.

— Это прискорбно! Королева будет недовольна, — проскрипел сэр Чарльз и заворочался в своем кресле.

В комнате на несколько минут воцарило молчание.

— Сэр Роберт, когда по-вашему можно ожидать восстановление порядка на юге Африки?

— Увы, но пока, сэр Чарльз, я не готов ответить на этот вопрос, — задумчиво ответил сэр Роберт. — Ситуация мне совсем не нравится. Бурскую армию мы практически разбили, но, дьявол меня побери, если я понимаю, что творится у нас на этих территориях. Количество шастающих по вельду шаек бандитов огромно. Отдельные шайки состоят из целой сотни бунтовщиков. По сути мы сейчас контролируем только населенные пункты, в которых стоят наши гарнизоны. Нападения на наши войска происходят повсеместно. Передвигаться по вельду приходится только крупными отрядами. Артиллерия перестала играть хоть какую-то значительную роль. Командование требует ещё и ещё войск. Причём непременно желает получить кавалерию. К сожалению, несмотря на фактическое окончание войны на юге Африки осталось много иностранных корреспондентов, не прекращающих писать гнусности о действиях наших войск. А потому приходится накладывать на эти действия определённые ограничения.

— Разве это когда-нибудь останавливало джентльменов в собственных колониях? Почему нас должно интересовать, что пишут эти писаки? — удивился сэр Чарльз.

— Нет, сэр, но многие в Европе не считают буров аборигенами. А газеты читает не только плебс... Могу также добавить, что имеются многочисленные нарекания на наше стрелковое вооружение. Русские винтовки и пулеметы, поставленные в своё время бурам, к сожалению, лучше наших. При этом буры очень хорошие стрелки, сумевшие раскрыть это преимущество. Возможно я бы подумал над тем, чтобы впоследствии вооружить винтовками Агрень хотя бы наши элитные части. Я конечно не имею ввиду покупку их у России. Уж что-что, а винтовки у нас делать умеют. Нужна только лицензия.

— М-да, русские делают некоторые успехи. Особенно этот князь Агреньев. И в Китае он самолично ухитрился отличиться. Не пора ли ему повстречаться с Всевышним? Ну или с дьяволом. Мне лично все равно. От него исходят одни неприятности, — пробурчал сэр Генри. — Уильям, что скажете?

— Я недавно говорил с Мидлтоном, который занимается Россией. К сожалению, пока имеются определённые сложности. Во-первых, устранив этого князя, получить контроль даже над частью его предприятий будет крайне затруднительно. Особенно в настоящий момент несмотря на кризис. То есть сделав всю работу, мы можем не получить ничего в смысле прибылей. У Мидлттона есть определённые соображения на этот счёт, но я не сказал бы, что

они очень убедительны. А во-вторых, этого русского не так то просто устранить.

Сэр Чарльз приподнял левую бровь.

— Разве в России перевелись бомбисты?

— Ну что вы, джентльмены! — улыбнулся сэр Уильям. — Этого добра там хватает. Но не все так просто. Газеты в последние годы создали князю положительный имидж. Как хозяину, который немало заботится о своих рабочих. Да и помощь голодающим в прошлом он оказал не малую. Поэтому найти исполнителей не так просто. Таковые, конечно, найдутся, но тут требуется работа немалой группы. Агреньев не сидит на одном месте. И где он появится завтра, сказать сложно. Причём охрана его весьма хороша. Несколько нанятых для наблюдения человек просто пропали. А пара завербованных сотрудников только тратит наши деньги, поскольку ничего интересного сообщить не может.

— Вы не находите, Уильям, что все это весьма странно? — недовольно проворчал сэр Чарльз. — Мне кажется, что у нас кое-кто разучился работать. Я выпишу вам чек на 40 тысяч фунтов. И надеюсь, что больше не услышу об этом князе. А сейчас, — он погладил свою лысину, — я хотел бы вернуться к нашим южноафриканским делам. Королёва ожидает...

Собеседники проговорили ещё час и разъехались. Хозяин дома — сэр Генри долго ещё сидел перед камином и смотрел на огонь. Мысли его были не спокойны. В июне Рейхстаг утвердил новый закон о флоте, предусматривавший увеличение германского флота. Если они смогут выполнить программу, то это будет прямой вызов британскому морскому владычеству. Если смогут ... А это предвещает в будущем неминуемую большую войну в Европе. И в таком случае смысла в союзе пусть даже временном с Германией нет. Но вот переговоры вести стоит. Этим очень хорошо выигрывается так необходимое сейчас время.

Ноябрь 1900 года

Ладно уж, что с вас взять, кавалеры... — Надя улыбнулась и чмокнула Агреньеву в щечку, — секретничайте! С Вас фант, Ваше Императорское Высочество.

Она вышла из комнаты и закрыла за собой двери.

— Красивая у тебя жена, смотрю и не нарадуюсь...

— Но-но! Как ты помнишь, у нас даже дуэли разрешены, — ехидно усмехнулся Агреньев. — Можно подумать, что в Императорский дворец одних старых мыр набрали.

— Так я ж за тебя радуюсь, — улыбнулся Михаил Александрович. Но и не отказал в удовольствии себе съязвить, — Видел бы ты, какие хвосты ухажеров за ней раньше увивались. Ты посматривал бы, а то...

— Гхмм! Ну вроде моя слава опытного бретера ещё не увяла, — вернул колкость Александр.

— Вроде бы нет. Ладно, расскажешь, как в Китае было? Тебе кстати ещё из рук Никки что-то полагается. Только не знаю что. А он говорить не хочет.

— Да, награды за кровь в бою у нас всегда давали. А бескровная победа и за победу вроде бы и не считается. Странная это традиция, — Агреньев поворочался в кресле.

— На самом деле я вроде бы ничего особо героического и не совершил. Неделю с лишком в осаде в Харбине просидел. Там, да, пострелять и самому пришлось. Потом наши на юг рванули по линии железной дороги, а я через Хабаровск во Владивосток. А оттуда в Порт-Артур. Там, как ты знаешь, наши войска собирали, чтоб высадиться в Дагу, а потом на Пекин пойти. У меня в то время в Порт-Артуре два дирижабля оказалось. Вот я из Дагу в Посольский квартал и летал, чтоб весточку дипломатам передать. Там над Пекином и дырку в боку заработал. Из пулемета сверху немного хунхузов погонял. А дальше я только руководил полетами, иногда отлучаясь из судового госпиталя. Это Григорий у меня герой, а я так, руководитель...

— М-да, ну вот совсем ты сам на себя не похож, Александэр! Раньше отсутствием красноречия ты никогда не отличался, — опять съязвил недовольный Цесаревич. — Или герой у нас вдруг стал скромником?

— Хорошо. Тогда слушай...

Александр в течении двух часов рассказывал о том, чему он был не только очевидцем, но и в чем поучаствовал самым решительным образом в качестве главного действующего лица. В процессе рассказа собеседники успели уполовинить бутылку превосходного испанского красного.

— Да уж. А говоришь не герой. Самый настоящий. И нечего было прибедняться, — решительно заявил по окончании рассказа Михаил.

— Ну, родина пускай и оценивает. А тут пока меня не было, какие новости?

— Новости? — задумался Михаил, — Есть новости. По гаубице есть. Месяца через три-четыре Обуховский завод выдаст первую экспериментальную гаубицу. На первый взгляд у них все получается. 14 калибров ствол, клиновой затвор, твоей выделки противооткатные устройства под стволом. В боевой вес только не укладываются. Тонна с четвертью получается примерно. Ладно, испытания покажут. Тут другое получилось. С февраля этого года из бурских республик начали возвращаться посланные туда наши военные наблюдатели. И почти каждый, кто с артиллерией связан был, весьма положительно отзывался о 12-сантиметровой гаубице Круппа. Ты про неё знаешь. К июлю в ГАУ собрали совещание. Вернее их было целых три одно за одним. И порешили, что полевая гаубица данного калибра весьма нужна для армии. Как ты знаешь, наша шестидюймовая мортира имеет уж слишком малую дальность. Да и другие недостатки имеются. Вот и принято было решение спроектировать такую, как у Круппа. Пока определялись с нужными характеристиками и патроном 48-линейной гаубицы, работа по 42-линейной уже зашла довольно далеко. И останавливать ее не стали. А решили просто на лафете 42-линейной сделать 48-линейную. Представляешь, один лафет для двух гаубиц!

— Так это же вроде хорошо!

— Хорошо, да не совсем. Дальность по расчетам получается меньше, чем у Круппа. Но этим решили пренебречь. И в октябре дали задание Путиловскому заводу спроектировать такую гаубицу на базе лафета Обуховского завода. Путиловцы заказ приняли. Но у нас состоялось принятие на вооружение полевой трехдюймовки. Так что работы у путиловцев теперь море. Когда они гаубицей займутся вплотную, сказать сложно. Заказ на трехдюймовки выдали Путиловскому и Пермскому заводам. Обуховский нынче загружен морскими орудиями и разработкой 42-линейной гаубицы. Ему не до трехдюймовок.

— Кому же тогда досталась горная пушка? — удивился Агренов.

— Артком проектирует. Кто будет выделывать первый образец, пока не ясно.

— Мдааа! У вас тут дела, как я посмотрю, закрутились. Хорошо хоть нашу гаубицу не отменили.

— Я за этим посматривал, — гордо сказал Цесаревич и улыбнулся.

— Понятно. А вообще как тут?

— С французами договор подписали. Он не особо секретный. Но его и не афишируют. Похоже французы сильно после Фашоды перепугались, вот и решили подстраховаться за наш счёт. Да ещё британцев, видимо, пошантажировать немного. Суть в том, что если им доведется воевать с Британией, то мы должны собрать в Средней Азии армию в 300-350 тысяч штыков и идти воевать Индию. А ежели нам придётся воевать с Островом, то они соберут на побережье Ла-Манша армию в 100-150 тысяч и будут угрожать всем своим видом через пролив англичанам. А чтоб мы могли в Средней Азии войско собрать, нам кредит на постройку железной дороги от Оренбурга к Ташкенту изволили выделить.

— Хмм! А что, хороший такой договор, — Александр задумчиво покрутил в руках стакан. — А раз в деле идёт речь о кредите, то тут явно Сергей Юльевич отметил. Процент по кредиту какой?

— Я не интересовался. Вряд ли большой. Это ж французам и нужно. И нам не помешает. Но ты представь, соберется большая толпа французов на пикник на берегу Пролива и будет упиваться вином, потому как делать им будет больше нечего. Союзнички...!

— Михаил, а ты геополитикой не хочешь позаниматься? — вкрадчиво спросил князь. — В договоре ничего больше нет?

— Ничего особого там больше нет. Сроки сосредоточения, а более ничего примечательного. А если ты о том, кому выгодно, то ... Нормально все с договором. Нам он выгоден. Мы получим железную дорогу, которую давно хотели построить и без всяких французов. Британцы с французами вряд ли воевать будут. Им обоим это не нужно. Договорятся как-нибудь. Как после Фашоды договорились. А нами пугают британцев, увеличивая тем самым напряжённость в наших отношениях. Но это и так бы произошло, если б мы начали строить эту дорогу. А так нам ещё кредит на её постройку дали. Деньги казне сейчас весьма нужны. В бюджете то на это денег своих нет. Я понимаю, что этот пикник — филькина грамота. Но ведь обидно. Прав ты был, говоря, что кроме армии и флота у нас союзников нет.

— Вот видишь, ты все прекрасно понял. А внешние эффекты... Да пусть этих французов. Они точно договорятся. И боюсь, как бы не раньше, чем мы все думаем.

— Погоди, — заинтересовался Михаил, — это что, очередное предвидение?

— Ну можно сказать и так. Хотя далеко не столько предвидение, сколько анализ ситуации в мире. Вот ты согласен, что воевать они не будут. Африку с Азией они, считай, на двоих поделили. Есть там ещё португальцы, бельгийцы и голландцы, но эти от тех же британцев с французами зависят, потому как силы ни у кого из них нет. Ну ещё и германцы в Африке имеются, но хотят большего. А кто у французов и англичан общий противник? Кому при разделе колоний меньше всего досталось?

— Хмм! — задумался Михаил. — Эка ты ситуацию в мире повернул! Действительно, и тем и тем нужно сохранить уже нахапанное. Но и от плохо лежащего они при случае не откажутся. Как с бурскими золотыми землями. И противник у них потенциально один в Европе — Вильгельм. За

счёт него можно ещё в Африке теоретически пожить. А французы спят и видят, как вернуть восточные земли...

— И заметь, обе этих европейских страны пострадали от, скажем так, действий Германии. И обе показали себя в войне не с лучшей стороны. Англичане до сих пор не могут справиться с теми, кого они считали грязным мужичьем. Хотя формально они армию буров победили. Просто за счет большого превосходства в живой силе и артиллерии. Причём напомню тебе и об экономике. Британия, считающая себя главной в мире, в области промышленности начинает проигрывать гонку Германии. А Франция уже давно проиграла. И это при том, что с колониями у немцев неважно. Но они и в чужих уже начинают работать лучше хозяев. То есть обеим странам такой конкурент совсем не нужен. Но если у обеих стран есть общий потенциальный противник, а с армией не слишком хорошо, то что они должны делать?

— Искать того, у кого армия мощная. Или договариваться. Дьявол! Ты хочешь сказать..., — Михаил застыл на пару минут. А потом грязно выругался. Для этого времени грязно.

— То есть ты считаешь, что на эту роль опять назначат нас? И как же это они сделают?

— А вот это ты мне скажи, как, — Александр помолчал немного, а потом добавил, — и заметь, что у англичан лучше всего получается воевать чужими руками. Так выходит больше прибыли. А еще выгодно до войны подсадить предстоящего победителя в войне на кредиты. Ну чтоб он уже точно не отвертелся. Правда война желательна должна быть продолжительной. А то и заработать не успеешь, и победитель не успеет в войне достаточно ослабнуть, и добычу по итогам войны может получить такую, что с лихвой покроет его расходы на неё. А это с точки зрения того, кто заранее извне планирует предстоящую войну, плохо. В общем, ты подумай на досуге. А при случае расскажешь, каковы твои мысли по этому поводу.

Они ещё некоторое время посидели, а потом Михаил ушёл. Ушёл задумчивый и озабоченный. Даже с Надеждой Николаевной попрощался сухо и не расшаркиваясь, как обычно.

А у Агренева к вечеру разболелась вроде бы зажившая рана и голова.

— Вот до чего доводят особо развращенные умственные упражнения на ночь глядя. А ведь я так не слабо нагрузил Цесаревича! Ему этих размышлений надолго хватит. Потому как нет ничего там определенного, кроме итогового результата, — подумал Александр, массируя пальцами виски.

Конец ноября 1900 года

Следующий раз с Михаилом они столкнулись совершенно случайно на приёме у Абамелек-Лазоревых, перед отъездом четы хозяев на виллу во Флоренции. Приём был довольно в узком кругу, а Александра с супругой пригласили, чтобы ещё раз пообщаться по разным делам. Поэтому они с Надей пришли за час до назначенного для прочих гостей времени. И пока Мария Павловна развлекала супругу разговорами о своём, женском, с хозяином дома удалось окончательно договориться о совместных проектах. В следующем году рядом с Губахой в Чермозском горном округе Абамелек-Лазоревых должна начаться постройка коксохимического завода. Хозяйский уголь давал на выходе немалое количество сырого бензола, который был нужен Александру в Кыштыме. Ну и кроме бензола при коксовании выходило еще много прочих полезных химических продуктов. А вот с самим коксом было хуже. Слишком много серы он содержал. Так что подходил в основном только для цветной металлургии и для пудлинговых печей, которых на Урале ещё было немало. Ну и просто для сжигания в печах и топках. Но о сбыте кокса должен был позаботиться хозяин.

А сам Семен Семенович входил капиталом в строительство завода электролизной меди на окраине Челябинска, который уже частично был отстроен.

Когда начались танцы, Александр смог провести Надю только на один. И почувствовал, что для танцев ему пока как-то рановато. Рана давала о себе знать, поэтому ни о ком изяществе в ведении партнерши речь не шла. Надя заметила это и милостиво позволила любимому дальше подпирать колонну вместе с парой едва знакомых графов весьма почтенного возраста. На предложение перейти в курительную комнату, князь отказался и вскоре остался в одиночестве, изредка разбавляемым возвращением к нему Нади после очередного танца. Но поскольку танец шёл за танцем, а желающих пригласить Надежду Николаевну на очередной вальс не уменьшалось, то эти возвращения были весьма непродолжительными. И вот тут в зале появился Цесаревич. После приветствий с частью гостей он подошёл к чете Агреновых. И увел супругу на очередной вальс, после которого и состоялся весьма обстоятельный, хоть и непредвиденный разговор.

Михаил утащил князя в укромный уголок, где разговор и произошёл.

— Знаешь, Александр, я много думал насчёт крайнего нашего разговора. И успел кое с кем переговорить и кое-что узнать. Отчасти ты, видимо, прав. И часть эта весьма велика. Но все не так однозначно, как ты описал. Сейчас каждая страна интригует против всех, надеясь получить себе выгоду. Впрочем как и всегда. Сложившихся союзов в Европе пока два. Россия с Францией и Тройственный Союз. Причём французы всячески пытаются отколоть от последнего Италию. Разница с привычным состоянием заключается только в том, что главный интриган Европы сейчас слишком сильно занят на Юге Африки. А все мировые континентальные державы ополчились против Британии. Но в основном только на словах. Наш покойный Министр Иностранных дел Муравьев, царство ему небесное, ... — Михаил оглянулся назад, — так вот Муравьев по Высочайшей воле пытался в этом году сбить континентальный блок с Францией и Германией для ... гхм... совместных действий, но, к сожалению, у него ничего не вышло. Французы вроде бы сначала согласились. Согласились и немцы, вот только затребовали, чтобы все три страны взаимно гарантировали неприкосновенность собственных владений. То есть французы должны были отказаться от Эльзаса и Лотарингии, чего, как ты понимаешь, никогда не будет. Так что союз не состоялся. При этом Вильгельм явно ведёт свою игру с англичанами. Возможно и о союзе, но, как мне представляется, этого тоже не будет. У британцев сейчас связаны руки, а немцы готовы вырывать у англичан кусок за куском. Так что даже если они и договорятся о чем-то, то вряд ли это какой-то союз будет долгим. Сейчас у британцев слабая позиция, а Вильгельм не связан ничем. Но как только британцы освободятся, разговор сразу станет другим. Насчёт экономических противоречий между Британией и Германией ты прав. Да и колониальный вопрос стоит очень остро. Немцы готовы сейчас только требовать. А британцы не готовы сильно уступать, поскольку считают, что никому ничего не должны. Их политику ты знаешь. Они никому ничего гарантировать не хотят, и формулировки любого соглашения с ними слишком обтекаемы. Британия так и остаётся сейчас в своей «блестящей изоляции», хотя нынешняя война показала, что блеск этот как-то совсем потух. В общем есть два блока в Европе и рядом Британия. Именно рядом, а не над ними, как было раньше. Но состояние это видимо скоро должно закончиться. А вот чем, будет ясно только после окончания войны на Юге Африки. И то не сразу.

— Отличный разбор ситуации в Европе, — улыбнулся Александр. — Ты молодец!

Агренов слегка задумался, и продолжил:

— Ко всему сказанному следует добавить несколько вещей. Взаимоотношения Европы и в частности Британии с САСШ. Они, как ты знаешь, до сих пор не урегулированы. Штаты со

своей доктриной Монро стоят всем поперёк горла, но сделать сейчас никто ничего не может. Воевать через океан дураков нет. Поэтому никто и не связывается. Да и не выгодно это. САСШ спят и видят заполучить себе Панамский канал, с которым не вышло у французов. И наверняка сейчас идёт торговля, иначе бы САСШ не сидели бы сложа руки во время англо-бурской войны. А может уже и договорились. Получив канал, они станут опасны для всех, кто имеет владения в Азии. Причем флот они вроде бы уже начали строить. Это первое.

Александр глотнул сока из стакана, который держал в руке.

— Теперь второе. Дележ Китая и контрибуции от него. Последнее ладно, договорятся. А вот клубок взаимных противоречий Британии, Германии, Японии и России вокруг Маньчжурии, застенного Китая и Кореи с окончанием войны в Африке должен серьёзно обостриться. Некоторые горячие головы у нас не готовы ограничиться контролем одной только Маньчжурии. С одной стороны их понять можно. Территория большая, а населения там мало. И оно ко всему ещё очень бедное. Они не прочь подмять под себя и Корею. Она в этом плане выгоднее Маньчжурии. И население — не китайцы, которых четыреста миллионов во всем Китае. Корейцы могут стать очень неплохим сателлитом, но не сейчас. С Кореей мы опоздали и решение вопроса возможно только через войну с Японией. Когда британцы развяжут себе руки, то первым, кто встанет за спиной у японцев, будут они. Обычная тактика англичан — делать все чужими руками, при этом ещё и получая с этого прибыль. А вторыми будут САСШ, которым наше присутствие в Китае тоже совсем не нужно. Да и Аляску они возможно не прочь заполучить на совсем. Но усиление какой-то одной державы на Дальнем Востоке им тоже не нужно. Скажу и о Германии. Этим, чем дольше мы завязнем на Дальнем Востоке, тем лучше. Впрочем, это для всей Европы выгоднее кроме Франции. Но вот станет ли она нам союзником там, у меня большие сомнения. Французы с этого ничего не имеют. Все их интересы в данном случае в Европе. Приплюсуй к этому прошлый разговор. Ну и наконец Британия... На острове привыкли распоряжаться даже тем, что им не принадлежит. А потому в качестве предлога или причины как в прессе, так, видимо, и в переговорах ссылаются на якобы русскую угрозу для их интересов. Ведь посмотри. Они заполучили в зону своих интересов весь бассейн реки Янцзы. Это не всеми возможно признаётся, но это так. Они и право собственного судоходства по ней получили. И концессии на железные дороги. Между Маньчжурией и Янцзы тысячи верст, но мы якобы угрожаемых их интересам. Потому как они не отказываются и от бассейна Хуанхе. По крайней мере Вейхайвэй они заняли именно с этой целью. Ну и в пику немцам с их Циндао, а также нашему Порт-Артуру. То есть англичане забрали себе по сути самые вкусные китайские куски. И теперь якобы опасаются, что мы на них можем претендовать. Хотя на самом деле это им никак не принадлежит. Насколько я понимаю, попытки разграничить зоны интересов в Китае у нас с ними были?

Михаил кивнул.

— Были. Они требуют слишком много. А сами ограничивать себя особо не желают. Причём большинство наших товаров конкурировать с британскими по качеству и цене не могут. А потому нашему товару нужна некоторая таможенная защита.

— Воот..., — протянул Александр. — А ведь рядом ещё есть Япония с их дешевым товаром и САСШ с политикой «открытых дверей», которая нам не слишком пока подходит. Поэтому британцы и не против этой политики. Своё они всегда возьмут. А у нас при этом будут проблемы с САСШ и Японией.

— Александр, а зачем ты мне сейчас про Дальний Восток опять начал говорить? — улыбнулся Цесаревич, — мы вроде про союзы в Европе речь вели.

— Эммм..., — запнулся князь, и, улыбнувшись в ответ, повинулся, — ну извини, немного увлекся общей картиной. Так! Вернёмся к нашей Европе. Как ты говорил, союза континентальных держав не вышло даже в трудный для Британии момент. Слишком велики противоречия между Францией и Германией. Ни одна из стран не готова поступиться Эльзасом и Лотарингией. Да и немцы, чувствуя свою силу, хотят выгадать для себя с любой коалиции слишком многого. Далее. Про союз Британии и Германии мы уже говорили. Это самый опасный для нас вариант. В этом случае положение Российской Империи может оказаться хуже, чем во время Крымской войны. Но я в него не верю, хоть опасность такая есть. Дело в том, что тогда победителем в войне могут выйти две экономически сильные страны — Британия и Германия, — заметив, как изменилось лицо Михаила, Александр поспешил заметить.

— А ты не кривись, Михаил Александрович. Сам понимаешь, что в этом случае Франция даже и не подумает воевать на нашей стороне. Сразу переметнется. Или ограничится нейтралитетом. Но я не закончил. Причина, по которой этот союз маловероятен состоит в том, что тогда в Европе останутся две мировых державы — Германия и Британия. Хотя бы на некоторое время. А вот этого англичане допустить не могут. Как они потом с немцами будут сосуществовать вместе? Не самим же им потом с Вильгельмом воевать. Они даже в союзе с Францией против немцев долго не протянут. Вильгельм опять возьмёт Париж и все. И останется Британия на острове со своим флотом. А на континенте останется одна мировая сверхдержава. Нет, в этот вариант я не верю. Но некоторые промежуточные теоретически возможны. Вот только сомневаюсь, что Германия даст себя использовать как послушное орудие в руках английских лордов.

Князь сделал из стакана ещё глоток и продолжил.

— Ну и третий вариант мы с тобой рассматривали в прошлый раз. Ты меня спрашивал, как он возможен. Сам то как? Надумал?

— Александэр, может ты уж закончишь? А я посмотрю, сходятся ли наши мысли...

— Хорошо! На мой взгляд после войны в Африке, а во многом из-за её хода и обстановки в Европе во время неё, Британия постарается выйти из своей «блестящей изоляции». Им проще всего договориться с французами. Хотя бы потому, что те слабее. Да и вероятно всего, что французы из-за наличия Германии под боком тоже будут не против. Урегулировать свои разногласия они смогут. Поделят что-нибудь, что им не принадлежит и все. Например, Сиам или Марокко. А может что-то в глубине Африки. В данном случае это не важно. Далее у англичан будет задача подтянуть к этому союзу и нас. А вот с нами они делиться вряд ли захотят, пока Россия не слишком слаба. Для того, чтобы нас ослабить, нужна война. Причём продолжительная и дорогая. И кандидат в противники у них для нас есть. Это Япония. Но сами японцы с Россией связываться не возьмутся. А ну как опять «тройственная интервенция» случится. Против сразу трёх великих держав они действовать не решатся. Значит британцам нужно исключить возможность участия в этом Франции. И войти в некоторый союз с Японией, но самим ни в коем случае не воевать. Это позволяет оставить нас один на один с Японией. А у нас на Дальний Восток даже железная дорога ещё не проложена. Какая уж тут может быть быстрая победоносная война для нас? Германии также выгодно, чтоб мы там завязли. А ещё лучше, чтоб вообще проиграли. Но при этом они будут делать вид, что являются нашими сторонниками. Ведь на этом можно неплохо заработать. Итак, ... подведем итог. И Британии и Германии выгодна наша долгая война где-нибудь подальше от Европы. Результат войны важен для Британии, но не очень важен для Германии. В любом случае они получают ослабленную Россию, которая во время войны ещё и будет покупать что-то из снабжения с вооружением, и занимать на их финансовых рынках значительные суммы в качестве кредитов. С ослабленной

Россией Британии уже проще договориться. Потому как мы будем вынуждены пойти на большие уступки. Таким образом, англичане урегулируют наши с ними противоречия. А дальше? Дальше нас затанут в союз. Причём стараться будут не только англичане, но и французы. Ведь в этом случае перед ними открывается шанс вернуть Эльзас с Лотарингией.

Посмурневший Михаил прошелся взад вперёд перед стоявшим Александром, а потом спросил.

— А почему война по-твоему будет долгой?

Ответить князь не успел. В уютном уголке появилась Надя с Анной Барятинской.

— Ваше высочество, князь! Вот вы где? Пойдёмте скорее! Сейчас будет игра в фанты! — воскликнула Анна Барятинская.

— И между прочим, Михаил Александрович, вы мне уже должны один фант, — с улыбкой напомнила Цесаревичу Надежда.

— Хорошо, мы сейчас будем, прекрасные дамы. Всего пару минут! — Михаил был хоть и вежлив, но не приклонен. Под его взглядом дамы быстро ретировались.

— Итак?

— А как ты без железной дороги воевать быстро и победоносно на краю Империи будешь?

— Дорога строится. И ты в этом тоже участвуешь.

— Значит японцам нужно начать до того, как она будет готова. Между прочим некоторые ее участки имеют пропускную способность всего в три пары поездов в сутки. Как прикажешь с такими путями сообщения победоносно воевать?

— Мдааа. — Михаил задумался. — Ладно, пойдём к обществу. А то дамы сейчас вернутся. Тут подумать нужно, — и собеседники вернулись в залу, где первый фант уже исполнял какой-то романс.

Уходили с приёма они вместе. В фойе Михаил отвел Агренева в сторону и сообщил очень интересную вещь.

— Да, совсем забыл тебе сказать. Ходят упорные слухи, что количество пулеметных рот по опыту англо-бурской войны могут увеличить раза в три. Уж больно хорошо они себя там показали. А соответственно понадобятся и пулеметы. Тула сейчас их мало делает. Так что имей ввиду...

Александр улыбнулся и ответил шуткой.

— Мы всегда готовы послужить Отечеству. Только заказ дайте.

Февраль 1901 года

— Таким образом, после слияния с компаниями Шибаяева и уважаемых господ Зубаловых наш торговый Дом выходит на третье место как по добыче нефти в Российской Империи, так вероятно и по её запасам. По крайней мере по моим подсчетам площадь имеющихся нефтяных земель это позволяет. Объединение капиталов трёх обществ даёт возможность проводить

дальнейшую скупку нефтяных участков, — Манташев всем своим видом показывал, как он был доволен этим объединением. Ведь теперь он может на равных конкурировать и Ротшильдами и с Нобелем. Ну может не на равных, но где-то близко к этому.

— Александр Иванович, — поинтересовался Агренов, — а как обстоят дела с покупкой дела у наследников Губонина?

— Господа, тут мне пока порадовать вас особо нечем. Цена нефти сейчас стоит на весьма высоком уровне, и хозяева запросили слишком высокую цену за своё предприятие. Покупка на таких условиях имела бы место только в случае, если бы мы могли быстро расширить рынок сбыта. Причём желательно в Азии. Там цена на керосин выше. Но в настоящий момент это к сожалению недостижимо в короткие сроки. Ситуацию с наличием наливняков вы все прекрасно знаете. Попытки сбить цену покупки пока не приводят к удовлетворительным результатам. Однако имеется явная тенденция к падению цены на нефть. Поэтому я предлагаю не торопиться. Мы вполне можем обойтись пока просто эксплуатацией имеющегося, хоть покупкой нефтяных участков на аукционах последние три года мы достаточно дружно не злоупотребляли. Арендные ставки и попутная плата казне на аукционах были излишне высоки. В то же время в районе Грозного есть варианты взятия участков в аренду по более щадящим ценам. Я уже присмотрел пару вариантов. К тому же, как вы знаете, на киргизских землях в районе реки Эмба обнаружена нефть. А это предвещает нам на мой взгляд ещё один нефтяной район. Поэтому я предлагаю послать туда две поисковые партии. Если все обстоит так, как я предполагаю, то в недалеком будущем отыскание и добыча нефти на Эмбе выглядит намного перспективней, чем покупка дела у наследников Губонина. Да и разведка нефти в тех местах не выйдет слишком уж дорогой. А на имеющиеся наличные капиталы стоит сейчас прикупить ещё больших морских танкеров и пару малых под Дунайский маршрут. Степан Константинович меня в вопросе с танкерами поддерживает.

Зубалов согласно кивнул.

— Да, Александр Яковлевич, танкеры на Чёрном море нам явно не помешают.

— А ваше мнение, Михаил Романович? — обратился князь к управляющему Шибаетовской компанией.

— Я поддерживая господина Манташева. И стоит ещё позаботиться дополнительно о постройке нефтеналивных емкостей в странах-покупателях керосина и нефти. Это принесёт нам дополнительные доходы без увеличения объемов добычи, — ответил отставной поручик Берг.

Агренов развел руками:

— Ну кто я такой в нефтяных делах, чтоб спорить с тремя такими авторитетами? Хорошо пусть будет так. Кстати, как вы возможно знаете, я сейчас достраиваю судовой верфь в Николаеве на два эллинга. Так что имейте это в виду. На ней возможно будет строить суда до 140 метров длиной. Есть проблемы с мастерами и инженерами-судостроителями, но думаю, что к открытию верфи я их решу.

— Если скорость постройки и качество будет не сильно отличаться от английских, то я не против, — Манташев взглянул на бывшего своего конкурента, — А то сами знаете как у нас строят.

— У меня есть для вас ещё объявления, — продолжил Агренов, — В этом году Коломенский завод начнёт пробную постройку буксира и самоходного наливняка для Волги с двигателями, работающими на соляре. КПД у этих двигателей втрое больше, чем у самых совершенных

паровых машин, а соляр сейчас мало у кого отделяют из нефтяных остатков. Пока к сожалению мощность двигателей не велика. Но на судно в 800–1000 тонн их хватит.

Компаньоны оживлённо зашевелились.

— Это было бы очень неплохо! А то волжская флотилия у меня отчасти из деревянных барж и парусников состоит, — Берг потер руки.

Манташев полистал бумаги и продолжил:

— Нам во второй половине года может понадобится ещё до 80 железнодорожных цистерн.

Агренов взглянул на Сони́на.

— Не вижу никаких проблем. Составляйте график заказа, и сделаем как будет запрошено, — невозмутимо ответил тот.

Компаньоны в течении часа обсудили ещё ряд проблем. А вот когда дошли до условий быта нефтяников возникли разногласия. Манташев не хотел тратить деньги на достижение стандартов, которые были достигнуты до этого на фирмах Шибаяева и Зубаловых. Хотя они были и далеки от тех, которые действовали на предприятиях князя.

— Александр Яковлевич, это большие расходы! Очень большие расходы! Даже те, что условия, в которых живут у меня сейчас рабочие, намного лучше, чем имеют эти бедняки в своих аулах. Ну может за исключением того, что бараки не разделены на отделения. Семейных у меня много, так что остро вопрос не стоит. Семейные у меня живут в лучших условиях.

— И все-таки, Александр Иванович, это нужно сделать! — с напором сказал Александр. — Я не требую все сразу, потому как понятно, что сразу все не сделать. Ломать бараки не будем. Но сделать хотя бы перегородки в них нужно в этом году. И начать строить хотя бы по одному дому вот этого проекта необходимо. Прибыли нам позволяют сделать намного больше. Но даже если не строить все сразу, то хотя бы для лучших рабочих это следует сделать. Таким образом, мы покажем рабочим, что хозяин заботится о них и намерен строить и дальше. Нам ещё только забастовок не хватало на столь прибыльном производстве. А они не преминут случиться, если оставить все как есть. И вы это прекрасно понимаете.

— У многих конкурентов и того нет, — начал Манташев, но был решительно прерван.

— Мне не интересны конкуренты! А вот опытные буровики, которые могут перейти от конкурентов к нам, очень интересны. А это непременно случится, если рабочие и мастера станут жить в нормальных условиях. И поверьте, я знаю, что говорю. Я таким образом сманил на свои производства не одну тысячу квалифицированных рабочих. Я даже не требую условий, в которых живет мой персонал, работающий, скажем, на машиностроительных заводах. Хотя возможно и стоило бы. Норма прибыли позволяет и не такое.

Манташев насупленно молчал. Убедить Агренова видимо не получится, а контрольный пакет нефтяной компании после слияния теперь у князя. И теперь он может требовать, хоть и пока пытается убедить. В 99 мм году князь вошёл в капитал торгового дома «А. Манташев и Ко» 12 миллионами рублей. Тогда у него не было контрольного пакета, но после слияния трёх компаний он у Агренова появился. Да что там контрольный... Больше 60 процентов у него. Князь в итоге получил контроль над фирмой, хоть и обещал не особо вмешиваться в вопросы управления. Зубаловы существенно снизили риски и ответственность. Все-таки агрессивно работать на рынке они всегда побаивались. А он получил деньги и масштаб. То есть каждый

получил то, что хотел.

— Александр Иванович, знаете что, поезжайте с Андреем Владимировичем, ну скажем, в Сулин на мои заводы. Посмотрите, как там живут рабочие. Это далеко не столица. Он вам все расскажет и покажет. Возможно вы и сами захотите организовать подобное. Именно сами. Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Причём то, как они живут, выгодно не только им, но и мне, как хозяину заводов. Причину такого положения я вам не раз сообщал. Но, как я вижу, вас пока это не очень убеждало. Договорились?

— Хорошо, Александр Яковлевич. Пусть будет по вашему, — решил Манташев.

— Тогда я хотел бы сказать несколько слов о будущем нашей компании. Как вы знаете, в последние годы в Баку приходят английские капиталы. Денег у британцев много. По имеющимся ценам они вполне могут скупить весь Баку вместе с грозненской нефтью. А потом нам же будут продавать нашу нефть вдвое дороже. Поэтому, Александр Иванович, на мой взгляд не стоит упускать возможность прикупить пусть даже самые незначительные здешние и северокавказские компании, если земли, на которых они работают, имеют хорошие перспективы, и цена покупки подобных компаний выглядит оправданной. Сейчас в связи с техасским нефтяным бумом взоры англичан несколько отвлеклись от юга нашей страны, но вряд ли данная ситуация продлится долго. Это первое. И второе. С господином Нобелем мы договорились о совместной работе над новым нефтяным насосом, выкачивающим нефть из скважины. Я уверен, что нам удастся его создать. И третье. Господа, на мой взгляд перспективы добычи нефти в Румынии до сих пор недооценены. Как мне кажется, следует обратить наше внимание на эту страну. Ротшильды уже обратили своё пристальное внимание на эту страну. А эти господа просто так ничего не делают. Помните это, господа! Это, конечно, потребует дополнительных капиталов, но, думаю, что если будет нужно, мы всегда можем разместить облигационный заем. Деньги на нефтянку нам всегда дадут. В то же время и не стоит слишком рисковать, поскольку уже понятно, что несмотря на рост потребности в нефти в мире, поступление на рынок техасской нефти будет возрастать.

Вечером после окончания встречи Александр, лёжа в постели в Бакинской гостинице размышлял.

Треть от имевшихся земель на юго-востоке Техаса у него ещё осталась. Есть ли там нефть, хрен его знает. Америка похоже тоже сваливается в кризис. По крайней мере банкротства железнодорожных компаний уже начались. И не только железнодорожных. Возможно стоит прикупить ещё земель в том районе. Даже если там нефти нет, то в качестве сельхозугодий их можно использовать. Искусственный спекулятивный хлопковый пузырь просто обязан лопнуть, и как следствие цены на землю точно упадут. Вот тогда можно будет и прицениться.

Скупка земель у ничего из себя представляющей деревушки Альмет в башкирских землях потихоньку идёт. Вот и пусть себе идёт. Это игра в долгую. Деревушку он смог отыскать на карте. Вроде бы это она. А пока там вполне можно организовать... да, пусть будет это колхоз. С дорогами там пока швах. Но нам и не горит. Кто его знает, на какой там глубине нефть находится. Вон на Ухте до нефти добурились, а толку? Вязкая зараза! Только летом и можно её поднимать из скважины. А в остальное время не получается. Да и от дорог далеко. Так и загнушили в итоге.

А вот что делать в Мексике и Венесуэле, он пока не понимал. То, что на побережье Мексиканского залива есть нефть — это понятно. Но вот почему-то там её пока почти не

добывали. Теоретически земли купить можно, но где их нужно покупать, чёрт его знает. Не покупать же все подряд. На это никаких денег не хватит. Мексика — бывшая испанская колония. А это значит, что смуты там возможны всегда. И даже вроде бы революция когда-то должна случиться. В общем полная неясность. А погреть ручки на этом деле хочется.

С Венесуэлой все определённое. Район Маракайбо вместе с озером впридачу. И есть шанс получить не слишком задорого концессию на разведку и добычу. Вот только там очередная смута. Опять очередной претендент делит власть с президентом в стране помощью миниармий. Вот ведь удачно расположенная страна, а население крайне склонно к вечной бузе. Нет, не ту страну назвали Гондурасом. Не ту!

Начало апреля 1901 года

Агрениев стоял на Воробьевых горах и смотрел на расстилающийся перед ним вид. Завораживающее все-таки зрелище. Особенно в сочетании с начавшимся ледоходом. Картину даже не слишком портило огромное число дымов над Москвой, которые на высоте постепенно сливались в одну еле заметную дымку.

То, что ему вчера рассказал Нобель, расставляло абсолютно все на свои места. Вот воистину деньги правят миром. И глобализм народился не в конце 20-го века. А вот прямо сейчас и нарождается. Вернее отвратительный выродок уже давно вылупился и даже успел сожрать немалую часть мира. Нет, Александр и раньше нечто подобное предполагал, но сейчас картина сложилась полностью.

Эммануэль младший пришёл сам и предложил консорциум в нефтяной сфере. И в процессе разговора разложил по полочкам то, почему Агрениев не может от него отказаться. Впрочем, не забыл и свой интерес, потребовав плату, — лицензию на соляровый движок Луцкого.

Рокфеллеровский «Стандарт Ойл» сожрал почти всех независимых в штатах производителей нефти и керосина. И хапнул под себя не только все западное полушарие, но почти всю Европу с немалой частью Азии. Русский керосин в Европе терпели только потому, что Рокфеллеру не хватало своей нефти и керосина, чтоб полностью насытить рынок Европы. И это при том, что объёмы добычи в Америке и России были примерно равны. Но американский экспорт был втрое больше русского. Из американской светлой нефти получалось при переработке значительно больше керосина, чем из бакинской. Пенсильванская вообще давала на выходе до 75 % керосина. Лимская была намного хуже, но и из неё получали 50 % и даже больше. А бакинская максимум давала всего 35. Но и этого не вырабатывалось из-за имеющихся в Империи перекосов в налогообложении, и потому, что потенциальный внешний рынок в Европе был опутан монополией Рокфеллера, подчинившей большую часть оптовых европейских покупателей нефти и нефтепродуктов. Правда было несколько немалых плюсов. Нефть в САСШ залежала на больших глубинах, чем бакинская или грозненская. Причем в твердых породах. А следовательно добуриться до нее было тяжелее и дороже. И самое главное, дебет бакинских скважин был несравнимо больше американских. То есть себестоимость добычи нефти была в Америке выше. А вот уголь еще не так давно стоил там в раз пять дешевле нефти. Около 4,5 копеек на русские деньги, что минимум вдвое дешевле, чем в России. По крайней мере до кризиса. А потому нефть несмотря на все преимущества не могла в Америке конкурировать с углем в качестве топлива для промышленности. Причем по счастливой случайности основная промышленность США оказалась расположена как раз там, где добывалась нефть. И транспортные расходы на транспортировку нефтепродуктов до основных потребителей были меньше, чем российские. И в России и в Америке основу энергетики составлял уголь, но в России доля нефти в энергетике была значительно выше американской из-за дешевизны нефти. Больше трети. На нефти работал весь Поволжский

регион вместе с московским и до некоторых пор вся западная Сибирь. Впрочем и в других регионах доля нефти была весьма немалой. Сейчас цены на нефть и уголь в России почти сравнялись. Но если в САСШ нефть перерабатывалась в основном на керосин для внутреннего потребления и на экспорт, то в России она шла в основном на мазут. Из-за состава нефти, из-за ограниченности рынка сбыта и дешевизны по сравнению с русским углем и из-за русского бардака с налогообложением, делающим невыгодным работу перегонных заводов на чужой или давальческой нефти. Зато имелся огромный спрос на нефтяные остатки, причем как и на сырую нефть. То есть картина перевернутая по сравнению с американским рынком. А потому в стране нефтяные остатки, то есть мазут, стоили столько же, сколько и сама нефть. И года три назад практически все русские нефтеперерабатывающие заводы, которые работали не на своей нефти, просто закрылись. Нет смысла в переработке, если есть большой спрос на сырую нефть, а выработка керосина подчас убыточна. Свою негативную роль внесло и государство, следуя за ростом нефтяных цен. Оно три года подряд сдавало на торгах участки в долгосрочную аренду под добычу по очень высоким ставкам как за землю, так и за попутный налог с добычи. А при нынешнем падающем рынке работать на них стало не очень выгодно. Министерство государственных имуществ правда оставило одну лазейку, связанную с превышением планируемого уровня добычи на участке, но это была лотерея. Может выйдет превышение нормы добычи, а может нет. А деньги за участок к тому моменту уже будут потрачены. Бурение стоило недешево. К тому же скважины уходили все глубже. Вот только цена бурения с увеличением глубины изменялась совсем не линейно. А чуть ли не по экспоненте. По крайней мере при существующих русских технологиях бурения. Так что та же альметьевская нефть в ближайшем будущем ему не светила. Чёрт её знает, на какой она там глубине залегает. Впрочем дело совсем не в ней. А в европейском рынке. Доступа на рынок САСШ сейчас, почитай, не было ни у кого кроме Рокфеллера. Ну кроме англичан, которым он сам продал свои техасские земли. А рынок в штатах был весьма емкий. Не чета русскому. Потому «Стандарт ойл» могла держать в Америке любую внутреннюю цену на керосин, одновременно ведя ценовые войны в той же Европе. То есть продавать керосин в некоторых странах Европы в убыток, компенсируя его за счёт прибыли внутри САСШ и на других рынках. И с этим почти ничего было поделать нельзя. Причем «Стандарт ойл» успела поглотить или подчинить еще множество оптовых покупателей и перепродавцов керосина в Европе. То есть могла вести в Европе ту ценовую политику, которая была ей выгодна. Да, Александр продал свои участки в Техасе консорциуму английских банков и компаний. Но это, почитай, капля в море. Рокфеллер сейчас бурит в окрестностях и уже в нескольких местах техасскую нефть нашёл. И когда он наберет там большие объемы добычи, то вместе с окопавшимися теперь в Техасе британцами начнёт еще больше вытеснять русский керосин из Европы. А ситуация с переработкой нефти в России и так уродливая. Можно вырабатывать из бакинской нефти и более 35 % керосина, если применять крекинг, а делается всего около 26. Потому как больше продавать некуда. Бензин с солярой в ближайшем будущем кардинально положение не исправят. У бакинской нефти был один несомненный плюс. Из неё получались отличные смазочные масла. В Америке с этим из-за состава нефти было намного хуже. Но плюсики были совсем маленькими. Сколько их там вырабатывается? Несколько процентов всего. Перерабатывать же нефть на мазут выглядело настоящим бредом. По крайней мере с точки зрения Александра. Можно, конечно, подсказать тому же Шухову идею каталитического крекинга и прочих методов нефтепереработки, но толку с того сейчас было ноль. Под объемы нужен был рынок. А с ним было не слишком хорошо. И это значило, что похоже придется объединяться не только с Нобелем, но ещё и с Ротшильдами. А ещё возможно воевать на Азиатском и Европейском рынках с тем же Рокфеллером в попытках занять свое место под солнцем. Заодно воевать еще и с Детерингом и Самуэлем. С последними двумя по крайней мере до тех пор, пока они не разделят сферы влияния. Вот только за спиной у них мощь английского флота и гигантская финансовая поддержка. Да ещё нефтепромыслы на Суматре, Яве и где-то там еще. Так что много там не откусишь. Нет, конечно, нефть есть на том же Сахалине. И о её наличии уже известно.

Застывшие озёра битума на севере острова Александр видел своими глазами. И не он один. Но разработка там пока никому не разрешена. Видимо сохраняется казной до лучших времён как некий резерв. Да и условия там... Брррр! Даже каторжников, и тех селят на юге Сахалина. Попытки бурения на Сахалине уже предпринимались русскими купцами, но нефти найдено не было. Видимо просто не добурились до неё.

Нет, продал большой кусок тexasщины он правильно. Развивать в Америке свою нефтедобычу и переработку — это чревато. Да и денег в это грохнуть нужно было немеряно. Пусть британцы этим занимаются. И как только Лунева не пристрелили за то, что он продал не тому, кому положено? Впрочем за это и сейчас могут пристрелить. В качестве предупреждения, чтоб другие так не делали. И будет так до тех пор, пока эту «Стандарт Ойл» правительство на части не разделит. Вот только когда это будет, память никаких подсказок не даёт, хоть Александр её долго мучил по этому вопросу.

М-да, ситуация! Ну то, что нужно развивать всяческие двигатели на бензине, керосине и так далее — это понятно. Как и собственную или совместно с кем-то систему сбыта. Тем самым мы себе рынок расширяем. Вот только теперь нефтянка не выглядит таким уж беспроектным активом. Ведь получается, что строить всякие хранилища придётся и в тех странах, с которыми его стране предстоит впоследствии воевать. Да ещё строя их, тем самым поддерживать экономику будущего противника. Вот ведь ситуевина! Врагу не пожелаешь. Причем пока Европа будет воевать, Рокфеллер с англичанами подгребет под себя оставшихся потребителей и перепродавцов нефтепродуктов... Это будет потом, но будет. От этого никуда не деться, если только не выключить каким-то образом из игры турок с тем, чтобы черноморские проливы остались открытыми для русского экспорта.

Ладно, это потом. А что делать сейчас? Во Францию с Испанией, а то и с Италией Ротшильды скорее всего Мантасова не захотят пускать. Да что там захотят? Закрепились так, что не подвинешь. А есть ещё Нобель с многочисленными интересами в Австрии, Германии и Швеции. Да и на Балканах у них все схвачено. Англичане, скупая нефтяные активы по всему миру, пытаются вытеснить Рокфеллера и других производителей нефтепродуктов из собственной непосредственной сферы влияния. Нет, вот даже интересно, а что мне могут в таком случае предложить? Опять ту же германщину совместно с Нобелем против Рокфеллера? И опять же совместную политику где-нибудь в Китае? Или будет кружок по интересам? Например, предложат продавать только бензин. Или солярку... По нынешним временам это как-то мелко.

Ладно, поглядим. А насчёт лицензии на движок Луцкого, это пусть. Даже хорошо! Но только внутри страны и не в каждом регионе на чужой выбор. Да ещё этот немчик из Риги, как там бишь его звать, тоже хотел лицензию. А и пусть. Но ему можно ещё жестче условия поставить. Он хоть и не сможет производить луцкеры где-либо ещё кроме Риги, потому как на завод в другом месте у него денег не хватит, ну так и что с того? Ежели будет война неудачной, то завод вывезут куда-нибудь в Поволжье. А если немцев не пустят слишком далеко от границ, один чёрт завод под конфискацию попадёт. И тогда Прибалтика никуда не денется.

С керосином этим тоже непонятно как быть. Вот в той же германщине стоимость русского керосина до кризиса в опте была до двух раз дешевле чем американского. Сейчас примерно раза в полтора. А не подвинешь американцев. Монополия! Население то ладно, оно и русский покупает, но ведь почти половина его идёт организациям, с которыми у американцев однозначный договор. И им деваться некуда. Это ещё не считая тех потребителей и обслуживающих организаций, которыми рокфеллеровские конторы владеют непосредственно. Всякими там конторами городского освещения и так далее. Нобели в своё время отвоевали себе кусок рынка в Германии и Австрии, но стоило им это недешево. И что тут сделаешь?

Возвращаясь же ко всяким конторам уличного освещения... Тут бы в своей стране хотя бы подобное устроить. Не до других стран. Только денег на это в стране нет. Да и 4/5 населения в деревне живут. Какое там уличное освещение... Движки всякие — это конечно и внутри страны хорошо, вот только им уход нужен и ремонт. Значит нужны обученные техники. Но их мало. И в этих условиях даже МТС выглядит излишне авангардно. Хотя таковые у него уже есть. Да и то там по большей части паровики. Бензиновые тракторы только недавно в серию пошли, как и нефтяные с калильным зажиганием. Даже соляровые начали делать. Впрочем, какая там серия... Так, на нескольких стапелях собирают. Как кризис начался, так и спрос на тракторы совсем слабый стал. Оно и понятно. Мужик с лошадей всегда найдётся. Его и покупать не нужно. Сам придёт. Ну пусть даже без лошади. Экспорт движков также не слишком радует. Да и... ммм... Что-то не в ту степь понесло!

М-да, вот и получается, что потребителя своего продукта нужно выращивать самостоятельно. Есть конечно парочка нестандартных идей, но это мизер. Нужно ещё раз с нефтяниками переговорить. А значит придётся опять ехать в Баку. Ну что ж, Баку, так Баку.

Агреев повернулся и в сопровождении двух экспедиторов пошёл к автомобилю.

Проезжая по московским пригородам, он размышлял на тему необходимости изобретения вращательного бурения. Вот ведь вроде нужна такая штука, а все равно палка о двух концах. Ей же не только он сможет пользоваться, но и американцы с британцами. И опять встаёт вопрос рынков сбыта. Да и как эта хреновина должна работать, он не знал. Не приходилось сталкиваться. Не всю же буровую штангу крутить. А значит бур получается хитрым. Благо, что с победитом дело налаживалось. И есть неплохие наработки по алмазным головкам.

Апрель 1901 года

В зале старого замка перед камином сидели двое. Почтенный джентльмен со стаканом грога, укрывший ноги пушистым пледом, и безусый юноша, внимательно слушавший неторопливую речь хозяина замка.

— Видишь ли, мой мальчик, политика — это грязное дело. И поэтому ей следует заниматься в белых перчатках, чем и занимаются наши достойные люди. Возьмём наши взаимоотношения с Германией. Когда началась война Америки с Испанией, германцы обратились к нам с предложением поделить после войны испанские колонии. Ведь было очевидно, что Испания ни на Карибах, ни на Филиппинах долго не продержится. Мы, конечно, могли бы выступить совместно. И даже просто продемонстрировав наши намерения, могли бы заставить Вашингтонских ястребов поделиться. Как бы это называлось — не столь важно. Может международным протекторатом над Филиппинами, может ещё как-нибудь. Но мы бы серьёзно испортили отношения с американцами. Их доктрина Монро конечно всем стоит поперёк горла, но можно делать деньги и вместе или поделив сферы влияния. Да, захватив Филиппины, они явно вышли за пределы своей сферы влияния, но подумай о другом. Ведь если бы мы вместе с Германией дали отпор САСШ в отношении этой испанской колонии, то её пришлось бы делить с дойчами, поссорившись при этом с Америкой. Однако устойчивый долговременный союз с Германией нам не слишком нужен. Она сама для нас становится все большей проблемой. А сделать Германию послушным орудием в наших руках последнее время не получается. Дойчи, к сожалению, поднатрели в политике. И сейчас готовы только требовать.

— Дядя, но ведь мы с той войны, получается, не выиграли ничего...

— Нет, Джорж, ты не прав. Мы получили благожелательный нейтралитет Америки в войне с

бурами. И ещё кое-что.

— Что, дядя?

— Это тебе рановато знать. Возможно лет через пятнадцать ты все узнаешь. Если ... ну, да это не важно.

— Но если считается, что Германия сейчас для нас представляет большую проблему, то получается, что мы вели с дойчами переговоры о союзе только для самого факта переговоров?

— Ты почти прав. Дело в том, что сам факт переговоров уже влияет на окружающую обстановку. И на того, с кем ты ведешь переговоры, и на всех прочих. Но не следует идти на серьёзное соглашение с кем-то в тот момент, когда у тебя связаны руки. Особенно если многое против тебя. Или тебе предстоит одно важное дело. Я тебе расскажу одну историю. Про нее теперь уже можно говорить. Но тебе не следует об этом распространяться. В 98-м году ихний рейхсканцлер Гогенлоэ обратился к нам со следующим предложением. Есть ещё один такой же больной человек Европы, как и Испания. Это Португалия. Когда-то они были большой колониальной Империей. Но прошло время, и великая морская держава скатилась до уровня банкрота. Правда, ей в этом активно помогли, но основное они сделали самостоятельно. Однако у этого должника ещё есть пара интересных колоний в Африке. Так вот, Гогенлоэ обратился к нам с предложением, что если Португалии потребуется ещё один кредит, и кредит большой, то его мы должны были выдать португальцам совместно с дойчами под залог колоний. Со своей стороны они обещали отказать бурам в помощи. Интриганскую политику Вильгельма и его министров вероятно ты знаешь. Они готовы интриговать всегда, с кем угодно и против кого угодно. Дабы усыпить их бдительность и избежать на юге Африки не нужных эксцессов, мы пошли на этот договор. По нему Британии должны были отойти половина португальской юго-восточной Африки и центральная часть Анголы. А Вильгельму в этом случае отходили остальные части португальских колоний в Африке и часть Тимора. Но дойчи и здесь даже не удосужились соблюсти приличия. Они продолжали везти бурам артиллерию и многое другое. А потом ещё и поучаствовали в войне с бурами своими якобы добровольческими отрядами. Но в Лондоне, мой мальчик, все прекрасно видят и знают. Никто дойчам и не собирался отдавать колонии, в которых наши компании работают как в своих собственных. Просто через несколько дней после того, как буры напали на наши гарнизоны, в Лондоне с португальским послом был подтвержден старинный договор, по которому мы обязуемся защищать целостность Португалии и её колоний за определённые экономические преференции в них. Ну и ещё кое за какие возможности. И так случилось, что больше, — сэр Генри улыбнулся, — португальцам кредит не понадобился. Увы, даже прямой приказ из метрополии для колониальных властей Лоренсо-Маркеш о запрете пропуска любых военных грузов через территорию колонии оказался не указ. И кое-что все-таки буры смогли протащить к себе. В том числе и из-за того, что наш флот не обеспечил полную блокаду этого порта. А слышишь ты сейчас об этом от меня только потому, что уже нет смысла больше хранить эту тайну. Дойчи как-то смогли узнать о нашем договоре с португальцами. Но сделать теперь они ничего уже не могут. Ни с колониями, ни с бурами. А за нами ещё должок остался. А подобные долги мы отдаем всегда..., — в глазах пожилого джентльмена сверкнула сталь.

— Дядя, а что будет с золотыми приисками дойчей на юге Африки. Мы ведь не будем их им отдавать?

— Мой мальчик, мы ни у кого ничего не брали. К тому же многие наши бизнесмены понесли серьезные убытки из-за этой войны. Часть шахт вообще разрушена. А негры, на них работавшие, просто разбежались. И теперь нам придется завозить в Африку рабочую силу из

Индии или Китая. Не знаю, как это будет сделано, но мы ведь не предоставляли дойчами концессии на разработку золота в наших колониях. А страны, которая это сделала, больше нет.

Собеседники ещё долго сидели перед горящим камином, который отбрасывал на их лица жёлтые всполохи пламени...

Апрель 1901 года

Вениамин Ильич сидел у горящего камина с бокалом Шустовского. Коньяк, да, именно русский коньяк, а не какое-то там бренди, в его бокале на просвет играл веселыми золотистыми искорками. Мягкий, взявший не одну золотую медаль на конкурсах. Причём первую из медалей и признание он получил инкогнито, когда придирчивые французские сомелье не знали ни место его производства, ни производителя. На низком столике у кресла, снабженном для передвижения колесиками, стояла початая бутылка коньяка и блюдечко с нарезанным пармезаном. Кстати тоже русским.

Вениамин Ильич сегодня был доволен. Заранее подготовленная операция, проведённая всего за две недели, была исполнена великолепно. По её результатам господин Алчевский стал беднее на миллионов 7–8, зато смог стабилизировать положение подконтрольных ему банка и предприятий. А его, Лунева, наниматель и партнёр стал владельцем 49 % ДЮМО. И всего за какие-то 2.5 миллиона, часть из которых была вообще продукцией его заводов. При этом удалось не испортить так трудно налаживаемые отношения с московским купечеством. Нет, конечно, нельзя сказать, что господа Рябушинские остались весьма довольны полученным результатом. Вместо Харьковского земельного, на который они нацеливались, купцы получили Харьковский торговый банк с некоторой частью земель, принадлежавших первому из банков. Ну так не все мечты сбываются. Против князя Агренева они никак не тянули ни по капиталу, ни по связям. Они хотели получить банк, — они его получили. Ну а Алчевский, проводивший излишне рискованную инвестиционную политику ещё дёшево отделался. Ведь могло быть и хуже. И он это сам понимает, хоть и пытался хорохориться. А в качестве моральной компенсации Алчевскому, считай, преподнесли на блюдечке французский банк, заигравшийся в шорты на акциях Харьковского земельного банка. И теперь, после объявления о выдаче Харьковскому земельному стабилизационного кредита Госбанка, организованного в невероятно короткие сроки, Алчевский может спокойно и обстоятельно раздеть французов минимум на миллион. А возможно и на все полтора. Это как договорится. Но позиции у харьковского купца теперь достаточно прочные. Тем более, что Алчевскому был дополнительно гарантирован в этом году спрос на одну пятую от мощности его металлургического гиганта. А в следующем, дай Бог, и заказы от казны. К тому же, если завод сможет наладить выпуск судовой стали и кое чего еще, то заказов будет больше.

Среди пострадавших были ещё бельгийцы, но те, почитай, отделались лёгким испугом и обязательствами поставить оставшуюся по договору часть оборудования по себестоимости.

Концерну князя ещё в 98-м году стало не доставать своего металла. Но пока присматривались к вариантам, от аналитического центра пришёл доклад о вероятном кризисе, потом наступил сам кризис. И вот первый улов. Хороший такой, жирный и увесистый! Собственно теперь лет пять можно о недостатке чёрного металла не вспоминать, если бы не указания князя насчёт рудных месторождений Кривого Рога. В своё время за три приема удалось прикупить кусок этих подземных богатств. И хотя сейчас использовалась дай Бог третья часть из приобретенного, князь не переставал обращать внимание своего юриста на то, что неплохо было бы расширить эти владения. Руда Кривого рога была добрая и шла в домны почти без обогащения. А оттого начавшаяся в середине 90-х погоня за лакомым куском привлекла в те места в конце века огромное количество любителей поживы. Суммами меньше миллиона там

уже не оперировали даже за самые скромные участки земли. Но грянул кризис и «рудная лихорадка» довольно быстро кончилась. Покупатели исчезли, а с ними исчезли и перекупщики. Кроме тех, которые остались на руках с купленной или арендованной на волне лихорадки землёй. Попытки большинства из спекулянтов избавиться от неликвида, ещё вчера казавшегося сказочным богатством, влекли только дальнейшее падение цен. Но покупателей не было все равно. Да и часть хозяев имеющих шахт были не прочь избавиться от этого добра, потому как спрос на руду падал. А с ним упала и цена на добываемую руду. Шахты начали одна за другой закрываться. Это было явно ещё не дно кризиса. Тем более в металлургии, которая в него только начала сползать. А потому Вениамин Ильич пока никуда не торопился. Успеется ещё.

Лунёв сделал еще глоток.

Изумительно! Какие же Шустовы все-таки молодцы! Ладно, теперь о грустном. Молодцы то они конечно молодцы, а вот ему то что делать? Херсонский завод ферросплавов уже год как построен. Но работает всего на половину мощности. Вот вроде и совсем не для юриста работа заботиться о сбыте, а тем не менее. И ездят по стране его помощники. И по за границам. А все идёт еле-еле. Что за границей не хотят брать продукцию Херсона, что здесь в Новороссии иностранные владельцы металлургических заводов. Хоть она и дешевле импортной. И ведь не скажешь, что конкуренция. Сплошная монополия и сговор. Ни те не берут, ни эти. Повязаны общей поручкой. Дайте им марганцевую руду, а ферромарганец с ферросилицием не берут, сучьи дети. А как было замечательно задумано? Ведь запланировано было второй завод ставить, а оно вона как вышло. И Херсонского оказалось много.

Вениамин Ильич поворочался в кресле.

Нет, ещё скидывать цену не будем. Товар нужный всем и конкурентный. Надо бы как-то по-другому. Вот ежели бы таможенную пошлину можно было бы пробить на ферросплавы, вот это было бы здорово! Но ведь Витте скорее всего откажет. Князь, конечно, большой человек, но вряд ли Александру Яковлевичу удастся пробить пошлину. Уж больно много противников этому будет. И не посмотрит Витте на то, что товар у нас русской выделки. М-да! Что ж с этим делать то? Оно конечно теперь ещё и ДЮМО к покупателям присоединится, но это процентов десять ещё. Ну пятнадцать, когда в полную силу начнёт работать. Надо б какую-нибудь каверзу новороссийским иностранцам учинить. Только какую? Каверза-каверза... Надо б с князем посоветоваться. А то как бы нам самим каверзу не устроили. Эти могут. Ладно.

Лунёв слегка крутанул в руке бокал, наклонил его и посмотрел на «дамские ножки». Понюхал. Нет. Уже не так чувствуется аромат. Принюхался. Жаль! Сделав глоток, он потянулся за кусочком сыра. Зажевав слегка подсушенный сыр, он решил, что нужно будет следующий раз попробовать нарезать пармезан кубиками. Только следует взять сыр из более выдержанной партии. Ну да ему есть, у кого это спросить.

Вениамин Ильич прикрыл глаза. Зря он начал раздумывать над этим Херсоном. Сегодня отмечаем удачное завершение сделки по ДЮМО. А завтра всегда наступит завтра.

Июнь 1901 года

Купец Деров сидел в своём удобном кресле главной конторы Павлодара и смотрел на расфуфыренного поверенного, распинаящегося о преимуществах, кои купец получит от сотрудничества с французским банком при совместной эксплуатации Экибастузского месторождения угля. Французик забавно коверкал слова и вообще его прямо-таки распирало от собственной важности. — И где только они таких берут? — подумал купец. Впрочем это не его

дело. Дерову давно и сильно не нравилось мощное и поступательное наступление иностранцев на отечественный рынок. Вон, чуть ли не весь Донбасс с его углем и железными рудами под себя загребли. А теперь руки загребущие и за Урал протягивают. Тьфу! А царь-батюшка им в этом потакает. Хотя какой он, прости Господи, батюшка? Вот отец его, покойный Александр Третий, царство ему небесное, был действительно отец всему народу русскому, и о державе хлопотал и иностранцев в узде держал. Особливо под конец своего царствования. А этот... мальчишка, прости Господи! Только о семье мыслит, как знающие люди нашептывают. И царица, то ли англичанка, то ли немка, сразу и не разберешь, никак наследника престола не родит. И куда Россия катится?

М-да! Вот ведь угораздило меня пригласить на обследование степей заиртышских француза и немца. Дело то они сделали добро, но апосля на всю Европу растрезвонили, какие у нас тут богатства несметные под землёй хранятся. И полетели из Европы любители поживиться задарма. Не первая это птица залетная. Не первая. И плевать им, сколько он трудов и денег своих положил на эту степь. А время то такое, непростое. Кризис по-новомодному. Денег как-то резко не стало у народа, и разоряются люди один за другим несмотря на сословие. Что купец, что фабрикант, что дворянин какой-нибудь. И конца и края этому не видать. Только хуже становится с каждым месяцем. Ладно, пора этого болтуна заткнуть, а то сам он не скоро остановится...

— Уважаемый, я внимательно выслушал ваши предложения. Но в настоящий момент у меня нет намерений входить с вами в складчину. И нет желания что-либо продавать. Мне жаль, что вы проделали столь долгий путь и без толку, — купец поднялся, показывая, что разговор закончен.

— Но как же так? Ви да же ни дослушали наши викотние перетлошения, — взвился поверенный.

— Ничем не могу вам помочь. Всего наилучшего, уважаемый! Был рад нашей встрече, — Деров усмехнулся в бороду.

— Сенька! — крикнул купец. Из-за двери показалась вихрастая голова младшего приказчика, — Проводи господина. Да с вежеством, смотри!

Когда за посетителем закрылась дверь, купец подошёл к окну и долго смотрел на Иртыш.

Что ж, как ни жаль, но придётся соглашаться на предложение князя Агренева. Деньги на расширение дела нужны позарез! Без оных только и остается, что продать годами выстраданное. И ведь не погнушался сам приехать в Павлодар и подтвердить слова одного из своих директоров. Интересная беседа тогда вышла. И сам он человек дюже интересный. Сила из него так и прёт. И властность, когда он того захочет. Да что говорить, первый богатей Империи российской. И хоть молод, а сколотил капитал огромный всего за дюжину лет. И откуда только такие деньжищи? Но твёрдо заверил, что никаких иностранцев сюда не допустит, ежели Деров его в компаньоны примет. Ну кроме наемных инженеров. Вона в Омске какую громадину элеватора отгрохал. И промышленный холодильник для мяса и масла. А на Урале у него... Ух! Под Челябинском шахты и карьер угольный. Вскрывали, как говорят, динамитом. Да такой Бабах мощный устроили, что даже загодя пару деревень от греха подальше вывезли на время. Да в колокола звонили по деревням и самому городу, чтоб, значаща, заранее народ предупредить о том взрыве. А ведь ежели князь надумает, вполне может цену на уголь уронить за Уралом и тогда прощай все надежды. Убытков потом не сосчитать будет. И придётся сразу с Экибастузом попрощаться, потому как против челябинского угля

экибастузский с дорогой и перегрузками туда-сюда не конкурент будет, хоть мой уголек и лучше. Но князь слово своё держит, с ответом не торопит, и коней не гонит. И цену на уголь нормальную держит. Не дорогую, но и не слишком дешёвую. Жить пока можно.

Что ж, князюшка, видать, твоя взяла. Но и выгод в том союзе немало кроется. Жаль только, что железную дорогу не построить к Сибирскому пути. Дорого! И компаньонов покуда на это не найти. Как бишь там он сказал по сему поводу? Меня, говорит, не прельщает судьба фон Дервиза и Мамонтова... Что верно, то верно. Никому такой судьбы не пожелаешь. А ведь дело люди делали. И сделали таки. А вон оно как обернулось. И хоть Витте у князя в приятелях ходит, да и не он один, но как говорится, бережного бог бережет. Ничего! Покуда и без желёзки проживем. Планов вокруг Иртыша у князя вроде бы много. Дай бог, чтоб у него получилось. Особенно в пору эту непростую. И будет куда и кому уголек экибастузский продавать. Опять же заводик медный его не интересует. Моим так и останется.

А слово, говорят, у князя верное. Компаньонов своих, да партнёров деньгой не забижает. Все ведёт честь по чести, как договорено. А ежели кто на его кусок свой глаз поганый положит, да пакость учудить вздумает..., — купец усмехнулся, вспоминая недавнюю на шумевшую историю про то, как некий аглицкий купчишка вздумал покуситься на некую бакинскую нефтяную компанию. И что, значица, из этого вышло. М-да-с! Пресмешная история все-таки вышла! И весьма поучительная. А ты не зарься на чужое, ибо не твоё.

Надо бы телеграфом отбить князю своё согласие, да в дорогу потихоньку собираться. А то где его черти носят, этого князя беспокойного, героя Пекина и Маньчжурии. Везде поспел сей пострел. И на поле ратном, и в делах серьёзных. Да и в жёнах у него сама княжна Юсупова младшая, говорят, красавица писанная. А с Юсуповыми некоторые Великие Князья не прочь были породниться.

Артемий Иванович хлопнул ладонью по подоконнику.

— Значит, быть по сему!

И теперь его ожидало много новых дел и хлопот...

Конец мая 1901 года

Дмитрий Павлович Соломирский, хозяин Сысертского горного округа, тяжело дыша наконец выбрался из разведочной шахты. М-да, не по годам ему уже лазить по подобным лисьим норам! И что смешно, ведь сам поручил пробить её. Не то чтобы он не доверял пробам буровых скважин, которые методично продолжают бурить, прослеживая месторождение все дальше в лес от подножия горы, но вот хотелось самому спуститься в шахту и поглядеть на то, что его рабочим вскоре предстояло разрабатывать. На то, что должно вскоре сильно поправить его финансовое состояние. За хозяином выбрались на поверхность один за другим двое сопровождавших его мастеровых.

Соломирский уселся на здоровенную колоду рядом со входом в шахту и вытащил из кармана куски породы, самолично набранные в горизонтальном отнорке. Повертел в руках, разглядывая. М-да! Обычный с виду пирит, однако ж поди ж ты. В этом самом пирите по результатам предыдущих анализов содержится до 12 процентов меди. Ну может и не в этих конкретных кусках, но тем не менее.

— Ладно, — решил Павел Дмитриевич, — помещу их в коллекцию, коль уж я их сам добыл.

Коллекция у него конечно была несколько иной. Чучела зверей и птиц, в том числе и

самостоятельно выделанные, насекомые, образцы редкой флоры, огромное количество снятых им фотографий Урала, и не только его.

К Соломирскому подошел Федька — кучер, приведший его в Дегтярку и поднес ему фляжку.

— Хозяин, вот изволь испить брусничного морсу. И стоило то самому в енту нору лезть? Обождал бы полгода, да и спустился бы в нормальную шахту на подъемнике. Их вона аж целых две нынча бить начали. Да не простые. Я такие токма у южных соседей видал. Капитальные!

Павел Дмитриевич прополоскал горло, сплюнул на землю изо рта, а потом приложился к фляжке. Эх, хорошо! Он посидел ещё минут пять, а потом умылся водой из кувшина, поднесенного кучером. Вытерся чистым полотенцем, оставив на белой ткани тёмные полосы. М-да! Слазил, называется. Теперь прямая дорога в баню. Хорошо хоть она тут где-то уже имеется, как и длинные капитальные бараки для рабочих.

— Ну что, Федька, показывай, где тут баня. Или нет! Найди-ка мне сначала приказчика здешнего.

— Это я зараз, хозяин, — кивнул Федька и быстрым шагом направился в сторону бревенчатых строений.

Соломирский оглянулся. Мастеровые, что его сопровождали в шахте уже ушли по своим делам. Неподалеку от ближнего барака под лёгким настилом сидело несколько мастеровых и работало ложками.

Соломирский подошел поближе. Мужики обсуждали какое-то очередное диво, увиденное у соседей, да порядки у них же. Подошёл, поздоровался. Тут как раз и Федька с управляющим Митрофаном подошли. Слово за слово, да спросил Соломирский, что раз у здорового мужика, что ж он в Кыштым не пошел.

— А я и ходил. Токма эта..., — здоровый мужик замялся, видимо не зная, как сказать.

— Ходил, да не взяли его, — подсказал ехидно Митрофан.

— А что так? — заинтересовался Соломирский.

Мужик ещё больше замялся.

— Дык он у нас из этих, из смутьянов бывших, из заводил, что забастовку в 98-м году в Сысерти устроили, — с кривой ухмылкой ответил приказчик. — А кыштымские таких не брали, ежели только особо умелым на ремесло не оказывались. Ох, говорят, и пытаются они каждого о каждом. Всю подноготную вызнать хотели. Без доброго слова о человеке от двоих знакомцев никого брать не желали. Оно и понятно. Кому буйные на собственную шею нужны?

— Да я чо? Я ничего..., — начал оправдываться здоровый мужик. — Я ж тогда, почитай, без работы остался при той коллизии. А у меня жена, мать больная, да пятеро по лавками. Чем мне их кормить то было?

Дмитрий Павлович только хмыкнул. М-да, нехорошо тогда получилось. Очередная перестройка металлургического хозяйства на новый лад в 98-м году оставила треть его сысертских рабочих на время без заработка. Вот они и устроили бучу. Аж на две недели, пока не удалось

договориться и перебросить их в другое место. Впрочем с тех пор, как в соседнем горном округе появился новый хозяин, народа, проживающего в его округе сильно поуменьшилось. С одной стороны вроде как и лучше, потому как меньше ртов кормить нужно было. А вот с другой совсем наоборот, потому как в Кыштым брали лучших из мастеров. Причём не всех оставляли здесь. Многим прочим предлагали переезд на работу в дальние края. А оттого большая половина отказывалась и возвращалась обратно. Ныне горнозаводчик уже даже подумывал, что если так дальше пойдут дела, то он сам возможно станет сманивать мастеров из других округов. Нет, до этого ещё ой как далеко, но знающие люди всегда в цене. Впрочем соседство с Кыштымом даже до того, как князь Агрнев предложил ему сотрудничество, войдя пайщиком в его горный округ, приносило много положительных моментов. В начале 90-х годов он переводил выделку железа с кричного способа на пудлинговый. А тут сосед грандиозную перестройку всего хозяйства затеял. С самим хозяином тогда свидеться не удалось, но с новыми управляющим и инженером Каслинского завода хорошо посидеть вышло. Тогда его и убедили, что он делает совсем не то. Что пудлинг — это вчерашний день, и ставить нужно мартеновскую печь, как строят сейчас в Касли. Пусть и выйдет дороже, да специалист нужен, но смысла в этом куда больше. К сожалению, не переведенным на пудлинг остался только один Северский завод. Но дело было уже сделано. А вот соседский совет оказался верным. Нынче Северский завод у него в округе был самым передовым по черному металлу с двумя мартенами. Да и вообще много полезных новинок удалось у соседей вызнать и у себя внедрить.

— М-да, нехорошо тогда получилось. Я то как лучше хотел, а вышло как вышло, — вслух озвучил он.

— Ну а сейчас каково тут? — обратился он к мужикам.

— А нынча чего..., — плюгавый мужичок с всклокоченной бородой покосился на приказчика и продолжил, — Нынча жить можно. Работа есть, зарплату не задерживают. Оно конечно у кыштымских больше платят, дык это тама, а мы тутова. У других соседей то дела хуже нашего. Вы, как в союз, значит, с князем Агрневым вошли, так дело на поправку пошло. Нам теперича, почитай, уже даже некоторые соседи завидовать начинают, потому как у нас слегонца получше ихнего.

— Ну, а ты не пробовал в Кыштым податься? — с улыбкой спросил Соломирский.

— Не, хозяин. Чего я тама забыл? У меня ж тутова дом, хозяйство, огород, скотина какая-никакая... А у кыштымских токма угол дают на семью и то не зараз. Оно мож и выглядит як барское, да не про меня. Я в Полевском родился, тутова и помру, когда время придет. А в Дегтярке я вроде как временно, покуда у нас в механическом цеху переделку затеяли, — ответил плюгавый. — Да и вообще народу в поселках поубавилось за десять лет. Так шо работы вроде всем хватает.

— А от уехавших в дальние края какие вести приходят?

— Дык разные. Какие ж ещё они бывают? — вступил в разговор коренастый мужик. — Меня, значаца, Иваном зовут. Вот у меня племяш в прошлом годе за Байкал подался. Поселок Петровском тама зовут и завод тама княжеский. Молодой он, токма оженили тогда. На той седмице весточку прислал. Бает, шо при стане прокатном его поставили работать, да уму-разуму учат. Платят неплохо, но в тех краях много товару подороже нашего будет. Но опять же он молодой. Ежели выучится делу, то и деньгу хорошую можно получать будет со временем. А ещё бает, шо тама на железке можно в полтора раза больше получать. Но и впахивают на железке не в пример больше. А бывает, зазывальщики от золотодобытчиков заявляются на завод. Вроде как за товаром прибыл, а нет-нет, да и пытаются людей к себе сменить. Вот тама

можно заработать много. Но можно и в тайге сгинуть. Вот так... Однако ж это все не про него. Он контракт на 5 годков подписал, так что хода с завода раньше того срока ему нет. И все бы ничего, но зимы там лютые, малоснежные и долгие, а лето короткое. Оттого земля родит плохо. Зато охота не в пример нашей будет. Зверя и птицы в тайге хватает, ежели знаешь как их взять. Да и всяких грибов, ягод и орехов хватает. Опять же рыба в реке по весне и летом имеется.

Поговорив ещё несколько минут, Павел Дмитриевич пошёл с приказчиком к тому конторку, да велел баньку приготовить.

Вслед хозяину округа смотрело несколько пар глаз.

— Жаль! Не взяла козла старого Хозяйка Медной горы! А ведь сам на своих двоих в гости ходил. А не взяла! — пробормотал зло сквозь зубы плюгавый.

— Нет уж давно Медной горы в Гумешках. Срыли под основание. А нынча то, что от неё осталось, перетирают да перебивают кислотой, — вмешался молчавший до этого молодой.

— И чего ты такой вечно злой? — повернулся к плюгавому коренастый. Он облизал ложку и сунул её за голенище.

— А то ты не знаешь, — отмахнулся плюгавый.

— Ну дык и попросил бы прибавки. За все общество попросил.

— Ага! При вашем приказчике? Я что, совсем дурной? Вот взяли бы сами и спросили.

Мужики только головами покачали.

— Однако ж последнее время у нас и вправду чутка лучше стало, хоть в других округах народ стоном стонет, — подытожил коренастый. — А насчёт приказчика есть у меня думка. Надобно токма все как следует у кыштымцев разузнать. Сказывали они мне всякое разное. Коль у нас теперича два хозяина, дык тогда можно и новому в ножки поклониться. Ну не ему самому, а людям евойным доверенным. Глядишь, эдак Митрофану и самому выйдет с нами под землёй тачку катать заместо конторки евойной. А тама всякое бывает. И обвал случается, и вагонетка ногу переедет. Али ещё какая беда выйдет.

Соломирский попарился в баньке, смыл с себя грязь, переоделся в чистое. Потом перекусил, чем Бог послал, да Митрофан на стол выставил. Потом походил еще по окрестностям ведомый приказчиком, рассказывающим о том, что тут и как делается. Пока суть да дело наступил вечер. А там и спать укладываться пора настала. Но не спалось. Не приходил сон на новом месте. А вспоминалось, как князь Агренов стал его компаньоном в Сысертском округе. Вошёл в долю он очень жёстко, скупив у родственников Соломирского их паи. И разговор был жёсткий. Слишком много знал князь о делах Павла Дмитриевича и о делах в округе. Тогда Соломирский мог и отказаться от сотрудничества. Ничего бы Агренов с его третью паев округа не сделал, если б только на подлость не пошёл. Но не таков был князь, и Соломирский это знал. А потом сосед расписал, что выйдет, если они договорятся. Перспективы рисовал такие радужные, что верилось плохо. Ну откуда стороннему аристократу, который то и в своём округе не каждый год бывает, знать что-то про то, что у соседей под землёй лежит? И ведь пока Павел Дмитриевич ответ соседу не дал, и не подписали они все нужные бумаги через неделю, так и не раскрыл князь тайны, где клад природный под землёй лежит. Впрочем, даже если б раскрыл он сие, толку от того было бы мало. Нет на Урале мастеров кроме кыштымских, кои умеют из медносодержащего пирита медь вытаскивать. А мож и за границей таковых нет. А

ведь сказывал, что ещё есть местечко, где может ещё медь быть. Где-то у Полевского. Но не нашли покуда. Опять же отвалы в Гумешках начали перерабатывать хитрым способом. Вернее простым, но попробуй до такого додуматься! Вот верно говорят, что все гениальное просто. Так и с отвалами вышло. Впрочем одной медью дело не ограничивается. Много чего нынче менять стали. Опять же если б не торговая сеть князя, то сейчас бы заводы или на склад работали бы, или нужно было бы сокращать выпуск чёрного металла. Оно конечно над ценами князь не властен — упали они здорово, но сбыт в отличии от конкурентов через князя идёт неплохо. Правда пришлось ещё больше в долги влезть, чтоб нужное сделать али закупить, но князю пришлось вложить поболее, чтоб до паритета паев постепенно добрать. Ох как не хотелось тогда ещё в округ вкладываться. Деньжищи то огромные! А ему еще за предыдущие долги расплачиваться и расплачиваться. Но теперь то он уже точно уверен, что не прогадал. Да и сам он кой-чего удумал и начал делать из того, что в Кыштыме или Челябине не делают. Те же ведра, лейки и прочее добро из оцинковки. Кыштымские то ли не додумали, то ли посчитали, что им это не очень интересно. Так что из кыштымской оцинковки теперь в Сысерти и Полевском всякое разное полезное народу добро клепают на продажу. И берут сие по отзывам хорошо. Так что и Павлу Дмитричу навар, и его людям работа с заработком.

Долго ещё Соломирский ворочался, вспоминая, пока не уснул.

Июнь 1901 года

Сосновый бор на берегу большого уральского озёра возносил свои вековые коричнево-золотистые стволы высоко в небо. Зеленоватое серебро пушистых крон тихо шумит в вышине. Редкие белые облака на ослепительной голубизне неба неторопливо шествуют куда-то на восток. Ласковая легкая волна лижет жёлтый прибрежный песок. Светлый бор почти без подлеска не слишком мешал лёгкому ветерку проникать в себя со стороны озёра. Июньская жара здесь здесь ощущалась вполне терпимо. Птиц почти не слышно. Только где-то над головами постукивал дятел, да иногда с дерева на дерево перепархивали поползни. А может это были синицы? Да какая собственно разница. Под сенью этой благодати на мягком ковре из сухого мха и старой опавшей хвои с редкой травой расположилась компания разновозрастных мужиков, потягивающих холодное пиво из разномастной посуды. Пива было немало — полутораведерный бидон. К пиву имелась и закуска — купленная у местного рыбака некрупная вяленая рыбка средней солёности. Компания одета была кто как. Кто-то разоблачился до штанов, скинув обувь, а кто-то возлежал как и пришёл, — в рубашке, штанах и сапогах. Трое самых молодых и безусых вообще плескались в озере, и вовсе вроде бы не собирались вылезать из воды. Впрочем кому чего больше хотелось. Пива было хоть и много, но все-таки конечный объем. Покупала его эта компания в складчину. Не хотят молодые, другим больше достанется. Впрочем в этом блаженном покое никто никуда и не думал торопиться. Зачем? Нечасто выпадают такие деньки, когда делать ничего не надо и не надо никуда торопиться. И жена не дёргает по какому-то поводу. Хорошо!

— Хорошо! — протянул один из мужиков и продолжил разжевывать несколько суховатую рыбью спинку.

— Ага..., угу, ...да уж, — в подтверждение сказанного некоторые из мужиков отпустили короткие междометия.

— Да валяться на травке завсегда хорошо, — заметил пожилой мужик с пышной бородой.

— Дык, заслужили ж, — нехотя отвечивал усатый Егор.

— То верно, — согласился пожилой, — Но вот не к добру эта жара. Дождя уж две недели как не было. Как бы засухи не случилось...

Кто-то из компании покряхтел. Часть из них была из бывших крестьян, не слишком давно подавшихся из деревни в город, да волю судьбы сменивших не только род занятий, но и место жительства. И судьба занесла их за Уральский хребет в Кыштымский горный округ его сиятельства князя Агренева. Таким переселенцам пришлось начинать на новом месте или с пособников или со строителей. Куда пошлют. Но все присутствующие из бывших сельчан смогли приспособиться и выучиться на рабочие специальности. И своим трудом заслужить поощрение от управляющих, отправивших отличившихся работников на седмицу в местный дом отдыха.

— У нас ещё ничего, снегов было по весне много, — заметил привалившийся к стволу сосны средних лет Федор, — вот к нам на той неделе в Челябину на завод купчина из Царицина приезжал за своим заказом. Страсти нашим инженерам рассказывал. У них там степи, лесов почти нет. Дык зимой, говаривал, снега совсем мало было. И дождей по весне почти не было. На Волге опять же паводок низкий был. А сейчас жара которую неделю стоит. Сказывал, урожай на корню высохнуть может. Боится, что в полях не соберутся и того, что посеяли.

— М-да..., беда! — протянуло сразу двое из компании.

— Не дай Бог, опять неурожай, как в 97-м, — заметил Егор.

Присутствующие дружно перекрестились.

— Или как 92-м, — донеслось сбоку.

— Тьфу на тебя, Семен! Вечно ты, как ворона, каркаешь! — отмахнулся Никодим. — Не попустит Господь Бог такого. Ты элеваторы князьки огромные в Челябине видел? Дык вот свояк говаривал, что наполовину полные они стоят. Да и мы не степях царицынских.

— Дык то наполовину..., — протянул несогласно Семен.

— Да где ж ты такое у обычных купчин видывал? — вскинулся Никодим. — Чтоб в начале лета у них амбары хотя бы четверть заполненные зерном были. Да они по осени обычно не менее половины зерна спускают на продажу за границу. А ещё есть магазины казенные. Здесь то они в основном хлебушек переселенцам в Сибирь отпускают. Но уж точно не пустыми стоят. Народ со всей России за долей лучшей в те края потянулся. Тяжко, конечно, им будет на новом месте обживаться, но и наделы им немалые за Камнем дают. По 15 десятин. Не менее.

— Это, да, — согласно кивнул Егор.

И снова воцарилось молчание, нарушаемое только прихлебыванием пива, да движением жующих рыбку челюстей.

Впрочем продолжалась оно недолго. К размягшей от жары и пива компании присоединилась наконец вылезшая из воды тройца пышущих здоровьем и бодростью молодых.

— Вы б, дядьки, сходили макнуться, — заметил один из вернувшихся, — водичка чудо как хороша!

— Не, неохота... — промычал один из пожилых.

— Микола, а пошли! — Семен принялся скидывать штаны.

— А пошли, — согласился Микола.

Они наперегонки скатились с откоса и с разбега ринулись с прохладную синь озёра.

— Ух, здорово! Мужики, давай сюда!

Млевшая в соснах компания засомневалась и потихоньку начала редеть. А количество плескавшихся в озере довольно быстро увеличилось.

Через четверть часа последний из плескавшихся вылез на берег. Компания блаженно развалилась на облюбованном месте. Часть опять потянулась с кружками за пивом.

— На обед пойдём? — нехотя спросил Никодим.

— А ну его..., — без всякого энтузиазма ответил Егор, — пока полверсты дотащимся по жаре, последний аппетит пропадает. А апосля обратно переться. — Заглянув в бидон, он констатировал, — Тут ещё половина. Придётся потом в озере охлаждать.

— Ну можно его и сейчас в вон те камыши сунуть, — предложил молодой Колян.

— Ага, на том мелководе водичка разве что не горячая, — отрезал Никодим. — Хотите, идите. Вам, молодым, десяток верст не крюк. В столовке кормят как на убой. Вечером доберем.

Молодежь, посомневавшись, от честной компании решила не откалываться.

— Слышь, Колян, — обратился Семен, — а что это от вас из Каслей к нам на завод выделку всяких фигурных оград и прочих красотостей передали? Мы не в претензии, оно даже хорошо по нынешним временам, да только странно как-то. Это ж ваша работа завсегда была. Каслинская.

— А! — махнул рукой Колян. — Наши теперича всякие хитрые детали для двигателей льют. Да не как раньше в два-три приёма, а зараз. Я то при домне в основном, а народ учиться и в Москву ездил, а некоторых из мастеров так и вообще в германщину посылали. Да и германов на заводе недавно на заводе было немало. Щас то уже никого, почитай, не осталось. Тока те, что контракт на 5 годков подписали. Опять же гусенки эти массивные из марганцевого сплава. Но тока по первости. А потом, как, значица, завод в Челябинске пустили, так туда это дело и передали. Нам то это раз плюнуть, а челябинские не сразу приспособились. Ну да не хитрое дело. Вот с пальцами для тех гусенок, да, намучились. Уж больно хитро их выделывать надобно, чтоб они не ломались и не стирались быстро. Пришлось мудреные печки ставить для закалки. И то, раз на раз не приходится. Часть в переплавку обратно идёт.

— Да, времечко ныне не простое. Заказов стало мало, цены вообще низкие, ежели не на казну работаешь, — подтвердил Микола.

— А будет ещё хуже, — заявил Никодим, — слыхивал я от в конторе, что в следующем годе казна вдвое меньше чугунок будет строить. Опять же паровозов и вагонов, значица, заказывать будут менее.

— Да ладно, дядька — вскинулся Матвей, — вы ж рельсов почти не выделаете. И казне их почти не ставите. Это вот нам с паровозами и вагонами трудно будет. Ну да и мы не пальцем деланные. С самого начала века придумок на заводе много. И все в металле. Цистерны разные,

полувагоны хитрые самораздражающиеся, режрижираторы, шоб значица мясо замороженное завсегда возить, а не токма по зиме... Нихто у нас в стране такого не делает. Токма мы одни. Хозяин даже на свой коломенский завод такие придумки, говорят, не отдал. Потому как не его полностью завод, а в пополаме с немчиком каким-то. Не, мужики, хозяин нас в обиду не даст. Вы округ гляньте! Другие хозяева народ народ десятками увольняют, да штрафами умучивают. Оттого и забастовки у них случаются. А мы вона где прохлаждаемся. И не сократили у нас никого. Разве что несколько десятков народа на другой новый завод отправили. Не, мужики, хозяин у нас добрый. Без работы и заработка не оставит. Хоть и ему нынче трудно. А рельсы..., да хрен бы с этими рельсами. Заместо их профили разные делаются. Для всяких механизмов хитрых. Вона у нас соседи в том месяце кран козловой какому-то порту отправили. И шо? Да такой кран на каждой станции крупной сгодится. Да что говорить... — он махнул рукой.

— Все то ты верно сказываешь, — отозвался Никодим, — да токма денег у народа мало стало. А многие купцы вообще в долгах по слухам сидят. Какая б хитрая и добрая механизма не была, а денюжек она немалых стоит. Кто-то твою механизму оплатить должен.

— Чо то ты какие-то неправильные речи ведешь, — вмешался молчаливый Серафим с Карабаша. Все тебе не так. Пряма как енти, сицилисты. Занесло к нам в городок двоих таких. Хрен его знает откуда. Речу толкали на площади. К самому то заводу посторожились прийти. Послушали мы их, значит, послушали, а опосля и накостиляли им. А то ишь, удумали, смуту на рабочий народ наводить. Ыксплуататоры им, видите ли, не нравятся. А сами то в руки ничего тяжелее ложки похоже и не брали. Тьфу, не иначе как городские лоботрясы, которые токма языком мести и умеют. В общем, не понравилось им у нас, — с ехидцей продолжил Серафим, — ну дык мы их и не звали.

И опять на берегу в соснах воцарилось молчание. Мужики просто отдыхали.

3 июля 1901 года

Александр выплыл из забытья. Голова была какой-то чугунной. Он как и прежде лежал на кровати. Попытка повернуть голову вызвала ещё и головокружение с легким приступом тошноты. В кресле, свернувшись калачиком, прикорнула жена. Его НАДЯ! В комнате ощутимо пахло лекарствами. Ныли раненая нога и плечо.

— М-да, здорово меня долбануло! Контузия, хоть и не очень сильная. Расслабился, и вот результат. Это ж надо! Второй раз за год. Первый раз китайцы, второй раз какие-то уроды уже дома.

За дверью слышались шаги, а потом в дверь поступали.

Надежда соскочила с кресла и открыла дверь.

— Это что, нельзя отложить? — недовольно спросила жена посетителя.

— Здравствуйте, Надежда Николаевна. Извините, но откладывать не желательно. Ваш муж сам, как проснется, меня на доклад призовет. А дел невпорот. Если он не спит...

Надя оглянулась на кровать.

— Надь, пусти его, — отозвался Агренов.

— Только недолго! — недовольно проговорила жена и, запустив в комнату Купельникова,

вышла.

Главный инспектор, он же глава разведки и контрразведки подошёл к кровати.

— Здравствуйте, Александр Яковлевич. Как вы?

— Здравствуй Иваныч, ничего, жить буду. Рассказывай!

Купельников пододвинул к кровати стул и уселся.

— Нам удалось в общих чертах восстановить картину покушения. Работало две группы. В первой было 4 человека, во второй — двое. При этом, что странно, первая группа, похоже о второй ничего не знала. Именно из-за этого согласованности в их действиях не было. У каждой было по бомбе. Вторая, слава Богу, не сработала. Вооружены все были револьверами. Два бельгийских, остальные наши. И была одна «Плетка».

— Хмм, — протянул князь, — мне и одной бомбы хватило, как видишь.

— Далее, четверо боевиков наповал. Двое из них, похоже ваши. Одному удалось уйти. Он почти наверняка ранен. И одного охране удалось умыкнуть из под носа полиции. К сожалению, работать с ним пока нельзя. Дырка в лёгких. Раньше чем через месяц-полтора приступить к обстоятельному допросу с применением особых мер не получится. Пробовали с ним говорить, но он тока хрипит и ругается. Или молчит. 22-24 года. По говору и манерам — явный интеллигент. Вряд ли дворянин, скорее из разночинцев. Что касается убитых, то один видимо из студентов. Сейчас пытаемся опознать. Полиция опознала одного из убитых. Некто Александр Крушчак, родом из Бреста. Он, кстати, из второй группы. Сегодня дело из полиции забрал Отдельный корпус жандармов. Меня уже уведомили об их желании поговорить с вами, но я пока отговорился вашим плохим состоянием. К Надежде Николаевне они пока не приходили. Вот, собственно, пока все, что удалось узнать за двое суток. Мы работаем, пытаемся поднять связи этого Крушчака. Полиция, хоть дело у них и забрали, по моей гхм... настоятельной просьбе продолжит им заниматься.

— С моими ребятами что? — спросил Агрнев.

— Ким на бомбу лег, это вы видели. В гроб его по частям собирали. Если б не кореец... — Купельников перекрестился и вздохнул. — У него вроде бы сестра осталась.

— Да. Иван Иванович, вы о ней позаботьтесь. Чтоб ни в чем не нуждалась. А Егором что?

— Он легко отделался. Два осколочных в ноги и две пули в нагрудник. Ребро треснуто. Ничего серьёзного. Через пару месяцев бегать будет.

— Иваныч, — тяжело вздохнув, спросил князь, — как вышло, что наблюдения не заметили? Ведь явно суки хорошо готовились.

Купельников понурил голову. Помолчал, а потом поднял глаза:

— Александр Яковлевич, мне нечего сказать в своё оправдание.

— А мне твое оправдание нахрен не нужно, Иваныч. И отставку твою никто принимать не будет. Работай! Мне нужно знать про нападавших все. И в первую очередь, кто послал или нанял. А насчёт начальника моей охраны потом подумаю, когда оклемаюсь. Ладно, иди. Хороший ты специалист, но покушение твои люди прошляпили.

Главный особист тяжело поднялся и пошёл на выход. У двери он остановился, обернулся и тихо проговорил:

— Александр Яковлевич, есть подозрение, что китайцам кто-то слил информацию о том, куда далась часть их казны.

— Так! — встрепнулся Агренов. От резкого движения голову прострелила боль. — Час от часу не легче. Ладно, я подумаю. И вот ещё что. Операцию в Индии свернуть! Слышишь! Жаль, конечно, но лучше пусть добро ещё полежит, чем ...

— Есть! — по уставному отозвался Купельников. И вышел.

В комнату вбежала Надя.

— Саша, милый, как ты себя чувствуешь?

— Ну, если ты, родная, меня не задушишь, то жить буду, — попытался пошутить Александр.

Жена поправила подушки и провела ладонью по щеке мужа. Прикоснулась ко лбу губами, нет ли жара.

— Ты у меня сильный! — она поцеловала мужа. — Тут Сонин приходил, пока ты спал. Я его не пустила. Передавал пожелания скорейшего выздоровления.

— Я сейчас вернусь, — Надя встала с края постели направилась к двери.

Сентябрь 1901 года

Сентябрь в этом году выдался в Сестрорецке ветреный. Князь, как только позволило его состояние, перебрался в Сестрорецк. Так что Купельникову приходилось для отчёта о расследовании несколько раз ездить в Сестрорецк. Вот и сейчас, автомобиль, встретивший главного разведчика и контрразведчика промышленной империи князя, подвозил его к коттеджу его сиятельства.

Полмесяца назад удалось разговорить единственного оставшегося в живых террориста. Именно единственного. Через две недели после покушения полиция нашла труп того, кому удалось скрыться на пролетке. Полной уверенности правда в этом не было, но кучер и раненый телохранитель князя его вроде бы опознали. На основе показаний живого террориста удалось выйти на след организатора. Им оказался некий Андрей Поллак, занимавшийся всякими сомнительными делами. Поллак после покушения предпочел покинуть пределы Империи и перебраться в Австро-Венгрию. Однако в Кракове он почему-то решил, что ему более ничего не угрожает, и жил в гостинице, не скрываясь, да ещё на широкую ногу. Быстро выйти на его местопребывание удалось достаточно случайно, благодаря некоторой удаче. За Поллаком пару дней следили, а когда он собрался по каким-то делам в соседний городок, изъяли по дороге. Вывозить в Россию его не стали, а допрашивали в снятом на окраине Кракова доме. В весьма вместительном подвале. Купельников сам в Краков не ездил. Не было в этом нужды. Его люди прекрасно знали, что нужно спрашивать в первую очередь. Поллак сломался на первом же применении взрывной машинки по не очень стандартному для неё профилю. А поскольку с дознавателями в Краков был сразу отправлен и неплохой художник из экспедиторов, то следствие получило и рисованный портрет того, кто заказал Поллаку организацию покушения. И сейчас Иван Иванович приехал поделиться с князем новыми открывшимся фактами.

— Значит англичане..., — задумчиво протянул князь.

Он поднялся с кресла и доковылял до окна. Постоял, глядя на Сестрорецкий завод, а потом повернулся к Купельникову.

— По крайней мере из того, что нам удалось узнать, организовывал и заказывал покушение человек с британским паспортом на имя Джерома Перкинса. Является ли это его настоящими именем и фамилией, мы пока не знаем. Через четыре дня после покушения он отплыл из столицы на грузопассажирском пароходе, следовавшем в Лондон. Таможенный чиновник по рисованному портрету опознал Перкинса. По его словам данный человек всходил на борт парохода. Впрочем было это давно, поэтому он не сразу вспомнил. Полиции и жандармам я копию портрета передал, как вероятного заказчика преступления. В полиции удалось узнать, где проживал Перкинс. Мы произвели опрос прислуги гостиницы. Есть кое-какие наметки, по которым мы полагаем разыскать тех, с кем он мог встречаться в городе. Что же касается Британии, то я решил, что пока искать концы в этой стране бессмысленно. Без того, кто мог бы знать этого Перкинса здесь, там мы его не найдём. Пытаться же определить, кому конкретно это выгодно... Тут слишком много вариантов. Мы просто запутаемся в их количестве и бездарно потратим время. Тем более, если заказ пришёл от кого-то из власть предержащих.

Купельников по сути закончил свой доклад и ожидал реакцию князя. Агрнев постоял ещё немного у окна, а потом вернулся в кресло.

— М-да, Иван Иванович. Противник у нас очень опасный. Недооценивать его ни в коем случае нельзя. Местная охрана пока докладывает об отсутствии интереса к заводу и к моей особе. И к Надежде Николаевне тоже. Но это ещё ничего не значит. Найти и наказать этих сук мы просто обязаны. Иначе покушение могут и повторить. Ведь вряд ли они пытались меня просто запугать. Им нужна была моя смерть. По крайней мере никаких признаков противоположного я пока не получал.

Когда Купельников уехал, Александр долго сидел в кресле. Да, если это заказ кого-то из тамошних лордов, то это очень серьезно. Эти не остановятся ни перед чем. Можно сказать, что они даже несколько припозднились. Он уже построил свою промышленную империю. И сейчас шло очередное ее масштабное расширение. Теперь есть кому защитить ее даже без него. Да и он сам на тот свет явно не собирался. Хотя тут не все зависело от него... Но на такие вызовы ответ он дать просто обязан. Иначе это будет воспринято как слабость.

Надя, поднимаясь к нему в кабинет, долго пыталась выпытать, что же такого привёз Купельников, что ее муж после его отъезда уже с час сидит у себя в в суровой задумчивости. И даже не попытался отшутиться, как он частенько делал, когда ему приносили не самые радостные известия.

Октябрь 1901 года

Александр уже месяц как приступил к тренировкам. День за днём понемногу повышая нагрузку. Пока без ударной техники. С ней стоило немного повременить. Плечо, зараза, еще побаливало. Но он загонял эту боль подальше и работал.

Дверь в спортзал открылась и в помещение ворвался, именно ворвался, что за ним раньше никогда не наблюдалось, Сонин, сияющий как начищенный пятак.

— Александр Яковлевич, Лессинг сдался!

Агренов отложил в сторону гантели, уселся на кушетку и начал обтираться полотенцем. Это была отличная новость!

— И что нам хочет предложить господин Лессинг? — спросил Александр с улыбкой.

— Он предлагает нам 17 % акций Коломенского завода, но выставляет ряд условий. Похоже Вогау ему отказали в перекредитовании. Условия следующие...

— Нет, погодите, Андрей Владимирович, давайте в кабинет поднимемся. Дело все-таки серьезное!

Они поднялись в кабинет. И вот здесь Сонин уже выложил все.

— Итак, условия. За 17 % Лессинг хочет... Первое, — сохранение поставок своего металла на завод в имеющейся сейчас пропорции. Второе, он начинает поставки стали и чугуна со своего завода в Ардатовском уезде в Ковров. Цены готов ставить рыночные. Объемы не велики. Третье, он хочет, чтобы мы дали Коломне лицензию на наши соляровые двигатели. Ну и в-четвёртых, он бы хотел, чтобы Манташев сделал Коломне заказ на речные наливняки и буксиры. Пакет акций он нам предлагает выше рынка на 5 %.

— А губа у господина Лессинга не дура, — с улыбкой покачал головой Александр, — хотя... График биржевой цены на акции у вас с собой?

— Да, вот, прошу! — Сонин достал из папки распечатку. — Мезенцев говорит, что по его мнению это ещё не дно. Сейчас акции торгуются по 258.

Князь принялся рассматривать затяжной график падения, а Сонин продолжил.

— Но Василий Иванович, когда я ему рассказал все обстоятельства, рекомендовал соглашаться, если дополнительные условия нас не очень стеснят. Если мы соглашаемся на сделку, то у нас образуется контрольный пакет — 62 с небольшим процента.

— Так! А что такого мог ещё узнать Лессинг, что выставил на продажу большой пакет? Коломенскому заводу не срезали казенный заказ на подвижной состав? — задумался Александр. — И почему Вогау отказали ему в кредите?

— Насчёт инсайда сказать ничего не могу. В то же время он не продаёт все. Так что не думаю, что Хилков вдруг обидел Коломну на вагоны и паровозы. А по второму вопросу Мезенцев считает так. Фрифлоп у Коломны на Московской и Санкт-Петербургской биржах сейчас малый. Все, что до этого выставлял на торги Лессинг, чтоб его увеличить, мы потихоньку не торопясь скупали. Из-за малого фрифлопа акции несмотря на размеры капитализации завода последние годы имеют славу спекулятивных, поскольку могут совершать значительные колебания в течении недели без всякой видимой причины. Из-за этого банки их учитывают с большим дисконтом к биржевой цене. Кроме того, биржевой синдикат в Петербурге в конце прошлого года исключил акции из числа тех, которые он поддерживает. Собственно банкиры понимают, что кто-то из нас с Лессингом победит. И склоняются в нашу сторону, но опасаются, что мы можем устроить на бирже панику на акциях Коломенского. В общем, не хотят они с Коломной связываться.

— Хмм! Ну может быть, — согласился Александр. Он откинулся в кресле и задумался, прикидывая в уме различные варианты. Складывалось в общем-то неплохо.

— Так! — очнулся от раздумий князь и начал выдавать указания. — Следует ограничить

обязательные поставки металла Лессинга на заводы временными рамками. Скажем, два-три года. Те, на которых он настаивает. При этом следует обговорить, что мы не исключаем переподписания подобных договоров на поставки в дальнейшем. Думаю, он на это согласится. Второе. Навязывание наливняков Манташеву — это не очень хорошая идея. Они ему нужны, но заказ обязательно нужно согласовать с нашими нефтяниками. Сколько нужно, столько будем брать. Третье. Попробуйте выбить с Лессинга ещё акций хотя бы до 20 %. Если он упрется, значит будем брать столько, сколько он предложил. И ни акции меньше. Лицензию на соляровые движки Луцкого мы Коломне продадим. Только надо оговорить, кто, сколько и чего для освоения двигателей будет выделять. Вот как раз под это и попробуйте выбить из Лессинга дополнительный пакет акций.

— Александр Яковлевич, а не стоит вместо наливняков предложить Коломне заказ на траулеры для Каспия или Севера?

— Я не возражаю, Андрей Владимирович. Но в этом случае нам их придётся самим продавать. Организовывать лов на Каспии у нас в планах пока не стоит. А на Кольский уж больно далеко гнать. Все-таки я надеюсь организовать какую-нибудь малую судовой верфь на севере. Пусть даже она будет пока строить корпуса из дерева или собирать малые траулеры из машинокомплектов другого завода.

— М-да, жаль, что некого сейчас озадачить этой малой судовой верфью. Я все-таки поговорю с Гореновым. Может найдёт кого-нибудь в Архангельске...

— И ещё, Андрей Владимирович. Попросите Мезенцева заехать ко мне. Есть у меня к нему один разговор.

Конец октября 1901 года

Александр сидел и тупо смотрел на результаты своего трехдневного труда. Сей отчет он не мог доверить никому. Разве что Григорию, но у того бы на это ушло недели две, да ещё б уральский казак по нескольку раз в день дергал его в попытках разобраться, что там к чему. И почему так, а не иначе. Несколько десятков листов расчетов представляли собой сводный отчет по всей промышленной империи князя внутри страны и за рубежом. И три страницы итогов. А итоги были совсем не утешительны. Если исключить доходы от нефтянки и брокерской конторы, то получалось, что внутри страны Александр сейчас почти ничего не зарабатывал. Вся прибыль уходила на подготовку и содержание персонала, включая расходы на образование, на окончание подготовки к грядущей войне на Дальнем Востоке, на научно-технические разработки и на некоторое расширение производства в местах этого производства. ВСЕ! Для того, чтоб построить что-то крупное или вообще на новом месте, требовалось залезать в швейцарскую кубышку. И это в кризис, когда из множества уволенных с чужих заводов можно было выбирать лучших из имеющихся. То есть расходы на обучение рабочих явно должны были сократиться. А что будет потом?

В руках князя хрустнул карандаш...

Гадство! Нет, все новые внедряемые в производство товары и технологии давали неплохую прибыль. Спрос на новинки был немалый. Вот только этот спрос сразу же требовал удовлетворения. То есть расширения производства. А для того, чтоб успеть, требовалось вкладывать в дело не только всю прибыль, получаемую от новинок, но и минимум ещё столько же. То есть производство у него в стране росло, но живых денег это фактически не приносило. Процесс «давай-давай» его уже раздражал. Да и швейцарская кубышка, хоть и непрерывно

пополняемая доходами от лицензий и дивидендами от иностранных предприятий начала уже показывать дно. А тут ещё этот гребанный неурожай. Нет, десятков миллионов тщательно оберегаемого финансового резерва на самый крайний случай имелся, также как и имелись доходы для завершения начатых как самостоятельно, так и с подачи императорской четы проектов, но вот начать ещё что-то крупное Александр не мог. А ведь он еще даже не приступал к аммиачной революции, на которую потребуется никак не меньше 30 миллионов, если не отдавать такое доходное дело в чужие руки особенно за границей. А про постройку ГЭС в этом случае оставалось только мечтать. И что теперь делать? Сворачивать исследования и разработки? Или опять идти грабить банк? Не, ну его нафиг! Этак и попасть недолго.

Князь откинулся на спинку стула.

Делать то чего? Почему такая подляна вылезла именно сейчас?

Нет, так не пойдет! На этот результат следует посмотреть не как на результат, а как на проблему, которую следует решить. Общая проблема состоит в том, что, видя, что в стране мало, что производится, он долго пытался производить все ему потребное сам. Из-за чего росла номенклатура выпускаемого на его заводах. А с началом кризиса эта номенклатура ещё больше выросла. Притом последнее он ввёл сам и принудительно. С номенклатурой производимого рос и объем потребных исследований и разработок. Вооооот! Тогда это казалось оправданным. Впрочем скорее всего оно таковым и было. В результате чего в кризис его машиностроительные и механические заводы не только не снизили объемы продукции, но и даже нарастили в отличии от конкурентов. То есть тактически это было правильно. А вот стратегически, видимо, нет. Он все-таки не государство, которое должно производить основную массу потребного самостоятельно. А отсюда явно видны пути решения. Аутсорсинг. Вот есть то же Мальцевское товарищество, в котором он в 99 м перед самым кризисом продал половину своей доли. А заводов там немало. И чувствуют они себя сейчас не сказать, что хорошо. Поскольку он о них мало вспоминал. Живы и живы. И ежели им сейчас предложить фактически работу и деньги, то они вцепятся в предложение руками и зубами. Особенно если им дать для этого все потребное оборудование, приспособления и технологии. И на время отправить туда спецов, а тамошних мастеров взять на время к себе на обучение. Хмм! А ведь это способ ещё и заработать, потому как не за простое спасибо же мы с ними этим поделимся. О, какие правильные мысли в голову приходят, когда приперло! А то все текучка, да создание новых заводов и рудников. И отдавать будем производство не слишком доходного, но потребного. А сами после передачи производства наростим выделку более вкусных вещей. То есть поймеем рост производства более доходного продукта на уже имеющихся производствах без прироста мощностей. Это потребует некоторых расходов, но возможно не слишком больших. Да и заработать тут тоже можно на продаже тех же станков и приспособ. А ведь Мальцевское товарищество такое не одно. Есть и другие совместные предприятия. Тот же Коломенский завод или Московский Листа. И т. д. Они то себя относительно бодрячками чувствуют, но и от увеличения объемов выделки явно не откажутся. И с этого тоже что-то можно наверно поиметь. Даже если не паями и акциями, то чем-нибудь другим. Хмм! А почему обязательно эти заводы должны быть моими? И совсем даже не обязательно. А вот по итогам передачи производства, таковые вполне могут стать немного моими. Дельная мысль! А хоть бы даже и казенные заводы...

Агрнев улыбнулся.

Поможем немного государству. А поскольку часть продукции все равно пойдёт через его сбытовую сеть, то и даже немного заработаем на этом. Займёт это наверно не один год. Да и пусть. Надо собирать управляющих и озадачивать. Не самому же с каждой позицией продукции разбираться...

Князь взял чистый лист бумаги и набросал на нем несколько строк. Итак, это первое.

Второе... Нафиг режем половину суммы исследовательских работ. Зброшенная сумма на них ... Агренов пододвинул к себе красную папку и полистал её. М-да! Нехило так учёные просят. А люди они увлекающиеся. В запросах их не слишком ограничивали. Жирка они явно успели накопить. Так что режем половину. Принципы сокращения финансирования отдельных программ понятны. Здесь, конечно, с каждым пунктом придётся разбираться отдельно и самому. Ну так и ладно, разберёмся.

После получасового разбора списка запланированных на следующий год работ, князь смог констатировать, что если не половину суммы, то где-то очень рядом можно урезать. Нафиг! Да и пушай кооперируются между собой. Светила науки будут недовольны. Ну так а кому сейчас легко?

Так, теперь конструкторские разработки. М-да, тут явно сложнее. И ведь не скажешь, что тут что-то не нужное. Хотя...

Александр покрутил в руках Паркер. Подумал, потер немного побаливавшую до сих пор ногу.

Так, пожалуй, тут кое-что тоже может подождать. Жалко, конечно, но по результатам ведь придётся это сразу внедрять. А это опять расходы и рост номенклатуры производимого. Пока такое ни к чему. И наберется секвестрируемого под треть.

И ещё несколько строк легло на лист бумаги, а в списке конструкторских работ появились зачеркнутые карандашом пункты и знаки вопросов. Князь прикинул общую годовую сумму экономии. Сумма вышла в общем-то солидная, но не по его меркам. Он было придвинул к себе папку с грифом «Образование», но, подумав, сразу отодвинул.

Тут, пожалуй, стоит подождать. Сэкономить на этом можно. Но уж слишком уж очевидное решение. Оно скажется не сейчас, а впоследствии. Резать видимо придётся и тут, но нужны не только и не столько стандартные шаги. А значит нужно придумывать...

Князь встал из-за стола и подошёл к окну. На улице моросил нужный холодный осенний дождь. Большая часть листвы уже облетела с деревьев, открывая вид на соседние, казалось даже, нахохлившиеся от такой непогоды строения. Вдалеке с работы домой спешили рабочие завода.

Осень, в небе жгут корабли...

Не, тут уже все сожгли. Остались одни мокрые ошметки. Хмуρο, дождит. Все серое...

Есть, конечно, клад в Индии. Но нет! Он принял решение. Не стоит переходить эту тонкую грань. Даже если изъятие пройдёт на отлично, когда-нибудь эта история все равно всплывет. И индусы его проклянут за кражу того, что является их религиозным и культурным наследием. А вместе с ним проклянут и Россию. Уж британцы в этом постараются. А иметь во врагах индусов России совсем ни к чему. Этого не было в его старом мире. Не будет этого и здесь.

А потому думай голова, думай!

Ноябрь 1901 года

— Командир, есть серьёзный разговор! — Григорий Долгин примостился на диван рядом с Агреновым. Вид у него был решительный.

— У нас разве часто бывают иные? — удивился князь.

— Это другое..., — отмахнулся Гриша.

Казак, а теперь уже и потомственный дворянин немного помолчал и продолжил:

— Ты мне много рассказывал про свои сны. И все, что ты рассказывал, когда подходит время, сбывается. Не иначе ангел тебе эти сны шлёт. Все сбывается. И войны, и китайская смута, и результаты её подавления, и начавшееся опять у нас брожение в умах народа. А теперь что? Теперь возможный проигрыш войны японцам и большая смута?

— Гриш, ты же знаешь, мы, как можем, готовимся..., — начал Александр, но Долгин его решительно прервал:

— Никакой князь Агренов в одиночку победить в войне не может. Тут все государство к войне готовиться должно. А у нас..., — он махнул рукой, — серьезно готовится пока только Александр Михайлович. Да и у него на флоте ещё конь не валялся. А вся эта высокопоставленная камарилья и в ус не дует. Опять как всегда считают, что шапками японцев закидают. Мне ведь, как тебя на Дальний восток сослали, пришлось общаться в самых разных кругах. И наверху тоже. Знаешь, я теперь понимаю этих социалистов. В стране все менять нужно. А эти господа голубой крови ничего менять не хотят. Их все устраивает. Они и почесаться не хотят. Кругом одно высокопоставленное жулье, которое казну, им доверенную, за собственную кормушку почитает.

— Гриш, ты понимаешь, что...

— Все я отлично понимаю! — отрезал Долгин. — Это я, когда того Энгельса на тот свет отправил, думал, что мир от скверны чище делаю. Да только толку с того! Стране нашей нужен хозяин, который порядок наведет, да по справедливости жить заставит. Не то все в бездну рухнет. А нынешний царь о Руси-Матушке ни черта не думает. Вожжи отпустил и, видать, надеется, что она сама как-нибудь дорогу найдёт. Не тот царь государством правит. Ты думаешь, я теперь не понимаю, зачем ты Михаила Александровича уму-разуму девять лет назад начал учить? Понимаю! Смену ты готовишь. Да только опоздать боишься. Есть в брате царя искра Божья. И воля. И народ его любит, и войско. А мне об том сказать не можешь, потому как боишься, что не пойму. И понимаю, почему ты с Великим Князем Георгием Александровичем особой дружбы не водил, хотя вполне мог. Знал ты, что с ним так случится, но мне не говорил. Хоть и пытался лекарство сделать. Вот только Михаил против брата не пойдёт, хотя и видит, что дела плохи. Власти у него, почитай, и нет. И не знаешь ты, как дальше быть. Дворцовый переворот ведь не устроишь. Проклянет тебя Михаил после этого. А ему плечо крепкое, на которое можно опереться, нужно. И совет в делах. А ежели ты сам захочешь дело кровавое сделать...

— Гриш, остановись! Ты понимаешь, что говоришь? — Александр даже потерялся от исповеди друга.

— Потому и говорю, что все вижу. Не можешь ты сам дело сделать. Потому как тебе доверие Михаила нужно. И не можешь ты построенное тобой бросить, потому как рухнет без тебя все. Чинуши за несколько лет угробят все да разворуют, ежели дело твое под казенную руку попадёт. И зачем тогда все это...

Агренов смотрел на старого друга и понимал, что тот решил сделать то, на что не решался он сам. Григорий решил пожертвовать собой. Вот только Гришу все равно свяжут с ним.

— Не бойсь, командир! Я все продумал. Я столько лично на тот свет отправил, столько дел сделал... И ни одна живая душа об том не догадалась. И не поймала. Тут, правда, одному придётся все делать, без подстраховки, но дай Бог... В общем, завтра мы с тобой сильно поругаемся. Уйду я со всех своих постов и уеду в польское имение. Паи мои в предприятиях выкупишь и деньги на счёт мне перешлешь. А потом, — Долгин тяжело вздохнул, — ежели все выгорит, уеду в Америку на несколько лет. А ежели не выгорит, ну значит судьба моя такая.

Глаза их встретились, и Александр понял, что Гриша не отступит. Вот так! Он все для себя уже решил. И назад дороги нет.

Они несколько минут сидели молча. Потом Агренов положил руку на руку друга и пожал.

— Мне будет тебя не хватать!

Григорий кивнул:

— Мне тоже, командир! Ничо, живы будем — не помрем... — он решительно поднялся и, не прощаясь, вышел.

Начало 1902 года

История русского флота в этом мире пошла довольно странными путями. После отставки со своих постов брата Императора «по болезни» пост главы флота и Морского министерства довольно долго оставался незанятым. Сначала на него прочили Великого князя Георгия Александровича, но потом в связи с явно прогрессирующей чахоткой стало ясно, что во флоте сын Александра III служить не сможет.

После японско-китайской войны Великий князь Александр Михайлович подал на имя нового Императора всеподаннейший доклад, в котором говорилось об опасности столкновения интересов на Дальнем Востоке и необходимости всемерного усиления флота. Доклад был обсужден на совещании семьи Романовых, но именно по флоту никаких решений принято не было. Из-за этого Александр Михайлович даже подал в отставку, которая однако принята не была. А поскольку инициатива в России, как известно, наказуема, то Николай II предложил своему другу возглавить Морское министерство. Правда без поста главного по флоту. Некоторое время посомневавшись, Сандро так предложение принял. Его сомнения имели очевидную причину. Дополнительно денег на флот выделено не было. А ответственность за провал, если что, придётся нести. Тем не менее он решился и в осень 1895 принял тот пост, которого он так добивался.

Из анализа японско-китайской войны Сандро вынес несколько выводов. Одним из них стало более комплексное развитие флота. Некоторые шаги до этого делались естественно и раньше, но Александр Михайлович решил сделать ещё больший уклон в сторону крейсерских операций. Тем более, что и Англия и Япония являлись островными государствами. Да и на Балтике немцы начали строить крейсера сериями. И нужно было реагировать на угрозу. Проектов, удовлетворяющих с одной стороны желания нового главы Морского ведомства, а с другой стороны флотский кошелек не было. Заказанный французам крейсер «Светлана» тянул только на разведчика, а отечественный проект «Диана» несмотря на достаточно солидные размеры выглядел недовооруженным. Да и скорость не мешало бы увеличить. Но в рамках существующего проекта сделать все это не получалось. Поэтому Великий Князь решил лично ознакомиться с состоянием дел в законодательнице морских мод. Такими судьбами Сандро, Тыртов и прочие моряки и оказались в Британии на верфи Армстронга в Эльсвике. Компания Армстронга в то время строила на заказ бронепалубные крейсера по желаниям клиентов.

Причём русские моряки попали на верфь именно в тот момент, когда на ней проходили доделки и испытания крейсера «Буэнос-Айрес» для передачи его аргентинцам. Впечатления от крейсера были весьма положительные, хотя его вооружение виделось несколько другим. Руководство верфи, будучи заинтересованным в новом потенциальном клиенте, не особо мешало лазить русским там, где им захочется. В пределах разумного конечно. А вот больше ни на какие верфи, строящие боевые корабли им попасть не удалось. По итогам визита с Армстронгом была достигнута договорённость о том, что верфь построит русским крейсер под их техническое задание и продаст документацию. Причём впоследствии удалось даже выторговать условие, что данный конкретный проект фирма не сможет строить иным заказчикам в течении двух лет после передачи крейсера заказчику.

После возвращения в Санкт-Петербург было проведено несколько совещаний, на которых в итоге были выработана сначала основная идея, а потом и техническое задание на крейсер. Корабль должен был быть сильнее сопоставимых потенциальных противников по вооружению, а тех, кто его по огневой мощи и по защите превосходил, должен был оставлять за кормой за счёт более высокой скорости. А поскольку у Морского ведомства было туго с деньгами, то выбор был сделан следующий. Крейсер должен был нести 10 шестидюймовок, 10 орудий калибра 75 мм, и 10 противоминных малокалиберных орудий. Плюс пять торпедных аппаратов. И иметь ход 23 узла при дальности экономичным ходом 4000 миль. Впоследствии кто-то из остроловов обозвал эту концепцию «Три червонца», которая приклеилась и к серии кораблей. Согласование параметров с Армстронгом выявило необходимость увеличения водоизмещения исходного проекта и сокращения некоторых запросов. Так пришлось сильно сократить количество несомых кораблем мин, отказаться от двух торпедных аппаратов и от размещения двух пушек Барановского, несколько уменьшить дальность на полном запасе угля и сократить ряд прочего. Пришлось даже пойти даже на некоторое уменьшение мореходности за счёт небольшого снижения высоты борта. Впрочем последнее Великого Князя не слишком расстроило, поскольку крейсер в первую очередь был нужен для прибрежных операций. А в связи с перспективой получения новой базы флота на Коле и предполагаемым переводом части рейдеров с Балтики на Север, данные крейсера как нельзя лучше вписывались на Балтийский Флот. Да и для Черноморского тоже весьма подходили. Так что в начале весны 1896 года договор был подписан, причём была оговорена возможность постройки ещё одного крейсера, если русских все устроит. Корабль был наречен «Варягом».

В Санкт-Петербурге в 96–97-м годах были заложены крейсера отечественного проекта «Диана» и «Паллада». В августе 96-го Сандро пришёл на крейсере во Владивосток, где удалось с ним плотно пообщаться по местным делам и вообще по морским. Собственно и без всякого осмотра было понятно, что ремонтировать броненосные корабли в случае войны во Владивостоке просто негде. Нужен был большой сухой док. И судоремонтный завод вместо чахлах мастерских. Строящийся сухой док и имеющийся плавучий не могли вместить в себя броненосцы и новые броненосные крейсера. А потому была обговорена постройка рядом со строящимся доком с еще одного большего размера за казенный счёт. Но договор был подписан только в конце следующего года. Там же Сандро было поведено о новых стальных снарядах калибров 152 и 305 мм, кои он согласился испытать по возвращению. Правда их цена ему не очень понравилась, но тут уж ничего не поделаешь. Не болванки все же, а с хорошим наполнением гренитом. Там же удалось его заинтересовать концепцией корабля-диверсанта. Этакой компиляцией безброневго крейсера, минного крейсера и эсминца в гражданском одеянии. Впоследствии на этой концепции родился проект, построенный в трёх экземплярах на Чёрноморских верфях. Судно 3500 тысячи тонн со скоростью хода в 19 узлов выглядело в мирное время обычной яхтой или посыльным судном, чем в сущности и являлось. И носило флаг Доброфлота. А потому спокойно могло проходить черноморские проливы. А вот в военное легко превращалось во вспомогательный крейсер с пятью 120 мм орудиями. Причём на борту

он нес 60 морских мин с оборудованием быстрой постановки от лейтенанта Степанова. Говорили и о многом другом. По возвращении в Санкт-Петербург Александр Михайлович приказал испытать поставленную ему партию снарядов. Снаряд был немного больше по весу, чем принятые в тот момент. И на девятом выстреле у шестидюймовки на полигоне сломалась подъемная дуга. Стрельбы прекратили, боеприпасы убрали на склад. Но результаты стрельбы моряков заинтересовали. Впоследствии было проведено ещё несколько испытаний, которые дали неожиданный результат. Оказывается, на больших углах возвышения при стрельбе и штатными бронебойными снарядами возможна поломка подъемных дуг. В итоге начальнику Обуховского завода накрутили хвосты. Попутно выяснились проблемы с изготовлением орудий среднего калибра для строящихся крейсеров и броненосцев. А потому к их выделке подключили ещё и Пермские заводы.

В 97-м году нужно было решать, какие броненосцы строить дальше. Серия Пересветов Великому князю не слишком нравилась. И не броненосный крейсер и не броненосец. Притом по полученным агентурным сведениям Пересветы с трудом могли уйти от новых английских броненосцев. А потому был выбран разработанный для Чёрного моря проект «Князь Потемкин-Таврический». Скорректированный Балтийским заводом проект был заложен в конце 97-го года. И сразу парой — «Потемкин» и «Багратион». Хотя первоначально «Потемкина» собирались заложить в Николаеве. Это стало возможным в связи с окончанием греко-турецкой войны, а также в связи с пониманием, что пытаться сейчас провести Босфорскую операцию не стоит даже и думать из-за занятия флотом Порт-Артура. Потому как черноморские проливы сейчас нужны открытыми для грузов на Дальний Восток до тех пор, пока не будет построен Великий Сибирский путь. А на Галерном острове по первым присланным Армстронгом чертежам был заложен крейсер «Норман».

В начале 98-го была принята программа усиления флота «На нужды Дальнего востока» и наконец выделены дополнительные средства. Строительство пошло быстрее.

В это время в английской прессе даже поднялась волна недовольства, что столь серьёзный крейсер, как строящийся Армстронгом «Варяг», стоит отдавать русским. Однако объявленный к тому времени Морским ведомством конкурс на броненосцы и два вида бронепалубных крейсеров сбил этот накал. В добавок тому в прессе выступил Первый Лорд Адмиралтейства с заявлением, что данный корабль не соответствует стандартам Королевского флота. И флоту этот корабль совсем не нужен. В мае на крейсер попытались было претендовать САСШ, ведущие войну с испанцами, но британцы не рискнули отдать им крейсер, дабы в конец не испортить себе репутацию и отношения с Россией. В итоге крейсер «Варяг» в октябре 98-го года пришёл Кронштадт. Не все характеристики устроили флот. Так, скорость корабля не соответствовала ожиданиям. Однако из-за того, что в договоре не было указано по чьим стандартам измерения нужно исчислять скорость, пришлось только посетовать на собственных чиновников, составлявших документы. Были и некоторые другие недостатки, часть из которых удалось потом исправить на собственных верфях. Но в целом корабль соответствовал заказанному, был явно лучше до сих пор строящихся Диан. И заметно дешевле. Поэтому в конце 98-го года на Адмиралтейских верфях заложили ещё один крейсер варяговской серии — «Русич». В Николаеве же начали строить посыльное судно-крейсер.

Международный конкурс тем временем завершился. На крейсера концепта «Три червонца» были подписаны договора с германскими верфями «Германия» и «Вулкан» на крейсера «Аскольд» и «Богатырь». Армстронг тоже участвовал в конкурсе, представив доработанный проект, но в Морском ведомстве решили не рисковать и больше с британцами не связываться. А то ведь действительно можно крейсера лишиться из-за политических перипетий. Но часть изменений, предложенных Армстронгом учли при строительстве крейсеров на собственных

верфях. Впрочем нужно сказать, что от концепта «Три червонца» в конкурсе осталось только два с половиной. Разговор в 96-м во Владивостоке подтолкнул Сандро к испытаниям орудий малых калибров на аварийном миноносце, который было не слишком актуально ремонтировать. Результаты обстрела морякам не сильно понравились. Поэтому количество малокалиберной артиллерии для новых кораблей на конкурсе было снижено до шести, а к 75 мм орудию была затребована разработка нормального фугасного снаряда. Французы получили договор на постройку броненосца и среднего броненосного крейсера, а Крамп на броненосец. Причём Крампу отдали в качестве образца часть чертежей броненосца типа «Потемкин». Потому как он сам был только очень напорист, а на конкурс представил совсем не то, что требовалось. Наученный горьким британским опытом Сандро заставил своих чиновников биться за каждую букву договора с иностранными верфями и оговорил жёсткие сроки поставки.

В конкурсе малых крейсеров победила германская фирма «Шихау». В конкурс попыталась вмешаться вдовствующая Императрица, хлопотавшая за датскую фирму «Бурмейстер ог Вайн», но Сандро стал горой за флот, и фирма вместо крейсера получила заказ на минный заградитель по русскому проекту. Причём без оборудования для минных постановок. Собственно мотивировка была простой. Дания уже давно не числится в ряду великих морских держав. А потому ни спроектировать передовой крейсер, ни построить его, датские фирмы сейчас уже не могут. Рядовой же корабль могут построить и в России. Вот, например, Невский завод тоже свой проект представил. Заказы были розданы и на миноносцы.

Уже в 98-м году начата работа над получаемыми из Франции и САСШ чертежами броненосцев. Фаворит определился сразу — «Форж э'Шантье». Однако пришлось признать, что повторить французский проект на русских заводах в точности не удастся. А потому началось проектирование по мотивам французского оригинала, приведшее к появлению проекта броненосцев типа «Бородино», четыре единицы которых намечено было заложить в Санкт-Петербурге и один в Николаеве.

В 99-м был заложен броненосный крейсер Громобой со спаренной артиллерией главного калибра в башнях, а с 1900 началась закладка броненосцев «Бородино».

С 98-го года начался постепенный переход на торпеды калибра 457 мм. Но серия «Варягов» так и осталась с торпедами калибра 381 мм, как и миноносцы старых серий. Не удалось заменить на них и малокалиберную артиллерию.

В 1900-м году началась закладка серии крейсеров типа «Богатырь». По одному крейсеру в Петербурге и в Севастополе. Эта серия, как и серия новых броненосцев оказалась не точной копией иностранного прототипа, а компиляцией из удачных решений разных проектов на основе проекта верфи «Германия». С самим «Богатырем» произошла интересная история. Изначально в проекте верфи «Германия» фигурировали башни со спаренной установкой 6» орудий в оконечностях. Но в Морском ведомстве сильно опасались, что подобная мера может привести к излишней перегруженности и к валкости столь длинного и узкого корабля. Поэтому предложили фирме ограничиться развитым щитом для спарки в целях уменьшения верхнего веса. Указание изготовитель выполнил. Но впоследствии на испытаниях выяснилось, что скорость поворота спарки орудий вручную слишком мала. А гидравлический поворотный механизм было уже устанавливать некуда. И сошлись на электрическом поворотном механизме, чего никогда не было на российских кораблях. А чтобы не задерживать сдачу корабля, фирме поручили разработать эти механизмы и прислать их в Санкт-Петербург. На «Богатырях» русской сборки изготовление электрического поворотного механизма выполняла уже компания Агренева. Александру достался также заказ на изготовление части брони толщиной до трёх дюймов для крейсеров отечественного изготовления. Впрочем, эту броню он поставлял ещё на «Русича».

Первого «Богатыря» отечественного изготовления нарекли «Витязем», но в апреле на верфи произошел пожар, в котором сгорел деревянный эллинг, где собирался корпус крейсера. Поврежденные пожаром днищевые конструкции пришлось списать на металлолом. Новый крейсер взамен погибшего был заложен в конце 1901 года в Новом Адмиралтействе.

Возник вопрос с постройкой малых крейсеров по типу германского «Новика» верфи Шихау. Имелось только одно стапельное место на верфях на Балтийском заводе под необходимую пару крейсеров-разведчиков. И хотя на постройку кораблей претендовал Невский завод и было четкое указание Императора на то, чтобы строить флот на отечественных верфях, Великий князь Александр Михайлович поступил по-своему. Он отдал постройку одного Балтийскому заводу, а второго верфи в Шихау, поскольку она гарантировала максимально скорую постройку ещё одного. А так как спешка была великая, то в проект внесли только минимальные изменения. Этот шаг Сандро оправдал тем, что Невский завод до этого времени ничего крупнее миноносцев не строил. Да и те желательно бы получать от этого завода дешевле, быстрее и лучше качеством, чем было до сей поры. Причём миноносцы, которые сейчас строит верфь, флоту нужны никак не меньше, чем крейсера.

В 1901 году были выделены некоторые дополнительные ассигнования на флот. На эти деньги началась постройка в Порт-Артуре крупного сухого дока, и заказаны землечерпалка и плавдок для порта Дальнего. Причём Михаилу, Сандро и Агрневу удалось таки в 1901-м году убедить Витте отказаться от быстрого развития порта Дальнего. И делать это постепенно по мере развития грузопотока. Все равно КВЖД ещё только строилась, и пока портовых мощностей Порт-Артурского и Владивостока вполне хватало для обслуживания всех имеющихся потребностей.

В середине 1901 года в Николаеве русские строители и специалисты Блом унд Фосс закончили два крытых комбинированных эллинга для судостроительной компании Александра Россуд. С организацией полного цикла производства при судовой верфи было решено пока не торопиться. Рядом находились заводы Наваль и казенная верфь, имеющие необходимые мощности. К тому же часть механизмов можно было получать из-за рубежа. Более того, пока непонятно было, с каким двигателем впоследствии будут строиться торговые суда на верфи. То ли с турбиной, то ли с двигателями Тринклера. Причём ни того, ни другого подходящего в данный момент для установки на крупные суда не было. Со специалистами-судостроителями в то время тоже было плохо. «Грابتь» казенные верфи Александр управляющему категорически запретил, так что тому пришлось обирать частные заводы Поволжья и Чёрноморского побережья. Из-за чего в этом году удалось заложить только один танкер восьмитысячник, хотя стапелей было два. Большую часть машинерии просто заказали у Круппа и на соседнем Навале. Сандро в начале года предлагал князю взять на себя постройку третьего безброневых рейдера, но из-за проблем с персоналом Александр, скрипя сердце, был вынужден отказаться. Из-за них же пришлось временно отказаться от замысла по постройке судовой верфи на Неве, хотя место под нее было уже присмотрено. Подобная ситуация означала, что начать строительство подводных лодок на собственных мощностях было просто нельзя. У Круппа на верфи «Германия» совместной разработки субмарина вышла на первые испытания, а вот хотя бы даже повторить её в России было просто негде и не кем. По всему выходило, что придётся рассказывать Великому Князю Александру Михайловичу о подлодке и пытаться его агитировать заказать Круппу постройку хотя бы пары штук. И как глава Морского министерства на это посмотрит, было абсолютно непонятно. Как не ясно было, есть ли у Морведа деньги на подводные лодки. Да ещё в полный рост встанут проблемы с доставкой подлодок на Дальний Восток и последующей грамотной сборкой. И с обучением будущих подводников.

20 января 1902 года

Александр шёл по коридорам Министерства путей сообщения. Ему предстояло согласовать ряд спорных вопросов с товарищем министра. Уж больно задерживалось финансирование стройки Кругобайкальской железной дороги, которую вела его совместная с графом Нечаевым компания.

— Князь? — знакомый голос остановил Агренева на подходе к лестнице.

Александр обернулся. В пяти саженьях от него стоял князь Хилков. Агрнев развернулся и подошёл к Министру путей сообщения.

— Здравствуйте Михаил Иванович. Рад Вас видеть!

— И вам здравствовать. Вы, как я вижу, к нам по делам? Пойдёмте в мой кабинет. Есть у меня к Вам один разговор.

Перебрасываясь дежурными фразами о здоровье и делах общих знакомых, они поднялись на второй этаж и зашли в кабинет Министра.

— Располагайтесь, — кивнул Хилков на кресло перед собственным столом, а сам обошел массивный дубовый стол и сел на своё место, — разговор у нас, к сожалению будет не из приятных.

Министр повертел в руках ручку с золотым пером, зачем то подвигал папки на столе и продолжил.

— Прокладка Кругобайкальской железной дороги, коя была поручена Вам и господину Нечаеву ведётся с существенным опережением графика. Как мне докладывают с мест, Вы опережаете план почти на полгода. И мне известно о трудностях с финансированием вашей стройки. На той неделе вопрос о постройке железных дорог на востоке страны рассматривался на Государственном Совете при Высочайшем присутствии. В связи с известными Вам печальными событиями в Маньчжурии график постройки Китайско-Восточной железной дороги был сорван. В то же время был констатирован факт ускоренной постройки Вашей компанией дороги вокруг Байкала. В связи с этим его Императорское Величество повелел всемерно привести сроки работ к ранее запланированным. Особую тревогу на Госсовете вызвал участок при переходе Большого Хинганского хребта, на коем производится крайне сложное техническое сооружение. При этом опять же был констатирован серьёзный недостаток рабочих рук. Вы возможно не знаете, но сейчас рабочих пытаются вербовать даже на казенных приисках в Забайкалье. И даже предпринимаются специальные меры, дабы можно было использовать на стройке заключённых с тамошних каторг и тюрем. К сожалению, мне было поручено добиться у вас согласия на перевод половины Ваших рабочих с Байкала на так называемую петлю Бочарова вместе с соответствующей техникой для прокладки туннеля. И к сожалению, вкупе с этим меня обязали временно сократить финансирование работ на Вашем участке, дабы войти в график строительства.

По мере того, как Министр выкладывал новости, у Агренева сжимались кулаки. Его люди рвут жилы на стройке, а это, оказывается, никому не нужно. График, им видите ли, подавай. Суки!

— Михаил Иванович, вы ведь понимаете, что если я распущу рабочих, то сколько их потом обратно собирать? Да и один перевоз всего хозяйства с Байкала займёт месяц. И куда мне девать вторую половину? Казна мне будет оплачивать их простой?

— Александр Яковлевич, голубчик, я полностью на Вашей стороне. Более того, для ускоренной постройки Байкальского участка я использовал некоторые доступные мне средства и фонды,

дабы стройка Ваша не имела бы ни в чем потребности. Но вы же знаете, что окончание постройки Вашего участка намечено на конец 1905 года. И мне было на это указано. Я бился за сохранение темпов на Вашем участке, как мог, но увы, сделать ничего не смог. Решение Высочайше утверждено и изменению никак не подлежит.

Александр разжал кулаки.

— И как же вы намерены забрать у меня рабочих и технику? Вы ведь прекрасно понимаете, что многие просто не захотят перебираться в другое место. Да и условия...

Хилков помассировал рукой подбородок и внимательно посмотрел на Александра.

— Есть один вариант. Мне он и самому не нравится, но это лучшее, что я могу Вам предложить, — Министр помедлил немного, а затем продолжил.

— Вы отдаете Бочарову одну из четырёх бригад с западного участка Байкала. Ту, которая бьёт путь от Маритуя в направлении Ангары. Вместе со всей проходческой техникой. И она работает на Большом Хингане до окончания строительства тамошнего участка Бочарова. Последний совместно с Юговичем на месте позаботится об условиях и объёмах работ, а Кербедз о соответствующей оплате. Санкт-Петербургский международный коммерческий банк откроет вашей компании кредит под 10 % годовых для финансирования строительства Байкальского участка теми темпами, которые вы сможете себе позволить. Станислав Ипполитович заверил меня, что задержек с оплатой не будет. Расходы по кредиту вы включите в общую смету, не указывая, что это кредит. А казна будет расплачиваться с банком и Вами по мере подхода сроков оплаты по плану. В момент ввода участка во временную эксплуатацию казне придётся оплатить все. И кредит будет закрыт. Банк также профинансирует более ранние поставки материалов для строительства, включая изготовление металлоконструкций. Они пойдут с заводов, имеющих связи с банком.

— Михаил Иванович, — возмутился Александр, — это же грабеж! И меня и казны... Я то что с этого иметь буду? У меня, насколько я понимаю, просто забирают людей с моей техникой, а потом ещё и по головке не погладят за срыв сроков.

— С металлургическим заводом по Вашему выбору будет заключен договор на поставку 100 вёрст рельсов на следующий год для Маньчжурии. Что же касается грабежа, — Хилков помедлил, — то Сергей Юльевич одобрил эту схему. Причём я бы не сказал, что он является её инициатором. Но на него тоже давят обстоятельства. Подумайте недельку и приходите ко мне. А ваши бумаги оставляйте. Я их передам, кому следует. Как вы понимаете, с этого момента Министерство не в силах Вам помочь, пока вы не дадите мне ответ.

— А если я найду более дешёвый кредит и другие заводы?

— В этом случае у Вас и у меня возникнут проблемы. Весьма неприятные. Вот такие у нас дела, — со вздохом произнёс Хилков, — У вас есть ещё вопросы?

— Нет, князь. Я все понял, — Александр поднялся, еле сдерживая готовую выплеснуться злость, и, сухо попрощавшись, вышел.

По дороге домой он пытался найти ответ на вопрос, как же теперь быть. Людей забирают, а значит сроки окончания поползут вправо. Он ведь так гнал своих инженеров и строителей. И что теперь? Опять появляется вариант подойти к войне с японцами с дыркой в железнодорожном пути в районе Байкала? Ладно, придётся выдергивать людей по одному —

по двое из других строек. И технику. И отправлять на Байкал. Но время будет упущено все равно!

А этот очередной распил бюджета! Кербедзы нынче сидят вторыми лицами и в правлении КВЖД и в правлении питерского банка, который крутит дела с французами. Да ещё и является крупнейшим акционером Русско-китайского банка. А французы погорели вместе с казной на восстании в Маньчжурии и Китае. М-да! И ведь Хилков похоже действительно не причём. Ладно, чёрт с ними. Не Александру за все это платить. Но он запомнит!

А вот что делать с тем, что банк, во многом контролируемый французами, вылезает в финансирование строительства ключевого участка железной дороги? Ведь они теперь будут полностью в курсе сроков. Да ещё и подгадать могут в любой момент. Это что ему теперь, ещё и самому строить Кругобайкалку за собственный счёт? Пусть даже временно. М-да! Такой подлости он явно не ожидал. Так, а если..., — Александр очнулся и понял, что они уже приехали к офису. Он вышел из автомобиля и направился к дверям.

... если банку показать только часть опережения, по мостовым конструкциям и кое-чему ещё, а остальное взять на себя? В конце концов значительная часть материалов для строительства у него своя. А сколько динамита и топлива расходует его компания для строительства — это фактор весьма переменный. И напрямую с количеством верст пробитого в скалах пути не связан. Да! Арматура, камень и цемент у него свои. И можно замаскировать объем готового. Выглядеть это должно правдоподобно. А потому нужно кого-то будет послать, чтоб видимость недостроя обеспечивали. Точно! Андрея с командой экспедиторов и пошлю. Даже с двумя. Пусть наладят внешнюю маскировку и гоняют всяких любопытных личностей. Нечего им там делать! Режимный объект там окончательно устроим. Пора! Вот только это все выльется для меня в миллионов шесть. Даже наверно больше. И где их взять? Ладно, будем думать. Кстати можно получить стройматериалы с отсрочкой платежа... Точно! Сейчас многие готовы расстаться со своей продукцией на складах, даже если за неё расплатятся пусть и несколько позже. Да, вот оно принципиальное решение! Нужно ещё обдумать, а потом можно будет и план масштабной иллюзии составлять ...

Начало февраля 1902 года

В конце января князю пришла телеграмма от Луцкого. Военное ведомство запрашивало возможность постройки бензинового двигателя мощностью 400 лошадиных сил. Луцкой в ответ предложил два своих рядных шестицилиндровых соляровых двигателя, но моряков они не устроили из-за большого веса и малой по мнению Морского ведомства мощности. Немного поразмыслив, Александр догадался о чем идёт речь, и зачем морякам понадобился столь мощный мотор. А ведь Сандро ему ничего не говорил. Ну да понятно, — секретность. Похоже в недрах Морского ведомства созрел проект подводной лодки. Собственно так оно и оказалось. Вытянуть из Сандро правду оказалось весьма нелегко. Он отговаривался тем, что двигатель нужен для нового миноносца. И только, когда Александр положил перед Великим князем общую схему проходящей испытания в Киле подводной лодки, Сандро сдался. А вот объяснение причин того, почему таковой передовой корабль строится при активном участии Агренева не в России, а в Германии, вышло очень тяжёлым. Несмотря на их тёплые отношения до той поры. Александр отдал Александру Михайловичу все имеющиеся чертежи. И только во время следующей встречи через неделю в присутствии начальника кораблестроительного комитета МТК Кутейникова глава Морского ведомства вынужден был признать, что спроектировать подобную лодку в России пока представлялось невозможным. Морское ведомство посылало своих офицеров и инженеров знакомиться с разработками в этой области в САСШ к Фултону, и на основании увиденного подготовило свой проект. Но он не шёл ни в какое сравнение с тем, что было построено совместными усилиями Круппа и Агренева в Киле.

285 тонн водоизмещения, 42 метра длиной при коэффициенте полноты 10, 2 торпедных аппарата под калибр 457 мм с двумя запасными торпедами, 1000 миль надводной дальности, возможность установки орудия, два двигателя Луцкого мощностью 185 лошадиных сил каждый, скорость надводная около 10 узлов, два пермских электродвигателя по 140 л.с. для движения под водой, расчетная глубина погружения 40 метров, радиостанция... Причём по совместному мнению Николая Евлампиевича Кутейникова и Ивана Семеновича Горюнова подводный миноносец построен с запасом на модернизацию. Да и сам Александр при строительстве припас несколько заначек. Так, вместо двигателей Луцкого не серийных, а единичной работы, сейчас в Коврове проходит доводку двигатель Тринклера. Тоже 6-цилиндровый рядный, но мощностью 250 лошадиных сил. Причём он был проще по конструкции и даже немного легче чем у Луцкого. И был перспективней. А электротехники под руководством Николая Николаевича Бенардоса в Перми сейчас корпели над созданием более емких аккумуляторов на базе установленных на подлодку. Александр подкинул коллективу разработчиков несколько якобы агентурных данных о перспективных разработках в других странах. Причём на сегодняшний день положительные результаты работы у них уже имелись.

Александр рассказал морякам и об этом. А также о предполагаемой им тактике действия миноносца. По крайней мере так, как он её себе представлял.

— М-да, Александр! В общем удивил ты нас всех в очередной раз, — качая головой произнес Великий князь, — И какие ещё сюрпризы у тебя ещё имеются? Надо же! Даже тактику применения продумал. А ведь не моряк даже.

— Сюрпризы? Я подумаю, — улыбнулся Александр, — Что делать собираешься с нашей подлодкой, Александр Михайлович?

— Что делать? Людей посылать в Киль буду. Пускай знакомятся с вашим с Крупном кораблем. И закладывать свой проект уже явно не будем. Пушку бы ещё миноносцу твоему помощнее, а то это недоразумение какое-то. Самоходных мин то всего 4. Маловато будет, если по твоей тактике на транспорты охотиться. Да и дороговато выходит на транспорт торпеду тратить.

— Фридрих говорил, что начал переделку своей 6-сантиметровой короткой пушки. Она по его расчетам на палубу нормально встанет. Отдача примерно одинаковая с его 5-сантиметровой противоминной, которая у германцев принята на вооружение. То есть выйдет что-то подобное пушки Барановского.

— Александр, ты питаешь какую-то нездоровую любовь к этим пушкам Барановского, — посмеялся Сандро. — Опять они. И ведь была б пушка, как пушка, а то так. Недоразумение одно. Ну да ладно. Мысль твоя понятна. И в целом приемлема. Только снаряд фугасный им в этом случае гренимом твоим снаряжать нужно. Их вроде только недавно закончили выпускать. Недолго и ещё партию заказать. Да только вряд ли под водой они долго протянут. Ладно, с этим потом решим.

— Александр Михайлович, ежели мне будет позволено высказать своё мнение насчёт дальнейшей постройки подводных лодок, то я б посоветовал следующее. Если проект удовлетворит флот, то имело бы смысл заказать Круппу постройку двух лодок. Тебе же время дорого, да ещё везти их потом на Дальний Восток в разобранном виде и там собирать. А самим попробовать сделать проект покрупнее с большей дальностью и с увеличенным количеством самоходных мин. Если увеличить дальность вдвое и поставить пушку с большим калибром, то из подводной лодки получится уже настоящий рейдер. Двигатели у неё работают на соляре, а это не мешки с углем при бункеровке перетаскивать. Перекачать топливо вполне можно в

какой-нибудь укромной бухте с корабля или транспорта. Так дальность можно ещё увеличить. Жаль только торпед много не взять. И в море их не перегрузишь.

Глава Морского ведомства посмотрел на Кутейникова.

— Как думаешь, Николай Евлампович, дело князь говорит?

Кутейников помедлил, что-то прикидывая в уме и потом ответил.

— Если не срывать намеченные планы, то строить мы сейчас можем только в Севастополе или Николаеве. Причём только по одному кораблю на завод. Можно было бы задействовать док в Кронштадте, но не хотелось бы. По самому подводному миноносцу скажу следующее. На проектирование уйдёт минимум месяцев восемь, а то и все двенадцать. И придётся отрывать людей от работы со строящимися кораблями. Мне кажется, что это сейчас совсем не нужно. Если бы удалось ограничиться малой модернизацией, то вышло бы намного лучше. Тем более, если есть возможность бункеровать миноносец в море. Нет, сейчас разрабатывать новый проект не желательно. И не желательно раздавать постройку корабля разным заводам. Нужно пока строить в одном месте. А как опыт постройки подводного корабля появится, появятся и возможность заглянуть в завтрашний день. Спроектировать мы можем, но это время. И что из этого получится, ещё не понятно. Много времени может уйти на доводку. Так что я за то, чтобы строить по имеющимся чертежам. Если конечно с крупновским миноносцем все обстоит так, как описывает Александр Яковлевич. Поэтому нужно посылать в Киль группу Беклемишева и на месте разбираться. А по результатам поездки уже будем решать...

— Слышал, Александр, что кораблестроитель говорит? Вот и я так думаю. Съездят моряки, посмотрят, а потом и решим. Проект твой хорош, но нужно сначала специалистам с ним как следует ознакомиться. наших моряков германцы вообще пустят на миноносец?

— Должны пустить. Заранее оговорено. Это ведь наш совместный с Крупном проект, а не германский.

— Ну вот и ладно. Ты Круппа предупреди со своей стороны. Да письмо сопроводительное напиши на всякий случай. Поедут 4-5 специалистов. Список я тебе завтра пришлю.

Глава Морского ведомства задумался, а потом спросил.

— Да, что там ты намекал про свои сюрпризы? Ведь не просто так оговорился. Что ещё у тебя имеется?

Агренов немного посомневался, но потом ответил.

— Есть у меня для тебя пулемет крупного калибра, Александр Михайлович. Калибр — 5 линий, скорострельность — около 400 выстрелов в минуту. Пуля стальная в томпаковой оболочке. Миноносец должна на вылет пробивать. Если пулемет тебе против миноносцев подойдёт, то это было бы неплохо. Вот только не доведен он ещё. Есть определенные сложности. Браунинг с ним пока ещё работает.

— Ну так привози, показывай. Оружейники посмотрят, да и я посмотрю.

— Нет, Александр Михайлович. Не хочу я пока пулемет на всеобщий показ выставлять. Вот приезжай в Сестрорецк, или своих флотских оружейников туда присылай. Там и посмотрите. А если понравится, то можно потом будет и на море его испытать, как лёд на Финском сойдёт.

— Экий ты секретник! — улыбнулся Великий Князь. — Хорошо, пусть будет по-твоему. Через неделю я к тебе в Сестрорецк выберусь. О дате потом договоримся. И ещё вот что. Радио твоё решено ещё на часть минных крейсеров поставить. Так что нужно ещё 6 радиостанций.

Когда небольшое импровизированное совещание закончилось, Великий князь попросил Агренева задержаться.

— Есть у меня к тебе один разговор, Александэр. Безобразов тут давно носит с идеей потихоньку подгрести под себя северную часть Кореи. И даже в лице Государя нашёл благожелательное сочувствие. Более того, Никки вроде бы обещал Безобразову сам вложить в это дело некоторые деньги. И таких сочувствующих набирается уже не мало. Я слышал, и тебе предлагали присоединиться. И ты вроде бы даже дал согласие подумать. Меня кстати тоже уговаривают поучаствовать. Тебе не кажется, что мы дразним бешеную собаку раньше времени?

— Не кажется, Сандро. Это и есть то самое. Но если я соберусь поучаствовать в этой аванюре, то мои интересы ограничатся исключительно правым берегом Ялу. Лесная концессия в тех местах может представлять определённый интерес с точки зрения сооружения на китайском берегу реки фортификационного района. На остальные концессии, которые планирует выкупить Безобразов, мои интересы не распространяются. Но в тех местах нужна серьёзная разведка местности. Может там ничего и не получится. Поэтому пока рано говорить о том, что я войду деньгами в эту авантюру.

— Хмм! То есть ты хочешь прикрыть Порт-Артур и Дальний со стороны Кореи за собственные деньги?

— Знаешь, Сандро, если ты мне выделишь деньги из бюджета флота, то я явно не откажусь от твоего великодушного предложения. А свои я как-нибудь найду куда вложить.

Александр Михайлович посидел немного задумавшись и потом ответил.

— Хорошо, Александэр, я тебя понял. Я подумаю над этим.

Он помедлил и продолжил.

— Ты ведь слышал, что британцы подписали с японцами договор о союзе. И ведь, стервецы, сразу опубликовали текст соглашения для всеобщего ознакомления. А что там в секретных приложениях, можно только догадываться. Но по сути из того, что известно, нас оставляют один на один с Японией. А у нас ещё восточно-китайская дорога не готова. Ты ведь понимаешь, что при имеющихся положениях этого договора французы даже и не подумают исполнять свои союзнические обязательства по отношению к нам. Да и китайцев можно будет использовать только в качестве рабочей силы.

— Увы, Сандро. Нас поставили перед фактом. Надеюсь, это понимают и там... — Агренов поднял глаза вверх.

— Понимают, но таковых мало. Считается, что макаки могут воевать только между собой. А у меня флот не готов. Пять броненосцев вообще ещё в постройке, как и крейсера. А...! — Сандро с досады махнул рукой. — Ни черта ещё не готово. Надеюсь разве на то, что из-за этого соглашения мне выделят ещё денег для ускорения подготовки флота. Ты же знаешь нашего Витте. Он над каждой тысячей бюджетных рублей трясётся. А у нас сейчас военные расходы и так будь здоров. Из-за этого и укрепления вокруг Порт-Артура по малому радиусу строятся. Хорошо, удалось уговорить его перевести часть средств, предназначавшихся на сооружение

портовых и ремонтных мощностей с Дальнего на Порт-Артур. У меня хоть ремонтные мощности в базе флота появятся. А то не база флота, а не пойми что. Представляешь, строящиеся броненосцы, если б они сейчас были готовы, можно было бы выводить из Порт-Артура только в прилив! Это что, база флота?! Хорошо, выбил деньги на землечерпалку и углубление фарватера. Да и бухта так себе. Половина её мелкая. Только что миноносцы днищем о дно не трутся. Да и то не все. У нас сейчас хоть с японцами и примерный паритет, но что-то подвезти или отремонтировать будет большой проблемой в случае войны. А у японцев все это имеется. И в большом количестве. Или вон проблема с орудиями вдруг на ровном месте образовалась. И все из-за прошлогоднего бунта на Обуховском заводе. Уволили и выслали из столицы почти тысячу человек. И теперь там особо некому работать. Всех кого можно поставили на выделку орудий главного калибра, ну и ещё немного шестидюймовки делают. Благо хоть удалось передать часть заказа на средний калибр на Пермский и Путиловский заводы. Но там тоже не все слава Богу. Ты ещё со своими гаубицами туда влез...

— У всех сложности, Сандро. У меня тоже с Кругобайкальской железной дорогой проблемы. Слышал наверно? — заметил Александр.

— Да. О чем Никки с Витте думают...

Март 1902 года

Жена ворвалась в хату, как ураган.

— Осип, слышь, шо люди бают!

Осип сидел на лавке и правил старый сточенный нож.

— Ну что тебе, перепелка?

— Царя, бают, убили. Шо ж теперь будет?

— Тьфу на тебя, болтушка. Вечно тебе всякие сплетни собирать... — мужик сплюнул на давно не скребенный пол.

— Да истину Крест, тебе говорю! — Марфа перекрестилась. — Митька из города токма вернулся. Газету привёз. Староста народ к полудню на площади собирает...

— Господи, прости нас грешных, — Осип трижды перекрестился на красный угол. — Вот дела! Несчастьёшко то какое!

Жена развернулась, и бросила в полоборота.

— Я щас, тока к Авдотьё забегу!

Царя Осипу было жалко. Все-таки отец всему народу русскому. Но вот в уме Осип тут же смекнул, что каждый следующий царь, становясь помазанником Божьим, прощает недоимки. А значит грядет послабление общине! А оно ой как нужно. В прошлом годе недород случился. В ентом пришлось у Михайлы Потапыча семян занимать на посев. А он хоть и мужик справный и три шкуры не дерет, но осьмую часть потом, как хошь, с урожая отдай.

Осип попробовал пальцем остроту лезвия. Ничо так, сойдёт! Надоть сходить, узнать. А то можа дура-баба сызнава бредню на хвосте принесла.

Тут на колокольне в неурочное время ударил колокол. А потом еще раз и еще. Осип накинул на плечи старый полушубок, нахлобучил треух на голову, сунул ноги в валенки и вышел во двор...

Май 1902 года

Агренов стоял в приёмной Императора. Казаки личной охраны государя теперь несли службу и здесь, а гвардейцы осуществляли только внешнюю охрану дворца в Гатчине. На входе в ту часть дворца, которую теперь занимал новый русский Император, срочными темпами монтировали рамку Лодыгина. И не в одной Гатчине такое будет. Заказ дан аж на дюжину рамок.

Адъютант Михаила поднял трубку телефона, прослушал указание и ответил в неё «Слушаюсь».

— Проходите, Ваше сиятельство! Его Императорское Величество изволит Вас принять.

Оба казака, стоящие у дверей, недобрыми взглядами ещё раз ощупали фигуру Агренова. И нехотя расступились, пропуская князя.

Агренов вошёл в открытую адъютантом дверь и остановился на пороге. Михаил сидел за столом, обложенным множеством бумаг.

— Заходи, Александэр! Что в дверях встал?

— Здравствуйте Ваше Императорское Величество. Позвольте...

— Ты это брось! — одернул князя Михаил. — Не на официальном приёме. Проходи, садись!

Дождавшись, когда Агренов выполнит указанное, Император продолжил:

— Отдал я твои бумаги по пресечению правонарушений Сипягину. И знаешь, он теперь на меня преданными глазами при встрече смотрит. Очень уж ему они понравились. А вот Петр Дмитрич сначала даже в отставку просился. Но она ему не дана. Ибо невместно, покуда следствие идёт, коней на переправе менять. Потом решу, как с ним быть. Одним кнутом править не собираюсь. И пряники будут. Минюсту и Канцелярии дано указание в месячный срок подготовить все изменения в законах. Ох как они там забежали! Месяца им, видите ли, мало. Обленились! Ничего, не успеют ко времени, головы полетят... Что у тебя с пряниками? Принёс?

— Да, Государь. Мои предложения по трудовому законодательству таковы...

И Агренов начал рассказывать суть предлагаемого им. Говорил он минут тридцать, обосновывая необходимые изменения. А когда закончил, Император задумался на некоторое время и произнёс.

— В целом дельно. Оставляй бумаги. Только сомневаюсь я, что хоть половину из этого можно принять без того, чтоб не началась подковерное сопротивление. А некоторые члены Государственного совета так и вообще резко против будут. И ведь нужно не только принять, а ещё и за выполнением следить. Ты вот что, в нескольких своих газетах дай статьи, что будут законы по труду меняться в лучшую сторону. Ну и слегка намекни, о самом главном. А то первыми то пойдут изменения законов по правонарушениям. Так пусть общество знает, что не только карательные меры грядут...

Михаил вздохнул, оглядев заявленный бумагами стол, на который прибавилась ещё и папка от

князя Агренева и откровенно пожаловался.

— Знаешь, Александр, вот не понимаю, как батюшка мой покойный с этим всем обходился. За что не возмись, дел невпроворот. Как будто Никки, царство ему небесное, все на помощников возложил, а те только в кучку дела складывали. Да и родственники мои уже советами да просьбами замучили. Эх!

Он обреченно махнул рукой.

— Так, государь, ты помощников дельных себе найди. Сам то ни в жизнь в одиночку не справишься.

Лицо у молодого Императора сморщилось как после поедания целого лимона.

— Ты банальности не говори. Сам в помощники ко мне пойдёшь?

— В помощники — нет. — Агрнев развел руками. — Сам знаешь, сколько у меня всего, за чем пригляд нужен. А вот в советники и порученцы пойду с радостью.

Михаил в раздумьях помассировал пальцы.

— Пусть так. Хотя и жаль. Ладно, должность я тебе подыщу. Что по Дальнему Востоку думаешь, господин советник? Тут ко мне на приём японский посол просится... Ламсдорф говорит, что у него личное послание от японского Императора.

— Так разве что поменялось для двух государств? Мы же с тобой не раз про то говорили. За спиной у японцев теперь британцы стоят. А эти привыкли чужими руками жар загребать. Так что все равно они нас столкнут лоб в лоб. Макарова нужно на Тихий океан посылать, чтоб он порядок навел в тамошних флотских делах. Да не мешало бы его на вообще на Ляодане главным за все сделать. А то у семерых нянек ...

— То есть, считаешь, Алексеев не справится?

— Сомнения у меня есть. Он хоть и флотский, но тут боевой адмирал нужен. Тот, который потом, если нужно, эскадру в бой лично поведет. Тренировки нужны, боеприпасы нужны. Да чего только не нужно...

— Хорошо, я с Сандро и Степаном Осиповичем поговорю. А сейчас, — Михаил поднялся со своего места, — пойдём в заднюю комнату. А это, — он кивнул на стол, — подождет немного.

Конец мая 1902 года

Поезд увозил князя из Санкт-Петербурга в Тулу на открытие его первого подшипникового завода. Пока завод начнёт выпускать только роликовые и конические подшипники. Но это пока. Хитромудрому юристу компании Луневу наконец удалось найти подход к вдове умершего в 1899 году Фридриха Фишера, владельца компании Friedrich Fischer AG. Компания уже года два как начала испытывать серьёзные финансовые трудности, что и немудрено в разгар кризиса. И наконец вдова основателя компании сдалась и решила продать её. Так что сейчас помощники Вениамина Ильича со своими швейцарскими коллегами заканчивают оформление сделки по покупке немецкой фирмы. Ну а потом..., потом потихоньку можно начать перетаскивать производство шаров и оборудования для их изготовления в Тулу. А над самими шариковыми подшипниками уже трудятся конструкторы, благо немецкая компания продавала свои шары всем желающим. Правда недешево и с большими сроками поставки. А заодно можно

будет пригласить мастеров-немцев для налаживания производственного процесса. Так что можно сказать дело в шляпе. И через год возможно удастся наладить производство и шарикоподшипников. Сначала с использованием немецких шаров, а потом уже и в полном объеме. Тьфу-тьфу-тьфу!

Александр лежал в купе и думал. Около двух месяцев назад страну потрясло известие о покушении на Николая 2. Оно произошло в Крыму. В хозяина земли русской, бывшего на прогулке в одиночестве, двое студентов Питерского университета стреляли из револьверов. Охрана через несколько минут задержала нападавших. Впрочем они и не собирались скрываться. Смертельно раненого Императора доставили в его покои, где он, не приходя в сознание, скончался. На следующий день войска начали присягать новому Императору — Михаилу Александровичу, бывшему в то время в Москве. Агренов в тот момент оказался в Перми, куда наведалься по поводу доработки гаубицы, ведущейся совместными усилиями Арткома и двух оружейных заводов. Дела в Перми пришлось закруглять впопыхах. Александр помчался в Санкт-Петербург. Но там всем было не до него. С Михаилом удалось повстречаться только мельком. И в компании с несколькими такими же бывшими в отъезде вельможами присягнуть новому Императору. Удалось переговорить с Васильевым, не растерявшим связи в жандармском Корпусе. Жандармы, ведущие дело о покушении, искали ещё одного соучастника. Но пока безуспешно, потому, что на месте покушения он вроде бы и не был. А только подготовил тех двоих. Личности его не знала ни полиция, ни жандармы, ни даже, как оказалось, сами террористы. Вернее они думали, что знали, но это на поверку оказалось не так. Таковая личность, как выяснилось, сидела в Московской тюрьме уже почти полгода. Жандармы терялись в догадках, отработывая связи нападавших, но к третьему члену преступной ячейки ничего не вело. Студенты даже не знали, где жил третий соучастник. Он всегда приходил к ним сам, постоянно напоминая им о конспирации. И стало понятно, что Григорий сделал все чисто и ушёл, не оставив хвостов. Жандармы и полиция начали прополку социалистов всех мастей и просто оппозиционно настроенной публики.

Аликс слегка от горя. Мария Федоровна была в прострации после смерти третьего сына. В конце апреля Михаил пришёл к Агренову сам. Они тогда долго сидели молча. А потом Михаил позволил себе поплакаться на плече у Агренова и взял с Александра слово, что тот будет теперь рядом. Все случилось так, как рассчитал Долгин. Григория не было рядом уже больше полугода. И сколько ещё не будет? Но весточку из Неаполя он прислал. Анонимную и не понятную никому, кроме князя.

Агренов повернулся на бок.

И все-таки они опоздали. Войне с японцами быть. Британия и Япония в начале года оформили таки союз. Хотя возможно, что теперь японцы начнут сомневаться. Все-таки у России новый Император. Михаилу ведь от японского полицейского шашкой по голове не доставалось. И возможно последует новый раунд переговоров с Россией. Правда, уломать Михаила на уступки японцам не удастся. А за спиной у них британцы будут подталкивать к войне, но может что-то и выгорит...

Три недели назад Александр положил на стол Михаилу 2 документ с анализом законодательства САСШ в сфере наказаний за противоправную деятельность и собственные предложения по изменению законов Империи. Так в самой демократичной стране, коей считала себя Америка, можно было попасть за решетку просто за публичный призыв к сопротивлению властям. Никакие юристы не помогут. И все по закону, следованию которого так любят гордиться англосаксы. Предложений было много. И по изменению законов и по усилению правоохранительных органов с увеличением их численности. Много там всего было.

Причём бумага эта была не первой. По возвращении с Дальнего Востока он подобный документ уже подавал в министерство внутренних дел, но бумаги явно где-то затерялись. Даже после побоища на Обуховском заводе они не всплыли.

А сейчас у него с собой была папка с предложениями по изменению трудового законодательства. С ней ещё нужно поработать, перед тем как подавать Михаилу исправленный окончательный вариант. Нет, Боже упаси, Александр не собирался предлагать ввести 8-часовой рабочий день в стране. К сожалению, пока это было невозможно. Эффективность производства внутри страны пока не позволяла это сделать, но ограничить трудовой день 9,5 часами стоило. Как и ввести обязательный плавающий выходной. Ограничивались штрафы, переработки и т. д. Но и заранее предусматривалось особое положение в том случае, если страна находится в состоянии войны. В конце концов на фронте не бывает выходных и 9.5 часового рабочего дня. Значит и в тылу людям придётся работать, если нужно, сверхурочно. Не забыл Александр и себя. По его предложениям рабочие производств, связанных с военными заказами и жизнедеятельностью государства в военное время не должны попадать под мобилизацию. А если все-таки попадали, то должны были призываться только в технические части, где были необходимы их профессиональные навыки в работе со сложной техникой.

Агрнев поворочался и лег на спину, закинув руки за голову. Что ж, Гриша сделал свою работу. Теперь свою предстоит делать ему. Но как же ему не хватает друга! Да ещё этот кризис, будь он неладен...

Но была у Александра одна радость, которой он пока поделиться мало с кем мог. Да практически ни с кем. Позавчера в Кыштымском горном округе у него полетел первый биплан. Конечно, ни на что большее чем воздушная разведка он не годился, даже когда его доведут. И тем не менее! Самолёт поднялся в воздух и провёл в нем полчаса. А это значило, что дальше должно пойти легче. По крайней мере он на это сильно рассчитывал. Так что возможно, что года через полтора в распоряжении армии на Дальнем Востоке кроме дирижаблей появятся более дешёвые и более мобильные средства воздушной разведки.

Июнь 1902 года

— Бутц! Бутц! Бутц!

И Григорий Гершуни сполз по стенке на пол, пытаясь протолкнуть в лёгкие глоток воздуха. Дверь комнаты открылась и в неё вошёл мордастый начальник.

— Фадей, я ж сказал, чтоб ты закончил с ним. Завтра обещали прислать одного специалиста. Видел я его работу. День-два и станет этот поц тихим и на все согласным.

Начальник наклонился к сидящему на полу Гершуни и осведомился:

— Слышишь меня, господин революционер? Завтра-послезавтра ты будешь петь все, что знал, о чем догадывался, и даже то, о чем и не знал. Кстати твоя подруга Брешко-Брешковская тут неподалёку сидит. И мне все равно, кто из вас первый расколется.

Начальник распрямился и скомандовал:

— Этого в камеру. Пущай пока посидит в одиночке.

Когда за Гершуни закрылась дверь камеры, он сильно сник. Взяли его на горячем. Прямо на подделке документов в подпольной минитипографии. Это уже тянуло не просто на ссылку в

Сибирь. А если всплывает ещё то, чем он занимался в химической лаборатории, то это прямая дорога на Сахалин. Или на новомодный среди жандармов остров Колгуев, на который и белые медведи забредают. Его кто-то сдал, а раз сдал, то и лаборатория может всплыть. Екатерину взяли, его наставника и учителя. Гадство!

И ещё эти, держиморды, каким-то специалистом пугают...

Конец июля 1902 года

Александр уходил от Сандро со смешанными чувствами. С одной стороны вроде бы дела на Тихом океане начали налаживаться. Прибывший в Порт-Артур адмирал Макаров поднял там всех на уши и потребовал дополнительных полномочий. Ознакомившись с состоянием эскадры и обороны крепости, он запросил не много не мало назначить себя не только командующим Порт-Артурской эскадрой, но и начальником крепости Порт-Артур. Причём под крепостью понимался весь Квантун, что было не слишком удивительно, поскольку со строительством укреплений имелись большие проблемы, а как-то серьезно воздействовать на неторопливое сухопутное начальство и на Алексеева у него возможностей не было. И Сандро в этом, как и сам Александр, поддерживал Степана Осиповича. Ко всему Макаров успел отстранить адмирала Старка за слабую подготовку экипажей кораблей и некоторые прочие прегрешения. Вместо Старка своим заместителем Макаров просил назначить Скрыдлова. Кроме всего этого он уже затребовал целый список всего ему потребного для подготовки эскадры и усиления судоремонтных мощностей Порт-Артура. Адмирал Рожественский, ответственный за постройку кораблей во Франции, попался на некоторых неллицеприятных делишках. И ладно бы попался. Мало ли у кого их не было в карьере. Но вот эту фамилию в числе антигероев Цусимы Александр помнил. А потому постарался раздуть в прессе скандал. Скандал вышел на славу. Так что адмирал был отстранен от дел на время расследования. И Агренов собирался довести дело до конца, дабы этот человек более не смог сотворить того, что он мог бы ещё теоретически сделать.

Пошло дело с подводными лодками. В мае было заложено три единицы. Одна в Севастополе и две у Круппа в Киле. Продать головную лодку Крупп отказался категорически. Вернее за него так решило командование германским флотом. Но то, что два экипажа будущих русских подводников смогут пройти на ней курс подготовки, было согласовано. Все-таки лодка была построена совместными усилиями. Так что Крупп уже прислал счет, сколько он должен выплатить князю за головной корабль. Сам германский флот пока ещё не принял решения о серийной постройке лодок, а гонял головную на испытаниях. Чем Сандро и не преминул воспользоваться, заказав верфи Германия сразу пару подлодок. Но вот успеют ли они войти в строй до начала войны, Александр пока сказать не мог.

Сандро также заказал молодой компании Россуд постройку восьми портовых катеров. Все-таки паровые катера не шли ни в какое сравнение по оперативности с теми, что предлагал Агренов с двигателями внутреннего сгорания. А при необходимости катера могли выступить ещё и в качестве тральщиков и портовых буксиров.

Заказал Сандро Русской оружейной компании и дюжину крупнокалиберных пулеметов на пробу. Поставки же дальномеров с базой в сажень шли по плану. Моряки за эту вещь выказывали князю всяческое уважение. Вот только по словам Великого Князя Александра Михайловича проведенные в мае учебные стрельбы показали, что особой точностью на дистанциях свыше 30 кабельтовых Балтийский флот пока похвастать не мог. С морскими пушками вообще выяснилась одна интересная деталь. Облегченные снаряды к новым десятидюймовым морским орудиям принять на вооружение как-то не успели. А потому на данный момент пушки этого калибра оказались не только самыми дальнобойными на флоте, но

и ещё были по бронепробиваемости на больших дистанциях были сравнимы с 12-ти дюймовыми орудиями броненосцев, если те стреляли снарядами старого облегченного типа. Причем новые фугасные 10-ти дюймовые вообще вмещали в себя больший заряд взрывчатого вещества, чем старые 12-ти дюймовые фугасные.

Смешанными же чувства были по причине того, что Макаров прислал сообщения об общей картине готовности Порт-Артура и эскадры. Сандро дал почитать Александру эту длинную телеграмму. Дел было ещё начать и кончить. А времени оставалось всего ничего. Хорошо хоть часть строителей порта Дальнего уже как полгода была переброшена на Порт-Артур.

Удалась князю и одна сухопутная задумка. Император подписал распоряжение о создании отдельного учебного батальона егерей. А чтоб не мозолить глаза вездесущим союзникам и потенциальным противникам, батальон создавался на Урале. На его вооружение поступали специальные снайперские Агрени калибром 3 линии и 9 мм с четырёхкратным оптическим прицелом. Причём сами винтовки на вооружение армии решено было пока не ставить, дабы не возбуждать интерес любопытствующих. Так что скоро под Екатеринбургом должно быть собрано около 400 будущих снайперов из числа сибирских и уральских охотников, и начаться подготовка под руководством дюжины инструкторов из его экспедиторов, в числе которых было даже два бура. Два тридцатилетних мужика решили, что соседство на одной земле с британцами им будет слишком опасно для здоровья и перебрались в Россию вместе с семьями по приглашению, ещё год назад данному им командиром группы экспедиторов, работавшем в Трансваале.

Вообще англо-бурская война закончилась в мае этого года подписанием мира между британцами и бурами. Трансвааль и Оранжевая Республика вошли в состав Британской империи, но получали внутреннюю автономию и самоуправление. Англичане даже согласились выплатить бурам компенсацию в размере 3,5 миллиона фунтов за порушенные фермы. Что интересно, 18 экспедиторов стали гражданами Трансвааля за особые заслуги перед республикой ещё до ее ликвидации и имели теперь не только гражданство, но и земельные участки, треть из которых находилась в потенциально золотоносных районах. Воспользоваться ими естественно пока не было никакой возможности. Но это только пока. Года через три вполне можно было попробовать заявить свои права на землю. Что в этом случае получится, пока не понятно, но шансы все-таки имелись. А вот германцы похоже не получили ничего. В марте 1900 года немцы видимо о чем-то договорились с британцами и вывели своих «добровольцев». Вот только похоже англичане в очередной раз показали себя хозяевами своего слова. По крайней мере герр Крупп высказывался в последнем письме о британцам в самой резкой и уничижительной форме.

Потери британцев в англо-бурской войне превысили 35 тысяч человек. Но это выглядело не самым страшным для них. Буры своим долгим и упорным сопротивлением значительно поколебали международный авторитет хозяйки морей, и вынудили её очень серьёзно потратиться на военную компанию и последующее замирение местного населения. А также показали, что на сухопутном театре военных действий в отличие от морского Британия весьма слаба, и её победа была достигнута исключительно благодаря многократному перевесу в живой силе и артиллерии. К окончанию войны, насколько стало известно, ни один золотой прииск не работал. Оборудование при отступлении бурами было взорвано, а работавшие на приисках негры попросту разбежались. И теперь для восстановления рудников британцам нужно было либо обратно собрать разбежавшихся, что было почти невозможно, либо начать завоз рабочей силы откуда-то извне. В то, что с последним англичанам удастся справиться, Александр не сомневался. Но вот прибыль у английских золотодобывающих компаний похоже появится еще не скоро. Да к тому же им придётся долго снабжать юг Африки продовольствием,

поскольку британцы сами порушили там большинство ферм, когда приступили к политике выжженной земли, согнав при этом большинство населения в концлагеря.

Как бы там ни было, политика — дело очень многогранное. И разругавшись по поводу Южной Африки, немцы и британцы прекрасно продолжали сотрудничать в других регионах. Так проводилась совместная блокада побережья Венесуэлы. И общая политика в Китае. Ну да и понятно. Общие интересы. А вот по поводу постройки Германией Багдадской железной дороги напротив имелись категорические разногласия. Британцы категорически не желали видеть германцев в Персидском заливе и вообще в Месопотамии. Мало там только что влезших русских купцов, так ещё и более серьёзный соперник намеревается влезть в регион. Естественно с присутствием русских англичане не собирались мириться, о чем говорили все их действия, но пока в Заливе сохранялся статус-кво.

При активном участии Британии фактически закончен был давний территориальный спор между Чили и Аргентиной. Это в свою очередь похоже приводило к тому, что заказанные Чили и Аргентиной на английских и итальянских верфях корабли будут выставлены на продажу. Оно и понятно, разоружение. Александр Михайлович уже начал посматривать с аппетитом на пару броненосных крейсеров английской постройки. Корабли были отлично вооружены и по характеристикам должны были иметь неплохую скорость при приличной броневой защите. Близнецами-братьями они не были, поскольку строились двумя разными верфями по собственным проектам, но по общему техническому заданию. Так уж вышло, что при составлении программы кораблестроения «На нужды Дальнего Востока» в саму программу было заложена постройка малого количества броненосных крейсеров. И сейчас Сандро был не прочь исправить эту на его взгляд ошибку. Но в любом случае пока никто ничего не продавал, да и денег на это все равно не было. Корабли же пока находились в постройке на стадии корпусных работ. Так что Алексею Михайловичу пока оставалось только облизываться на теоретически возможное усиление флота. Но в общем и целом сейчас у него с постройкой броненосцев и бронепалубных крейсеров обстояло весьма неплохо, если не считать традиционный уже перегруз у броненосцев, в результате которого броня, должна защищать надводный борт, частично уходила под воду. Хуже было с миноносцами. Сроки постройки серий на отечественных частных верфях растягивались, а качество не вселяло уверенности. Да и цены на отечественные миноносцы оказывались выше, чем если строить за границей. Но тут приходилось терпеть и периодически выставлять производителям рекламации и штрафы.

Конец августа 1902 года

Сегодня Александру удалось поймать министра финансов Империи в ресторане недалеко от Министерства. Так уж получилось, что в этот раз все приходилось делать на бегу.

— Здравствуйте Сергей Юльевич, приятного вам аппетита. Вы не против, если я присяду? — и Агренов, повинуясь разрешительному кивку Витте, уселся рядом.

— Добрый день, Александр Яковлевич. Какими судьбами? Может закажете себе что-нибудь?

— Да, пожалуй! — князь повелительным знаком подозвал официанта и заказал себе второе и клюквенного морса.

После ухода официанта он продолжил.

— А судьбами... Знаете, мне пришло несколько интересных мыслей, как мы могли бы помочь друг другу. Вот только все сейчас приходится делать на бегу, поэтому и наша встреча выходит не очень подходящей серьезному разговору.

— Вот даже как? — удивился Витте, отрываясь от свиной отбивной. — Мне казалось, что две недели назад мы с вами все обсудили по поводу дел на Кольском полуострове. Или у вас родились очередные мысли, как помочь государству Российскому? — съязвил министр и отправил в рот очередной кусок отбивной с поджаренной корочкой.

В это время официант принёс морс в хрустальном графине, прервав своим появлением начавшийся разговор. Налив холодный напиток в стакан и пожелав приятного аппетита, он сообщил, что заказ будет готов через семь минут и опять удалился.

Александр отпил пару глотков, и откинулся на спинку стула. Сергей Юльевич к этому времени вспомнил о маринованных грибочках и уделил им своё внимание.

— Вы говорите, говорите. Я как-то уже привык к тому, что иногда приходится заниматься несколькими делами сразу, — сказал министр.

— Ну если так, извольте, — Александр сделал ещё один глоток. — Что до помощи государству, то тут вы между прочим совершенно правы. Полагаю, что министерство финансов не откажется от увеличения добычи золота в стране? То есть от золота, которое казна сможет покупать у русских золотодобытчиков по внутренним ценам ...

Витте оторвался от тарелки, метнул на князя серьёзный взгляд и спросил.

— Это серьёзный вопрос, если речь идёт о большом количестве металла.

— О большом, — согласился Александр и уточнил, — сначала о нескольких десятках пудов, но потом это количество может возрасти на порядок и больше.

— Вот как? Я вас слушаю.

— Хорошо, я начну несколько издалека. В Сибири и на Урале лёгкое золото постепенно заканчивается. По крайней мере в тех местах, где его добывали ещё 25 или 50 лет назад. Но по сути в этих же местах есть ещё золото более глубокого залегания или более бедные россыпи, которые не очень выгодно разрабатывать при имеющейся примитивной технике. Возможно вы знаете, что в 99-м году в стране появилась первая драга. Она как раз и позволяет разрабатывать те участки, которые до этого оставались нетронутыми. В 99-м году драга была одна, в 1900-м уже 4, через год их стало 7. В этом году их работает уже 12. Из них моих пять. Производит драги мой завод в Челябинске. Он может производить и большее количество драг. Да и нет в драгах ничего такого, что не позволяло бы их выделывать любому хорошо оснащённому заводу. Но есть определённая проблема. Она заключается в том, что механизм этот стоит достаточно серьёзных денег. И немногие могут позволить его себе купить в одиночку. Приходится создавать акционерные общества, чтобы можно было приобрести одну единственную драгу. При этом она, как вы понимаете, может разрабатывать только один золотоносный участок за раз. И это многих сдерживает...

Витте промакнул рот салфеткой и повернулся к князю.

— И что вы хотите от меня?

— Скажем так. Я предлагаю способ, который позволит казне получать дополнительное золото и налоги, золотодобытчикам даст драги, а мои заводы получают дополнительные заказы на эти механизмы. Тем самым ещё и немного увеличится продукция машиностроения в стране.

— Хмм! Вы хотите ввести казну в дополнительные расходы?

— Если смотреть только с этой стороны, то да, расходы первоначально будут иметь место. Но для казны весьма незначительные. По сути речь идёт об обыкновенном кредитовании. Но в данном случае кредитование затронет не только золотодобычу, но и одновременно машиностроение, которое сейчас ощущает явный недостаток заказов. При этом каждая сторона получает то, что ей нужно. Схема достаточно проста. Казна выделяет кредит, на который золотопрмышленник приобретает у завода драгу. В собственность промышленника драга может перейти как сразу, так и переходить постепенно по мере выплаты им год за годом заранее фиксированных долей. А может и вообще не переходить, а быть у него в аренде. Это три возможных варианта. По-хорошему, драга может окупиться в случае аренды или в случае полной собственности примерно за пять-шесть лет. Далее пойдёт чистая прибыль. При заводе у меня открыта школа механиков и мотористов. Так что с персоналом проблем не будет. При этом в сезон драга может работать фактически круглосуточно с небольшими перерывами на техническое обслуживание и мелкий ремонт. В отличии от человека с лотком. Это уже проверено практикой.

— Ну хорошо, допустим. О какой сумме может идти речь?

— Челябинск может делать ещё до пяти драг в год, если не менять планы. И мой Сестрорецкий завод ещё три-четыре. Драга стоит 250-350 тысяч рублей в зависимости от вариантов. В случае, если министерство финансов одобрит проект и выделит деньги, то я готов продавать драги с минимальной наценкой. Думаю, 7-10 % к себестоимости — это вполне приемлемо будет для всех.

— И все материалы у вас, Александр Яковлевич, естественно с собой? — усмехнулся Витте.

— Естественно, Сергей Юльевич, — улыбнулся Александр.

— А почему вы не хотите кредитовать сами? Или подключить другие банки?

— Сроки кредитования велики, Сергей Юльевич. Сейчас немногие могут позволить себе выдачу длинных денег. Да и кредитная ставка в этом случае выйдет не самой подходящей. Ведь банки в этом случае золота не получают, а казна напротив заинтересована в дополнительном золоте и не только в нем одном.

— Хорошо, я посмотрю, что можно сделать. Идея, конечно, интересная. Но гарантировать ничего не могу.

— Кстати, есть и ещё два момента. Если казна пойдет на эту схему, то тем самым она составит конкуренцию иностранцам, в особенности англичанам, которые уже начали проникать в нашу золотодобычу. Думаю, что вы согласитесь, что наше золото, мы как-нибудь добудем и без англичан. Тем более, что раз они начали к нам приходить, то увидели возможность получения большой прибыли. На малую норму прибыли они никогда не соглашались. И хоть, насколько мне известно, результаты англичан вроде бы пока весьма слабые, но это только пока. Со временем они и у нас приспособятся. Не факт, что это так уж нужно. И без них с нашим золотом справимся. Есть и еще один момент. Подобную схему можно применять на мой взгляд для любого товара, который мы покупаем за границей за обеспеченные золотом рубли. Если, конечно, производитель оборудования русский, а сам товар соответствует мировым стандартам.

Витте немного призадумался, качая в руке чайной ложечкой, и потом кивнул.

— Да, тут я с вами соглашусь. Это действительно так. Поэтому мы и стараемся сейчас все казенные заказы передавать нашей отечественной промышленности. Вы это наверно заметили, Александр Яковлевич. Однако, как вы понимаете, казна не может кредитовать всех, кто работает подобным образом.

— Знаете, по крайней мере на себе казенное кредитование я сейчас не очень ощущаю. Что же до нынешнего договора с казной и кабинетом, то тут совсем другое дело.

— Ну может вы и правы, — Витте отправил в рот ложечку с мороженым. Но вам все равно грех жаловаться.

Ответить Александр не успел. Прибыл официант с заказом и извинениями за небольшую задержку.

После ресторана собеседники добрались до кабинета министра и продолжили свой разговор уже там.

— Александр Яковлевич, я это все внимательно посмотрю. Да и промышленному департаменту нужно материалы показать, — Витте похлопал рукой по объемной папке, переданной ему князем. — Вы говорили, что у вас есть ещё что-то интересное...

Александр поудобнее устроился в кресле.

— Есть Сергей Юльевич. И тоже по драгоценным металлам. В стране сейчас добывается до 4,5 тонн платины в год, и могло бы добываться и больше. Но казна её скупает у добытчиков не всю и не очень регулярно. Основные её производители — это Шуваловы и Демидовы. Дабы не прекращать добычу, часть платины они вынуждены продавать иностранным компаниям, которые скупают ее по низким ценам. Аффинаж металла выполняется за границей. И цена на чистую платину из-за монополии компаний «Джонсон, Маттей и Ко», а также «Демутис, Лемер и Ко», которые занимаются её очисткой, стоит вдвое от той цены, по которой, насколько мне известно, идёт неочищенная платина на мировом рынке. А за счёт того, что в своё время англичане скупили чуть ли не весь запас нашей платины, сейчас именно они устанавливают цены на мировом рынке. Это при том, что они её добычей вообще не занимаются, а Империя добывает как бы не 9/10 от всей платины в мире.

Витте весь подобрался.

— Александр Яковлевич, вы владеете сведениями, которыми по идее не должны обладать. Ну кроме цен на рынках...

Александр открыто улыбнулся.

— Может это и так, но тем не менее я это знаю. Так уж случилось. Более того, когда я начал добывать в своём Кыштымском округе платину, ко мне сразу пожаловали англичане и предложили скупать все излишки, которые не идут в казну. В своё время я отказался от их услуг. Но впоследствии все разузнал, и мне стало по-честному обидно. Какой-то по сути посредник диктует цены на рынке, наживая при этом огромные барыши. И я попросил своих химиков заняться аффинажем платины. Все оказалось не слишком сложно. Выделку чистой платины, а также сопутствующих редких металлов — осмия и иридия я в этом году в небольших количествах наладил. А потому в этом году я переработаю всю платину, которую добывают в Кыштыме. И предложу ее казне. Соответственно у меня к Министерству финансов имеется предложение. Не желала бы казна выделять очищенную платину и сопутствующие ей редкие металлы внутри страны?

Витте посидел, внимательно глядя на Агренева, и постукивая пальцами по столу.

— Ваши предложения, Александр Яковлевич?! Но учтите. Переработку драгоценных металлов казна из своих рук выпускать не будет, если таковая возможность имеется в наличии. Вы — подданный Российской Империи в отличии всяких англичан и французов. А поэтому... Ну вы понимаете.

Это было именно то, что и предполагал Агренов. А поэтому даже и не собирался подгрести под себя аффинаж сырой платины. Просто не дадут. И никакие добрые отношения с Государем и самим Витте тут неважны. Это государственные интересы страны. И государственные секреты Империи.

— Полагаю, казна не откажется от небольшого заводика в Екатеринбурге? Я готов его построить, передать технологию аффинажа и отчасти снабжать завод необходимыми химикатами...

Сентябрь 1902 года

Калашников отложил карандаш с угольником и отошёл в сторону от чертежной доски. Да, вот так будет правильно! И теперь сюда нормально встанет холодильная машина.

Он около года работал в Николаеве в компании Россуд и уже многое успел сделать. Над переездом в Николаев Калашников размышлял довольно долго. Не хотелось переезжать с Сормовского, которому он отдал столько лет. Однако количество заказов в начале века из-за кризиса все убывало, а доходы главного инженера впрямую зависели от количества и суммы произведенного заводом. В итоге он дал себя уговорить. И похоже не прогадал. А вместе с ним в Николаев переехали две дюжины рабочих и мастеров из Сормово. После них ещё приехала большая группа с Воткинского завода. Там дела с заказами в 1901 году тоже были не ахти. Да и потом люди приезжали и приезжали. Правда не такими большими группами.

Ранее он проектировал и строил только речные суда. А вот здесь пришлось заняться морскими. Требования к ним были совсем другие, но с этим Василии Иванович свыкся быстро. Тут пока не слишком широко применяли сварку при изготовлении корпусов, в отличии от того, что было в Нижнем Новгороде. Ну да и причины понятны. Но как главный инженер судовой верфи он сразу получил задачу внедрения сварки. Там, где можно. Для остального пока в дело шёл уже знакомый пневмоинструмент и более древние способы типа кувалды.

Судовой верфью в течении ближайших лет пяти-шести предполагала строить суда только в двух корпусах. Водоизмещением в 8 и 4.5 тысячи тонн. Но вот предназначение у судов должно было быть разным, — товаро-пассажирские, наливняки, чистые сухогрузы, угольщики... Сейчас он проектировал рефрижератор. Были и ещё задумки, до которых пока не дошли руки. А двигатель! Сейчас у достроечной стенки стоял наливняк, который должны ввести в строй месяца через два. И ещё один его брат близнец недавно был заложен. А вот второй эллинг занимал тоже восьмитысячник, но товаро-пассажирский. На нем собирались установить комбинированную силовую установку. Паровая турбина и два ДВС Тринклера. Причём работать последние должны не напрямую на единственный гребной вал, а через одетый на этот вал электродвигатель. Да ещё была хитрая система понижения оборотов и реверса на валу для турбины, поскольку крутиться она могла только в одну сторону. Систему разрабатывала немецкая компания «Блум унд Фосс». По мнению Василия Ивановича немцы, эти аккуратисты излишне усложнили механизм. Он бы сделал немного не так и главное проще. Самой машины ещё в металле не было, но чертежи немцы уже прислали. Ну да и ладно. Посмотрим, как оно работать будет, когда судно войдёт в строй. А там, глядишь, и свою конструкцию можно будет

придумать. Тем более, что для судов в 4.5 тысячи тонн все ещё предстояло проектировать заново, поскольку начальство решило, что паровыми машинами заниматься завод сам не будет. Если судно закажут с ними, просто отдадут заказ на изготовление машины соседям. На территории верфи был ещё один цех, где делали какие-то небольшие катера, но они Василия Ивановича не особо интересовали. Да и руководили там всем отставные военные моряки. Так что Калашников заходил пару раз в тот цех, посмотрел на работу, да потом и забросил это дело. Ему даже с чертежами тех катеров ознакомиться не дали. И это главному инженеру завода! Ну да и черт с ними. Потом на воде посмотрим. Никуда они от нас не денутся.

Дверь в кабинет отводилась нараспашку вместе со стуком в неё и в комнату ввалился бригадир Петрович.

— Василий Иванович, сил моих больше с этим засранцем Епифановым нет! Уволил я его. Опять, зараза, кувалдой болты заколачивал. Ничего до него не доходит...

— Знаешь Иван Петрович, ты меня не сильно расстроил. Уволил, так уволил. И жинку его, на проходной скажи, чтоб больше не пускали. Нечего тут мне сопли разводить. Не первый раз уже. Все, хватит. Пушай вон в грузчики идёт. Там его силушка богатырская в самый раз будет.

— Ну дык она не через проходную, видать, приходила прошлый раз. Там сейчас мышь не проскочит. На лодке похоже приплывала. С воды то от соседей на завод завсегда попасть можно, если сторожа проглядят.

— Ладно, с этим пускай начальник охраны разбирается. Что у вас пробным пуском машины на «Первенце»? Все готово?

— Заканчиваем, Василий Иванович. К завтраму должны управиться.

— А ну, пойдём. Сам все гляну. А то закопался я что-то с этим рефрижератором. Непорядок! Сейчас только переоденусь в рабочее.

Проходя по заводу и отвечая на приветствия встречающихся по дороге рабочих, Калашников заметил открытые ворота того самого цеха, который собирал катера. Не иначе, как катер спускать на воду собрались.

— Ну да и ладно, — решил он, — после осмотра машины и поглядим, что они там такого насобирали. А вообще цех то не самый маленький. Вполне можно буксиры портовые в нем наладить. Ежели вот пару Тринклеров на буксир поставить, то вполне себе неплохой такой буксир выйдет. А если взять шестицилиндровый, так и вообще одного хватит. Но его Василий Иванович ещё не видел, хотя управляющий рассказывал, что такой уже пытаются делать в Коврове.

Ноябрь 1902 года

Александр сидел перед камином и потягивал великолепный шустовский коньяк. Надежда уехала к сестре. Вернётся видимо поздно. Делать было собственно нечего. Только размышлять, чем он и занимался, сидя в кресле.

Что ж, этот раунд борьбы за будущие нефтяные земли Персии можно считать ничейным. А где-то даже выигранным. Естественно, игра далеко не закончена, но пока статус-кво сохранен. Конечно, британцы при случае не откажут себе в удовольствии подставить ему подножку, но до начала войны с Японией крупных неприятностей с их стороны наверно можно не ожидать.

Полученная в самом конце 1899 года от персидского шаха концессия на поиск и добычу нефти в двух юго-западных провинциях страны, а также на организацию различных торговых и прочих заведений крайне не понравилась британцам. Британский посол в Персии в ультимативной форме потребовал от шахского правительства аннулировать её. Да и здесь в Петербурге, как удалось узнать, реакция британцев была крайне резкой. Но русское правительство явно не для того так постаралось с добычей этой концессии, чтоб просто так отступить. Момент был выбран идеально. Островитяне терпели на юге Африки одно поражение за другим, а европейская пресса топила британцев в нечистотах. Собственно, похоже верхам в России эта концессия была изначально интересна просто как ещё один козырь в Большой Игре. А если концессионерам и вправду удастся там закрепиться, так это просто отлично. Концессию удалось получить не на три провинции, как это намечалось, а только на две, но это Александра совсем не расстроило. Дипломатическую атаку на шаха русским дипломатам удалось отбить. А британцам просто предложили взять подобную же концессию, что через год одна из английских компаний и сделала. За тот срок, пока бушевали дипломатические страсти, удалось быстро сколотить консорциум из желающих приобщиться к ближневосточному рынку купцов и заводчиков, действующий под сенью компании Русско-персидское партнерство, на которую была получена концессия. Но поскольку в возможность добычи нефти в районе Персидского залива мало кто верил, то поиск оной был возложен на плечи князя, что и было отражено в учредительных документах. А поскольку правительство обещало членам консорциума поддержку в их не лёгких делах, то на юго-запад Персии была направлена представительная делегация дабы ознакомиться с местом и наметить точки размещения причалов, складов, торговых домов и прочих необходимых сооружений. Причём отправилась сразу на двух судах вместе со своим товаром. Правда без самого Александра, который в тот момент отправился в совсем другой конец Азии. В консорциуме были и те, кто до этого в Персидском заливе раньше не работал, и те, кто уже имел там свои интересы. По результатам посещения компаньоны констатировали, что работать там хоть будет и сложно, но в перспективе место чрезвычайно интересное и прибыльное. А потому единогласно было утверждено начало работ по постройке инфраструктуры для ведения дела. Правда на первых порах решено было дело с размахом не ставить, а развивать постепенно. Все-таки кризис, да ещё и опаску люди имели. А ну как англичанка гадить активно начнёт. Что вскорости и началось. Англичане начали отказываться бункеровать русские торговые суда в Заливе. И зафрахтованные с товаром и материалами для строительства тоже. Пришлось срочно договариваться о бункеровке углем с османскими и персидскими чиновниками. Выходило сначала накладно, но постепенно подтянулись арабские, персидские и португальские купцы, и дело наладилось. Хоть уголь и выходил немного дороже, чем на английских угольных станциях в Персидском заливе. Но одними проблемами с углем англичане не ограничились. Начали возникать проблемы и у русских судов, идущих через Суэцкий канал вокруг Азии на Дальний Восток. Русские власти отреагировали на это довольно быстро. Для начала в порту Батума начались проблемы у танкеров компании Shell. Их могли мурыжить неделю и больше, не давая стать под погрузку. А потом не выпускать из-за каких-нибудь бюрократических проволочек. Владельцам грузов в русских портах негласно начали рекомендовать воздерживаться от фрахта английских судов, а выбирать транспорт под другими флагами. Но и этим власти не ограничились, а продолжали выдумывать все новые препятствия. Так сразу нескольким нефтедобывающим компаниям в Баку, перешедшим под контроль британцев, начали чинить препятствия. Британцы также не сидели сложа руки. Но добила англичан идея, поданная самим Александром. Причём осуществлена она была в лучших традициях информационных войн будущего. Сергей Юльевич объявил о том, что правительством страны рассматривается проект сооружения керосинопровода через Персию в Персидский залив. И что якобы предварительные переговоры с шахом на эту тему уже проведены. Причём это было правдой. Единственно, что они пока ни к чему обе стороны не обязывали. Было также объявлено, что в Министерство финансов можно подавать заявки на участие в сооружении трубы с указанием

предполагаемой суммы вклада в денежном выражении. А так как было заявлено, что казна собирается покрыть недостающую долю собственным участием, то все это выглядело весьма серьёзно. Получалась прямая последовательность. Русские намерены построить керосинопровод, которым не смогут воспользоваться британцы, потому как им нечего через него качать. А поскольку это не просто труба, а весьма с ценным содержимым, то её будут охранять. То есть русские военные появятся в Персии. И особенно в конечном пункте. А так как дальше керосин должен будет развозиться танкерами, причём по-видимому русскими и какими-то ещё, то в Персидском заливе на постоянной основе появятся ещё и русские боевые корабли. Пусть и не в сравнимом с английским количестве, но ведь это как пойдёт... И это рядом с Индией! А то, что русские военные просто так сидеть в устье Шат-эль-араба не будут, было очевидно. В сочетании с планами строительства Германией железной дороги до Багдада, а возможно и дальше, это произвело эффект. Ко всему прочему страдали перспективные планы по захвату нефтяного рынка в Азии компанией Шелл. И хотя конкурентные преимущества она имела очевидные из-за владения нефтеносными участками в голландских колониях, но вот большими объемами добычи похвастать явно не могла. В общем британцы пошли на переговоры с русским правительством. И ситуацию вернули к изначальному состоянию. То есть русские не строят трубу, а британцы с русскими не гадят друг другу. Правда британцы выторговали условие, что концессионеры не могут начать продажу нефти и нефтепродуктов, если нефть таки будет в Персии найдена, раньше 1907 года, но Агренов не возражал и против подобного условия. Впрочем об этом его никто особо и не спрашивал. Все равно он пока к добыче нефти в тех краях был не готов. Да ещё и поменяться может многое до седьмого года.

И вот тогда к Агренову пришли Ротшильд с Нобелем. С первого раза в начале 1902 года им договориться о совместных действиях на рынке не удалось. Слишком мало ему тогда предложили. Единственное, о чем тогда договорились, так это не устраивать друг против друга ценовых войн. Хотя Нобелю лицензию на соляровый двигатель Луцкого он после встречи дал. Но на своих условиях. Теперь же князь был близким другом и порученцем русского Императора. Тот есть ситуация явно изменилась. Пришли они правда больше из-за вероятной персидской нефти и упавших нефтяных цен. Ведь если нефть в Персидском заливе действительно будет найдена, то шансы на завоевание азиатского рынка открываются просто шикарные. И то, что до 1907 года ещё оставалось несколько лет их совершенно не смущало. Нефть ещё нужно найти, а потом оборудовать все необходимое для добычи и транспортировки. На это нужно время. А если промедлить, то ведь у князя могут появиться в Персии и другие партнёры. Собственно то, что главные нефтедобытчики страны придут к нему договариваться он прекрасно понимал. Отличный нюх на большую прибыль и у Ротшильдов и у Эммануэля присутствовал всегда. Так что они его не разочаровали. Только и всего. Он дал добро на участие обоих в поиске нефти в Персии. Единственное пришлось оговорить, что они поделятся технологиями глубокого бурения. Намёк они поняли правильно. А после удалось договориться и о совместных действиях в Европе и Азии. У Ротшильдов удалось даже выторговать кредитную линию в 18 миллионов на 6 лет под нормальный процент. И значит появились деньги на организацию аммиачной революции. А с апреля в Коврове пошла серия паровых турбин мощностью 2,6 тысячи лошадиных сил. Жаль только денег на ГЭС не было. Потому как проект укрощения водопада Кивач уже имелся. И инженеры нынче уже прикидывали, как бы лучше перегородить плотиной реку Уфу неподалёку от одноименного города.

— М-да... Жаль, что пока для Уфимской ГЭС не создать паевой фонд. Сначала нужно будет показать реальную технологию получения аммиака и азотной кислоты. А вот потом от желающих вложиться в дело придётся реально отбиваться. Ну и ладно. Первую не секретную установку будем ставить рядом с Самарой. И добро пожаловать в гости смотреть, как из воздуха получается кислота. И бабки, господа, готовьте, бабки!

М-да, а в стране сейчас полицейский и жандармский произвол творится. По крайней мере так это называется в независимых СМИ. Но даже и они ведут себя в основном пристойно. Ведь законы, предложенные Александром с использованием некоторых норм американского законодательства были быстренько оформлены и приняты. А в купе с активностью карательных органов, которые начали чистить всякие подпольные организации ещё весной, получилась очевидная картина. Кого-то посадили, кого-то просто пристрелили при задержании, потому как зуб у правоохранительных органов на этих смутьянов давно большой имелся, а остальные, не дожидаясь ареста рванули за границу в более спокойные с их точки зрения места обитания. Ну кто мог. И теперь оттуда, из Франции, Швейцарии и прочих «свободных» стран воют о самодержавном произволе и угнетении народа. Правда не забывая при этом баловаться хрустом французской булки и подачками каких-то организаций и частных лиц. Его экспедиторы уже начали работать в местах массового скопления этих личностей, попутно фиксируя на фотопленку факты угнетенной жизни этих господ-товарищей. Но мало, ой как мало было ребят, способных работать за границей. К тому же и внутри страны имелись личности, по которым требовалось работать. Эта публика была уже другого рода. Высокопоставленные взяточники и прочие махинаторы, которых сдавать полиции не имело смысла. Полиция просто может побояться связываться. Да и у самих правоохранителей было немало дел. Компромат на отдельных личностей периодически всплывал то в прессе, то прям у следователей на столе. Сипягин — главный сатрап Империи, как его называли различные революционеры и оппозиционеры, явно с подачи Государя заявил, что взяточников и казнокрадов он терпеть не намерен. И отдельные честные полицейские начали пока ещё робко стряхивать пыль с ранее не доведенных до суда дел и давали им ход.

Начало меняться трудовое законодательство. Но пока робкими шажками. Кризис перекинулся на металлургию и машиностроение, и потому портить сейчас отношения с заводчиками Михаил явно не спешил. В тоже время Император показал, что процесс начался. И он о народе думает. Состоялся разговор и с представителями либералов, которые мечтали о конституции. И парламенте. Собственно им было сказано, что конституция — это правильно. И через пару лет ей можно начать заниматься всерьёз. А парламент пока преждевремен. Хотя бы потому, что пока нет ни конституции, ни партий, ни традиций парламентаризма. А потому нужно делать все осторожно и постепенно. Чтоб не навредить. Предложения же по двум последним вопросам ему они могут подать, но вот радикализмом явно страдать не стоит. Потому как Его Императорское Величество это явно не оценит. А ещё лучше, если господа сначала в качестве эксперимента выберут какую-нибудь губернию, и попробуют там осуществить то, что они хотят получить в масштабах страны. Вот, скажем, выберут Рязанскую и попробуют сначала в ней. А то Императору страну под их эксперименты отдавать жалко. Губерний то много, а страна у него одна. Но только поперву господам придётся много поработать. А он посмотрит. М-да! А неплохой ученик вырос!

Вот и со строительством Кругобайкальской железной дороги сразу разобрался. Сергею Юльевичу пообещал, что если ещё раз такое будет, то Витте одной отставкой не отделаются. Кредит Санкт-Петербургского международного коммерческого банка закрыли. А вот предприятия по большей части французские, которые участвовали в схеме, оставили на следующий год почти без казенного заказа.

Продамет в том году таки создан. Правда хилый какой-то. Всего 9 заводов объединились, и не все из них крупные. Зато правление почему-то сидит в Париже. С Витте у Агренева уже был на эту тему разговор в присутствии Михаила. Александр тогда выразил сомнения, что такие объединения нужны. Тем более, что часть из заводов, входящих в синдикат, как раз и участвовали в финансовой сфере с Кругобайкальской дорогой. Если они себя так с самого зарождения синдиката повели, то что будет потом? Может нам пора посмотреть на законы по

монополиям? И Михаил его тогда поддержал.

Эх, где нынче Гриша? Как же его не хватает! Весточку, правда, вот прислал. Ведь и там ухитрился поработать. Пулицера на тот свет отправил. И намекнул, что есть ещё кандидат говорливый. Ну понятно, господин Херст, ваша очередь следующая. И ведь один работает. Не дай Бог что! Впрочем если там президентов убивают, то Херсты это так, рыбешка мелкая. И ведь не хочет пока возвращаться. Пишет, осенью 1903 года прям во Владивосток вернётся. Надо ему команду экспедиторов послать, хоть он категорически и отказывается. М-да, вот Иосифа и пошлю с ребятами. Парень толковый. Впрочем это изначально было ясно. Не просто так он в другой жизни всей страной правил. Там ведь не одной стрельбой заниматься нужно, а ещё и извилинами как следует шевелить.

Александр посмотрел на содержимое бутылки.

М-да! Что-то он хорошо так посидел. Надя теперь обидится. Нет, с этим пора завязывать!

Князь поднялся, убрал бутылку в бар и направился к кабинет. Там его ждала очередная посылка от господина Пильчикова. Сколько их уже было? И сколько ещё будет...

Ноябрь 1902 года

— И ты все это время молчал?! — бушевал Михаил. — Вот кем тебя после этого считать? А? Нет, ну вы посмотрите! Он, оказывается, имеет стратегическую для страны технологию и молчит. Да ты знаешь, сколько мы тратим на покупку селитры у германцев и англичан? И не просто так, а золотом...

Буря молодого Императора продолжалась ещё минут пять, а потом он наконец выдохся. Все это время Агреневу пришлось простоять чуть ли не по стойке «смирно». Но при этом всем своим видом он не выражал ни капли раскаяния. Более того, на лице его застыла этакая доброжелательная улыбка.

— М-да, вот вижу, виниться ты даже и не собираешься, — произнёс, качая головой, Император, — ну и что у тебя за причины такие, чтоб скрывать столько времени такой простой способ добычи азотной кислоты? И твой Менделеев тоже хорош...

— Понимаешь, Государь, сейчас у меня есть паровые турбины, есть источники топлива и есть, вернее будут химики, которые смогут работать на этих заводах. Выпускники того же Московского Политеха. У нашей страны есть Государь, который по первому запросу французских союзников не заставит меня подарить им чуть ли не задаром эту технологию. И есть деньги, чтобы не просто эту технологию в другие страны продать, но и стать в компаниях, которые займутся выделкой аммиака и азотной кислоты, одним из учредителей. К тому же способ этот надобен не только для выделки взрывчатых веществ, но и для выделки удобрений. А с ними, как ты знаешь, у нас в стране дело обстоит просто швах. То есть аммиака в стране нужно делать столько, что даже и боюсь представить.

Михаил встал из-за стола и подошёл к окну. Постоял немного, глядя на Неву и Петропавловскую крепость за ней. А затем повернулся и спросил.

— И откуда у моего друга появились большие деньги в кризис?

— Увы, Государь, деньги заемные. С французскими Ротшильдами о кредите договорился. Но за шесть лет, я деньги если и не отобью, то по крайней мере смогу отбить большую их часть. Да и

вполне могу ужаться и из своих прочих доходов отдать. И, думается мне, что можно будет вполне у других банков перекредитоваться. Да и задумка ещё одна есть. Для начала в первые лет пять попробую я выдавать лицензии на постройку заводов только в России. Так, чтоб заводы строили только здесь. В той же Новороссии или на Кавказе. Там, где нынче топливо дёшево. А ежели кто надумает в качестве источника электроэнергии поставить гидроэлектростанцию, так это пожалуйста. Тоже милости просим.

— М-да! И все то у тебя по полочкам разложено, — оценил после некоторой задумчивости Михаил. — И поди уже нашёл, где эти гидростанции ставить?

Александр улыбнулся.

— Нашёл, Государь. Есть такие места. Только сам я такое не потяну. Уж больно дорого выходит и строить долго. Зато потом почти никаких крупных расходов не предвидится. Десятилетиями станция работать может.

Михаил обратил внимание на папку под мышкой у князя и кивнул на нее.

— А это не иначе, как планы твои? Ну выкладывай, что ты там напридумывал.

Он подошёл к окну и взял у Александра папку.

В тот день попасть на приём к Императору никому больше не удалось. А к пяти часам пополудни во дворец были вызваны министр финансов Витте и генерал Куропаткин, где они задержались до полуночи. Предварительно наметили строительство двух аммиачных заводов. Одного рядом с Казанским пороховым, а вот с местом второго пока не определились. Выбор был между Шостинским пороховым заводом и Царицыным. Михаил также затребовал от Агренева материалы по местам возможного возведения гидроэлектростанций. Правда, пока просто для ознакомления с перспективами.

Декабрь 1902 года

— Господин генерал, я выражаю вам своё неудовольствие. Крайнее неудовольствие! Где наставление по стрельбе из трехдюймовой полевой пушки? Почему его до сих пор нет у большинства частей? Пушка принята на вооружение два года назад. И что? Ах в издательстве? Так потрудитесь проконтролировать его издание. Через месяц оно должно рассылаться по всем частям, которые начали получать трехдюймовки. Это ясно?!

— Так точно, Ваше Императорское Величество! — товарищ генерал-фельдцейхмейстера генерал Альфатер стоял вытянувшись по стойке смирно перед разъяренным Императором.

— Что вы тут устроили с войсковыми испытаниями гаубицы? За три с лишним месяца вы сделали только треть потребного. Сколько вы ещё собираетесь валандаться? Ещё минимум полгода? Я разве неясно выражался, когда говорил, что войсковые испытания батареи 4,2 дюймовых гаубиц должна пройти в самые короткие сроки?

— Но Ваше Императорское Величество, согласно уложению от 1877 года...

— Господин генерал, через два месяца войсковые испытания должны быть завершены. И выработаны все соответствующие документы. Меня не интересует, будете ли вы и ваши подчиненные спать эти предстоящие два месяца. России нужна гаубица. И страна её получит. С вами или без вас. Через месяц, я проверю, как идут дела. К самой материальной части есть

претензии?

— Есть, Ваше Императорское Величество, но незначительные. Они больше касаются передков и шрапнельных снарядов. К самой гаубице особых претензий нет, — отрапортовал генерал с обидой в голосе. Он явно не понимал, за что его тут распекают, если он действует точно согласно уставу и уложениям.

— Тогда действуйте, господин генерал! — махнул рукой Михаил II.

— Есть! — Альфатер отдал честь, развернулся и быстрым шагом удалился подальше от монаршего гнева.

Первый образец 4,2 дюймовой гаубицы Обуховский завод представил в марте 1901 года. Но потом на заводе случилось возмущение, переросшее в побоище рабочих с полицией и солдатами. И гаубицей заниматься стало особо некому. Около тысячи рабочих было выслано по суду из столицы. Завод перешел в разряд убыточных. К этому времени Путиловский завод создал свою 120 мм гаубицу на лафете Обуховского завода, попутно его несколько усовершенствовал. Отдавать орудие Путиловскому заводу, то есть конкуренту, не стали. А обязали Пермские заводы принять на себя эту ношу. Даже командировали из столицы нескольких инженеров и мастеров, имевших к созданию гаубицы непосредственное отношение. С этой помощью Пермскому заводу тогда сильно постарался сам Михаил ещё в бытность Цесаревичем. И в августе 1902 года батарея орудий из Перми поступила на столичный полигон.

— Дядя, — Михаил обратился к Великому Князю Михаилу Николаевичу, — тебе не кажется, что некоторые твои подчинённые занимают чужие места?

— Знаешь, Михаил, я как-то осенью приболел и упустил из внимания руководство испытаниями, — попытался откrestиться от происходящего Великий князь. — Понадеялся на подчиненных и ... Да и Михаил Егорович на самом деле действует по заведенным правилам.

— Дядя, мы с тобой на эту тему говорили не раз. Нам нужна гаубица. Если этот генерал не готов поспевать за временем, подыщи себе более расторопного и умного. Я серьёзно говорю. Чтоб если через месяц этот генерал дело провалит, было на кого его сразу поменять. Или мне придётся назначить своего человека. Не думаю, что тебе такой порядок назначений понравится. Это первое. И второе. Раз к матчасти особых претензий нет, готовь приказ о начале производства самих орудий в Перми и фугасов к ним. И сами заводы извести об этом. Мне бы хотелось увидеть приказ у себя на столе на этой неделе. С Витте я сам разберусь. Деньги будут выделены сразу. И ещё. Неплохо было бы создать какой-нибудь отдельный учебный артиллерийский полк, где бы офицеры и унтера могли бы изучать новые артиллерийские орудия. А потом по приезду в свою часть обучали бы остальной офицерский и рядовой состав. Подумай, пожалуйста, над этим вопросом. Только не долго. Для изучения полевой трехдюймовки уже возможно поздно будет, а вот для гаубицы и будущей горной пушки, как мне кажется, в самый раз. Как кстати с горной пушкой дела обстоят? Я её почему-то не видел на полигоне.

— Нет её на здесь. Отправили на завод. Там с затвором какие-то проблемы. Заедает при открытии после стрельбы усиленным зарядом.

— Мдааа, — огорченно протянул Михаил. — Нам бы еще один орудийный завод. А то с этим Петербургским одна морока. Не завод, а не пойми что. Стволы отливают в одном месте, нарезают в другом, а лафет вообще Арсенал делает.

— Миша, — сказал вкрадчиво Михаил Николаевич, — тебе не кажется, что ты пытаешься хвататься за все сразу? Ты ещё совсем молод и неопытен. И бываешь весьма горяч. Ну прям как наш предок Петр Великий. Как бы ты дел не натворил?

Император внимательно посмотрел на дядю, а потом широко улыбнулся.

— Хмм! А ведь Петр Алексеич бороды брил. Но этим я точно заниматься не буду... До свидания, дядя. Поеду я, дела.

Михаил повернулся и в сопровождении двух казаков эскорта направился к стоящему невдалеке императорскому автомобилю, где его поджидал князь Агренов.

Когда авто в сопровождении машины охраны и нескольких конных казаков двинулось по направлению к городу, Агренов задал вопрос.

— Ну как, Михаил, убедился?

— И не говори! Чиновники, инструкциями от мира отгородившиеся, а не командование армией! И что с этим делать?

— Не знаю. Война, конечно, расставит всех по своим местам. Но больно уж это дорого стране обойдётся. Видимо, придётся тебе менять верха. Только вот на кого, не знаю. Ты, поди, наш генералитет лучше меня знаешь. Те, которые тебе нужны, в мирной жизни и при дворе себя не находят. А их самих не очень любят. Я так думаю...

Только что слетел со своего поста генерал Куропаткин. Он конечно немало сделал для наведения порядка армии, но при этом откровенно манкировал неоднократными указаниями Михаила об усилении Восточного направления. Из отпускаемых чрезвычайных кредитов на армию на Дальний Восток шло менее 10 процентов. Все остальное шло на европейское. Японцев как достойного противника он не воспринимал. Внятных планов на случай войны с Японией до сих пор не было. Тот же Порт-Артур по имеющимся планам должен был выдержать полугодовую осаду. А вот что будет, если потребуется сидеть в осаде большее количество времени, об этом в планах ничего не говорилось. Так ещё и имелись задержки с формированием двух новых корпусов, которые до сих пор не получили артиллерии и прочей матчасти. Ко всему прочему в 1903 году должны были быть уволены в запас самые опытные солдаты и матросы, прошедшие Маньчжурию и Китай. Для одного только восполнения численности уволенных необходимо было несколько десятков воинских эшелонов, в то время как сквозного движения на Великом Сибирском пути ещё не было. Имелось две дырки в железнодорожном пути — на Байкале и на Большом Хингане. Последняя должна была закрыться где-то летом следующего года, а вот с первой пока имелись большие проблемы. Слишком уж большой объем работ ещё нужно было сделать. В общем, как все это и кое-что другое выяснилось, министр слетел с кресла в течении недели. Срока, за который удалось подобрать ему замену. Новым главой Военного Ведомства стал генерал Редигер. Ко всем прочим задачам ему поручалось начать весной подвоз из западных округов личного состава, отслужившего полгода-год для смены увольняемых в запас. А вот что делать с теми, кого они должны были сменить, ещё пока не решили. Их можно будет по закону задержать ещё на полгода. А там либо начнется война, либо придется их везти домой. В связи с предполагаемой доставкой личного состава и матчасти на Дальний Восток Доброфлоту были выделены кредиты на закупку нескольких пароходов. Также предполагалось задействовать несколько скоростных пассажирских лайнеров, которые из-за своей убыточности на имеющихся линиях сейчас в основном стояли на приколе в Черноморских портах. А ведь кроме подмены личного состава

нужно было ещё и усиление группировки, которое нужно было как-то замаскировать. Пока с идеями насчёт маскировки было плохо. Часть должна была пока изображать солдат саперных и железнодорожных подразделений, занятых на строительстве железной дороги и двух морских крепостей на Тихом океане. Часть влиться в охрану КВЖД. Но это было немного, да и представляло собой просто личный состав, а не сбитые воинские подразделения. В общем проблем была масса.

Михаил взглянул на Агренева и тяжело вздохнул. Потом они долго ехали молча, а на подъезде к городу Император спросил.

— Как тебе гаубицы в действии?

Князь улыбнулся и ответил.

— Я конечно не специалист, но под огнём батареи мне как-то не хотелось бы оказаться. Хотя блиндаж в два наката только с третьего попадания разворотило. Но для этого уже шестидюймовки нужны. Будем надеяться, что японцы не будут в землю зарываться из-за наличия самурайского духа.

— А куда же подевалось ваше бесстрашие, князь? — съязвил Михаил.

— Знаете Ваше Императорское Величество, — не остался в долгу Александр, — бесстрашие в бою полезно. А просто так дураков лезть под артиллерийский обстрел нет. Придет время, будем стоять насмерть, а все остальное гордыня и дурость.

— Ну уж и пошутить нельзя, — сказал, как бы извиняясь, Михаил. — Ладно. Сейчас приедем во дворец, дам я тебе почитать некоторые бумаги. Читать будешь у меня. Потом побеседуешь с одним человеком. Я его знаю давно. Он ещё моего батюшку лечил. Интересный человек. И мысли у него интересные. Вот только... — Император прервался, — ладно это потом.

Бумаги оказались и в самом деле очень и очень занимательными. И после прочтения пары страниц Александр прекрасно понял, что такое показывать или рассказывать ну очень чревато. Некто Петр Александрович Бадмаев, бурят по национальности и крестник самого Александра III служил в одном интересном заведении. После нескольких экспедиций в Китай, Монголию и Тибет он обратился к Александру III с докладом, в котором предсказывал скорое падение маньчжурской династии в Китае, и предлагал способствовать мирному вхождению части Китая, Монголии и Тибета в состав России. План был грандиозен. Альтернативой Бадмаеву виделся захват данных обширных областей англичанами. Но и трудностей на этом пути виделось ему тоже немало. С того старого доклада и началась работа русской разведки по Тибету. В Лхасу ездили русские представители, а в прошлом году в Санкт-Петербург приезжал представитель Далай-Ламы. Особых подробностей переговоров, к сожалению, бумаги не содержали. А вот то, что два калмыка сейчас в столице срочно обучались премудростям разведывательной деятельности, там говорилось. Довелось Александру побеседовать и с Бадмаевым. Очень интересный оказался человек. Мастер тибетской медицины, знаток всяких восточных премудростей. При этом он перешел в православие и истинно веровал.

После нескольких дней размышлений над прочитанным и услышанным Александр подал Императору записку с собственным мнением по этому вопросу. Суть ее состояла в следующем. Падение маньчжурской династии на его взгляд весьма возможно. Если предпринять определённые усилия, направленные на то, чтобы Монголия и Уйгурия при этом отделились от Китая и стали самостоятельными государствами, то вполне вероятен их последующий дрейф в сторону России. В то же время Синьцзян, даже если он тоже будет ориентирован изначально

на Россию, притянуть к себе будет практически невозможно из-за большой географической отдаленности и отсутствия нормальных путей сообщения. А британцы в свою очередь там совсем рядом. Но именно Синьцзян выглядел интереснее всего по сравнению с той же Уйгурией. Это было вызвано тем, что именно там находилась постоянная резиденция Далай-Ламы. Иметь его в своих друзьях было бы крайне полезно со всех точек зрения. А если еще ко всему духовный лидер буддистов будет иметь резиденцию на твоей территории, то это просто шикарно. Да и цивилизация там очень древняя, не тронутая проказой нынешнего технического века. Она могла и в самом деле хранить то, что утратила Европа за бесконечной чередой войн и охоты на ведьм на протяжении не одного тысячелетия. Поэтому по Синьцзяну и Уйгурии он полагал пока придерживаться статуса кво. Но при этом с Тибетом постараться поддерживать дружеские отношения. В том числе и помочь Синьцзяну оружием, дабы тамошние буддисты могли в случае необходимости самостоятельно отбиться от возможного набега англичан, если таковой случится. Правда если британцы соберут для операции крупные силы, то Лхаса вряд ли отобьется. Но это уже будет предметом серьезного политического разбирательства между Россией и Британией.

По Маньчжурии Александр высказал большой скептицизм в том, что её можно и нужно отделять от Китая целиком в случае распада Китая. Все-таки проведя несколько лет на Дальнем Востоке, а также примерно зная, что может произойти потом, он не разделял неоправданный энтузиазм Бадмаева по отношению к территории, заселённой маньчжурами и особенно ханьцами. Корея в этом плане выглядела намного более перспективной. Правда пока этому развитию событий препятствовала Япония и отчасти сама Корея. Но в данном случае по мнению Александра спешка была противопоказана. Впрочем про Корею он ничего не написал в записке. А вот Монголия в этом случае могла отколоться достаточно легко, поскольку монголы не испытывали к Поднебесной особо тёплых чувств, а состояли сейчас в дряхлеющей Империи в качестве вассалов скорее потому, что так когда-то исторически сложилось. При этом Империя Цин сейчас выжимала из вассала все соки. Поэтому имело смысл построить от Байкала в Ургу железную дорогу. И в этом случае Монголия упадёт к ногам русского Императора как перезрелый плод. Экономическая выгода России от того, что Монголия порвет свои связи с Китаем была очевидна. Правда для того, чтоб реализовать эти выгоды, необходимо было многое сделать.

В рекомендации по Тибету он предлагал послать сразу три экспедиции так, чтобы одна ширмой прикрывала другую. Официальную и постоянную он предлагал послать из офицеров Генерального штаба с подарками Далай-Ламе. В качестве подарков Александр рекомендовал взять этой группе пару сотен МАГов с патронами и пулемет с обслуживанием. Две сотни винтовок на стену в качестве сувениров уже не повесишь. А вот по прямому назначению их использовать самый раз. Особенно в противостоянии с англичанами. Две остальные экспедиции он предлагал сделать тайными. Одну ту, которую сейчас готовили и другую, пусть и менее подготовленную. Но она по его мнению также должна самим фактом своего наличия прикрыть существование самой подготовленной группы. А то, что британцы будут против посещения русским посольством Лхасы, так это и так было ясно. Официальной группе по его мнению нужно было завязать контакт с представителями властей Тибета, вручить смертоносные подарки и предложить тамошним властям остальное купить у русских за деньги и за знания. Для последнего в группу следовало включить тех, кто эти знания мог бы перенять, тех, кого ламы не отвергнут. Если конечно тибетцы на это вообще пойдут. И если то, что они могут дать, стоило сотен или тысяч винтовок и ухудшения отношений с Британией. Впрочем с последним было не совсем понятно. Одно дело, если придётся занимать денег во время войны в Лондоне, и совсем другое, если без этого можно будет как-то обойтись. Во втором случае на качество отношений с Островом во время предстоящей войны было в общем то наплевать.

Михаил с написанной запиской ознакомился, похмыкал по ходу чтения, но ничего не сказал. И больше по этому вопросу с Александром никто не говорил. Оно и понятно. Высшая секретность. Может и прислушаются в разведке к его мнению. Люди там работают непростые, что решат — неизвестно. Все-таки восток — дело тонкое. И тут на одном знании вероятного будущего не выедешь.

Январь 1903 года

Николай Карлович Гейслер шёл по недавно отстроенным цехам своего второго завода. Если первый выпускал различные механические и электромеханические устройства от арифмометров до системы управления артиллерийским огнём и пожарной сигнализации, то здесь делали чисто мирную продукцию. Его главный компаньон и акционер князь Агренив в конце 1899 года предложил ему заняться производством телеграфных аппаратов и печатных машинок. Сам Николай Карлович ещё лет двадцать назад мечтал выпускать все для телефонии. Но не сложилось. У князя этим занимались другие люди. И надо сказать, что очень талантливые. За счёт своего таланта, а также денег и связей князя они серьёзно потеснили на отечественном рынке таких, казалось бы, столпов рынка, как «Сименс и Гальке» и «Эриксон». Да что там потеснили. Телефонные станции и аппараты князя до сих пор лучшие, как ни стараются пока превзойти их иностранные конкуренты. И вот сейчас со своей новой разработкой телеграфного аппарата Николай Карлович готов вступить в схватку за рынок телеграфного оборудования. Здесь, конечно, у Сименса позиции очень прочные, но и Гейслеру есть, что предложить на рынке. Второй продукцией завода стали печатные машинки. И надо сказать, что князь явно угадал с их производством. Они все больше входили в моду в различных министерствах и конторах. А потому для начала незатейливо купили лицензию на выделку у Ремингтона, с которым у князя имелись неплохие партнёрские отношения. Машинки Гейслер выделывал уже полгода. Пока в не очень больших количествах. Но это дело наживное. За счёт местного производства Гейслер легко держал цену на четверть ниже иностранных аналогов, получая при этом неплохую прибыль. А уж когда нарастут объёмы выделки, так и подавно все станет замечательно. Недавно князь подкинул ещё одну идею — кассовые аппараты. Начальным заказом для организации производства этой новинки князь Агренив вполне мог обеспечить завод. У него своих торговых пассажей вон сколько. Чуть ли не в каждом губернском городе свой пассаж имеется. Но вот дальше у Николая Карловича имелись сомнения. Русские купцы — люди в общем не бедные. Но в некоторых областях привыкли считать каждую копейку. По идее кассовый аппарат должен им сэкономить деньги на вороватых продавцах. Но это, так сказать, в теории. На практике же кассовый аппарат стоит денег. И вот захотят ли купцы на него раскошиться — это было большим вопросом, на который у Гейслера пока не было ответа. А ведь организация выделки, да и лицензия стоили немалых денег. Потому тут имело смысл десять раз отмерить, прежде чем браться за их производство. А ну как не пойдёт новинка в Империи? Потому перед тем, как заняться этим делом, стоило переговорить с большим количеством купцов разного калибра. И продемонстрировать возможности самого аппарата, несколько штук которого было прислано из САСШ. Все это нужно было сделать, но вот последнее время здоровье все чаще подводило Гейслера. Сердце то и дело пошаливало. И потому все чаще ему большую часть даже организационной работы приходилось сваливать на своего родственника Йозефа и на прочих подчиненных. А что поделаешь — возраст. И вроде бы всего 53 года, но тем не менее.

Николай Карлович спустился с четвёртого этажа фабрики. Все вроде в порядке. Производство налажено. Ну если не как часы, то близко к этому. На первом этаже его перехватил главный электрик с тетрадь подмышкой.

— Добрый день, Николай Карлович. А мне сказали, что вы по этажам пошли с проверкой. Вот я вас тут и поджидаю.

— Здравствуй, Петр Афанасьевич. Какие-то проблемы?

— Да нет. Все слава Богу, — Бессонов немного помялся, а затем продолжил. — Тут такое дело... Мы с мастерами обсудили и решили на ваш суд вынести. Пришла мне в голову мысль, что можем мы выделывать электродвигатели малой мощности. Мы ж вон для того же телеграфного аппарата электродвигатель покупаем у Сименса. А там ведь ничего сложного нет. Вполне можно и самим делать. Да и для других надобностей тоже. Как его сиятельство говорил, можно целую линейку электродвигателей сделать. Я то лет пять назад, когда на учёбу ездил, тоже сначала недоумевал, — зачем в Перми столько разных двигателей делают. А оно вона как выходит. Пока двигатели в стране не делали, они вроде как и не особо нужны были. А как начали, так их сразу к разным механизмам и станкам приделывать начали. И хорошие вещи выходят. У нас же, почитай, четверть станков уже с электродвигателями. Но это средней и большой мощности. А мы можем маломощные начать делать. Как начнём, так спустя некоторое время им инженеры применение найдут. Да сами мы тут с дюжину задумок уже накумекали... И свободные площади у нас еще имеются. А коль дело пойдет, так можно будет и на отдельное производство выделку перевести.

Гейслер задумчиво почесал затылок. Задумка Бессонова то и вправду могла выйти с перспективой.

— Хмм, интересная мысль. А пойдём-ка в контору. Там мне все и обскажешь подробно.

Они вместе с главным электриком направились к отдельно стоящему зданию конторы. Гейслер подошёл к входной двери, потянул за ручку и тут опять прихватило сердце. Да так прихватило...

Вечером того же дня князю Агренову пришла в Москву телеграмма — «Скоропостижно скончался Николай Карлович Гейслер. Похороны через два дня. Временно принял управление фабриками на себя. Л. Х. Йозеф».

Февраль 1903 года

— Миша, я хотел бы с тобой поговорить, — Великий Князь Владимир Александрович грузно уселся в кресло напротив молодого Императора. — То, что я тебе сейчас скажу, беспокоит многих в нашей семье. И не только в нашей семье. Так думает большинство самых достойных представителей Российской Империи. Россия — страна самодержавная. Её дух всегда определялся самодержавием и православием. Дух и плоть. Некоторые твои шаги нас начали настораживать. Ты несколько раз уже заговаривал о конституции. И даже её кое-кому обещал. Ты не хочешь объяснить, откуда это у тебя? Ты действительно хочешь уравнять всех перед якобы законом? Нас, Великих Князей, и дворян, которые есть твой верный оплот самодержавной власти, и чернь?

Михаил тяжело вздохнул. Он ждал этого разговора. И сильно опасался, что его не поймут. Да что там опасался, почти был в этом уверен. Ещё до восшествия на престол он многое успел подчеркнуть из книг, многое узнать об истории государств Европы. А некоторые вещи ему рассказывал Александэр. Вообще у Александэра к власти была довольно циничная позиция. Но отнюдь не безынтересная. И со временем Михаил даже оценил эту оригинальную циничность. И в чем-то даже её начал разделять. По крайней мере понимать, что если не получится править по-старому, то логика Александэра вполне позволит делать это по-новому. Правда для этого от самодержца потребуется больше усилий и хитрости.

— Хорошо, дядя. Давай поговорим серьёзно. Но я начну несколько издалека. Самодержец,

конечно, может пожелать чего угодно. А вот повелеть я могу уже не все, что хочу. Для начала я ограничиваю себя рамками здравого смысла. Затем меня ограничивают желания семьи Романовых и других старых дворянских семей. Кроме того, у самодержца имеется в советниках Государственный Совет, Канцелярия и другие структуры, которые помогают Императору править государством. При этом каждый входящий в линию власти понимает нужды Империи немного по-своему. И именно из своего понимания старается сначала провести в законах, а потом в их применении и исполнении. Это значит, что моя власть уже ограничена. Естественно, все это никто не называет ограничениями. Они просто исполняют мою волю и советуют, как лучше исполнить то или иное. При этом не забывают и свои интересы. То есть ограничение моей власти есть. Ты согласен с этим?

— Ну допустим, — Владимир Александрович улыбнулся, — и куда же тебя заведует эта мысль? Я не говорю, что согласен. Мне просто интересно. Только не забывай, что дворянство и только оно есть верная опора трона.

— Кстати о дворянстве. Если ты помнишь, то именно высшее дворянство устроило Павлу Петровичу апоплексический удар табакеркой по голове. Российского Императора ограничили во власти насовсем. И в основном потому, что разрыв экономических связей с Британией слишком сильно бил по кошельку дворянства. Нет, причин было много, но эта была как минимум не второстепенной. С тех пор прошло немало времени, и считается, что в гвардии вытравили своевольные настроения, и она более не способна на подобное, а является верной опорой нашему трону. И тем не менее это ещё один ограничитель самодержавия. Однако тот заговор произошёл не только в интересах части дворянства, но и в интересах иностранной державы. Это мне не нравится категорически. Между прочим сейчас ситуация мне не нравится тоже. Мы занимаем деньги у наших союзников — французов. И слишком многое им позволяем, поскольку сильно от них зависим. Но основной торговый партнёр у нас Германия. За ней идёт Британия. И только третьей с большущим отрывом идёт Франция. Что будет, если вдруг у нас возникнет напряженность в отношениях с немцами и британцами? И они откажутся покупать наши экспортные товары? Страна опять будет вынуждена сменить союзника, пустив кому то кровь внутри Империи? Но это так, к слову. Я остановился на дворянстве, которое служит монарху и самому себе, также неминуемо ограничивая власть монарха.

В стране в качестве отдельных групп населения имеется еще буржуазия, либеральная интеллигенция и рабочее сословие. Ты прекрасно знаешь, что когда купцы, банкиры и фабриканты начинают ощущать себя силой, они тоже лезут во власть. Так было в любой крупной стране Европы. Кроме нас пока. И везде это сопровождалось буржуазными революциями. Это, конечно, не означало, что банкиры и купцы брали в руки оружие. Нет, они делали своим оружием чернь, которая и таскала для них каштаны из огня. И везде они добивались своего в той или иной степени. Во Франции Людовик XIV когда то считал, что «Государство — это я». Это было самодержавие по-французски. Но потом этот сильный монарх ушёл в вечность. И что теперь есть Франция? Республика. Слава богу, что таких республик не слишком много в Европе. Но вспомни, чем обернулась для Франции французская революция. Какими жертвами среди дворянства и прочего населения. А если не дай Бог у нас такое случится? Сколько миллионов потеряем мы? Десять? Двадцать? С нашим то русским бунтом — бессмысленным и беспощадным...

— Миша, ты несешь ересь! Верные нам войска подавят любой бунт. А если при этом погибнет несколько сот тысяч бунтовщиков, так это даже хорошо, — усмехнулся Великий Князь.

— В той же Европе у каждого монарха тоже были верные ему войска. А в Австро-Венгрию даже Паскевич с войском ходил. И тем не менее везде теперь имеются парламенты. Но заметь, везде

кроме разве что Франции с её Республикой у власти осталось дворянство, хоть ему и приходится делить место у трона и часть власти с буржуазией. Остальной народ не получил почти ничего. То есть имеются и конституция и парламент, а реальная власть все равно у очень немногих. Это означает, что прошёл некоторый передел власти, а прочие получили видимость государственных преобразований. Именно видимость. Они хотели свободы, они её получили. Получили право раз в пять лет голосовать за тех, кого назначат те, у кого имеется реальная власть. Поэтому всякие там конституции и парламенты меня абсолютно не страшат. Если не получится по-другому, значит придётся принять и это. К сожалению. Но мне бы очень хотелось как можно дольше обойтись без них. Однако для этого нужно провести немалые изменения, дабы наша система власти стала соответствовать изменившимся условиям. И стала более гибкой. А кое-что нужно дать самому народу, иначе все может кончиться плохо. Вплоть до того, что взбесившейся толпе придётся давать почти все, что она потребует, как это было в Европейских странах, а потом пытаться мелкими шажками исправлять вынужденно сделанное. Если получится, что не есть факт.

— Стоит кому-то что-то дать, они откусят тебе руку. Ты ещё молод и неопытен. Только железной рукой можно править в нашей стране. Реформы воспринимаются многими как слабость власти. Послушай старших...

— Нет это ты послушай, дядя. Разве мой покойный отец и твой брат был слабым? Разве дед и прадед были слабыми? Но они делали своё дело и железной рукой и реформами. «Священная дружина» клялась защищать самодержавие. И что? Я точно знаю, что нескольких главарей наших социалистов, бежавших в Европы и якобы ликвидированных Дружиной, отправили на тот свет не ваши люди. Хотя и получили за них деньги из секретного фонда. А за Аксельрода деньги получил именно ты. Но убрали его не твои люди. Это что? Это защита? Вы что, решили сделать деньги на крови моего невинно убиенного брата? На крови русского Императора? Кого и что вы в этом случае можете защитить? Это хуже чем воровство! Ты мне ничего не хочешь сказать, дядя?

— Миша, я был абсолютно уверен... Думаю, тебя ввели в заблуждение!

Великий князь смутился всего лишь на какую-то секунду. Слишком опытным он был. И вся жизнь его прошла на самой вершине власти. И тем не менее Михаил заметил эту секундную растерянность.

— Не думаю, что тебе нужны мои доказательства, дядя. Я, если ты помнишь, Император, слова которого сомнению при самодержавии не подвергаются.

— Я разберусь, Миша.

— Да уж, разберись, дядя. И не только со своими людьми. На Запад сбежала только верхушка бунтовщиков. А рядовые члены остались тут. Им бежать некуда и не на что. А потому громкие покушения пока продолжаются. Вот только мне совсем не нужно, чтобы «Священная дружина», «Чёрная сотня» и прочие отыгрывались на не причастных рабочих, евреях или поляках. Тем самым мы можем только обозлить всю эту братию и толкнуть на несправедный путь. Нам нужно с одной стороны вырвать корни революционной заразы, а с другой дать народу понять, что мы караем только за дело. И при этом ещё дать нашему народу некоторое послабление. И занять его чем-то иным. Посему я намерен заняться крестьянским и еврейским вопросами. Крестьян, как ты знаешь у нас большинство населения, а вторых слишком много среди бунтовщиков. И крестьянам и местным евреям надо что-то дать, чтобы надолго их занять своими собственными заботами и интересами. И я это что-то нашёл для каждой группы населения. Для нас решение обоих вопросов не должно выйти слишком обременительным. По

крайней мере я на это надеюсь. И самодержавие от этого только должно выиграть.

Беседа продолжалась ещё час, но уже в более спокойном русле. Дядю убедить в своей правоте Михаилу не удалось, но похоже и ставить палки в колёса он пока не будет. И это было уже хорошо.

— Интересно, — подумал Михаил после ухода Великого Князя Владимира Александровича, — к кому он первому после меня пойдёт? И когда?

Февраль 1903 года

— В целом мне идея увеличения количества орудий главного калибра на броненосном крейсере нравится. Мы точно уложимся в водоизмещение Громобоя? — переспросил Кутейникова Великий Князь Александр Михайлович.

— По моим прикидкам да. Увеличиваем на 8 футов длину, зауживаем на фут корпус. За счёт уменьшения коэффициента полноты, улучшения обводов и увеличения мощности машин при использовании котлов Шульца-Торникрофта мы должны выиграть около полузла скорости. А то и целый узел. Обводы рекомендованы Крыловым по результатам проверки в опытном бассейне. Придётся немного уменьшить высоту борта. Но в данном случае это оправдано. Крейсер создаётся не как рейдер, а как корабль боя. Так что незначительное ухудшение мореходности, я считаю, вполне допустимо. Две двухорудийных башни главного калибра и четыре 8» в казематах. Количество шестидюймовок сокращается до 8. Увеличивая вдвое число 8-ми дюймовок, мы тем самым увеличиваем дальность, которой крейсер может работать эффективно по противнику. Ко мне поступал также проект капитана 2 ранга Эссена — командира крейсера «Новик». Он предусматривает 4 двухорудийных башни восьмидюймовок. Но требует увеличения водоизмещения почти на полторы тысяч длинных тонн. Сомневаюсь, что это сейчас нужно. Крейсер и так выходит очень длинный. Здесь же изменения корпуса невелики. По совокупности боевых качеств мы тем самым значительно превзойдем не только японцев, но и британцев. Хотя по скорости будем примерно наравне с последней британской серией броненосных крейсеров, — ответил Кутейников.

— А ваше мнение Павел Петрович? — повернулся к Тыртову Великий Князь.

— Корабль получается интересным, если все выйдет, как предполагает Николай Евлампиевич. Особой новизны по корпусу нет, поэтому, думаю, больших неприятностей удастся избежать. Нужно отдавать эскизы в подробную проработку. А там уже посмотрим. Хотя я бы предпочел ещё пару броненосцев.

— Нет, с броненосцами на Балтике пока стоит подождать. Тем более, что ведется разработка проекта броненосцев с восьмидюймовым вторым калибром. А по Громобою уже такой опыт есть. Можно учесть огрехи. И стоит увеличить запас водоизмещения до 5 %, а то и до 7. Строительная перегрузка — наш вечный бич. В общем, давайте отдадим проект инженерам Балтийского завода. И обязательно к проработке МТК подключите. Они много всякого ценного должны были подсмотреть на иностранных верфях. Так что пусть используют. А как будет готов полноценный проект, так уже будем решать более определенно, что нам строить в дальнейшем. Ещё пара броненосных крейсеров нам бы сейчас не помешала.

— Хорошо, Ваше Императорское Высочество.

— Тогда с этим пока все, — подытожил Великий князь, — Павел Петрович, что у вас с поездкой по заводам князя Агренева.

— Я побывал на Сестрорецком и Ковровском заводе. В Коврове доделали паровую турбину Парсонса-Кузьминского мощностью 6 тысяч лошадиных сил. Может чуть больше в максимуме. Для снабжения её паром на Сестрорецком заводе выделывают паровые котлы Ярроу. Таковые у нас на некоторых миноносцах стоят. Котел достаточно простой. Сейчас под руководством Шухова котлы переделали под более тонкие медные трубки и ведут испытания. По всей видимости ещё пара месяцев и новый сестрорецкий котел будет готов. По крайней мере именно такие сроки мне назвал сам Шухов. На заводе меня уверили, что уже готовы серийно выпускать котлы. Вопрос только за окончательными чертежами. Мощность турбины такова, что она уже представляет интерес для нашего флота. Причём инженер Кузьминский — конструктор турбин заявил, что максимальная мощность турбины может быть на процентов 15 больше номинальной. А применение в качестве топлива нефти позволяет сильно сократить машинную команду. Да и большая теплотворность нефти по сравнению с углем должна положительно сказаться. Но есть две проблемы. Турбина экономично работает только вблизи значений своей номинальной мощности. Поэтому для крейсерского хода она не очень подходит. То есть нужен еще двигатель для крейсерского хода и маневрирования на малых ходах. Это означает, что корабль должен иметь два вала с равными по мощности турбинами и паровую машину, работающую на отдельный вал, или три вала с разными по мощности турбинами, две из которых будут одинаковыми. И вторая проблема — у нас нет корабля для паровой турбины. Причем ёмкости для топлива нужно располагать под ватерлинией, а не по бортам. Либо за броней, но все равно желательно под ватерлинией. Кстати князя Агренева в Николаеве сейчас строится сухогруз со смешанной двигательной установкой. Но и она для военно-морского флота не подойдёт. Она применима только для гражданских судов. Причем мы давно хотели попробовать на кораблях нефтяное отопление, ещё броненосец Потемкин в Николаеве собирались частично оснастить нефтяными котлами. Ну и третья проблема — турбины крутятся только в одну сторону. То есть для заднего хода нужен некий хитрый механизм изменения вращения вала. Либо машинная установка должна быть смешанной — и паровая машина и турбины. Британцы на дестроере ставили две турбины одинаковой мощности. А вот как и за счёт чего они осуществляют задний ход — сие неизвестно. Из трехвалных кораблей у нас есть серия Новиков. Если две машины малому крейсеру заменить турбины... Но вариант рискованный и не дешёвый. Правда князь Агренов предложил второй вариант. Большой минный крейсер водоизмещением около 1 тысячи тонн, длина около 280 футов при коэффициенте полноты 10, 2 его турбины, 3 4-дюймовых пушки плюс, 2 двухтрубных торпедных аппарата калибра 453 мм и 40-50 мин заграждения. Скорость прикидочно выйдет около 26-27 узлов. Но проекта как такового нет. Только наброски. То есть нужно объявлять конкурс на проектирование корабля. С большой вероятностью его выиграет иностранная компания. И заказ придётся отдавать за границу. Если же говорить в целом, то минный крейсер может выйти интересным. При волнении 3-4 балла от него не смогут уйти ни миноносцы, ни контрминоносцы. Да и 4-дюймовок у нас на вооружении не стоит.

Глава Морского министерства задумался, а потом констатировал.

— Хорошо. Подготовьте необходимые бумаги. И на следующем заседании МТК обсудите все более конкретно. А там и решим. Вообще от князя Агренева часто исходят очень дельные предложения, хоть он и не моряк. Умеет он все-таки мыслить на перспективу. Потому внимательно посмотрите, что он по минному крейсеру предлагает. Может это и имеет смысл, вот только новую идею не хотелось бы на сторону отдавать, если она стоящая. У нас с идеями то полный порядок, а вот с их воплощением в металл, к сожалению, дела обстоят плоховато, — Великий Князь тяжело вздохнул.

— Ладно, продолжим далее. Николай Евлампиевич, как обстоят дела с нашими подводными лодками у Круппа? — перешел к следующему вопросу Александр Михайлович.

— В целом верфь в Киле работает очень быстро. Если не произойдёт никаких накладок, то к июлю в соответствии с контрактом первую подлодку в виде машинокомплекта мы получим. Вторую через месяц после первой. К сожалению, качество работ можно будет проверить только после сборки на Дальнем Востоке. Мы договорились с Круппом, что для сборки к нам приедет группа немецких мастеров и инженеров для участия в работах. Как собирают миноносцы у нас во Владивостоке и Порт-Артуре, вы знаете. Так что контроль и инженерная помощь нам там очень пригодятся. Но есть задумка, как переправить подводную лодку на Дальний Восток в почти боеготовом виде. Сейчас мы прорабатываем технические детали. С подлодкой в Лазаревском адмиралтействе дела обстоят похуже. В график постройки они уже не укладываются. Но в целом лодка возможно будет там готова к концу года. Пушек, к сожалению, пока для лодок нет. У Круппа пока нет, а у нас ей некому заниматься. Завод наследников Барановского отказался переделывать свою под требуемые условия. Они хотят получить заказ минимум на 30 пушек, тогда готовы начать работу. Так что или придётся ставить противоминную 47 мм или подводная лодка останется пока вообще без пушки.

— М-да..., — протянул Великий Князь. — Тридцать пушек нам явно не нужно. Что ж, подождем Крупповских. Но это конечно не дело. Этак ведь и боезапас нам придётся у германцев покупать, когда Крупп пушку сделает.

Март 1903 года

— Мне известно и это, господин Гинсбург, — Его Императорское Величество откинулся на спинку стула. — Вы и в прошлый раз просили меня об этом. Но к сожалению это невозможно.

Сегодня Император принимал троих еврейских банкиров и промышленников, просивших облегчить жизнь их соплеменников в черте оседлости.

— У меня для вас есть один вариант. Возможно образование ещё одной подобной зоны. За Уралом до Енисейской губернии включительно, исключая сами уральские губернии и на юг исключая приграничные губернии Средней Азии и Бухару.

От неожиданности банкиры несколько опешили. Но затем Поляков, справившись с волнением, задал вопрос:

— Ваше Императорское Величество, переселяемые с западных пределов попадут под государственную программу переселения в Сибирь?

— Нет, господин Поляков. В настоящее время государство пока не может изыскать на это средства. Казна испытывает определенные трудности с бюджетом. Добровольным переселенцам придётся пока делать это за свой счёт. Однако, полагаю, вы сможете им в этом помочь. Как самостоятельно, так и с помощью пожертвований заграничных еврейских организаций. На переселенцев этой волны будет наложены некоторые ограничения. Они не смогут заниматься рядом видов деятельности в течении ближайших 25 лет. В частности работать в питейных заведениях и заниматься в каком-либо виде производством любого вина, владеть приисками драгоценных камней и металлов, содержать ломбарды, а также заниматься покупкой-перепродажей земли, ростовщицеством, и рядом других операций, доступных прочим нашим подданным.

— Александр Яковлевич, раздайте пожалуйста папки, — Император обратился к своему советнику — князю Агрневу, присутствующему на приёме.

Еврейские банкиры и меценаты уткнулись в выданные им бумаги. Когда же процесс

ознакомления закончился, Борис Абрамович Каменка после переглядывания с остальными двумя посетителями вкрадчиво спросил.

— Ваше Императорское Величество, данные послабления несомненно будут с воодушевлением восприняты Вашими подданными, но дорога за Урал весьма длинна и дорога. Не многие могут себе позволить подобную смену места жительства. Не изволит ли Ваше Императорское Величество разрешить переезд в более близкие места? В ряд центральных губерний?

— Борис Абрамович, данный проект затеен исключительно для того, чтобы уменьшить имеющееся перенаселение в западных губерниях Державы. В центральных недостатка рабочих рук ни в деревне, ни в городах нет. А имеется явный избыток оной. Более того, именно из центральных и южных губерний идёт поток переселенцев в Сибирь и на Дальний Восток. Зачем же Вы мне предлагаете, выселяя из Европейской части страны одних, тут же переселять в неё других? Что же касается железнодорожных тарифов, то в этих бумагах сказано, что они для целевых переселенцев будут льготными. Как и для прочих едущих за Урал в поисках лучшей доли. При этом оба потока фактически пересекаются в местах поселения не будут. Крестьяне центральных губерний едут за Урал за лучшей долей на обещанные им земли. А иудеи, насколько мне известно, хозяйствованием на земле заниматься не очень любят и предпочитают открыть своё дело или поступить на работу на фабрики или прочие заведения. В городах и крупных селах за Уралом им место явно найдется. Вот и у присутствующего здесь Александра Яковлевича рабочие места на стройках, заводах и рудниках явно имеются. И он такой явно не один. Мы с ним говорили на эту тему и он не отказался мне помочь. Если вы со своей стороны готовы организовать в Западных губерниях вербовочные переселенческие конторы, а потом договориться о сотрудничестве с сибирскими предпринимателями, то дело переселения существенно облегчится.

Банкиры опять переглянулись и вопрос задал Гинсбург.

— Ваше Императорское Величество, не будет ли вам угодно объяснить, почему на Ваших подданных накладываются столь серьёзные ограничения за Уралом. Ведь на других они не действуют.

— Будет угодно. Ваши единоверцы издревле предпочитают оседлый образ жизни в городах, пробавляясь торговлей и мелкими собственными предприятиями. Накопление капитала изначально у многих начиналось в том числе и с запрещенных операций. Ростовщичество, торговля хмельным зельем, а также хлебом и так далее. И потому они сами отчасти своими собственными действиями становились причиной местных волнений, заканчивающихся иногда еврейскими погромами. Погромы мне не нужны ни на Западе, ни за Уралом. А потому я хотел бы их всемерно исключить, не допуская новых переселенцев в этой зоне до потенциально опасных с точки зрения народного возмущения занятий, для чего и наложены подобные ограничения. И более ничего в этом нет. Да, часто недовольство местных жителей не является спровоцированным со стороны иудейской общины и вызвано иными причинами и предубеждениями, однако это есть, и бороться с этим трудно. И поверьте, я делаю Вам поистине королевское предложение.

— Против вот этого, — Михаил 2 кивнул на бумаги, — выступали очень многие. И пытались удержать меня от по их мнению скоропалительного и опасного решения. Константин Петрович (Победоносцев) вообще считает данный проект губительным для государства. Вследствие этого никаких других послаблений для части моих подданных вам ждать более не стоит кроме тех, кои будут дарованы позднее всем прочим. А поэтому, — он пристально оглядел богатых представителей еврейской общины и с жесткостью в голосе продолжил, — я жду от вас, что вы с должной убедительностью и настойчивостью разъясните в своей общине все аспекты этого

дела, дабы оно было воспринято моими подданными как действительная забота о них. И мне бы совсем не хотелось, чтобы при осуществлении данного прожекта, в европейской прессе массово появились очередные пасквили, что якобы русский царь кинул бедным евреям подачку, которой они даже воспользоваться не могут. Или что евреев теперь массово собрались выслать в страшную холодную Сибирь. Перед Государством российским стоит много трудных задач, кои потребно решить. А денег на их реализацию как всегда до обидного мало. Поэтому и решать их приходится не так как хотелось бы, а так как позволяет казна.

— Ваше Императорское Величество! — воскликнул Поляков, — Но как же можем воздействовать на то, что к чему мы не имеем отношения? Мы ни каким образом не контролируем газеты в Европе. Мы вообще к ним никакого отношения не имеем.

— Полагаю, что договориться с соплеменниками по ту сторону границы вы вполне сможете. А они имеют в Европе определённое влияние. И, как мне представляется, весьма немалое. Еще в 1897 году Теодор Герцль на Всемирном сионистском конгрессе сказал что-то вроде, — «За некоторыми исключениями, которые не считаются вообще, вся пресса мира — в наших руках». Уж не знаю, насколько он преувеличивал, но... И я не беру в расчёт Британию. С ней договориться похоже в принципе невозможно. На это у вас есть полгода. По истечении этого срока указ будет принят. Если же переселенцев будет до обидного мало, то я буду считать, что еврейская община побрезговала моим великодушным предложением, а вы плохо справились со своей задачей. И сделаю соответствующие выводы, — последние слова были сказаны со значением. — Вы пришли просить за часть моих подданных, на умы коих имеете влияние. Поэтому я не хотел бы в вас разочароваться.

Поляков поежился под взглядом молодого Государя и спросил.

— Ваше Императорское Величество, дозволено ли нам будет узнать, возможно ли переселение иудеев на землю для занятия крестьянским хозяйством?

Михаил Александрович постучал пальцами по столу, подумал и ответил.

— Да, к сожалению, этот вариант как-то предусмотреть забыли. А поэтому... — он немного помедлил, — Да, возможен. На общих основаниях в соответствии с Программой переселения. Но переселяться на казенные, кабинетные и удельные земли могут только лица, состоящие в крестьянском сословии. Дабы они имели опыт хозяйствования на земле. Однако все ограничения и сроки, указанные в вот этом проекте, будут соблюдены и для этой категории моих подданных. Обратитесь завтра в мою Канцелярию, и вам будет выдан откорректированный вариант прожекта.

По окончании аудиенции князь остался в зале. Молодой император посмотрел на своего помощника и спросил:

— И что ты насчёт этого думаешь, Александэр?

— Вы знаете, Ваше Императорское Величество, а поджилки у них затряслись. Вы их своей милостью откровенно напугали. Они, конечно, похоже рады с одной стороны, но вот с другой на них теперь немалая ответственность. А потому они за дело возьмутся как следует. Царская немилость никому не нужна...

Михаил 2 усмехнулся.

— Лишь бы дело сделали...

Император посидел на своём месте несколько минут, закрыв глаза, а потом обратился к князю.

— Александр, в связи с предполагаемым переселением иудеев я попросил Сергея Юльевича ускорить разработку ограничительных мер на деятельность иностранных компаний в Сибири. И мы в очередной раз поспорили. Я конечно по праву Императора всея Руси победил, но ... С одной стороны он понимает сложность ситуации, но с другой желает привлечь иностранные инвестиции за Урал...

— Михаил, да какие к Дьяволу инвестиции? Народ там просто грабят. И ладно бы это делали свои. Так по крайней мере хоть деньги останутся в Империи. Свои — это свои. Иностранцев в этом деле нам только не хватало. Вот, например, что по маслу коровьему делается. Датская компания, не будем называть какая конкретно, продаёт импортную маслобойню за две цены в кредит. И заключает с общиной договор на то, что община имеет права сдавать масло только этой компании. Цена на масло компанией устанавливается раз в год. По 8 рубликов за пуд. Из этого рубль идёт на погашение долга. А вывоза масло за границу, компания продаёт его оптом уже по 16 рублей в пересчете на наши деньги. То есть людей обокрали дважды. 200 % прибыли! Да за такое дельцы мать родную продадут. А кроме того, они продают в Россию свою продукцию, хотя аналоги её у нас производятся. То есть отбирают работу у наших рабочих. Это что? Инвестиции? Разве нам такое нужно?

— А сам то чего? У тебя же там люди работают.

— А мои люди не вездесущи. У меня есть и холодильники и скотобойни и элеваторы и склады на Великом Сибирском пути. Ну и кое-где ещё. Но ты же сам понимаешь, что охватить такую гигантскую территорию своим вниманием можно даже и не пытаться. Все равно не получится. К тому же я в тех краях человек относительно новый. Там своих купцов хватает. Но есть разница. Свои — ладно, но чужих то зачем пускать? Все, что нам удаётся сейчас — это давать в городах на ярмарках и земствам наши цены скупки сельхозпродукции, и рекламу наших машин и инструментов. Вообще с частью земств за Уралом налажен неплохой контакт. Они в своих магазинах предлагают крестьянству те механизмы и орудия труда, которые вырабатываются в Империи. В том числе и на моих заводах. Но кредит на это местных властей ограничен. Тут конечно неплохо помогает Витте и сами земства, но нужно в разы больше. У меня кстати уже исчерпан кредит Волжско-Камского банка на подобные операции. Да и сам понимаешь, я хоть и продаю свою продукцию таким образом, но риск невозврата кредита на мне. А я не могу за свой счёт насытить спрос. Да и никто в одиночку не сможет. К тому же выбор механизмов и сельскохозяйственных орудий у меня и у моих партнеров ограничен. Того, что идёт по казённой части также недостаточно, хотя Сергея Юльевича тоже можно понять. По сути мы, и казна и частные купцы с заводчиками не справляемся со спросом. Но бесконтрольно пускать иностранцев на только недавно открывшийся рынок категорически нельзя. Это как козла в огород запускать. Тем более, что скоро пойдёт ещё переселение иудеев в те края. А их коммерческую жилку ты знаешь. Или вот тебе другая история. Сейчас австрийская компания «Шрекенфукс» серьёзно внедряется на русский рынок самых обычных кос — литовок. И за счёт налаженности сбыта начинала его захватывать...

— погоди! Уж не хочешь ли ты сказать, что у нас и кос не могут делать? — удивился Михаил.

— Могут. Но мало товар произвести, его ещё нужно продать. Косы у австрийцев доброй работы. А они ещё и демпинг устроили. Так вот, у тебя в Златоустовском горном округе есть Артинский завод. Завод, прямо скажем, лежащий был несколько лет назад. Уж больно все там устарело. Ещё немного, и закрылся бы вообще. Стоит он на реке Уфе. А выше по той реке у меня полтора завода. Так вот косы и серпы твой Артинский завод делает добрые в отличии от всего прочего. Его клеймо на селе хорошо знают. Не знаю, уж как мой кыштымский управляющий

договорился с казённым управляющим, но согласились чиновники на некоторое изменение порядков. Было это 3 года назад. Теперь хорошую и недорогую сталь твой завод берет с моего Нязепетровского завода, а произведенный товар реализуется через мою торговую сеть. Так вот выделка кос на казенном заводе с тех пор выросла почти вдвое, все рабочие при деле и при зарплате несмотря на то, что пришлось закрыть чисто металлургическое производство в виде древней домны и ещё более древнего кричного производства. Вот такая она правда жизни.

— М-да, чудеса в решете! — покачал головой Михаил.

— Они самые. Я потому и говорю, что по-хорошему, нужно на некоторое время приравнять в правовом отношении всю Сибирь к кабинетным землям. По типу Алтая. Иначе эти «иностранцы» нас закабалят очень быстро. Да, если мы пускаем иностранцев с их дешевыми деньгами в Сибирь, то вывоз продукции оттуда будет идти быстрее. И казна даже что-то получит с этого в виде всякого рода налогов. Но совсем немного. А главные прибыли получит не казна, а эти якобы благодетели. И никаким манером потом их оттуда уже не выставишь. Свои предложения я тебе уже подавал. И сейчас ещё готовлю. В конце концов вполне достаточно того, что Правительство и ты сам будешь определять, кого и с чем туда пускать, а кого нет. Это не запрет на инвестиции, а ограничение бесконтрольного грабежа. И так уже более трети акционерного капитала Империи принадлежит иностранным компаниям. А по черному металлу дело еще хуже. Более половины выделки чугуна и стали уже под французами, бельгийцами и немцами. Мало того, казна их еще в трудные периоды вынуждена поддерживать за наш счет просто потому, что вроде бы как считается, что это русские заводы. Эдак не успеем оглянуться, страна в колонию для иностранного капитала превратится.

Михаил долго смотрел на князя, а потом тяжело вздохнул.

— Умеешь ты приободрить... Знал бы, что будет так тяжело, ещё б десять раз подумал, принимать ли мне престол или нет. Ладно, иди. Я подумаю.

Март 1903 года

Князь отложил в сторону газету и задумался. Случилось то, что должно было случиться. Михаил устал бороться с Витте за расходы и отправил того в отставку. Правда Александр полагал, что данное событие случится несколько позже. Но Витте, как нашептали придворные доброхоты, попался на очередной интриге и оправдаться сразу и полностью не смог. Ну да и ладно. У России появился новый Министр финансов — Коковцев, бывший у Сергея Юльевича товарищем, то есть заместителем. Надо сказать, что интриганом Витте был первостатейным. Если б все его интриги шли на пользу Империи, то бывшему министру финансов уже можно было бы поставить памятник при жизни. Может даже золотой. Но Сергей Юльевич слишком любил себя во власти. И верховную власть без себя любимого он не представлял совсем никак. При этом ухитрился ещё излишне спутаться с французскими банкирами, отчего вынужден оказывать французским банкам и компаниям особое благоволение. Иногда заслуженное, но чаще всего нет. Александр помнил и слова Витте о том, что не стоит никак препятствовать иностранным инвестициям до 1904 года. Откуда взялась эта дата, князь не знал, но вот в том, что препятствий притоку иностранного капитала в Россию до сих пор не было, он не сомневался ни секунды. Особо вопиющем обстояло дело с чёрной металлургией. С одной стороны теперь рельсы, паровозы, вагоны и прочее покупалось в России за рубли, а не так, как раньше — за золото за границей. И польза от развития железнодорожной сети была очевидной. Вот только с другой стороны больше половины металла в стране теперь выпускалось на заводах иностранцев, построивших эти заводы в России. Причем эти цены были выше мировых, поскольку казне таким образом приходилось дотировать таким образом не только старые и новые отечественные заводы, но и теперь новые заводы иностранцев. И если от иностранной

продукции после постройки какой-то железной дороги можно было отказаться, то как откажешься от продукции заводов, построенных в России? Французы с бельгийцами теперь так и будут продолжать стричь российский бюджет и население, при постройках дорог и прочего на русские деньги, часть из которых являлась иностранными кредитами. Причём и французы и бельгийцы отнюдь не старались построить нечто новое и передовое, а зачастую перевозили в Россию оборудование со своих старых заводов, вполне обосновано рассчитывая, что русским и так сойдёт. И проводником данной политики был именно Витте.

В общем, Сергей Юльевич слетел со своего поста и это было с одной стороны хорошо, а с другой — не очень. И это «не очень» заключалось еще и в том, что Витте считался реформатором и либералом. А такие интриганы в отставке не удаляются на покой. Учитывая предстоящую войну и сопутствующие вполне возможные волнения в стране, Витте вполне может, да что там может, просто должен попытаться вернуться во власть. Связи у него ого-го какие, так что эдак вполне можно получить очень влиятельного политика, который попытается стать лидером либеральной оппозиции. А поскольку он ещё и завзятый интриган, то постарается стать нужным и царю, и консерваторам, и либералам, представив себя при первом удобном случае спасителем Отечества. И вот это уже крайне опасно, поскольку он не будет гнушаться вообще никакими способами, ибо на пути к власти все средства хороши. Более того, поскольку Витте теперь не у власти, то теперь он как бы и не ответственен за те неудачи в будущей войне с Японией, которые случатся как минимум на первом этапе войны с Японией. А вот такого допускать никак нельзя!

Александр взял блокнот и начал набрасывать, что необходимо сделать для того, чтоб такого не случилось. Придётся с началом войны подпортить Витте карму в подконтрольной князю части прессы за систематическое недофинансирование обороны на Дальнем Востоке. А то и вообще выставить главным виновником неудач. Но это в зависимости от ситуации. Выставлять бывшего министра финансов как казнокрада не очень хочется, хотя и тут есть возможности. Однако выносить такое на страницы газет может получиться себе дороже. В данном случае по Витте давно плачет одиночка в Петропавловской крепости. Но вот что он может на говорить на допросах... Тут больше подойдёт вариант, в котором Россия потеряет очередного верного сына Отчизны от рук накачанного наркотой бомбиста... М-да!

Правда и польза от Витте напоследок была. Сергей Юльевич наконец одобрил схему закупки драг и сдачи их в лизинг сторонним золотодобытчикам. Причём именно в варианте лизинга, который не давал возможностей особо хитрозадые личности завладеть оборудованием путем различных махинаций с фиктивным банкротством или слияниями/поглощениями до окончания оплаты лизинговых платежей. Витте не только одобрил схему, но и выделил финансирование для частной лизинговой компании, поскольку казна сама подобные операции производить не могла. А вот кредитовать русскую промышленность и золотодобычу могла и не отказывалась. Ещё бы она отказывалась, если оплата шла фактически в виде золота, так нужного русской казне. Вообще с золотодобычей в Империи становилось весьма неплохо. В этой отрасли произошла долгожданная либерализация. А вот свободное обращение добытого золота, на чем настаивал Сергей Юльевич, не было допущено. Император с данной новацией соглашаться категорически отказался. Как и отказался допускать в русскую золотодобычу иностранный капитал в излишнем количестве. С добычей золота у иностранцев в России пока не ладилось. Даже у тех, которые были уже допущены. Местные особенности пока не позволяли. И коль скоро у них не ладится, а в стране появилось передовое отечественное оборудование и химикаты, то зачем эти иностранцы вообще нужны? Так рассуждал Михаил 2. И Агренин в этом ему только поспособствовал передачей информации, которой «забыл» поделиться с Императором Витте. Предлагавшийся Сергеем Юльевичем свободный рынок золота, конечно, выводил из тени определённую часть золотодобычи и позволял взимать с неё налоги, но вот

возможности утечки золота за границу также серьёзно повышались. И еще неизвестно, что из этого было лучше. Так что либерализация полной не получилась, что по мнению князя на сегодняшний момент было благом.

Министр финансов, конечно, теперь новый, но и Коковцев, насколько Александру было известно, отнюдь не против лизингового финансирования крупных предприятий золотодобычи. В общем, все должны быть довольны. У его челябинского завода появятся новые заказы, у золотопромышленников новое производительные оборудование, а у казны со временем дополнительное золото без особого риска потери выделяемых кредитных средств.

Александр поднялся из кресла и подошёл к окну, входящему на Дон. Великая русская река пока пока была скована льдом, но уже скоро по свидетельству местных жителей должен начаться ледоход в нижнем течении. В Ростов-на-Дону Агренева привел вызов его доверенных юристов. Хозяева крупного по российским меркам завода сельскохозяйственных орудий дали согласие на вхождение князя с крупными инвестициями в число акционеров. Хотя, как докладывали юристы, торговались акционеры за каждый рубль и каждую акцию очень серьёзно. Александр входил в состав акционеров с деньгами, новым оборудованием, собственной системой сбыта, связями и поставками металла. Да и по-хорошему он теперь царский фаворит, при этом особо не замеченный обществом в нечестных отношениях с компаньонами. Все это повлияло на положительный ответ. В итоге в окрестностях Ростова должен со временем образоваться крупнейший завод сельскохозяйственной техники на минимум юга страны, если не вообще всей Империи. А для Агренева подобный исход дела позволял не заниматься постройкой завода с нуля, что точно затянуло и осложнило бы новое дело. Так что на этой неделе остаётся утрясти отдельные вопросы и взаимные гарантии, подписать соответствующие документы, и можно передавать дело развития завода техническим специалистам. Если все пойдёт, как намечено, то, глядишь, лет через пять здесь можно будет организовать выпуск нефтяных тракторов, которые сейчас в ограниченных количествах выпускают в Челябинске и скоро начнут делать в Коломне. Притом местное производство вполне можно ориентировать и на экспорт, благо порт вот он рядом. Да и вообще Ростов расположен в очень удачном месте. Все тут относительно рядом, — и хлебные Дон, Малороссия с Кубанью, и торговые пути, и доступные для производства и эксплуатации ресурсы. Да и народ здесь побогаче будет, чем в средней полосе России.

Александр потер отбитую правую руку. Вчера он наведлся с визитом вежливости к местным казацким старшинам. Слово за слово казачки организовали круг и померялись силой богатырской и удалью. Князь тоже не отказался от такой забавы. И если в рукопашной он двух серьёзных бойцов смог повалить, то вот с шашкой ему преподали урок. Впрочем, если вспомнить, что казак якобы рождается с шашкой в руках, то в том, что его неплохо погоняли и наставили синяков, нет ничего удивительного. Но и отношение после круга к нему стало не только как к дорогому гостю и аристократу, но и как к равному в боевом искусстве, что казаками весьма ценилось. Да и без стола хлебосольные хозяева не обошлись, но тут Александр не слишком налегал на напитки. В общем расстались лучшими друзьями. Так то если заочно казаки уважали князя за производимое им отличное огнестрельное оружие, то тут ещё и наяву убедились, что он и сам боец очень серьёзный. Разве что почетным казацким старшиной не избрали. А ведь некоторые уже высказывали такие мысли.

Апрель 1903 года

Князь Агренив вышел на балкон второго этажа дома. Под ним колыхалась огромная агрессивно настроенная толпа рабочих. От самого здания толпу ограждала цепь солдат, за которой напряженно переминались с ноги на ногу несколько офицеров. А в проулках конными стояла сотня терских казаков. На балконе Александра сразу обступили четверо экспедиторов и

прикрыли его двумя бронещитами. Перед таким количеством народа и столь недружелюбно настроенного Агреневу ещё не приходилось выступать. Более того, сейчас ему предстояло как-то сбить эту агрессивность, принудить толпу разойтись и вернуться к работе.

Высочайший вызов застал Александра в Новороссии на химическом заводе. Михаил приказывал срочно бросить все дела и мчаться в Баку, где стачка, начатая на нескольких нефтяных участках, грозила перерасти во всеобщую бакинскую. А что делать? Сам вызвался в доверенные порученцы. Когда Александр наконец добрался поездом до Баку, забастовка местами переросла даже в столкновения с полицией и казаками. Бастовало уже две трети всего города и окрестностей. Причём в числе бастующих, как ему сообщили на месте, было весьма немало и рабочих Манташева. Впрочем, тут же выяснилось, что часть бастующих бросила работу не сама, а под давлением агрессивно настроенных групп, которые врывались на заводы и места добычи. И останавливали работу принудительно. Где-то местной охране удалось отстоять порядок, но часто толпа просто не пускала идущих на работу и заставляла присоединиться к себе.

Александр поднял руку. Шум на площади стал постепенно стихать. Он взял в руки поданный ему рупор.

— Я — князь Агренов. Некоторые из вас меня знают. Наш Государь Михаил Александрович послал меня к вам прекратить смуту и узнать ваши нужды, дабы впредь не происходило подобного. Мне известны ваши просьбы, которые изложены вот тут, — он махнул перед собой отпечатанным на желтоватом листке тексте.

— Мне также известно, что среди вас находятся те, кто подбивал вас к этой смуте. И среди вас есть те, которые не прочь устроить бойню. Провокаторы, которые готовы к сопротивлению законным властям. У них есть оружие, которое они не прочь пустить в ход.

На балкон два казака вытолкнули связанного человека с бланшем под правым глазом.

— Вот это один из них. У него был найден револьвер и антигосударственные листовки. Он призывал вас идти до конца и умереть, но не отступить ни шагу от своих требований. Он готов был из толпы стрелять в полицию и солдат. Которые в ответ стреляли бы в вас. Он называл вас товарищами. Но собирался подставить вас под пули. Все как во время смуты, случившейся на Обуховском заводе в позапрошлом году. Нужны ли вам такие «товарищи», которые поставят вас под пули, а сами спрячутся за ваши спины?

Толпа заволновалась и зашумела. По ней пошли различные нелицеприятные выкрики.

— Я здесь для того, чтобы постараться решить ваши проблемы, — ещё более возвысил голос Агренов, — но договориться с таким количеством народа можно, только пообещав исполнить все, а потом обмануть. Поэтому!

Он передохнул и продолжил.

— Поэтому я сейчас прошу вас разойтись и выбрать среди вас 6–7 человек из тех, которых вы хорошо и давно знаете. Тех, которым вы полностью доверяете. Тех, с которыми я буду обсуждать и решать ваши проблемы. Я также настаиваю, чтобы вы вернулись на работу. От того, что вы продолжите бастовать, ничего хорошего ни для вас, ни для ваших хозяев не выйдет.

Из толпы понеслись выкрики:

- Да щас! Держи карман шире.
- Мы сейчас разойдемся, а на завтра аресты пойдут.
- Будем стоять до конца!
- Анамана! Сыктым курдюк!
- Оплату давай увеличивай!
- Деньга давай! Талона сам кушай...
- Выходной давай! Восьмичасовой рабочий день!

И так далее. Агренов опять поднял руку. Только минут через пять стало немного потише.

— Я обещаю, что арестам могут подвергнуться только те зачинщики, которые подстрекали вас к прямому неповиновению властям. Вот как этот, — Александр указал на все ещё стоящего на балконе связанного человека. — И те, которые активно участвовали в беспорядках у здания полиции. Закон новый вы знаете. Он един для всех. Для того, чтобы вам подняли зарплату и уменьшили рабочий день, совершенно не обязательно громить отделение полиции. Этот опасный путь ведёт прямиком в тюрьму.

Домой в Москву он вернулся только через три недели. Ему удалось таки уговорить толпу, и люди через два дня вернулись к работе. Не все правда сразу, но вернулись. А через три дня после первого разговора с толпой он сел за стол переговоров с семьёй их представителями. Некоторые вопросы удалось согласовать на месте. Некоторые он обещал доложить Императору и ждать, когда последует Высочайшее решение. Пришлось пообещать и кое-что из того, что выполнить он уже не мог. Но обещал это он уже не от своего имени. И не от имени Императора. Он уговаривал, убеждал, согласовывал, разбирался с хозяевами нефтяных компаний, опять убеждал. Некоторым даже пришлось пригрозить. Как хозяевам, так и паре переговорщиков от рабочих. Но ему в конце концов удалось и погасить стачку, и договориться с обеими сторонами. А уж как они будут соблюдать взятые на себя обязательства, должна была следить специальная рабочая комиссия. Его партнёр Манташев тоже многое понял. И кое-что начал делать из того, что даже не было согласовано с рабочими. Все-таки съездил в прошлом году в Сулин он не напрасно. Манташев просто не успел сделать того, что запланировал. А ещё вмешалась толпа, насильно прекратившая работу некоторых его предприятий. К сожалению, уезжая, Александр уже понимал, что не все согласованное нефтепромышленники будут выполнять. Это сейчас они были напуганы массовой стачкой. Но пройдёт время и испуг забудется. А потому требовалось назначить кого-то кроме рабочей комиссии с правом штрафовать особо жадных хозяев прямо на месте. Но это уже удел Императора. И это только в его власти.

За время нахождения в Баку было отловлено с три десятка подстрекателей и особо буйных, участвовавших в нападении на полицейский участок. Их просто вывезли в Тифлис, чтобы судить уже там. И процесс этот пока продолжался. Причем четверо из них оказались не местными, а приезжими. А двое из них вообще находилось в розыске. И Александру очень хотелось бы знать, откуда пожаловали эти господа-товарищи. И по чьему заданию. Или даже прямому заказу. Поэтому двоих своих экспедиторов он отправил в Тифлис вместе с арестованными. Пусть спрашивают этих господ вдумчиво и с расстановкой. А там, глядишь, появится работа для других его парней, которые сейчас находились в Европе. Да и подпольную типографию группы социалистов, на которой печатались воззвания к рабочим Баку, удалось

накрыть вместе с одним из её хозяев.

Удалось также договориться с главой города, чтобы полиция не особо усердствовала. А брала в оборот только явных смутьянов и агитаторов. Впрочем после завершения забастовки в Баку стало относительно спокойно. Особо активные личности либо были отловлены, либо разбежались, либо притаились до следующего подходящего случая. А вот после выезда из города верст через сто поезд обстреляли какие-то местные абреки. Сделав несколько выстрелов по составу, они пришпорили своих коней и умчались прочь куда-то в сторону гор.

Начало мая 1903 года

Надежда Николаевна Агреева полистала ежедневник.

Так, Саша должен приехать через шесть дней. Но это если он опять не задержится. Что очень даже может быть. Если отложить дела с журналом, то вполне можно успеть на фабрику в подмосковный Клин.

Она повертела пальцами локон. Да, так и сделаю, — решила она. — Завтра с утра можно выехать, два дня там, и вернуться как раз перед приездом мужа.

Деятельная натура Надежды не терпела обычного женского времяпрепровождения. Нет, конечно, если надо, то любой приём будет организован на высшем уровне, но сидеть дома и просто встречать гостей ей не слишком нравилось еще в родительском доме. После свадьбы в декабре 1899 года её милый Саша дома долго не усидел. Вечно у него дела. Сначала она ездила с ним по городам и весям и быстро осознала, какое у мужа огромное и беспокойное хозяйство, требующее обязательного пригляда. Не все, к сожалению, на месте могли решить его управляющие. А ещё стройки, стройки, стройки... Но достаточно скоро она поняла, что хоть раньше и интересовалась всякими техническими новинками, но вот сидеть на совещаниях вместе с мужем или разбираться с новыми строками ей совсем не нравится. А ждать мужа в гостиницах или прогуливался по улочкам больших и малых городов в ожидании возвращения Саши ей как-то не слишком подходит. Как и просто сидеть дома и вести с такими же замужними и незамужними дамами бесконечные разговоры. Как-то она сказала об этом мужу, и он предложил ей просто взять в управление какую-то часть его промышленной империи. Причём предложил заняться женской модой. Благо кое-что в этой сфере у него было. Пара небольших, но достаточно престижных салонов одежды, фабрика тканей, пара пошивочных цехов и химический заводик под Санкт-Петербургом. А к этому он предложил организовать ещё модный журнал, чего его компаньон Сытин ещё пока не сделал. Перспектива, нарисованная супругом, Наде весьма понравилась. И в самом деле, почему это Вена и Париж являются признанными центрами моды, а Москва или Санкт-Петербург являются только их бледными теньями, во всем следуя им по пятам? Да, у нас много чего не производится, но талантами страна обделена никогда не была. А когда он рассказал про норму прибыли, которую обычно получают модные дома, Наде стало даже обидно. Это, конечно, не игра «Монополия», но почему бы и не попробовать? А потом Саша провез её по ателье и заводам, и она загорелась. Ведь шикарные вещи делают его мастера. Как оказалось, некоторые она даже видела у своих подруг. Но у мужа и его управляющих просто не доходили руки до того, чтоб поставить дело на широкую ногу. Если сытинские журналы рекламировали разные хитрые механизмы мужниных заводов, то почему не сделать это и с модными вещами? Да, имеющиеся ателье нужно расширять и ставить новые, потому как рекламировать сейчас то, что есть, особого смысла нет. Слишком мал выпуск. Все раскупается и так. Ну так и что с того? Значит расширим и поставим. Ко всему Саша сразу подкинул ей еще несколько новых идей. Некоторые правда выглядели даже несколько вульгарно, но в целом свежесть в них определена была. В конце концов, кто как не женщина может определить ту грань, которую

не следует переходить?

С той поры в обеих столицах были открыты два дома моды. И сейчас ещё один достраивался в Крыму в игровой зоне. Дом моды Алиса, салон красоты, небольшое уютное кафе. И все под одной крышей. А два месяца назад вышел первый модный журнал, который уже имел успех.

Химический завод выпускал различную парфюмерию. Ничего особо сложного, но через год после того, как она взяла его в свои руки, и запустила на нем производство лаков для ногтей и ещё некоторых женских нужностей, завод перестал справляться со спросом. А идея красного лака для ногтей различных оттенков с блестками вообще взорвала салоны мод Вены и обеих столиц. Завод сразу начали расширять. И строить ещё один в подмосковном Клину.

На звон колокольчика явился пожилой управляющий.

— Семен, завтра с утра едем в Клин на завод. Автомобиль подать к десяти утра.

— Ваше сиятельство, в охрану двоих брать?

— Да, одним авто поедем. И дай телеграмму на завод.

— Слушаюсь! Что-нибудь ещё, Ваше сиятельство?

— Нет. Пожалуй нет.

Семен поклонился и вышел.

Май 1903 года

В марте 1903 года Министру земледелия и государственных имуществ Ермолову Алексею Сергеевичу были назначены два товарища министра. Это было несколько не типично, поскольку обычно министры имели только одного заместителя. Первым был назначен бывший Новгородский губернатор князь Васильчиков Борис Александрович, а вторым — известный попечитель масло- и сыроделания в России Верещагин Николай Васильевич. Они должны были заняться подготовкой земельной реформы. Если второго кандидата Императору рекомендовал Александр, то первого Михаил подыскал сам. После этих назначений в некоторых газетах появились обнадеживающие статьи, что крестьянам опять разрешат выходить из общины без её одобрения притом с отдельным отрубом. Это сделали специально, чтобы сбить нарастающее в среде крестьянства и интеллигенции недовольство и эффективность агитации всяких оппозиционных групп. Правда публикация в свою очередь вызвала негативную реакцию консервативных кругов особенно среди крупных землевладельцев. Но всем насильно мил не будешь, а выправлять положение с крестьянским вопросом было необходимо срочно. Вообще на удивление Александра за дюжину лет, которых он занимался сельским хозяйством, рост населения в стране за прошедшее время не привел к явному ухудшению положения крестьянина. Во многом положение компенсировалось некоторым повышением урожайности, арендой помещичьих земель, заработками крестьян вне села и распространением сыро- и маслоделания в стране, к которому он сам приложил руку. Также начало развиваться птицеводство и свиноводство. Свиноина на экспорт шла в виде английского бекона и просто замороженного мяса. Но крупное свиноводство пока только начало набирать обороты. А так в основном в Империи на мясо шла баранина и говядина. Увеличился также отток крестьян в города и в Сибирь на переселение. Были и другие факторы. В общем, в начале девяностых, когда Александр только организовывал Русскую аграрную компанию, он предполагал, что будет хуже. Но то ли действительно отчасти сказалась его деятельность, то ли он в прошлом

несколько пессимистично смотрел в будущее, но пока все выглядело относительно терпимо. Предпосылок для явного взрыва на селе не наблюдалось, хотя отдельные эксцессы и случались. Тем более Михаил по восшествию на престол уже традиционно для очередного русского Императора простил общине часть недоимок. Да и сроки окончания выкупа земли общиной были уже не за горами. Вроде бы в 1920-м все должно было закончиться. Будет ли Император прощать выкупные платежи досрочно, Александр не знал. Не говорили они об этом. Тут многое зависело от состояния русской казны. А на данный момент с бюджетом было не слишком хорошо. И затяжной экономический кризис, из которого вышла пока только часть промышленности, и предстоящая война на востоке пока не обещали улучшения с точки зрения финансов. А тут ещё возросшие военные расходы портили всю картину. Впрочем, уж лучше потратиться до войны, чем делать это второпях уже по ее ходу, занимая за границей огромные суммы под повышенный процент и какие-то политические и экономические уступки. К сожалению, было уже ясно, что кредиты так и так брать придётся. И Александра подмывало посоветовать Михаилу занять некоторую сумму ещё до начала войны. Вот только Коковцев будет категорически против. И его можно понять. Он пока продолжает надеяться, что войны с Японией удастся избежать, каким-то образом урегулировав спорные вопросы.

Дабы избежать не нужных осложнений в Финляндии, Михаил приказал назначенному в Великое Княжество Финляндское Плеве воздержаться на ближайшие пару лет от активной русификации княжества, план которой был подписан ещё Николаем II. Намечено было сделать вид, что новый Император дал если не отбой реформам, то колеблется. И следовало внушить финнам, что этот процесс может отложиться или растянуться вообще на неопределенное время. При этом работу над конкретикой и последовательностью реформ в кабинетах продолжить. То есть создавалась картина, что Император колеблется и притормозил реформы, а консерватор Плеве гнет свою линию и продолжает разрабатывать программу, которая может быть вообще отвергнута. Вячеслав Константинович, когда ему объяснили причину задержки, согласился на эту роль и обещался сохранить доверенное в тайне. Правда Плеве тоже пришлось кое-что пообещать, но на фоне спокойствия Великого княжества в ближайшие пару-тройку лет это выглядело незначительной мелочью. Так что теперь парламент Великого Княжества писал Императору жалобы на Плеве, а Император в ответ иногда обещал принять меры к строптивому администратору. И при этом даже что-то менялось, правда разнонаправлено. Зато последние полгода публичные протесты на улицах финских городов сошли на нет, а кое в чем финны даже почувствовали себя победителями. Ну да и пусть их. Им ещё только предстояло через несколько лет узнать, что подаренная им когда-то Выборгская губерния уже предназначена для изъятия из состава Великого Княжества, а реформы все равно будут продолжены после еще не начавшейся войны.

В апреле, когда Александр утихомиривал забастовку в Баку, Михаил озаботился самоличным просмотром сообщений охранного отделения по стране и успел остановить начавшийся было в Кишиневе еврейский погром. Причём бессарабский губернатор Раабен и начальник охранного отделения Кишинёва были уволены спустя неделю без права ношения мундира за непринятие мер по подавлению стихийных беспорядков. Без жертв правда не обошлось, но погибших было всего шестеро. А в кулуарах дворца пошла молва, что якобы Император при снятии обоих с должности сказал, что дураков нам во власти не нужно. Тем более на таких должностях. В газеты же попало его заявление о необходимости поддержания спокойствия, порядка и законности в пределах Империи. И об ответственности уполномоченных за это официальных лиц, и то, что он будет строго спрашивать за явное неумение этот самый порядок поддерживать всеми разумными способами.

Александр взял в руки свежую газету «Российские вести». А там прям на передовице... «Министр иностранных дел Великобритании сэр Ленсдаун заявляет, что Британия будет

категорически против любых военных объектов любых стран в зоне Персидского залива...»

— Хмм, это не иначе как про организованное Русско-Персидское партнерство. Вот ведь какие нервные англичане. Там сейчас и роты охраны не наберется, а уже выступают против. Про себя любимых они естественно не упоминают. Они ведь себя не причисляют к «любимым странам», а только к избранным, которым все дозволено. Его людей там вообще было всего три дюжины. Остальное — торговая стража компаньонов и полусотня кубанских казаков в качестве летучего отряда. Купельников доносил, что в районе уже появились какие-то мутные личности, пытающиеся посеять вражду между местными и русскими купцами. Но, слава Богу, пока все было тихо. Местные арабы и персы поначалу приняли русских весьма настороженно, но постепенно настороженность рассеялась, и местные принялись активно делать общие гешефты с пришлыми. А местным крестьянам было все равно, кому продавать плоды своего труда. Более того, по прошествии нескольких лет местные чиновники и купцы стали относиться к русским лучше чем к тем же англичанам. Причина была простой. Англичане как из метрополии, так и из Индии мало что покупали у местных, стараясь только продавать свои товары. Русские же с удовольствием брали многое, но в первую очередь местный хлопок. По качеству он не уступал египетскому, но при этом был процентов на 20 дешевле. Так что торговая экспансия, изначально задуманная как прикрытие проникновения в богатый нефтью район, оказалась коммерчески выгодной и сама по себе. Нефть же пока никто не искал. Хотя Эммануэль Нобель уже послал геологическую группу посмотреть и побродить по прилегающей к Шат-эль-Арабу провинции.

Да и вообще с Персией получилось весьма неплохо. В конце прошлого года царское правительство ухитрилось подписать с шахом Договор о льготных тарифах, предоставлявший преимущество русским товарам. В основном это сделано для русско-персидской торговли на севере страны, но льготы перепали и Русско-Персидскому товариществу, действовавшему на юго-западе и юге страны. В результате британские и прочие товары оказались в некоторой дискриминации. Британцы по этому поводу очень возмущались, но пока шах был глух к этому недовольству.

Александр просмотрел прочие новости. Взял следующую газету. И опять более ничего интересного. Ну и ладно. Отсутствие плохих новостей — это тоже хорошая новость. Тем более у него у самого имелись весьма приятные новости, которые в газеты по понятным причинам не попали. На днях вторая очередь аммиачного завода в Кыштыме вышла на полную мощность. И начали строиться ещё два завода. Один его под Самарой и казенный в Казани, рядом с пороховым заводом. Причем под Самарой сразу строился и небольшой завод для выделки мочевины по реакции Базарова, к проектированию которого привлекли самого Александра Ивановича, чье имя носила химическая реакция. Казна свой завод строила хозспособом, то есть самостоятельно. Людям Агренева предстояло только наблюдать за монтажом оборудования и впоследствии помочь осуществить пуск завода. Постройку второго своего завода казна пока отложила на потом, а так его тоже собирались строить при пороховом заводе — в Шостке.

А вот с первой гидроэлектростанцией у него никак не ладилось. Так что пока Доливо-Добровольский с несколькими сотрудниками уехали в Ессентуки перенимать опыт, где Графтио и Шателен начали возводить на деньги Симменса ГЭС «Белый уголь» на реке Подкумок. Станция была небольшая с импортными генераторами. Небольшая она, конечно, небольшая, но тем не менее будет самой крупной в Империи. Почти 1000 лошадиных сил. Финансировать постройку крупной ГЭС между Кандалакшей и молодым городком Мончегорском отказался ещё Витте. И с этим было понятно. Построить теоретически можно, только девать большую часть электроэнергии там пока было некуда. Русские апатиты с

нефелинами никак не давались к переработке. С Кивачем и рекой Уфой под одноименным городом обстояло примерно аналогично. Нужно было строить комплекс целиком — ГЭС и потребляющие электричество объекты. Но на это денег пока не было. Император и так у Минфина чуть ли не с боем выбивал каждый миллион на военные расходы и постройку объектов двойного назначения. Немалую часть бюджета сейчас съедали КВЖД и Сибирская железная дорога вместе с Кругобайкалкой. Причём постройка последней шла с немалой долей военной хитрости, как и финансирование. Кредиты отпускались на железную дорогу вокруг Байкала по весьма запутанной схеме. Так что у непосвященных должно было создаваться впечатление, что дорога может быть пущена в строй, как и предполагалось по плану, в конце 1905 года. Маскировка самого строительства тоже была налажена неплохо. Разобраться, когда это грандиозное инженерное сооружение войдёт в строй, по внешнему виду было весьма трудно. А правду знали очень немногие. К сожалению, к началу 1904 года с постройкой все равно явно не успевали. Но гонка со временем шла каждый день.

В очередной раз возникли проблемы с медным производством на Урале. Вернее не с ним самим, а с проблемой выброса диоксида серы в процессе плавки. Уж во что только не превращали улавливаемый оксид серы. И в серную кислоту, и в элементарную серу и в различные сульфиды и сульфаты различными способами включая даже получение искусственного гипса. И вот в очередной раз увеличение производства меди столкнулось с проблемой утилизации выброса. Раньше Александру как-то удавалось находить решения. Но вот сейчас производство подошло к очередному пределу, а решения не было. Все, что можно было, Александр уже придумал раньше. России просто не нужно было такое количество серосодержащей химической продукции, которой мог поставлять князь, тем более, что ту же серную кислоту в немалых количествах выделяли ещё немало заводов в остзейских и польских губерниях. А перевозка кислоты на дальние расстояния мало того, что была не слишком выгодна, так и технически составляла большую проблему. Если бы этот вопрос можно было бы решить в приемлемой форме и очень больших объёмах, то все было бы хорошо. Изготавливай на базе месторождения фосфатов суперфосфат, на который потребности много кислоты, и дело в шляпе. Но серная кислота имела за Уралом, а крупное известное Александру месторождение фосфатов имелось под Москвой. Но расстояние между ними и транспортировка самой кислоты... В общем нормально не получалось. А потому суперфосфат в основном производили в Прибалтике из импортного испанского пирита и местной муки.

В общем если хочешь увеличивать выделку меди, придётся выбрасывать диоксид серы в атмосферу. Чертовы русские расстояния! Причем как только начнётся война на Дальнем Востоке, железная дорога будет забита эшелонами с войсками и снабжением. И начнутся большие проблемы с вывозом продукции из Кыштыма. И соответственно придётся допускать выбросы в атмосферу. Но это понятный форсмажор. Тут уж ничего не поделаешь. А вот как быть с последующим развитием производства меди, Александр не представлял. Хорошего пути не было. Только плохие. И так будет до тех пор, пока либо не придёт новая оригинальная идея, либо за Уралом не появятся новые потребители серной кислоты или чего-то подобного, что можно выпускать. И так уже окрестности Карабаша набиты различными химическими производствами. А скоро ещё войдёт в строй медный завод в Полевском.

Телеграмма Императора с требованием немедленно явиться в Санкт-Петербург застала князя Агренева в Омске 5 августа. Собственно телеграмму вручили ему по сходу с трапа речного пароходика, привезшего князя с риддерских рудников. В самом Риддере все шло весьма неплохо. Добыча росла, концентрат шёл на обогатительный завод, а потом в выплавку. Туда же шла добыча с казенных зырянских рудников. А вот компаньон князя по угольному делу местный купец Деров был не очень доволен. Он, конечно, получил еще несколько потребителей добываемого в Экибастузе угля — ГОК, свинцово-цинковый металлургический

завод, увеличившееся пароходство по Иртышу, поставки угля на Транссиб, но похоже изначально рассчитывал на что-то большее. Однако тут ничего не попишешь. По крайней мере пока. Впрочем, у компаньонов появились серьёзные надежды на расширение дела — неподалёку от шахт нашли весьма перспективное месторождение золота. Да и медь, которую добывал сам купец содержала, как оказалось, немалое количество драгоценного металла. Возвращаясь же к перевозкам угля и полиметаллам... К сожалению, Белый Иртыш в верхнем и среднем течении был мало приспособлен для нормальной навигации. От Павлодара до Усть-Каменогорска буксиры с баржами ходили только по большой воде. Так что князя выручало только то, что полиметаллические руды были достаточно богатыми, а казна давала ссуду под выработанные металлы на месте производства до момента их поступления в казну. Иначе бы можно было и погореть при таком медленном обороте капиталов, вызванном тем, что вывоз произведенного был возможен только весной и осенью. И то с этим имелись некоторые проблемы. По-хорошему, для нормального крупного производства нужно было строить железные дороги от Риддера к Павлодару и к Барнаулу. Тем более население Кулундинской степи последнее время сильно выросло благодаря переселенцам, которым уголь Экибастуза тоже очень не помешал бы для собственного потребления. Да и железная дорога им тоже бы не помешала для вывоза плодов своего труда. Но денег на это в казне как всегда не было. Благо хоть нашлись деньги на вторую колею Великого Сибирского пути, которую сейчас начали укладывать. Пока на участке от Челябинска до Оби, но зато сразу тяжелыми рельсами. Причем в кои то веки заказы на рельсы получили и казенные заводы Урала, чего не случалось при Николае II. И чем были очень недовольны частные производители черного металла. В связи с начавшимся расширением железнодорожной сети сейчас бы очень неплохо выглядел собственный металлургический завод в Кузбассе, но имелись дела и поважнее. Да и запустить сейчас встречные челночные составы в больших количествах между Уралом и Кемерово в одну сторону с углем и обратно железной рудой без второй нитки Трансиба особенно в преддверии надвигающейся войны с Японией было невозможно. Впрочем, больших объемов кузбасского угля тоже пока не было. Но оперативное начало постройки второго пути на Трансибе явилось для Александра приятной неожиданностью. Не то, чтобы второй путь был не нужен. Очень нужен и без транспортировки угля. И оперативность принятия решения откровенно радовала. Дорога от станции Юрга до Кемерово уже вступила в строй в начале этого года, а кемеровский уголь пошёл и по реке Томь в Томск, и на Трансиб для МПС, и на Урал в Кыштымский и казенный Златоустовский горнозаводские округа. Сейчас в Кузбассе строились коксовые батареи для частичной переработки угля на месте, плюс были задуманы еще некоторые сопутствующие производства. Так что после посещения прииртышских предприятий Александр планировал посетить свои предприятия в Кемерово, но не судьба. М-да!

А вот в Питере явно что-то случилось. Притом ни в газетах, ни в запрошенной у Купельникова по телеграфу сводке ничего тревожного не было. И тем не менее в государственной телеграмме стояло слово «Срочно». Впрочем понятие «срочно» на начало двадцатого века имело весьма расплывчатые очертания. Пассажирские поезда ходили достаточно неспешно. В Кыштыме в общем-то имелся дирижабль. Но вот долететь на нем до Санкт-Петербурга было нельзя. Причальные мачты имелись только в Уфе и Перми. Западнее их не было. Уж больно дорогое удовольствие содержать необходимую инфраструктуру, да и никакой необходимости в этом не было. Имелось также срочное дирижабельное сообщение между Санкт-Петербургом, Москвой, Киевом и Одессой с Севастополем и Таганрогом для богатых клиентов, но и только.

До столицы Александр добрался на восьмой день вечером. А утром девятого приехал в Гатчину. Но во дворец не попал. Михаил был на прогулке по парку. Адьютант Императора явно поджидал князя и провёл его по дорожкам парка к летней беседке, куда минут через десять подъехал на эксклюзивном сестрорецком квадроцикле Император. Михаил соскочил и квадра и

легко взбежал по ступенькам в беседку.

— Ваше Императорское Величество, рад приветствовать вас в добром здравии, — Александр щелкнул каблуками и боднул головой воздух.

— И ты, Александр, туда же..., — усмехнулся Михаил, — мог бы и не изображать из себя шута. Пошли пройдемся. Погоды нынче знатные стоят.

— Как съездил? Как там с рудниками? — спросил Михаил, когда они отошли от беседки.

— Знаешь, Михаил, вот как ни странно даже неплохо. Хорошего администратора удалось подобрать. Из обрусевших остзейских немцев. Так что через полгода рудники и горно-обогатительный завод заработают на полную мощность. А свинцово-цинковый завод уже выдаёт продукцию.

— Что ж, хорошо если так. Змеиногорские рудники не хочешь в аренду взять?

— Нет, не сейчас точно. С деньгами и со сведущими в деле людьми плохо. Да и по-хорошему там нужно строить железные дороги. У меня на такое денег точно нет. Население в тех местах опять же сильно выросло. И нужно вывозить сельскохозяйственную продукцию. К тому же с железной дорогой можно было бы сильно поднять добычу и переработку полиметаллических руд. Тогда, глядишь, и от импорта свинца и цинка со временем можно было бы отказаться. Но денег на постройку железной дороги в тех местах у казны как всегда нет...

Пару минут они шли молча, а потом Михаил вывалил на своего советника и порученца воз новостей.

— Пока ты ездил на Алтай, многое произошло. Об этом пока не пишут в газетах. Но это только пока. Ты наверно знаешь, что Сандро пытался купить броненосные крейсера, от которых отказались чилийцы. Так вот пока он торговался с чилийцами, в Чили появились японские посланцы и купили крейсера за назначенную цену. И ладно бы только это. Они купили пару броненосных крейсеров у Италии. Это те, от которых отказались уже аргентинцы. Но и это ещё не все. При проходе Гибралтара наши умники ухитрились пропороть днище у «Осляби». Притом ещё и киль повредили. «Ослябю» сняли с мели, конечно. Оттащили броненосец на ремонт в Италию. Теперь в доке он месяца четыре проведёт, если не больше. Мне как донесли о покупке японцами итальянских крейсеров, я отдал Скрыдлову приказ срочно собирать отряд и двигаться быстрыми темпами в Порт-Артур.

— А каков отряд кораблей у Скрыдлова?

— Броненосцы Цесаревич и Пересвет, крейсера Баян, Русич, Боярин, три вспомогательных крейсера и восемь дестроеров, из которых пять французской постройки. Собственно это все, что у нас есть из более менее современных кораблей. Почти все. Остальное уже и так на Дальнем Востоке. Есть ещё Светлана и «Ослябя». Все. Больше просто ничего нет. И купить негде. Бородинцы вступят в строй не раньше лета следующего года, как и пара крейсеров отечественной постройки. В Средиземном море Скрылову пришлось оставить несколько номерных миноносцев, которые разбросаны по нескольким портам. Кому-то их собирать придётся и вести на Дальний Восток. Самостоятельно они только потонуть по дороге могут. Вот такие у нас дела. Ах да, есть ещё хорошие новости. Подводную лодку германской постройки надумали как перебросить на Дальний Восток, не разбирая. В сентябре в Киле её заберет специальный корабль и в сопровождении какого-нибудь вспомогательного крейсера пойдёт в Порт-Артур.

— М-да, сильный ход сделали японцы! — отозвался после некоторого раздумья Александр. — А каковы предположительные сроки готовности новых ныне японских крейсеров?

— Сандро говорит, что итальянские будут готовы примерно к Новому году. А бывшие чилийские где-то летом следующего года.

Минут пять прошло в молчании. Собеседники неспешно шли по дорожками императорского парка. Шелест листвы, пение птиц и скрип мелкого гравия под ногами. Александр пытался просчитать варианты, но пока получалось плохо. Кроме старых заготовок, которые теперь нужно пускать в ход.

— Если усиленных маневров японского флота пока нет, то, думаю, что японцы подождут прихода пары первых крейсеров. Тем более, что сейчас в Корее и Приморье начнутся сильные дожди. Уже начались. Воевать и доставлять снабжение по раскисшим дорогам — это одно мучение. А на севере Кореи дорог почти нет. Прямо как у нас в глубинке. Так что остаётся надеяться, что японцы думают также. Это первое. Вернее второе. Первое — это то, что раз японцы купили сразу четыре броненосных крейсера, то война точно будет. Далее... Всякая война требует очень больших денег. А поскольку переброска массы войск на Дальний Восток — дело долгое, то и война выйдет долгой. Нам придётся занимать деньги за границей. Если делать это во время войны, то не только процент будет выше, но и саму выдачу кредита кредиторы наверняка будут обставлять какими-нибудь условиями, на которые в мирное время мы ни за что не пойдём. Поэтому стоит на мой взгляд попытаться занять хотя бы часть денег сейчас. Отправить переговорщиков во Францию, САСШ и Германию. И запрашивать одну и ту же сумму, всячески демонстрируя, будто мы выбираем, у кого занять. Но попытаться занять во всех трёх странах одновременно. Германия имеет в этом ряду особое значение. В следующем году заканчивается русско-германский договор о двухсторонней торговле. Если Министерству финансов придётся перезаключать его во время войны, а заодно ещё и просить в Германии денег, то на будущем договоре страна может потерять массу денег. Так что лучше хотя бы кредит от германцев получить до начала войны. Если удастся. И то, что он может быть частично связанным, не столь важно. Нам все равно многое придётся закупать в Германии как во время войны, так и после. Так почему бы это не делать это частично на кредитные деньги, которые нам все равно придётся рано или поздно брать? — Александр внимательно посмотрел на молодого Императора. Явного отторжения его слова про заранее взятые кредиты у Михаила не вызвали.

— И на мой взгляд следует задержать увольнение в запас на полгода матросов и солдат, служащих на Дальнем Востоке. При этом новое пополнение туда посылать следует. Как говорят в народе, запас карман не тянет, — продолжил он свою мысль. — Думается также, что следует запастись на Востоке побольше продовольствия, для чего произвести закупки излишков того, что шло раньше в Китай через Кяхту. Да и с Чёрного моря перебросить пароходами. Много, к сожалению, не завезти, поскольку там просто нет столько складов. Но хотя бы часть. Ну и запасами топлива заранее озаботиться в Порт-Артуре. Избежать его временной и видимо достаточно долгой его осады нам скорее всего не удастся. И ещё одно. Нам после начала войны придётся проводить частичную мобилизацию. Нужно срочно составить список заводов, связанных в военное время с поставками продукции в действующую армию и с нормальным функционированием экономики, с которых призывать в армию людей нельзя. Редигер вроде бы собирался что-то подобное делать, но вряд ли далеко в этом продвинулся. Уж больно масштабная это работа. Надо сделать так, чтоб ценных работников этих предприятий не забрали в пехоту или кавалерию. Потому как тот же токарь или прочий специалист принесёт больше пользы, если он будет работать на своём месте, а не бегать с винтовкой в руках на поле боя. Просто потому, что заменить его у станка особо нечем. Это, к сожалению, наша действительность. Кого-то конечно придётся призывать в технические части. В артиллерию,

флот, в ремонтные мастерские, но нужно сделать так, чтоб эти люди были на своих местах... И ещё вот что мне думается. У нас ведь есть суда на Черном море, которые могут использоваться как вспомогательные крейсера. Думается, стоит отправить часть их с войсками и погруженным на борт вооружением на Дальний Восток. Два рейса они сделать могут и не успеть. Так что лучше пусть во Владивостоке остаются и с началом войны устанавливают вооружение, а то и раньше, и сразу выходят для дальней блокады торговых путей Японии. Без подвоза всего и вся Япония долго полноценно воевать не сможет. Но для обеспечения крейсерских операций нужны ещё угольщики. У меня там есть два, но это слезы. Неплохо было бы ещё несколько угольщиков прикупить на РОПиТ.

Пару минут они опять шли по дорожке молча. Император обдумывая предложенное, а князь просто потому, что более ничего полезного на ходу в голову не приходило.

— Все в общем правильно, Александр. На бумаге изложишь свои предложения. В субботу я к тебе фельдъегеря отправлю. Побудь пока в столице. Ещё что-нибудь надумаешь полезного, тоже дай знать. И придётся тебе похоже ехать опять на Дальний Восток. Теперь уже в Порт-Артур. И побыть там моими глазами и ушами. А то уж больно противоречивые сообщения идут оттуда. Макаров докладывает одно, Алексеев другое, по линии разведки и охранного отделения идет третье, Минфин четвертое. А это явно как-то неладно.

— Ну что ж, — улыбнулся Александр, — Порт-Артур, так Порт-Артур. Тем более давненько я на Дальнем Востоке не был.

— И ещё, — продолжил Михаил, — наши адмиралы всерьёз заинтересовались возможностью использования турбин на боевых кораблях. Уж больно много перспектив это сулит в будущем. Но есть и немало проблем. Тот принцип заднего хода, который ты применил на своём пароходе, для кораблей флота неприменим. И плюс проблема экономичного крейсерского хода. Все это нужно решить каким-то иным способом. Пока же Сандро решил рискнуть и попробовать спроектировать версию крейсера «Новик» на смешанном принципе — одна паровая машина тройного расширения и две твоих турбины. Проблем масса сразу масса. По сути это уже абсолютно новый корабль. И все из-за перехода на нефтяное топливо. В общем, Александр, ты уверен, в своих турбинах? Уверен, что это все не напрасно? Уж больно дорогая затея может выйти. И сможешь ли ты обеспечить задний и крейсерский ход? Пусть даже не сейчас, а через год-два?

Агреньев взглянул в глаза Императору и ответил.

— Уверен, Государь. За турбинами будущее на многие десятилетия. А с задним и крейсерским ходом мы проблему решим. Уже есть понимание, как это сделать. Мне и самому на пароходах это нужно. Правда, боюсь, для коммерческих судов это будет пока несколько дороговато. Но собственно, я ставил турбину на пароход как раз для того, чтоб продемонстрировать возможность её использования на кораблях.

— И сколько тебе на решение проблем времени нужно по-твоему?

— Вероятно год. Может быть два. Тут нужно с Сандро переговорить насчёт конкретных параметров. Будет задание от флота, будем над ним работать.

— Ну вот и хорошо. Согласовывайте. — Михаил помолчал, а потом продолжил.

— Ну и так тебе для сведения... Сандро заложил на столичных верфях бронепалубника первого ранга и пару больших броненосных с восемью восьмидюймовками. Но все это будет ещё очень

не скоро. Сейчас главное достроить четыре новых броненосца серии Бородино и пару бронепалубников. Увы, но раньше весны следующего года, а возможно и лета, они в строй не войдут. Сандро просит денег на покупку крейсеров. Если он найдет, у кого их вообще можно купить уже готовые. Если нет, то будет строить собрата «Баяна» во Франции. Это по морским делам. По артиллерии... Не знаю, писал ли тебе Славянов... Гаубицы наши пошли в серийное производство. 5–6 штук в месяц Пермь будет делать. В следующем году выделку должны поднять раза в два и больше. Но сам понимаешь, на освоение их личным составом нужно время. Зато боевое крещение пройдут, если уж так случится.

— Понятно. А мои стратегические запасы выкупать будешь? — поинтересовался с улыбкой Александр.

— Экий ты какой быстрый! — усмехнулся Михаил. — По-хорошему за создание своих потаенных арсеналов ты давно должен сидеть в Петропавловской крепости по обвинению в умышлении против самодержавия и меня лично. Но учитывая некоторые обстоятельства... Гранаты твои уже на вооружении. Поэтому я дал команду их выкупать. А вот с пулеметами и патронами под новую форму пули генералы пока решают. Дело конечно стоящее, но есть нюансы. Да и два вида патронов одних и тех же на вооружении — это как-то неправильно, а порой и опасно. Так что тут быстро не получится. Колючую проволоку с завода в Петровске за Байкалом выкупят. Отзывы о её применении в бургских республиках от офицеров, бывших на Юге Африке, крайне положительные. Да и здесь на полигоне повторно испытания проводили без тебя. Так что можешь порадоваться. Твои противопехотные мины пока испытывают. Мелкого и крупного рогатого скота уже немало извели. Коварные все-таки у тебя придумки! Раньше то обычные фугасы ставили, а ты вон чего придумал. Пойдут они в дело. Явно пойдут. Так что можешь быть доволен.

— Это не может не радовать, Государь. И есть у меня ещё вопрос. Что по моей задумке с тяжёлыми бронепоездами? Если дашь морские 120 мм орудия, то можно сделать мобильную тяжелую дальнобойную батарею на железнодорожном ходу. В Трансваале британцы применяли подобные бронепоезда достаточно успешно. Думаю, и нам не стоит от этого опыта отказываться.

— В общем, ни я, ни Сандро ничего не имеем против. А шестидюймовки на платформы не встанут? — заинтересовался Михаил.

— Встанут, но только на четырехосную платформу и стрелять можно только на тяжелых рельсов. Причём скорее всего только по ходу движения и под небольшим углом к нему. Хотя может я и не прав. Тут пробовать нужно.

Император задумался. Проходя мимо куста жасмина, он сорвал ветку и покрутил её в руке.

— Хорошо. Только тебе заниматься этим не придётся. Ты к этому времени в Порт-Артуре должен будешь быть. Четырёхосные платформы Обуховский завод сделает и сам пушки смонтирует. Я озабочу этим делом Сандро. Посмотрим, что из этого выйдет. Людей придётся большей частью из экипажа брать. Ну и какое-то прикрытие в голове и в хвосте состава видимо нужно. Пары пулеметов наверно хватит. И забронировать что-то придётся. Как минимум паровоз. Будет у моряков сухопутный крейсер. Если все получится, то можно будет наладить их выпуск даже в том же Порт-Артуре и Владивостоке. Вот только с выделкой морских орудий дела не очень хорошо обстоят, но на доброе дело найдём. Если, конечно, все получится, как ты расписывал.

Незаметно за разговором они вышли к торцу Гатчинского дворца. От центрального входа

навстречу им поспешил капитан гвардии. Щелкнув каблуками и отдав честь, он обратился к Императору.

— Ваше Императорское Величество, Ее Императорское Величество Мария Федоровна изволит пригласить вас с себе на беседу.

Отпустив офицера кивком и движением руки, Михаил пожаловался князю.

— Опять мамá будет убеждать меня скорейшим образом выбрать себе невесту.

— И кто эти счастливые претендентки на российский престол? — заинтересовался Агреньев.

— Дочь Николая I Петровича, князя Черногории Ксения и Виктория Аделаида Шлезвиг-Гольштейнская, — неохотно и после некоторой паузы отозвался Михаил.

— Насколько я тебя понял, ни одна тебе не по душе. Я угадал?

— Да, примерно так и обстоит дело. Ну а что ты хочешь? Брак династический. Я уж даже подумывал, а нельзя ли изменить как-то законы. Чем, например, наши княгини хуже, чем европейские принцессы? Да ничем. От брака с нашей княгиней могут быть внутренние проблемы, а от брака с европейскими принцессами проблемы будут международные. И не скажешь, что из этого хуже. По крайней мере сейчас на мой взгляд это именно так. Но изменить закон, увы, я могу только для своих будущих детей. Для себя — нет. Впрочем, теперь это не столь важно. Но в будущем я, пожалуй, все-таки закон дополню. А то в крови Романовых как-то очень мало русской крови осталось. Германской в ней не в пример больше. А я между прочим русский Государь, а не германский. Ну да ладно. Жду от тебя бумагу с предложениями. И будь в Столице.

— Михаил, есть у меня к тебе личная просьба. Помнишь тех моих людей, с которыми мы с тобой на охоту в 98-м году на Амуре ходили?

Император нахмурился и с подозрением посмотрел на князя.

— Помню. И что ты хочешь?

— Таких людей у меня за Уралом с пару батальонов наберётся. Егеря, снайперы, пулеметчики, подрывники, диверсанты, члены досмотровых, а по сути абордажных команд, пластуны и так далее. Подавляющее большинство — военнообязанные. В том числе и отставные офицеры. Плюс ещё есть немало корейцев, которые являются не только местными проводниками. Если этих людей призовут в общем порядке и дадут в руки винтовку, то пользы от этого будет мало. Это как микроскопом гвозди забивать. А вот если они будут заниматься делом, которому они обучены, и под командованием тех, кто знает, на что они способны, — это совсем другое дело и совсем другой результат. Тем более, что часть операций уже заранее подготовлена. В том числе материально. А просьба моя такая. Если из них организовать отдельный батальон дальневосточных егерей с подчинением его командующему армии, то пользу они принесут очень большую. Действовать же им в любом случае придётся мелкими группами.

Императору подобная просьба явно не понравилась. Он внимательно посмотрел на князя и недовольно проговорил.

— Александр, личная армия может и впрямь привести тебя в Петропавловку.

— А я ей и не собираюсь командовать. Я готов предоставить своих обученных людей в распоряжение власти и военного командования для решения задач, которые укажет власть. А могут мои люди многое. В том числе и на территории вероятного противника. Вот, скажем, есть у тебя люди, которые могут в Японии подорвать химический завод? Нет. Потому как наши генералы об этом не только не заботились, но и даже не подумали. А у меня такие люди есть. И есть план операции. Есть люди, которые могут снабжать наше командование разведывательной информацией из Кореи. Да много, чего есть, включая закладки оружия и взрывчатки на вероятных путях передвижения и снабжения противника. Назначь своих людей в командование батальоном. И лучше, если это будут способные офицеры Генерального Штаба и жандармы. Им подобная специфика деятельности более близка, чем армейским дуболомам, которых у нас хватает. В конце концов война — это не рыцарский поединок. На ней все средства хороши, если они ведут к победе над врагом. И те же англичане, которые являются союзниками японцев, точно не будут себя вести как подобает рыцарям. Вряд ли они вступят в войну на стороне японцев, но нейтралитет будут понимать весьма своеобразно.

Во время последнего монолога князя Михаил откровенно хмурился. Подобная постановка вопроса ему явно пришлась не по душе. Но в то же время он понимал, что как минимум отчасти князь прав. После некоторого раздумья он решился.

— Хорошо. Я подумаю. Бумаги на это тоже предоставь.

Возвращаясь в столицу из Гатчины, Александр, откинувшись на заднем сидении автомобиля, размышлял на тему того, брать ли ему с собой в Порт-Артур Надю или нет. И выходило, что, если он в течении месяца отправится в те края, то вероятно там и останется до начала войны. То есть изначально Михаил его наверняка отправит на месяц-два. Но вот только вряд ли все ограничится этой парой месяцев. Особенно если там дела идут не совсем так, как это докладывают Императору. А поскольку своего начальства на Дальнем Востоке сейчас хватает, то в том случае, если это начальство по давней русской традиции действует, никуда особо не спеша, выполнять роль глаз Императора придётся весьма продолжительное время, пиная особо неторопливых. Причём действовать придётся через Санкт-Петербург, что не добавит ему в тех краях особой популярности в глазах тамошних больших чиновников.

Вернувшись в свои петербургские апартаменты, князь в раздумьях походил по пустым комнатам. М-да, пусто и не уютно без Нади. Она даже просто своим присутствием создавала уют в доме. Так и не решив, чем заняться, Александр позвонил Кутейникову и попросил того подъехать. Иван Иванович был на месте и пообещался быть через полчаса. Полчаса пролетели достаточно быстро, и скоро Кутейников собственной персоной сидел в кабинете дома своего патрона, как всегда подтянутый и аккуратно одетый.

— В общем и целом срочных новостей нет кроме одной печальной и одной хорошей. Вчера мне телеграмма пришла. В Коврове вчера умер инженер Кузьминский... — начал свой доклад Иван Иванович.

Агрнев нервно дёрнул подбородком. Это была действительно потеря! Его главный конструктор паровых турбин. Причём он уже замахивался на газовые турбины, из-за чего инженера иногда приходилось осаживать хотя бы по причине того, что на сегодняшний день просто не существовало материалов для создания подобной работоспособной турбины. Александр поднялся из кресла, подошёл к бару и наполнил водкой три рюмки.

Помянули усопшего.

— Жаль! Хороший был человек Павел Дмитриевич. И инженер от Бога.

Посидели немного молча, и также молча помянув усопшего ещё раз.

— Иваныч, ты пригляди, чтоб семья его ни в чем не нуждалась, — попросил Александр.

Кутейников согласно кивнул.

— Там вроде есть кому перенять его дело в Коврове?

— Есть. Но такой фигуры, как Кузьминский, увы, нет. Хотя молодёжи талантливой немало.

Ещё немного помолчав, Агренов поворочался в кресле и продолжил.

— Ну, а порадуешь чем?

— Поступили первые сведения от геологической партии, работающей под Тихвином. Нашли они бокситовую глину. Пока все это только первые находки, но геологи оценивают перспективы весьма оптимистично. Причём все это совсем недалеко от железной дороги. Верст двадцать всего по прямой. Земли там бедные на урожай. А в основном просто леса. Так что ежели это действительно доброе месторождение, то шанс задешево скупить окрестные земли имеется неплохой.

Князь одобрительно кивнул. Новость и вправду была хорошей.

— Иван Иванович, тогда предварительно так. Если все подтвердится и леса кругом, то в случае, если мы за разработку месторождений беремся, земли должна скупать наша лесная компания, дабы ажиотажа на пустом месте не создавать. Или же брать в концессию на большой срок. Но оформлять их не на себя, потому как она у нас компания акционерная, а на вновь зарегистрированную фирму. А уж потом, когда все будет сделано, разберёмся, кому и чем там заняться. Лес для стройки все равно будет надобен, так что и лесной компании там дело найдётся.

Кутейников согласно кивнул.

— Ну а ещё чем порадуешь?

— Да все остальное в общем текущие дела. Революционеры в заграницах попрыгали, как тараканы. За последние три недели только двоих смогли ликвидировать. Да и то не из самой верхушки. Так что я начал отзывать группу. Оставлю там небольшую часть людей и в основном из наблюдателей. Нет смысла держать там всех. Как успокоится немного, материал накопится, да тараканы из щелей выползут, так можно будет опять к активной фазе перейти.

Александр, немного подумав, согласился.

— Есть ещё одна думка, Александр Яковлевич. Но это ваша епархия. Я тут говорил о своем с геологами и случайно узнал, что изумруды и прочие бериллы являются по сути рудой для получения бериллия. Бериллий для бериллиевой бронзы или ее саму мы покупаем за границей. Изумруды, конечно, никто не предлагает перерабатывать на металл, но вот бериллы — камни не драгоценные. И добывают их в тех же месторождениях, что и изумруды. По сути, это те же изумруды, только непрозрачные. На Урале неподалёку от Екатеринбурга есть казенные изумрудные копи. Часть из них самая богатая в 97-м году была сдана в концессию одной англо-французской компании аж на 60 лет. Правда под огранку драгоценных камней прямо на Урале,

чего до сих пор не было. Это они выполнили. Есть в Екатеринбурге какая-то казенная гранильная мастерская. Но это изумруды и александриты. А вот что компания делает с бериллами, я пока не знаю. Дал команду разузнать. Кроме самой компании на рудниках работают и старатели под сдачу добычи компании. Хотя они по большей части в отвалах ковыряются. Получается, что единственные добрые изумрудные копи в стране отданы на откуп иностранцам. И они же по сути подмяли под себя источник бериллия, если ведётся добыча и скупка берилла. А нам приходится металл за границей задорого покупать...

Кутейников замолчал, посматривая на своего начальника. Вопрос задан не был, но был очевиден. Александр откинулся на спинку кресла в задумчивости. Братся ещё и за изумрудные копи и переработку бериллиевой руды ему ну совсем не хотелось. И так его компании заняты столькими делами, что он уже сам порой начинал путаться в том, чем заняты его компании, а чем нет. А это явно неправильно. Но с другой стороны, если копи единственные, то, почитай, это единственный источник бериллия в стране. По крайней мере пока. И со временем это скажется, обязательно скажется. Во время большой войны — точно.

— Иван Иванович, ты все, как следует, про эту компанию разузнай. И про копи. Про те, которые у них в разработке, и те, которые нет. А тогда на основе полной информации и будем думать, что можно сделать. С одной стороны заниматься ещё и этим мне не хочется. А с другой стороны вроде как нужно, потому как действительно бериллиевой бронзы нужно будет все больше. И в будущем может так случиться, что это станет большой проблемой. В идеале было бы, конечно, неплохо получить доступ к добываемой бериллиевой руде, не занимаясь самостоятельно ее добычей. Но вряд ли это будет просто. В общем жду от тебя информации. Это не срочно, но нужно. Причём сразу оговариваю, что драгоценные камни меня не интересуют ни в каком виде, раз уж у нас не получилось с большой ювелирной фабрикой.

— Хорошо, Александр Яковлевич, — Кутейников быстро набросал пару строк в своём блокноте.

— Да, и разузнай не только по этим Уральским копиям. Может именно эти копи нам и не нужны, а есть другие более простые и дешёвые варианты, где можно этот берилл добывать. А то может статься, что мы будем ломиться не в ту дверь.

— Сделаем, Александр Яковлевич, — кивнул Кутейников.

— Хорошо. Тогда с этим вопросом пока все. Есть у меня к тебе дело. Меня Государь, видимо, скоро пошлет на Дальний Восток. И сколько я там пробуду, я пока сам не представляю. А нужно сделать вот что. Среди людей Зубатова есть один человек. Священник Гапон. По твоим делам он тоже проходил. Явный лидер, да ещё и с огромным даром убеждения. Проблема состоит в том, что Зубатов, создавая подконтрольные ему профсоюзы, может не удержать над ними контроль. Причин, по которым это может случиться, масса. Вплоть до его отставки. А организация уже создана. И ей в своих целях могут воспользоваться совсем другие люди, включая всяких революционеров или еще кого-то. Либералы наши, сам знаешь, тоже любят воду мутить. Либо такие лидеры, как Гапон, могут попробовать возглавить эти профсоюзы уже не от лица охранки, а сами по себе, действуя из собственных интересов. В общем нужно за ним посмотреть. И по сторонам тоже посмотреть. Если этот Гапон вдруг начнёт собственную игру..., — Александр выразительно посмотрел на Кутейников, — ... то, он и ему подобные станут явно лишними. А поскольку он связан с охранкой, то представить все как террористический акт наших революционеров.

Иван Иванович с неудовольствием покачал головой.

— Этак мы можем перейти дорогу самому Зубатову, чего мне ну совсем не хотелось бы. И... попахивает каторгой..., это ведь люди охраны. Пусть сами за ними и следят.

Александр в ответ улыбнулся.

— Иваныч, я надеюсь, что до этого не дойдёт. Но в то же время, очередного Стеньки Разина в новом облики нам совсем не нужно. Особенно во время предстоящей войны с Японией. То есть нужно посмотреть и быть готовым, что такой вариант возможен. И сработать на опережение. А если ничего подобного не случится, то значит, что мы просто перестраховались. И все.

Кутейников посидел немного, глядя в окно. Его явно не устраивала и подобная трактовка. Но потом он решил.

— Хорошо, Александр Яковлевич. Но все равно мне это не нравится.

— Мне это тоже не нравится. Но ещё больше не нравятся возможные последствия того, что мы могли бы сделать, но не сделали по причине того, что нам это претит.

Твёрдый взгляд золотистых глаз князя упёрся в глаза подчиненного. Секунд десять они бодались взглядами, а потом Кутейников отвел глаза и тяжело вздохнул.

— Какого дьявола мы ещё делами охранного отделения заниматься должны, лезть в ихнюю епархию, да ещё против оного? — пробурчал недовольно Кутейников.

Этот вопрос Агренов оставил без ответа. Да и что тут говорить? Не будешь же объяснять, что совершил Гапон в другой истории. Тем более, что Александр и сам не знал, как попу Гапону жандармы позволили сотворить то, что он сделал. Да, история здесь уже идёт немного по-другому. Но кто даст гарантию, что и здесь не повторится нечто подобное Кровавому воскресенью и первой русской революции? И ведь виноваты не только революционеры. Виновата и верхушка. Да взять некоторых фабрикантов. Сами, бывает, провоцируют рабочих на забастовку с митингами, потом сами требуют от властей её разогнать. Полиция и казаки разгоняют, и в сознании рабочих выходит, что главные виновники насилия — власти, а не те, кто все это изначально затеял. Суки! И самое поганое, что сейчас, пока Империя ещё только вылезает из затяжного экономического кризиса, таких гадов нельзя облить грязью через газеты, поскольку негатива в обществе и так хватает. Ведь распространение негатива через печать про верхние слои общества — это вода на мельницу как раз тех, кто такое устраивает. Не конкретно этого лица, а именно группы заинтересованных лиц. Ну и на пользу тем же революционерам явным и потенциальным.

Сентябрь 1903 года

Конь вынес князя на сопку, с которой открывался вид на очередную стройку. Остановив горячего скакуна, Александр огляделся. М-да, все как везде вокруг Порт-Артура. Везде строятся оборонительные сооружения, копошатся русские и китайцы, но почти нигде ничего не закончено. А кое-где только начато. Это при том, что с конца прошлого года деньги на строительство крепостных сооружений выделяются в полном объеме.

— Командир, ты коня не рви так с места в гору. Запалишь. — раздался сзади голос старшего четверки телохранителей.

— Хорошо, Матвей. — Александр похлопал конягу по шее. — Извини, дружище. Как-то я последнее время отвык верхом ездить.

Агренов уже второй день осматривал окрестности Порт-Артура. Ну что сказать? Сэкономили. Внутренний рейд окажется в пределах дальности обстрела осадной артиллерии. И с этим уже сделать ничего нельзя. Можно только постараться закончить начатое. Если японцы, конечно, дадут на это время. А скорее всего не дадут. Да точно не дадут. Здесь ещё строить и строить. А по новому плану Главного штаба требуется ещё возвести две линии передовых полевых укреплений. Одну у Кинджоу, а вторую у порта Дальнего. И что интересно, на это выделили кредиты. Вот только имеется несколько особенностей. По плану Порт-Артур должен оттянуть на себя и сковать немалую часть японских войск, дабы дать возможность сосредоточить у Ляояна нашу войсковую группировку, которая будет перебрасываться из центра страны. А значит нужно сделать так, чтобы в глазах японских шпионов, коих тут наверняка хватает, обе полевые линии обороны выглядели не слишком серьезными. Иначе враг может посчитать, что брать подобную оборону слишком накладно. И может просто оставить заслон, не ввязываясь в прорыв построенной обороны. Или попробовать высадить десант где-нибудь поближе к Порт-Артуру в тылу у обороняющихся войск. Впрочем пока обе линии обороны на перешейке существовали исключительно на бумаге. И если первую, ту которая у Кинчжоу, можно вполне возвести за полмесяца, то вторая у порта Дальнего была почти в три раза шире по фронту. Для её обороны потребно никак не меньше четырёх полков. По крайней мере так сказал генерал Белов, который осматривал местность в плане рекогносцировки. А полков этих покуда в регионе просто не было. Нет, они начали потихоньку прибывать на Дальний Восток, увеличивая гарнизоны Порт-Артура и Владивостока, и тут же включались в работу по строительству морских крепостей. Но ручеек подкреплений был пока слабым из-за малой пропускной способности железных дорог за Байкалом. И главное на Байкале. Также начали прибывать пополнения морем из Одессы и Новороссийска. Причем прибывали не только призывники, а солдаты, отслужившие около года.

На князю память пришла встреча с генерал-губернатором Квантунской области Алексеевым. После прочтения привезённого Александром личного письма Императора генерал-адъютанту Алексеев, отложив бумагу в сторону, поднял глаза на Александра и требовательно спросил:

— В письме указано, что вы имеете ещё нечто, что должны сообщить устно...

— Это так, Евгений Иванович. Первое и самое главное, что мне поручено передать — это то, что Император не сомневается, что война будет.

После этих слов Алексеев как будто подобрался. Агренов это заметил сразу и после небольшой паузы он продолжил.

— В то же время Император отдаёт себе отчёт, что мы к этой войне пока не готовы из-за целого ряда факторов. Не готовы оборонительные сооружения, железная дорога и сами войска. После проведения пары маневров войск столичного и московского округов Государь был сильно разочарован. И в первую очередь подготовкой высшего и среднего командного состава. По его словам, Империя слишком долго не участвовала в серьёзных сражениях. Из-за этого подготовка многих генералов и полковников, которые получили свои званья и должности в условиях мирного времени, оставляет желать лучшего, если не сказать больше. Великий Сибирский пути пока не готов к переброске массы войск на театр военных действий. Поэтому никакого вывода войск из Маньчжурии не будет. Будет их ротация и перемещение в пределах от Байкала до Тихого океана. Более того, как вы знаете, начата переброска дополнительных частей из центра страны заранее.

Алексеев усмехнулся.

— Ну как же, знаем-знаем. Якобы для проверки пропускной способности построенной железной дороги. Вы мне лучше скажите, когда будет готова дорога вокруг Байкала. Вот тут, — он накрыл ладонью письмо Императора, — об этом ничего не сказано.

— К сожалению, Ваше высокопревосходительство, этого я вам сказать не могу. Могу лишь сказать, что мы опережаем намеченный график и делаем все, что в наших силах. Почти отвесная скальная стенка, уходящая в воды озера на западном участке строительства — это не равнина, на которой скорость прокладки пути заранее известна.

— Это не ответ, князь! — взгляд Алексеева впился в лицо князя. — Как я могу планировать оборону, если не знаю, на какое количество войск я могу рассчитывать?

Агренов спокойно выдержал этот взгляд и невозмутимо продолжил.

— Пока другого ответа у меня нет, Ваше высокопревосходительство. К тому же проблема намного сложнее, чем одна Кругобайкальская железная дорога. Пропускная способность всей дороги зависит от пропускной способности наихудшего ее участка. Сейчас это Байкал. Однако с этой стороны Байкала хватает мест, в которых пропускная способность пока не превышает 5 пар поездов в сутки. Принципиальной разницы между 3-4 и 5 парами поездов в сутки нет. Все равно это в разы, если не на порядок меньше требуемого для ведения боевых действий. Кроме того, имеются проблемы с платформами для выгрузки войск на участке от Харбина до Инкоу. Так что не стоит считать, что только Кругобайкальский участок сдерживает все. В этой связи Император просил передать следующее. Если есть возможность, следует максимально оттянуть начало войны. Для чего необходимо прекратить провоцировать японцев своими действиями на севере Кореи. Император повелел прекратить все активные работы на корейском берегу Ялу и вообще в Северной Корее. Разве что лес уже заготовленный оттуда вывезти. Там его на сотни тысяч рублей уже. Не бросать же добро. Оно в том числе и на Квантуне пригодится.

Алексеев удовлетворенно постучал пальцами по столу и переспросил.

— Все коммерческие дела?

— Все дела и именно в Корее. А на китайской стороне как раз наоборот. Следует скрытно провести ряд инженерных работ для подготовки возможного рубежа обороны. Окопы рыть, конечно, пока не следует, но подготовить ряд древоземельных укрытий для пулеметов и артиллерии под видом строительства жилых землянок стоит. И завезти часть снабжения, которое не вызовет особых подозрений. Дополнительный шанцевый инструмент, возможно полевые кухни, ещё что-то в этом роде... Но пока не пушки с боеприпасами. Разметкой и оборудованием части позиций у Тюренчена займутся офицеры-саперы, которые подъедут сразу туда чуть позже.

— Угуу..., — протянул Алексеев. — Давно пора!

— Все это одна сторона медали, — продолжил князь. — Но есть и другая. Империя не может годами держать на Дальнем Востоке большой флот и армию. И не может позволить себе гонку вооружений в столь отдаленной провинции, коей является Дальний Восток. Это слишком накладно для страны. Если не удаётся договориться с Японией миром, а договориться похоже не удастся до тех пор, пока за спиной японцев строит Британия, то война неизбежна. Дальнейшее наращивание Японией военной силы угрожает не только интересам Империи, но может привести к потере значительных территорий. Включая переданную в аренду Северо-Американским штатам Аляску. На прямую аннексию Америка вряд ли пойдёт, но наверняка

постарается использовать момент в том случае, если война пойдёт для нас не слишком удачно. Поэтому сейчас на карту поставлено очень много. И это при том, что мы к войне как всегда не готовы.

А вот теперь Алексеев похоже почувствовал серьёзность ситуации. Да уж и куда серьёзней? Концессии эти в Корее теперь выглядят детскими шалостями. Он — генерал-губернатор Квантуна и командующий Тихоокеанским флотом. Ответственность огромная. И значит провалить предстоящую войну он не в праве.

— Есть ещё пара важных частных, Евгений Иванович. Не исключено, что военные действия на море могут начаться ДО объявления войны. И не исключен вариант, что японцы могут начать войну еще до прихода ВСЕХ кораблей, которые они купили в Европе. Есть несколько факторов, которые заставляют их торопиться с началом войны. Скорее всего они будут надеяться победить ещё до того, как Россия сможет сосредоточить в этих местах достаточное количество войск, чтобы потом с помощью своих английских и американских покровителей закрепить нужный результат переговорами путём.

— Полноте, князь, неужели вы считаете, что эти азиаты способны победить Россию? — ухмыльнулся адмирал.

— Не Россию! А экспедиционные её части на задворках Империи. Фактически это так. Дальний Восток на то и Дальний, что находится далеко. И даже Британия — нынешняя владычица морей умирала буров целых три года. Это при том, что она не имела проблем с подвозом войск и снабжения в Южную Африку. А те же американцы до сих пор не могут справиться со своими бывшими союзниками из местных на Филиппинах. Приведенные мной примеры, конечно, не очень показательны в плане задействованных сил, но вполне сравнимы в плане отдаленности театра военных действий от Метрополии. Причем, как вы сами прекрасно понимаете, подвезти войска и снабжение морем для морских держав намного проще и дешевле, чем это же делать сушей, как в нашем случае.

Не все произнесенные тогда слова были словами Императора. Кое-что Александр добавил от себя. Как для того, чтоб усилить впечатление, так и для того, чтоб предостеречь от возможной недооценки противника. Впрочем вряд ли Михаил, если узнает об этом, будет его сильно журить. И дай Бог, чтоб сказанное пошло на пользу. Впрочем, это станет понятно только когда еще не начавшаяся война закончится.

А потом были ещё три недели поездок, осмотров, инспекций. И встречи, беседы и даже два совещания с его участием. И еженедельные отчёты телеграфом в столицу о состоянии дел и мерах, которые нужны для ускорения подготовки к надвигающемуся противостоянию. Он даже успел сходить на одном из траулеров, которые базировались сейчас на порт Дальний, к устью Ялу, где отслужившие срок нижние чины в гражданской форме изображали из себя рабочих, нанятых руководством концессии для её освоения. Впрочем не только изображали, но и действительно работали вместе с местными китайцами и корейцами. Адмирал Макаров предлагал воспользоваться миноносцем, но Александр отказался от предложения. Опять же по причине того, чтоб лишний раз не вызывать ненужных сейчас вопросов во взаимоотношениях с японцами. Местность в районе Тюренчена ему не сильно понравилась. Нет, для того, чтоб отбить лобовую атаку противника позиция весьма неплоха. Но позиции по правому берегу Юлудзяна вполне можно обойти, имея достаточно войск. Можно устроить сюрпризы противнику на местах обхода, но все возможные пути не перекроешь. И есть возможность поймать в тылу высадку морского десанта под прикрытием японского флота, если собственный флот эту высадку прозевает. Участки побережья, конечно, не сильно подходят для десанта. У берегов сплошное мелководье и толстый слой ила, но ведь как-то японцы и у Быдзиво

высаживались в войне против Китая, где побережье тоже не сахар. На картах, которые были уточнены, а кое-где составлены заново и военными и его собственным дальневосточным отделом все выглядело несколько проще, чем в действительности. Тут несомненно лучше всего помогла бы новая горная трехдюймовка и опять же новые лёгкие гаубицы при стрельбе с закрытых позиций. Но первые существовали пока только в опытных образцах Путиловского завода, проходящих испытания, а вторые только-только пошли в серию. О такой секретной собственной разработке как миномет вообще лучше не вспоминать. Вернее вспоминать можно, но исключительно с сожалением, что применить её здесь на Дальнем востоке просто не получится. Во-первых, ротный миномет пока не готов, а во-вторых, для него нужно производить где-то поблизости огромное количество боеприпасов, что в здешних краях пока просто не реально. Так что воевать русской армии придётся с тем, что есть. Благо пулеметов теперь будет достаточно много, хотя имелись большие опасения за то, что патроны в заблокированном Квантуне кончатся раньше, чем японцы. И что с этим делать, пока было не понятно. То есть то, что нужно создавать большие запасы патронов и снарядов ясно, но вот насколько большие, подсчитать было невозможно. Естественно, в армии существовали определённые нормы запасов, но к реальности они похоже имели не слишком большое отношение. Да и безопасных складов в Порт-Артуре под избыточное по мнению генералов количество боеприпасов также пока не существовало. Склады по их мнению можно было использовать гражданские в Дальнем. Что будет с ними после того, как японцы прорвут первую линию обороны у Кинджоу и порт окажется под обстрелом полевых орудий, почему-то мало кто подумал. Зато о собственных дачах у Порт-Артура некоторые господа офицеры уже позаботились.

По возвращении в Порт-Артур Александр имел ещё одну беседу с Алексеевым, который порадовал князя известием, что на Дальний Восток выехала целая делегация армейских и флотских ревизоров во главе с адмиралом Дубасовым и генерал-контролером Васильевым. Наверняка с намерениями произвести не только ревизию по вскрытым фактам, но и, так сказать, для рассмотрения некоторых персональных дел. Ибо рассматривать было что. Радостным естественно Евгений Иванович не выглядел, но с другой стороны как раз с флотом и гаванью все выглядело вроде бы относительно неплохо по крайней мере на непрофессиональный взгляд Александра. Недочетов и недоработок, конечно, хватало, но под приглядом беспокойного адмирала Макарова никто откровенно баклуши не бил и не халтурил. Морскую крепость строили в этом году тоже неплохими темпами. Хотелось бы быстрее, но получалось в меру невеликих имеющихся сил и выделенных средств. К тому же сам Агренов пообещал Алексееву выделить некоторые дополнительные ресурсы типа металла и цемента с собственных заводов Приморья и Забайкалья с последующей оплатой счетов казной по факту поставки. Пообещал и пополнить запасы угля с копеей Сучана. А вот к деятельности местного армейского командования имелось немало вопросов.

Подумав, Александр справедливо рассудил, что пока делать на Квантуне ему больше нечего. Купленные японцами в Италии и Британии броненосные крейсера пока ещё находятся в достройке на верфях. А здесь японцы пока особой активности не проявляют. Да, по имеющимся сообщениям иногда выходят флотом на учения, но армия у них вроде бы никуда пока не собирается. Команды оставаться на Дальнем Востоке Император также не давал, на обязательное возвращение — тоже. Исходя из этого князь первым же пароходом отбыл во Владивосток, дав предварительно телеграмму Дымкову о своём скором прибытии. Стоило быстро пробежаться по приморским владениям, дабы посмотреть готовность собственных сил и территорий с неизбежной раздачей последних особо ценных указаний.

Но быстро не получилось. Получилось очень быстро, потому как на пристани Владивостока в компании Дымкова и других местных управляющих его встретил никто иной как улыбающийся Григорий Долгин. Одетый, видимо, по последней американской моде в котелке и с тросточкой.

Тросточка впрочем была знакома. Ещё та из Парижа, которую они покупали вместе, со скрытым внутри клинком. Так что все дела и отчёты дальневосточников были сразу отодвинуты в сторону, хоть и с извинениями. И сначала Александр с Гришей пообщались тет-а-тет в знакомом офисе Дальневосточной компании.

— В общем, проведя год в Америке, я проникся сущностью этой страны, — Григорий повертел в руках стакан с шустовским коньяком, сделал глоток и продолжил.

— Всем там заправляют денежные мешки и бандиты. Притом зачастую бандиты находятся на содержании финансовых воротил. Полиция и армия — это те же бандиты, только в форме. А вот они уже не зачастую, а всегда на содержании. Наш Арчибальд Ильич тоже содержит своих бандюков, часть из которых являются сотрудниками частного детективного агентства. И при этом у меня даже в мыслях нет его в чем-то винить. Потому как если ты при деньгах, но не показываешь собственной силы, то тебя там съедят сразу же. Иначе никак. Либо ты на коне, либо ты сам конь, которым правят, или корова, которую доят. Такую судьбу России я не категорически не хотел бы. Уж лучше наши чиновники и бюрократы, чем такое. И, знаешь, через пару месяцев меня ностальгия одолела. Вот вроде и берёзы почти те же. Или сосны. А не то. Про людей не говорю. Не наши там люди. Хотя некоторых русских там встречал. Одни жалеют, что уехали, но вернуться уже не могут или не хотят. Другие вроде бы и довольны жизнью, но это напоказ. И зачастую у них это пробивается сквозь маску довольства. Староверов наших тоже встречал. И знаешь, они какие-то там странные. Здесь им были не слишком рады, а там они пытаются выстроить собственный маленький мирок таким, каким они его представляли себе здесь. У кого-то отчасти получается. У кого-то нет. Но по крайней мере они там на земле неплохо устраиваются. Земли достаточно много, и она подчас очень тучная. Родит много. У нас так разве что в Малороссии и на Кубани.

Александр сидел с улыбкой на губах и слушал эту исповедь, не прерывая. А Гриша все говорил и говорил... Потом он вдруг спохватился.

— Да что я, право слово, все о впечатлениях своих?! Я ведь не на отдых али на экскурсию туда ездил. Хотя это тоже. В общем так. По Джейкобу Шиффу. Да, это он кредит японцам выделил на покупку броненосцев. Он не хозяин денег, но он управляющий и женат на дочери одного из хозяев банка — Соломона Лоеба. То есть он член семьи. А за ним стоят люди с очень большими бабками. Такие же жиды, как и он сам. Но управляет он банком крепко. Все держит в своих руках. И деньги и охрану и наемных бандитов. Причина того, что «Кун, Лоеб и Ко» дал японцам кредит заключается в том, что банк имеет в Японии большие интересы. Немало они туда вложили. Тем самым они хотят сохранить и приумножить свои вложения. В то же время у американцев есть одна особенность. Они очень хорошо умеют считать деньги. И готовы драться за них с кем угодно. Но в то же время вкладывать неудачника или банкрота никто не будет. Япония там многим нужна только для того, чтоб ограничить наши аппетиты в Китае и Корее. И ни для чего больше. Если у японцев не получится, то американцы могут быстро перевернуться, дабы не поддерживать безнадёжного должника. И тогда горе проигравшим. Деньги банкиры готовы получить и с покойника. Это как и везде. То есть я не думаю, что Штаты будут до последнего поддерживать японцев. Им главное прибыль и собственные интересы. А кто им за это заплатит, для них не так важно. И уж тем более неважно, будет ли жив клиент после того, как он заплатит. Это я уже не про конкретных банкиров говорю, а в общем про Америку. А если что-то не выйдет по ихнему, они попробуют ещё раз и ещё. Но в другое подходящее время и с другими действующими лицами. В конце концов Китай и Корея слишком знатная добыча, чтобы американцы от них отказались. Но ведь нам Китай особо не нужен? Ты ведь должен знать. Все-таки как-никак порученец Императора теперь...

— Не Гриш, не нужен нам Китай. Если только совсем маленький кусочек на севере. Да и то

на счёт кусочка — это чисто моя хотелка, на будущее. А вот от протектората над Кореей я б, именно я, точно не отказался. На мой взгляд Корея — явный и последовательный чей-то сателлит. Лет десять назад она бы с удовольствием отдалась в наши руки. Только с одной стороны наши промедлили с решением, а с другой стороны сил на то, чтоб отстоять перед другими странами это решение, у нас тогда здесь не было. Да и сейчас этих сил пока не особо много. Причём сейчас за Корею будут решать, кому она достанется, другие. И заметь интересную вещь. По сути сейчас война будет не за Корею, а за влияние в Маньчжурии и Квантун. А Корея — это так, приз победителю. И то только в том случае, если победитель выйдет явным. Хотя скорее всего англо-саксы постараются сохранить ее якобы независимой страной, кою им можно было бы грабить без зазрения совести как и Китай. Как это они могут сделать, я примерно представляю, но у англосаксов возможно есть иные варианты. Так что чёрт их знает, чего от них ждать. Но в том, что они изначально ставят на ослабление России, я ни секунды не сомневаюсь.

Григорий повернулся в кресле, заложил ногу на ногу и поинтересовался.

— Ваше почтенное сиятельство, а когда Кругобайкалка готова будет?

Агренов только вздохнул.

— Вот все от меня хотят знать, когда будет готова дорога вокруг Байкала. Вот тебе я могу сказать, будучи уверен в том, что ты не разболтаешь. Ведь не разболтаешь?

Дождавшись от Долгина кивка согласия, Александр продолжил, постучав при этом по крышке стола.

— Наверно в начале следующего года. И заметь, я ведь с тобой всегда честен и откровенен. И при этом даю весьма расплывчатый и не слишком уверенный ответ. Это что по-твоему означает?

— То есть ты хочешь сказать, что не уверен и боишься сглазить? Ну понятно. Хорошо, не буду тебя больше по этому вопросу пытаться.

Александр улыбнулся.

— И это правильно. Не надо меня пытаться. Я сам кого хошь... Но поскольку рядом никого больше нет, то пытаться буду только тебя. Давай дальше по делу Шиффа.

— Ну по делу, так по делу, — Григорий отхлебнул коньяка и продолжил.

— Коба — светлая голова. Удумал, как все сделать с большой выдумкой. Нашёл двух тамошних анархистов. Не сам, а Паша ему нашёл. И Паша их же и обрабатывает. В общем к Рождеству они будут готовы хоть на Папу римского покуситься. А наши их подстрахуют. И подчистят, если нужно. Но не самих анархистов. Замечательность идеи в том, что Шифф как раз сам и подкармливает верхушку тамошних анархистов, среди которых много иудеев. Но наши анархисты из немецких эмигрантов, а потому об таком нюансе они не в курсе. И к тому же сейчас они обитают на маленьком ранчо и ни с кем более не общаются. Но уже хотят стать героями в глазах своих товарищей. Есть некоторая сложность в том, что у нашего банкира есть двойник. Но мы уже научились отличать настоящего от двойника. Так что все должно получиться, как надо. Плюс по сигналу три бомбы в трёх городах в отделения банка. С последующими заметками в прессе о том, что у банка намечаются также серьёзные финансовые проблемы. Если все выйдет, как задумано, то дальше хозяевам на время станет не

до поддержки Японии. Это как минимум. А как максимум, если кто из конкурентов банка подсуется, то может проплатить дальнейшую истерию в прессе. И тогда может образоваться эффект лавины. Истерия в прессе, вкладчики снимают деньги в банке, у банка начинаются проблемы... Это, конечно, самый благоприятный вариант, но я на него не рассчитываю. Сами мы устроить серьезный скандал в американской прессе просто не в состоянии. А Лунева подключать к этому категорически нельзя. В 1901 году Kuhn, Loeb & Co. оказали помощь Эдварду Генри Гарриману в знаменитом «сражении» с Джеймсом Джеромом Хиллом и J. P. Morgan за контроль над Северной Тихоокеанской железной дорогой. И победили. Так что зацени устойчивость и силу противника. Такие банки сами не падают. Зато у них есть враги, которые теоретически могут подлить масла в огонь. После дела нашим парням придется сразу уходить в тень. И привлекать местные кадры опасно из-за возможности провала операции или ухода информации налево.

— Стоп! — вскинулся Александр. — Большой риск? Тогда нужно отменять операцию. Провал категорически не допустим!

— Не, — расслабленно махнул рукой Гриша. — Сейчас риска почти нет. Наши ребята проверены. И если уж говорить прямо и грубо, у всех есть что терять в России. Риск будет, если мы попытаемся продолжить операцию для того, чтоб раскрутить проблемы банка через прессу. А так все нормально.

Александр долго смотрел на казака, а потом вкрадчиво спросил.

— Гриш, ты понимаешь, что если что, то эти нас и на том свете достанут? И не ограничатся одним разом.

Но Григорий на взгляд никак особо не среагировал.

— Командир, ты меня не первый год знаешь. Если я говорю, что нормально, то значит нормально. Причём все парни знают, что Шифф подкармливает наших бомбистов-социалистов и еврейских радикалов из Бунда. А у того же Лешки Бакланова двоюродную сестру убило в одном из покушений. Просто она оказалась не в то время в неподходящем месте.

— Через анархистов этих на наших могут выйти...

Григорий помедлил, задумчиво покрутив ус,

— Не, шансов нет. Но если ты настаиваешь, то можно сработать и по третьему варианту. Предусмотрено. Значит пристрелят и анархистов.

— Настаиваю, Гриш. Все должно быть чисто. И с двойной подстраховкой! Если где-то что-то может пойти не так, значит операцию отменяем!

— Яковлевич, да нормально все. Это и есть третий вариант. Завтра же телеграмму Кобе пошлю. А если ты вдруг захочешь сказать, чтоб я вернулся обратно и сам все проконтролировал, то это зря. Вот именно меня там быть категорически не должно. И так я там засветился на одной из встреч с Арчибальдом Луневым. Он хоть и не в курсе этих наших дел, но мне сейчас в Штатах точно делать нечего. А вот здесь явно скоро дело найдётся.

Они немного помолчали, а потом Григорий нарушил молчание, заметив.

— Я кстати братанам телеграммы дал. Должны вскорости во Владивосток подъехать. Давно уже никого из них не видел...

Агренов в задумчивости почесал подбородок. Пробежаться без Долгина по собственным владениям вместе с Долгиным? Нет, не вариант! Раз уж он приехал и собирается здесь хотя бы на время остаться, то может не заниматься тогда самому осмотром Приморья, а поручить это Григорию? Тем более что, если он остаётся здесь, то срочности в этом нет. Он и присмотрит и построит при необходимости отдельных неразумных. К тому же вроде бы неразумных не было. Опять же ему наверняка интересно, что такого у нас тут полезного имеется. Только нужно поставить задачи. И пусть осваивается в местных условиях. А самому садиться на поезд и двигать в Столицу? Ну, в общем, почему бы и нет. А в декабре уже вернуться сюда. Тем более нужно ж решить с Михаилом вопрос о собственных егерях. Не для того их отбирали и учили, чтоб всякие идиоты в погонах гнали их в штыковые атаки. А в том, что такое возможно, Александр ничуть не сомневался. Насмотрелся уже. Не угадаешь, под чьё командование они могут попасть. Нет, нужно обязательно ехать! Да и кое-что нужно сделать там. Отсюда руководить этим неудобно. А значит...

Долгин перехватил взгляд Агренова и усмехнулся в усы.

— Командир, если ты так выпадаешь и не хватаешься за свой блокнот, то значит сейчас начнешь ставить задачи...

— Гхм! — Александр немного смутился. — Ты меня неплохо изучил. И точно угадал. Слушай задачу! Доставить под мои светлые очи Игоря Владиславовича Дымкова. И по случаю столь редкой встречи старых друзей устраиваем небольшую пирушку. А последующие задачи буду ставить завтра. Сегодня отдыхаем!

— Вот это дело! — обрадовался Григорий. И тут же отправился к дверям. Но на полпути обернулся и заметил.

— Только знаешь, командир, последующие задачи завтра будут плохо усваиваться! Точно говорю. Давай тогда послезавтра.

— Ну что с вами, оболтусами, делать? — засмеявшись, развел руки Александр, — Пусть будет послезавтра. Зови Игоря! И скажи ему, зачем его зовут. Он наверняка уже подготовился к чему-нибудь этакому.

Октябрь 1903 года

В закрытом клубе в одном из кабинетов собралось четверо. Трое из них были не последними людьми в Империи, над которой никогда не заходит солнце.

— Уильям, появились ли какие-нибудь новые сведения о том, кто же все-таки заказал предыдущего русского царя?

— Увы, сэр Генри! Ничего нового. Причём и сами русские по нашим сведениям ничего нового так и не накопили. Версий много, но ..., — молодой способный английский джентльмен с сожалением развел руки.

— М-да! — огорченно пробурчал сэр Генри. — А что там по идущим с Россией переговорам по ограничению русских appetitov в в Азии?

— В общем и целом русские явно умили свои appetitov. И не похоже, что они имеют явные территориальные претензии где-либо, в том числе и в Китае. Однако зону своего влияния они намерены отстаивать достаточно жёстко. За последние годы у них появилось немало товаров, которые напрямую конкурируют с нашими на внешних рынках и в России. И это начинает

создавать некоторые проблемы. К тому же с их министром иностранных дел достаточно трудно иметь дело. Интересы собственной страны он, к сожалению, готов отстаивать весьма твёрдо, хотя изначально при его назначении предполагалось, что он будет для нас не худшим вариантом. Таким образом, хоть переговоры ещё не завершены, но итоги их скорее всего будут близки к нулю.

— Ну что ж, подождем войны на Востоке. В конце концов зря что-ли мы вскормили этих японцев. Вне зависимости от результатов войны русские ослабнут и им придётся удовлетворить наши требования, — усмехнулся сэр Чарльз.

— А вы не допускаете, что русские могут победить? — спросил сэр Джон.

— Нам это по существу все равно. Быстро победить они не смогут. Ни мы ни американцы им это не дадим. А значит русские получают большую дыру в бюджете и будут вынуждены обращаться за кредитами. Да и полноценно победить русские не смогут, даже если мы будем стоять от этого конфликта в стороне. Так что и победа и поражение им обойдутся очень дорого. М-да... Мы ведь хотим их использовать впоследствии для приведения в чувство Германии. Так что никуда они от нас не денутся. Нам пока не выгодно ни их усиление, ни их крайнее ослабление. А все, что между этим нас вполне устроит. Может такой вариант и не устроит САСШ, но это их проблемы. Тем более, что сама Америка представляет собой очень серьёзную проблему. Но в любом случае нужно сначала решить нарастающие проблемы в Европе, а уж потом браться за проблему за океаном.

— Может все-таки стоит продать японцам ещё парочку броненосцев из того барахла, которое у нас имеется на Китайской или Индийской станции? — засомневался сэр Джон.

— Видите ли в чем дело, — произнёс сэр Генри, — японцы стали весьма привередливы. Мы им предлагали такой вариант. Но из-за ограниченности средств они хотят получить лучшие корабли. И, видимо, закажут скоро нашим верфям постройку ещё пары броненосцев. Увы, они пока не чувствуют себя настолько нуждающимися, чтоб переплачивать за наши Центурионы или Ренаун.

— Если мне не изменяет память, — сэр Джон принялся за кубинскую сигару, — то изначально мы собирались сделать из Японии ручную собачку, которая охраняла бы наши интересы в Китае и кусала бы чужаков строго по нашей команде. Потому мне несколько странно слышать о том, что русские теоретически могут победить...

— Видите ли, сэр, на самом деле все так и предполагается. Однако сначала собачка должна доказать, что у неё крепкие зубы. Русские — это не китайцы, которых не пинает разве что ленивый. Если японцы докажут свою состоятельность, тогда да. А если нет, то Японии придётся повторить участь Кореи. Они уже слишком много должны и нам и американцам. Поэтому в случае их поражения Японию ждёт внешнее управление. Не сказать, что нас такой вариант сильно устроит, но он не исключен. В этом случае их можно считать одноразовым инструментом. Вечно вкладывать деньги в этих тихоокеанских пиратов никто не собирается. А оттягивать войну не имеет смысла. Как только русские наладят полноценное железнодорожное снабжение с Дальним Востоком, вероятность проигрыша японцев на суше существенно возрастет. А с ним возрастает вероятность того, что русские все-таки захотят наложить лапу на Корею. Да и в Маньчжурии после этого они будут себя чувствовать как хозяева, — проворчал сэр Чарльз.

Джентльмены ненадолго замолчали, размышляя над прозвучавшими оценками ситуации и

отдавая должное горячему грогу. В этом заведении он всегда был замечателен. Да и вообще хозяин заведения всегда очень заботился о собственной кухне.

— А вообще, обстановка в России меня все больше тревожит. — нарушил молчание сэр Генри, — Это загадочное убийство царя случилось крайне не вовремя и спутало нам карты. Если при Николае мы в немалой степени могли контролировать ситуацию в этой варварской стране, то при его брате делать это становится все труднее. Наши надежды на внутреннюю смуту во время предстоящей войны на Востоке могут и не оправдаться. Столь замечательно разработанный план по наводнению России подрывными элементами и самофинансированию смуты за счёт внутренних источников может пойти прахом... Уильям, что там есть по этому поводу?

— Увы, сэр Генри, тут мне придётся с вами согласиться. Одно дело — ликвидация каких-то неугодных нам властных фигур, и совсем другое убийство царя. Внутри страны это не одобрили бы слишком многие, поскольку это нарушило и их планы. В итоге мы имеем сейчас там разгул полицейского произвола. Корпус жандармов увеличил свою численность раза в полтора, да и в полицию дополнительный набор объявили. Многие инсургенты уже просто драпанули из России. Причём в этот раз русские не ограничились зачисткой поля внутри страны, а изрядно проредили руководство ряда оппозиционных групп в Европе, включая и Британию. Так что сейчас среди эмигрантов начались склоки, кому быть новыми вождями. Часть групп просто распалась. Мы пытаемся сейчас привести некоторые группы в порядок, но на это нужно время. Да и часть контактов между эмиграцией и внутренними группами инсургентов утеряно. Причём опять же не вовремя случилась смерть нашего лучшего специалиста по России...

— Да уж, — подумал про себя сэр Генри. — Мидлтон оставил наш мир точно не ко времени. И хваленый Скотланд-Ярд до сих пор затрудняется дать ответ, был ли это несчастный случай, или бедняге кто-то помог отойти в мир иной. Потому как если ему помогли, то выполнено это на редкость профессионально. Это не какой-то там банальный яд или пуля.

— ... к тому же, — продолжал сэр Уильям, — принятый русскими закон о противодействии финансированию терроризма серьёзно угрожает нашим интересам. Потенциальные спонсоры внутри страны теперь десять раз подумают, прежде чем дадут деньги. По крайней мере в ближайшее время. Большие сроки каторги и, главное, конфискация всего имущества, — куда уж может быть серьезней. Несколько процессов уже проведено и ещё пара сейчас идёт. Похоже русским судам спущено указание не принимать во внимание попытки тамошних адвокатов выгородить своих клиентов на основании того, что они жертвовали деньги, не зная, что помогают отдельным лицам и организациям, не брезгающим террором. Причём в одном из последних случаев под суд попал банкир, попытавшийся свести счета с конкурентом. В общем-то обычное дело, но дело подвели под финансирование терроризма, так что ни от каторги, ни от конфискации имущества юристы его уже не спасут. А либеральная пресса в основном вынуждена либо помалкивать, либо бурчать нечто невразумительное, опасаясь гхм... неприятностей. Либеральные деятели разных мастей ни за что не пойдут сами на обострение, если не будут уверены в победе. Им есть, что терять. Так что они могут ворчать и сплетничать в кабинетах, подставлять под нагайки казаков студентов и прочую публику, но сами на решительные шаги не пойдут.

Сэр Уильям глотнул грога, немного подумал и продолжил.

— Но одними революционерами и их спонсорами дело не ограничилось. Увеличилось количество новых или возобновленных дел по взяткам, из-за чего под суд попал ряд чиновников, услугами которых мы пользовались для продвижения в России своих интересов. А это затрудняет ведение бизнеса в стране и удорожает его. В результате имеется тенденция к

тому, что дальнейший захват позиций в таких стратегически важных регионах как Баку, Сибирь и ряде других может быть осложнен. Да и по ряду концессий, на получение которых нашими компаниями была надежда, получен отказ. Порой в категорической форме и вне зависимости от того, под чьей личиной выступали концессионеры. Под эту тенденцию попали не только мы. Сын французского президента пытался перекупить концессию на добычу угля в киргизских степях. В районе Краганды... или Караганд... Не помню точно. Варварский язык! Купить то он купил. Но вот регистрацию сделка не прошла. И теперь скорее всего ему придется продать этот вожделенный кусок русской казне. Есть там какой-то закон, не позволяющий иностранцам владеть концессиями в киргизских степях. Причём его ещё при этом предупредили, что он не сможет её контролировать и через вторые-третьи руки. Так что... А, например, контроль над русской платиной похоже пока утрачен полностью. Казна стала выкупать весь добываемый металл и строит завод по её аффинажу на Урале. В целом общая картина не слишком радостна. Но в то же время вполне закономерна из-за убийства предыдущего монарха. Для её перелома потребуется время. И предстоящая война на Востоке, я надеюсь, сможет это время сократить.

— Что предлагается по этому поводу? — поинтересовался сэр Джон.

— Поскольку отстрел революционеров продолжается пусть и в меньших масштабах даже несмотря на то, что большинство их главарей перешли на нелегальное положение, то предлагается следующее. На начальном этапе поддержать те группы, которые склонны к индивидуальному террору и добыванию средств на «борьбу с режимом» собственными силами. Это по-любому смертники, и их не жалко. Взаимный отстрел представителей власти и инсургентов должен вызвать напряженность в обществе. А поскольку в таких случаях страдает часть непричастной оппозиции, то это как раз неплохо, поскольку вызывает в обществе напряжение и взаимное озлобление. После начала войны на Востоке особенно в том случае, если дела у японцев не заладятся, следует передать контакты с инсургентами японцам. Пусть японцы сами финансируют эту братию за свой счёт. А остальных пока подержать в чёрном теле. Тех же социал-демократов. Обстановка сейчас для них не очень благоприятна в том плане, что их активизация в России может привести к тому, что власти и их также могут сильно проредить. Они и так уже немало пострадали. Особенно верхушка. А по ходу войны посмотрим. Возможно во время неё появятся предпосылки для их активизации. Но пока об этом, как мне кажется, говорить преждевременно. Конечно, устройство бунта в России во время войны с Японией было бы неплохим делом, но есть подозрения, что многие русские сектанты, которые нам обязаны своим положением, побоятся открыто выступить против власти и профинансировать бунт. На этот счёт разработан вариант, но я специалисты пока не готовы сказать, насколько он может быть действенен. Все зависит от внутренней ситуации в России. Для успеха должны сложиться определённые условия, иначе мы можем скорее потерять ценные кадры, часть влияния в оппозиционных кругах и деньги, нежели добиться устраивающего нас результата. А кадры нам потом придётся восстанавливать в том числе и за собственный счёт. Восстановление их численности инсургентов из черни, конечно, произойдёт само собой, но для этого нужно время. А вот если мы потеряем наших агентов влияния, то с ними мы можем потерять и деньги. В общем придется действовать по обстановке. Если появятся хорошие шансы, то ...

— А как же забастовки? Один террор не эффективен! А либералы? — поинтересовался сэр Джон.

— Забастовки само собой, — улыбнулся сэр Уильям. — Крайняя бедность населения, как вы понимаете, со смертью предыдущего царя никуда не исчезла. А в условиях кризиса перепроизводства в части отраслей промышленности ещё более усилилась, на что часто

накладывается дурость властей, заводчиков и помещиков. Забастовки и сейчас идут, причём их количество год от года постепенно нарастает. Но на первом этапе забастовки желательны только мирные с экономическими требованиями. Сначала нужно добиться их массовости, а потом уже можно переходить ко второму этапу. Либо добиться скоординированной всеобщей стачки. Тут мы предполагаем действовать по ситуации. По либеральной общественности пока не понятно. Несомненно, либеральная общественность давно не в восторге от самодержавия, как и часть купцов. И на её настроения можно было легко влиять. Но все было хорошо до убийства царя. А вот после него часть интеллигенции и буржуазии смягчила свои взгляды по отношению к власти. Причин тут несколько. К немаловажным среди них можно отнести неплохую пропаганду через газеты и начавшиеся реформы. Оставшаяся большая часть открыто пропагандировать свои взгляды пока опасается, ибо это чревато. А потому сейчас поднять голову она не может. Нужны серьезные трудности и притеснения либералов, в которых можно обвинить власть.

— На Кавказе очередную войну с неверными устроить не получится? — задумчиво спросил сэр Генри. — Раньше это неплохо получалось.

— Войну скорее всего нет. Возможно какие-то крупные местные бунты или забастовки, но не войну. И то, если власти наделают ошибок. Объявить джихад может только османский султан как духовный лидер всех мусульман. Но в настоящий момент это невозможно. У турок своих проблем полно. Есть перспективные разработки насчет тамашней армянской диаспоры, однако в этом случае у наших коммерсантов в Баку и некоторых других местах могут случиться большие убытки. К тому же пока не ясна реакция нового Императора на подобные вещи на Кавказе. Возможно и стоит подкупить какого-нибудь недовольного хана и попробовать устроить локальный бунт, чтобы посмотреть на действия властей. Есть вариант заброски оружия на Кавказ и вооружения армянских инсургентов. Но, как я уже сказал, убытки наших компаний, работающих в Баку, в этом случае могут быть слишком велики. Тут нужна специальная санкция, которую заранее никто не даст. Ну вы понимаете...

Сэр Генри потискал пальцами свой бакенбард.

— Джентльмены, есть по этому вопросу другие мнения?

Он обвел взглядом присутствующих. Несогласных не оказалось.

— Ну раз нет, тогда так и поступим. Принципиальная схема утверждается.

Сэр Генри раскурил толстую ямайскую сигару и задумчиво спросил.

— Сэр Чарльз, может в преддверии войны попробовать надавить на Морганов и отсоветовать давать кредит русским?

— Я думал над этим, сэр. Собственно русские просят не так много. Всего 100 миллионов долларов. Но они кроме Нью-Йорка ведут переговоры также и в Берлине. Не думаю, что Морганов нас готовы услышать. Ведь наверняка русские что-то пообещали банку кроме процентов. Да и вообще там явно имеются совместные дела, которые из-за одного нашего желания никто прерывать не будет. Это американские евреи не в восторге русских, а Морганов просто делают деньги. И на русских тоже. К тому же если Морган откажет в кредите, Коковцев возьмёт его в Берлине. Или Париже. Так что подобным советом мы можем себе оказать медвежью услугу. За отказ от сделки с русскими Моргану придется что-то дать, но результат по сути от этого будет нулевой. Да и в конце концов почти все, что американцы им сейчас дадут, русские тут же потратят на войну. Разве это плохо?

— Было бы лучше, если б они брали кредит во время войны, — проворчал сэр Джон. — В этом случае им пришлось бы заплатить больше и больше обещать поблажек...

— Вы несомненно правы, сэр. Но так случилось, что деньги им нужны сейчас. К тому же у них есть варианты. Однако, как мне кажется, новый царь ещё не раз обратится за кредитом. И, думаю, в ходе войны тоже, если она затянется. Поэтому пусть пока все идет так, как оно идёт. Никуда этот Михаил II от не денется. А после войны, каким бы ни был её исход, мы Россию привяжем к себе и возьмём с русских то, что они отказываются уступить нам сейчас.

Ноябрь 1903 года

По возвращении в Столицу Александр сдал в Канцелярию Императора полный доклад, и через несколько дней сидел у Государя в кабинете.

— Прочёл я твой доклад, — начал Михаил после взаимных приветствий. — В общем ничего в нем особо нового не нашел по сравнению с тем, что ты мне телеграфом сообщал. Дело ты сделал доброе и нужное. Потому выражаю тебе своё полное благоволение. Я подписал бумаги, и поздравляю тебя статским советником.

— Во как! Расту в чинах. Не факт, что мне это нужно, но все равно приятно, — подумал про себя Александр, но по этикету говорить было положено совсем другое. Когда же процедура расшаркивания за новый чин окончилась, Михаил продолжил.

— Ты наверное в курсе, что я отправил на Дальний Восток представительную комиссию для разбора всего, что ты там накопал. Она, надеюсь, и раздаст всем сестрам по серьгам, и дело поправит. С ней вместе отправились некоторые новые чины, для занятия должностей, кои вероятно окажутся при этом вакантны.

— Далее, — после небольшой паузы сказал Император. — Я дал добро на организацию отдельного полка Амурских егерей. В него войдут кроме твоих людей ещё несколько сотен амурских и уссурийских казаков, а также кубанские пластуны. Плюс часть тех егерей, что твои люди обучают целевой стрельбе на Урале. К полку ты будешь иметь отношение поскольку постольку. Командовать будут другие люди, но о тебе они предупреждены. В командиры там записаны по отзывам хорошие гхм... специалисты. Место дислокации полка до начала войны — Уссурийск. Пока. А вот за мобилизацию своих людей отвечаешь сам. Для половины из них мобилизация начинается с 15-го декабря. Если японцы раньше не начнут. Обеспечивай ее как хочешь. Остальные — после начала войны. Не сделаешь сам, твои люди попадут под местную мобилизацию.

— Государь, ты ж меня без ножа режешь! — возмутился князь. — Да как я их соберу без официальных повесток в общий призыв? А в такой короткий срок до общей мобилизации? На Амуре, почитай и дорог почти нет кроме самой реки.

— Ничего не знаю, — сразу же отрезал Михаил. — Сам просил меня о создании полка, сам и думай, как. А командиры тебе помогут. В Канцелярии возьмёшь копию штатного расписания. Правда в Уссурийск ещё наверно почти никто не добрался кроме квартирмейстеров.

— А вот эта бумага, — Император достал из ящика стола и положил перед Александром красиво оформленную бумагу с гербовой печатью, — откроет тебе все двери на Дальнем Востоке. Ну почти. Назначаю тебя своим представителем в действующей армии. Без права командования, естественно, ибо не по рангу и не по знаниям. Ты будешь там не один такой, но это в данном случае не важно. Это в своей промышленной империи ты — генерал, а водить войска умение нужно. Так что будешь наблюдать, мне сообщать самое важное. Ну и сам

разберешься, что к чему. Замечать ошибки и переубеждать людей ты умеешь. Только сам на передний край не лезь. Это совсем не требуется. Ты мне, да и своей супруге, живым и здоровым больше нравишься. А в атаки на врага там и без тебя найдется кому ходить. Понятно?

— Да я и не собирался, — улыбнулся Агренов. — Будем надеяться, что и без моего личного участия в боях на этот раз обойдётся. Что сам смог, подготовил. Кого смог — научил.

— Ну, а раз ясно, — хлопнул ладонью по столу Михаил, — значит будем считать, что задачу поставленную ты уяснил и будешь выполнять её правильно.

Император внимательно посмотрел в глаза своему порученцу и, видимо, пытаясь понять, насколько тот внял его пожеланию.

— Ладно. С этим все! — констатировал самодержец секунд через пять. — Поди знаешь, что мы кредит в 100 миллионов долларов у американских банков взяли?

— Знаю, Государь. С самого Владивостока об этом читаю.

— Ну да, об этом нынче пишут. В общем на более менее приличных условиях получилось его взять. И не в последнюю очередь из-за того, что переговорщики одновременно и в Берлине сидели. Плюс французский посол выражал Коковцеву свое недоумение по поводу того, почему за кредитом поехали не в Париж, а в Нью-Йорк. А вот то, о чем не пишут, я тебе сейчас расскажу. — Михаил сцепил руки на столе. — В общем в Берлине у нас ничего не получилось. В принципе я держал этот вариант на крайний случай, но тем не менее. Германцы сразу связали выдачу кредита с подписанием нового торгового договора. И выставили такие условия, что можно подумать, мы им войну проиграли. Ну по крайней мере весьма близко к этому. Пока переговоры шли, пришло известие о том, что мы кредит у Морганов взяли. Вот тут сразу Берлин свои неумеренные желания снизил. Особенно после того, как наши переговорщики заявили, что кредит нам более пока не требуется. Но в целом все равно их предложения неприемлемы. Так, они предлагают снизить наши таможенные пошлины на свои машины и химические продукты. К тому же хотят увеличить свои таможенные ставки на часть наших сырьевых товаров. На зерно и прочие продовольственные товары. Еще на что-то. А то действующие сейчас пошлины якобы убивают их сельское хозяйство и несут разорение их крестьянству и юнкерству. Вот так! Подписывать пусть и через год подобное невместно. Этак мы можем убить и село и нашу промышленность. А казна недополучит таможенных доходов миллионов 200 за следующее десятилетие, если не больше. Однако перед нашей Империей стоит вопрос скорой войны на Дальнем Востоке. И Берлин об этом естественно знает. Ибо и сам потихоньку подталкивает нас и японцев к войне. А если на это не соглашаться, то во время войны германцы могут ещё больше ужесточить свои требования по новому договору. Поступить так, как поступил в 1893 году мой покойный батюшка, Царствие ему Небесное, — Михаил перекрестился, — я не могу. Вести войну с Японией и одновременно таможенную войну с главным нашим торговым партнёром мы скорее всего не осилим. Получается куда ни кинь, везде клин. И наверняка немцы ещё затягивать переговоры будут. Они в отличии от нас себе это позволить могут, потому как руки у них ничем не связаны. Вот такие дела!

Михаил взглянул на новоиспеченного статского советника.

— То есть переговоры по новому конвенционному соглашению начались. И начали их германцы? — уточнил Александр.

— Да. Но затянуть эти переговоры они могут ещё на год. А потом ещё его утверждать

Рейхстагу. Я три дня назад отправил в Берлин Коковцева. Переговорщик он вроде неплохой. Посмотрим, что из этого выйдет. Но чудес я не жду.

— М-да! — покачал головой князь, — Но в общем ожидаемо. С другой стороны многие таможенные ставки у нас сейчас излишне высоки на мой взгляд.

— Излишне? — переспросил Император. — А упущенные доходы казны мне с кого брать прикажешь? Опять с крестьян? Так с них уже больше ничего не возьмёшь. Акцизы и так задраны высоко. Наше машиностроение и нарождающуюся химическую промышленность немцы удушат своими дешевыми товарами. Между прочим у тебя самого доходы упадут.

— Все это так, — согласно кивнул князь, — однако ты можешь ввести иные налоги на те же немецкие химию или машины. Не прямо на немецкие, а на группы товаров, завезённые в страну извне по ставкам ниже установленного правительством порога. То есть это не пошлина на товар, а налог, который каждая страна устанавливает самостоятельно. Например, какой-нибудь налог с оборота. Или гербовый сбор. Да много приёмов можно придумать, если захотеть. И сделать это в тот момент, который ты выберешь сам. То есть когда ты будешь к этому готов. А на ввоз части товаров можно вообще наложить временный запрет под каким-то благовидным предлогом. Или взять их чёрный металл. Сейчас германские металлургические концерны его продают на экспорт существенно дешевле, чем внутри страны. И их государство содействует этому экспорту некоторыми способами. Так в общем-то делают во всех странах с товарами, которые производятся в избытке. У нас тоже. Но не в этом суть. Вполне можно устроить антидемпинговое расследование и внутри страны наложить на подобные товары отдельных производителей дополнительные пошлины или налоги. Либо осуществлять ввоз какой-то части товаров только с помощью казны, объявив казенную монополию.

— Хмм! — заинтересовался Михаил, — ну даже если это и так, тут нужно с нашими налоговиками говорить, то не все ввозимые конвенционно товары подпадут под подобные налоги. Значительная часть выпадет. А Берлин аналогично может поступить с нашими товарами.

— Не все, — согласился Александр. — Но суть не в этом. Когда придёт время, подобными мерами можно будет разрушить невыгодный России договор и усадить Берлин за стол переговоров.

Михаил откинулся на спинку кресла и раздосадованно проговорил.

— Все это проще сказать, чем сделать. Да и вообще никто так не делает. К тому же это наверняка приведёт к внешнеполитическому кризису...

— Государь, мы стараемся быть большими европейцами во взаимоотношениях с Европой чем они сами. Только европейцы этого никогда не оценят. Мы для них всегда останемся азиатами. При этом они никогда не стесняются поступать так, как им выгодно. Так почему мы обязаны поступать иначе? Ты Император России, и обязан заботиться о своих поданных. О чужих поданных пусть заботятся их правительства. Ещё германский канцлер Бисмарк говорил, — «Русские всегда приходят за своими деньгами. И когда они придут, не надейтесь на иезуитские договоры, которые якобы вас оправдывают. Они не стоят бумаги, на которой написаны. С русскими нужно играть честно, или не играть совсем». Это не дословно, но где-то близко к тому.

— Хмм! Он действительно говорил это? — переспросил Император.

— Вроде бы да. Но если даже это не так, то почему бы в нужный момент подобные слова не

сказать русскому Императору?

— М-да! Поживем — увидим. Но ты сам посмотри! У Империи ещё не начались проблемы, а воронье уже начало слетаться в надежде на прожину..., — Михаил встал из-за стола, подошёл к окну и долго смотрел на уютный осенне-зимний пейзаж за окном.

— Как-то оно там пойдет...? — не обращая ни к кому конкретно проворчал он. Потом обернулся и уселся на подоконник.

— Вот и получается, что для того, чтоб заключить нормальный договор, нужно показать силу на Тихом океане. Да ещё при этом не сильно влезть в долги, — невесело резюмировал он.

— Государь, я действительно считаю, что некоторые пошлины излишне велики. Из-за них и из-за золотого обеспечения рубля за несколько лет к нам в страну пришёл большой европейский капитал. Вроде бы это неплохо на первый взгляд. И Витте этому сильно поспособствовал. Но за счёт высоких пошлин этот капитал получает сверхприбыли. По-хорошему, те же французы и бельгийцы, построив металлургические заводы и шахты на юге страны ничего нового технически нам не принесли. Зато теперь иностранцы в важнейшем регионе контролируют более половины выделки чугуна и стали. И до половины добычи угля. Они уже организовали синдикат по продаже своего металла. Туда пока вошли не все, кто мог бы, но это только пока. Цель вроде бы благая — снижение издержек при реализации своего товара. Сейчас эта организация распределяет квоты на казенные заказы между своими заводами. Это уже монополист. Нынче в кризис у нас на время образовался сильный избыток мощностей по выделке чёрного металла. Так что снижение издержек — это вроде бы правильно. Но разве цены на металл после образования синдиката сильно снизились? Нет! При этом русская казна через ценовую политику поддерживает в том числе и пришедших сюда иностранцев за собственный счёт. Не учитывая то, что эти иностранные капиталисты легко могут кредитоваться у себя на родине под процент вдвое ниже, чем русские заводчики. Сейчас страна вроде начала выходить из кризиса. Но тот же Пролетариат с наступлением лучших времена и не подумает самораспуститься. Цель любого капиталиста — получение максимальной прибыли. А потому целью любого монополистического синдиката будет являться продажа своей продукции по максимальным ценам. Сделать это можно, ограничив поступление продукции на рынок. При избытке мощностей по выделке металла мы очень скоро получим его недостаток на рынке. Если в зародыше подобные монополии в зародыше не убить, то потом определять порядки на наших рынках будут в Париже, а не в Санкт-Петербурге. Монополия — это спрут. Избавляться от него нужно пока он не опутал страну своими щупальцами и не начал пить из неё кровь, считая себя в праве это делать на постоянной основе.

Выслушав весьма убедительную речь новоиспеченного статского советника и немного помолчав, Император ответил.

— Хорошо, я тебя услышал. Я подумаю, как быть.

Он вернулся за стол, а потом спросил, кивнув на тонкую папку, оставшуюся в руках князя.

— У тебя что-то ещё?

— Да, Государь. Приберег тебе напоследок подарочек.

Михаил подозрительно посмотрел на собеседника.

— А он мне точно понравится?

— Даже не сомневайся, — улыбнулся Александр и отдал папку самодержцу. — Подарок добрый, как раз ко времени. Видишь ли, мои инженеры долго мучились над одной проблемой. Аж почти 10 лет. Но, наконец, частично ее решили. В общем я могу со своих пермского механического и челябинского заводов поставлять казне стальные гильзы для снарядов трехдюймовок и нашей новой гаубицы. Но у новых гильз пока есть один существенный недостаток. Их нужно использовать в течении года с момента снаряжения. То есть это технология как раз для военного времени. Станки для изготовления гильз тоже мои. На них можно изготавливать хоть стальные, хоть латунные гильзы. Только перенастройка с одного на другое, не сказать, чтоб простая.

— Так-так! Это действительно хорошая новость! — улыбнулся Император, имевший к артиллерии большой интерес. — А цена на гильзы?

— Та же, по которой Мотовилихе сейчас в *мирное* время засчитывают гильзы в казну. — Но заметив разочарование на лице Михаила, Александр быстро пояснил. — Извини, дешевле никак пока не получается. Там все не просто. Но заметь, я не зря оговорился про мирное время. Если и когда война начнется, так сразу цена на медь, включая импортную вырастет. Если вообще медь будет доступна. Соответственно подрастает цена и на латунные гильзы. Причём чем серьезней война, тем больше вырастет цена на медь. А вот мои стальные так останутся в прежней цене. Ну а цены частных заводов, кои нынче казне снарядные гильзы поставляют, и сейчас выше пермских. Так что государству прямая экономия. И денег и меди. Но только во время войны. Ну ещё на практические стрельбы их пускать можно. А насчёт проверки... В Перми их испытывали. Скажем так, частным порядком, но вместе с представителями казённого завода. В папке все данные по этому делу. Комиссию для официального испытания гильз все равно составлять нужно. Думается, что не стоит пока везти их сюда, на столичный полигон. Ну чтоб лишний раз не возбуждать интерес официальных иностранных шпионов. Они потом все равно узнают. Но чем позже, тем лучше. Все равно снаряды с этими гильзами в мобилизационный запас закладывать нельзя.

— Ладно! — Михаил постучал пальцами по столу. — Спытаем мы твои гильзы. Ежели все так хорошо, как ты говоришь, значит доброе дело сделал... А объемы какие дать можешь?

— Объемы немалые могут быть. Там в бумагах все подробно расписано. Но изначально нужны испытания. А то вдруг ГАУ заартачится. И еще. Передать технологию на казенные заводы в ближайшие год-два не получится. Металл там особый на гильзы идет. Технология через это хитрая. Хотя станки, настроенные для выделки латунных гильз, уже можешь у меня заказывать. Это всегда пожалуйста.

— Хорошо, учту. Раз такое дело, комиссию за пару недель соберем.

Михаил помолчал, покрутив перед собой на столе ручку-самописку.

— Александр, — начал он, — вот ты снаряды делаешь, гильзы делаешь, части к орудиям, станки опять же. С твоей немалой помощью всем миром сделали отличные пушку и гаубицу. А ты сам орудийный завод поставить не хочешь?

Князь ответил сразу, а после некоторой паузы.

— Может когда и сподоблюсь. Но у меня есть мысль получше. Пусть орудия делают те, кто это умеет. А я их буду продавать за границей. Вот смотри. По сути перевооружение на сухопутные орудия новых типов только началось. Ну не только что, но не так давно. Все крупные частные

орудийные фирмы работают и на внутренних и на внешних заказах. А у нас казенные заводы только для своей армии пушки выделывают. Но ведь и пушка и гаубица у нас получились очень приличные. При этом у заводов наших есть резерв мощностей. Вот ежели орудия в войне себя покажут, так, глядишь, ими можно будет заинтересовать иностранных покупателей. Если получится, так и заводы себе денег заработают и казну в результате периодических вынужденных простоев в убытки вводить не будут. Ты же сам знаешь. Сегодня заказ есть — завод работает, завтра — нет, и рабочие зубы на полку кладут, а казна убыток подсчитывает. Ну и мне процент посреднический от сделки не помешает. Вот такая у меня есть идея.

Михаил хмыкнул.

— Русские продают свои орудия, конкурируя с Шнейдером, Виккерсом, Круппом и так далее? Ну, не знаю. Попробовать, конечно, стоит. А вдруг выгорит. По крайней мере кто-нибудь, может и правда, заинтересуется. Но это потом, не сейчас.

— Так я и не тороплюсь. Мне сейчас тут дела кое-какие сделать, да на Дальний Восток дорога. Там я только японцам наши орудия смогу прорекламировать, — хохотнул напоследок Агренов.

— Да уж, — поддержал шутку Император, — ты там уж постарайся. Только опять повторюсь, сам вперед не лезь!

— Не буду, не буду! — пообещал Александр. — Михаил, у меня к тебе вопрос..., мне тут сказали, что у тебя беседа с московскими купцами была?

— М-да, все то ты знаешь, даже если тебя рядом не было. Хотя это не особо и секрет. Да, с богатыми купцами и заводчиками из Рогожской общины беседу имел. Сам же меня просил об этом подумать. Вот я и надумал. Не дело, что мы своих русских людей зажимаем, а всяким иностранным капиталистам, католикам и протестантам на своей земле излишнее позволяем. В общем я староверам кое-что пообещал, и они мне тоже кое-что пообещали. А так... им с Рождества Христова алтари закрытые в их храмах откроют. И перестанут чинить препятствия в некоторых делах. К сожалению, об возможном воссоединении церковей речь вряд ли может идти. Хотя может когда-нибудь подобное и произойдет. Если Синод и ихняя верхушка сподобятся и начнут делать маленькие шаги навстречу друг другу. Я даже не представляю, каким образом такое может быть. Но попытаться стоит. Может и получится, если обе стороны этого захотят.

— Каждая большая дорога, Государь, начинается с маленького шага. И то, что ты сделал нашим староверам шаг навстречу — это очень здорово! А там поглядим. Пока есть возможность идти навстречу, нужно идти. Вот ей Бог, — Александр перекрестился, что делал нечасто, — там тебе воздастся за это. И тут зачтется. Ведь эти староверы по-хорошему обладатели очень больших капиталов. И кто знает, что у них ещё может быть в кубышках...

— Ну, насчёт того места, где воздастся, мне ещё рано думать, — махнул рукой Михаил, — хотя на все Божья Воля. А то ведь до той поры здесь проклянуть могут. Победоносцев как узнал, так опять просить отставки приходил. Я его пока на время от этого шага отговорил, потому как не время нынче, но чую, что уйдёт он все равно. Вот как указ по образованию новой зоны в Сибири для переселения евреев подпишу на днях, так он точно в отставку уйдёт. А жаль. И не подписывать нельзя. Вот такая, понимаешь, у меня дилемма!

Возвращался из Гатчины на своём автомобиле Александр в неплохом настроении. Ситуация в стране, если исключить не слишком радужную экономическую, была в целом неплоха. Вовремя все-таки случилась эмм... скоропостижная кончина Николая II, за которой последовал, как

говорят либералы и социалисты, «разгул реакции». Карающие органы встряхнулись и интенсивно принялись за работу. Притом были существенно пополнены людьми. И пусть эти новые люди в Охранном отделении ещё только набирались мастерства в процессе работы, но ведь там и старые никуда не делись. Потому борцы за свободу как из низов, так и из верхов сейчас предпочли залечь глубоко на дно или вообще покинуть пределы Империи. Причём в последнем случае даже это не гарантировало им сохранение спокойствия. Нет, нельзя сказать, что нынче в России царила тишь хотя бы потому, что социальные противоречия и бедность никуда не делись, и экономическая ситуация была не лучшей. Но все-таки этот вариант Александру нравился больше. Если сильно утрировать, то хоть и нельзя сказать, что сейчас Михаил 2 прочно утвердился на престоле, но с другой стороны власть показала и силу и способность договариваться. Причём выходило, что договариваться она могла с самыми разными слоями населения. И с богатыми староверами, и с иудеями, и с рабочими. И в перспективе вероятно и с либеральными интеллигенцией и дворянством. А крестьянство уже получило пряник в виде прощения части недоимок и возможности выхода из общины. Так что тыл в предстоящей войне на какое-то время скорее всего был относительно защищен. Тут несомненно была и его личная заслуга. И не в последнюю очередь благодаря не малому куску периодической прессы, которой он теперь владел. Этакая мягкая сила. Её присутствие почти не ощущалось, но она была. И в нужный момент уже серьезно могла влиять на умы читающего населения и не только. Для той части прессы, которую он теперь мог контролировать, уже была составлена программа тона, который необходимо выдерживать на протяжении долгого времени. Патриотический подъем с началом войны на Востоке неминуем, но изначально нужно было не допустить патриотического угара, который быстро пройдет особенно с первыми неудачными действиями русской армии на полях сражений. Последние неминуемы из-за малого количества войск на первом этапе войны. А вот дальше как раз и начнется самая трудная работа прессы — поддержка этого самого патриотизма и веры в победу. И там уже точно пойдут в действия самые грязные приемы охмурения умов, если неудачи на фронте затянутся. Впрочем больше полугода с начала войны находится на Дальнем Востоке Александр не планировал изначально. Как уж там пойдет война, ещё не известно, но тыл, — а это по сути вся страна, был важнее. Проиграть на Тихом океане сильнее чем в ином варианте истории вроде бы было нельзя. Тем более с привнесенными им самим плюшками. А вот тыл проигрывать было категорически нельзя! Недопустимо. Иначе трон под Михаилом может зашататься, и все многолетнее прогрессорство Александра пойдет псу под хвост. Восшествие на трон в результате дворцового переворота условных Владимировичей может и без всякой Мировой войны привести к превращению страны в колонию. Причём последующей европейской бойни никак не отменяет. И тогда останется самому строить социализм, если его раньше не пристрелят в процессе социальных преобразований и гражданской войны, что очень даже вероятно. Потому как иного пути к этому моменту у страны скорее всего просто не останется. Совсем!

Но этот вариант, слава Богу, пока выглядит маловероятным. Хотя и может реализоваться, как говорится, несмотря на. Это с одной стороны. А вот с другой, все его прогрессорство, вся его экономическая империя пока по размерам капитала не слишком превышает сумму, которую сейчас ежегодно выплачивает Россия по собственным долгам. Причём часть капитала вложена за границей в том числе в некрупные пакеты акций перспективных компаний. Большинство при продаже принесёт неплохую прибыль. Но именно при продаже. Продавать явно придется на предстоящем витке экономического подъема. Жаль, конечно, но приложение этих денег в России важнее. Теперь важнее. И главное теперь возможно. Хотя бы потому, что у него налажилось поступление обученных инженеров и рабочих. Но, блин, как же не хватает денег. Тут и на порядок большие капиталы могут не спасти страну в Великую войну, если та затянется. Деньги... Навязчивая проблема, становящаяся идеей фикс. В Империи

категорически не хватает собственного капитала для развития промышленности. А допуск иностранных инвестиций приводит к тому, что целые отрасли попадают в руки иностранных упырей, готовых сосать соки из страны, но не приносящих в страну ничего особо нового. И не факт, что даже государственное регулирование допуска иностранного капитала тут поможет. Это если оно ещё будет. Вот и получается, что что бабки нужны гигантские. Такие в кладях и в отделениях чужих банков не лежат. А курочка по зернышку... Нет! В какой-то момент курочке наверняка снесут голову и отправят в суп, как бы тщательно не прорабатывались операции. Поэтому этот путь теперь, считай, закрыт. Грабить теперь можно только в соответствии со статусом. Так как грабят прочие капиталисты — обирать население и более слабых конкурентов. Но много и быстро подобным путём тоже не наберешь. Тем более, что самая доступная среда для него — это все та же Россия. Оно, естественно, заманчивое занятие разорять иностранных конкурентов, вот только капиталов в стране от этого не прибавится. Они просто сменяют собственника на более правильного. Ну по крайней мере с его точки зрения. Так ещё и защитники всякие найдутся. Здесь бы, конечно, лучше поворачивать финансовые аферы за границами Империи, вот только в прошлой жизни ни с чем подобным он не был раньше связан, а потому не в курсе нужных приёмов раздевания соперников. А те приёмы, которые ему доступны, тут и без него известны. Ну почти. Так что нового он в этом плане привнести может не слишком много, как бы ни этого хотелось. Да и чужой он для рынков других стран. А чужаков, тем более успешных, не любят нигде.

Взять хотя бы ту же Францию. За всю игру на бирже Парижа в кризис весь итог выразился в обретении, считай, за бесплатно небольшого банка южного побережья Франции с тремя отделениями в разных городах. Теперь то отделений уже шесть, и их число будет постепенно расти. Вся та мудреная комбинация была затеяна для того, чтоб присосаться к части больших французских финансовых ресурсов и для последующей перекачки их в Россию на собственное благо. Причём сам по себе этот процесс ещё по сути не начат. Более того самому придется около двух миллионов вложить в расширение филиальной сети. Но это пока. Вот после войны с Японией можно будет и приступить к этому делу. А там посмотрим, нужно ли будет валить этот банк, когда придёт время, оставив вкладчиков с бесполезными бумажками на руках, или процесс перекачки дешёвых финансовых ресурсов можно будет сделать постоянным. Постоянное, естественно, лучше, даже если придётся за это платить проценты. А там грянет Первая мировая и ... Посмотрим.

Всем этим почему заниматься приходится? Да потому, что одним производством подобных бабок заработать при жизни не удастся, как ни старайся. Несмотря на все послезнание о перспективных тенденциях и местах залегания под землёй всякого полезного, которые удалось выудить из собственной памяти. А ведь ещё огромные деньги приходится тратить на обучение собственного персонала. По идее в нормальной стране об этом, ну вернее хотя бы о начальном образовании и высшем тоже, должно заботиться государство. Но мы ведь в России живём, где всегда всего не хватает. Поэтому на своих будущих и настоящих работников приходится тратиться самостоятельно. По этой же причине приходится вкладываться не только в условное машиностроение и химию, как хотелось бы, а ещё в кучу того, чего в стране либо нет, либо сильно не хватает. Конечно, подобные вложения позволяют использовать мало квалифицированную рабочую силу, коей в России пока в достатке. Но хотелось то иного. А вообще после предстоящей войны все-таки стоит серьезно подумать над вопросом, а нужны ли ему те же вложения в аграрную и лесную компанию. Ведь по сути отрасль, почитай, создана и никуда из страны уже не денётся. Здесь, конечно, в случае, если он решит полностью или частично избавиться от этого ресурса, придётся как-то позаботиться о том, чтобы компании не попали в иностранные руки. Хотя ни черта не понятно, как это можно будет сделать. Но похоже сокращать свой пакет до минимальных 25 % все равно придётся. Нужны деньги на многое — на цветмет, на машиностроение, химию, нефтянку и так далее. А к тяжелому

машиностроению — прочной основе экономического развития страны он, считай, ещё не приступал. И не факт, что в ближайшие лет пять ему это удастся. Потому как идёт явный рост спроса на сельскохозяйственные машины. Не на трактора, конечно, а на всякое попроще. И похоже рост предстоит устойчивый. Не удастся как следует влезть в этот рынок, — он весь останется за немцами. То есть на рынке будет главенствовать импорт. По-хорошему, тут всего лишь нужно дать денег и оборудование тем, кто в этом хорошо разбирается. Для развития ихнего производства. Очередной шаг в этом направлении весной этого года он уже сделал. Ну и свои заводы отчасти, именно отчасти, задействовать в пределах их производственных мощностей. Незачем давать немцам слишком широкое поле для деятельности. Но ведь на это тоже придётся выделить денег.

А взять ту же химию. Блин, тут вообще поле почти не паханное. И разбрасываться нельзя. Придётся тянуть только отдельные направления. А потому тот же калий на верхней Каме придётся кому-то преподнести на тарелочке с белой каемочкой. Ничего сложного в его добыче и разделении на калиевые и натриевые соли нет. Тот же Абемелек-Лазарев вполне потянет подобное дело, если ему немного помочь. Те же шахты, только не угольные, а соляные. Хотя и очень глубокие. А оборудование вполне можно купить. Калийные удобрения дадут такой же стабильный доход, как и добыча угля. М-да. Только сначала это месторождение отыскать нужно. Оно вроде бы не на его землях. Вернее не только на его. А значит как-то нужно позаботиться и о том, чтобы после того, как весть о наличии калийных солей на Каме разнесется по стране, соседние территории не достались иностранцам. Ведь скупят все очень быстро. И как это сделать, спрашивается? Не самому же лезть в это дело? Или плюнуть, пусть пока полежит до того момента, когда у самого руки дойдут? Может и так, особенно если продать акции аграрной компании. Опять все упирается в деньги. Вот ведь гадская вещь, которой вечно нужно на порядок больше, чем имеется. И это при том, что он, почитай, почти сотню миллионов здешних местных денег саккумулировал в своих проектах. Начиная с денег Великих Князей, обычных князей и графов, ну и так далее. Все шло через акции и облигации открытых акционерных обществ, а также через личные векселя князя. Его банк «Русский капитал» ещё даже не выходил по-хорошему на рынок заимствований. Там тоже можно миллионов пятьдесят будет привлечь. Но все это деньги чужие. Не дай Бог что, вкладчики прибегут за своими накоплениями в самый неподходящий момент. А неподходящий момент случается именно тогда, когда его никак не ждут. И перезанять подобные суммы можно будет только под крайние условия. М-да!

— Александр Яковлевич, подъезжаем! — отвлёк Агренева от раздумий командир группы телохранителей.

— Хорошо Матвей. Я тут задумался слегка...

Скинув в прихожей верхнюю одежду, Александр прошёл в гостиную. В кресле у камина сидела Надя с раскрытой на коленях книгой. Она вопросительного посмотрела на супруга.

— Надь, можешь меня поздравить со статским советником, — улыбнулся Александр. — И Михаил передавал тебе большущий привет.

Он подошёл, уселся на карточки перед супругой и, взяв в руки её ладонь, поцеловал её. Надя взъерошила его голову другой рукой и ответила на поцелуй. А потом отстранившись от мужа с подозрением заметила.

— Вот только, боюсь, что хорошие новости на этом заканчиваются...

— Ну почему прям сразу заканчиваются? Я тебя люблю, и это главное!

— Опять уезжаешь...! Саш, а ты не забыл, что у меня..., у нас скоро родится ребёнок? Ты обо мне подумал? — Надя закрыла лицо руками. — Вот за что мне такое?

— Милая, понимаешь..., — Александр говорил медленно, стараясь по возможности найти нужные слова. — Это не вопрос каких-то денег. Да гори они огнём. Просто... Просто сейчас наступает критический момент в истории нашей страны. Это не многим понятно, но это так. Мы не имеем права проиграть! Не можем. Иначе потом судьба страны может измениться кардинально. Вплоть до того, что может так случиться, что нашему будущему малышу потом не найдется места в этой жизни. Поверь мне... я знаю, что это так. Как бы чудовищно это не выглядело. Мы ... Не ... Проиграем! А ещё... ещё я тебе обещаю, как и обещал Михаилу, что ни в какое пекло я сам не полезу. Мне это не нужно. Моя задача — сделать так, чтобы другие выполнили все от них зависящее, чтобы враг и думать забыл о том, что нас можно победить, пока мы ещё слабы на Дальнем Востоке. И еще, милая.... Я вернусь ДО конца войны. Потому что я тебя люблю, и потому... Потому, что так надо!

— А ещё..., — он поднял Надю с кресла и подхватил её на руки, — ещё у нас есть две недели до моего отъезда.

Ноябрь 1903 года

Лунев устроился в уютном кресле напротив князя, приготовил блокнот с ручкой и обратился в слух.

— Вениамин Ильич, — начал князь, — я принял решение продолжить структурирование нашего концерна, дабы впоследствии получить с имеющихся у нас активов максимальный возможный результат. С этой целью необходимо выделить угольное направление в отдельную компанию. Мы имеем значительные активы по всей стране — в Донбассе, под Челябинском, в Кузбассе, в Иркутской губернии, и в Приморье. Спрос на уголь в Империи растёт из года в год так, что производство за ним не успевает, поэтому стоимость этих активов имеет огромный потенциал роста. С одной стороны для развития этому направлению нужны большие капиталы, а с другой стороны неплохо было бы не только получить их за чужой счёт, а также получить пусть не прямо сейчас, но в близкой перспективе деньги на иное за то, что мы в своё время сделали успешные инвестиции. Потому я принял решение, как уже сказал, во-первых, выделить угледобычу в отдельную компанию, а во-вторых, провести её акционирование и выпустить крупный облигационный заем. Может быть и не один. Соответственно, нужно зарегистрировать новую компанию. Пусть она называется Россуголь. Впрочем, на названии я не настаиваю, если вам удастся подобрать более броское. Далее..., следует перевести на неё все имеющиеся в собственности, аренде и прочих формах активы. Туда же перевести соответствующий подвижной состав и некоторые бытовые структуры.

— В этой папке, — Агрнев передал своему стряпчему тонкую укладку, — мои соображения на этот счёт.

Папка быстро исчезла в бронированном чемоданчике, а Вениамин Ильич набросал несколько строк в своём блокноте. А его наниматель и партнер продолжил выдачу ценных указаний.

— Думается, что не будет лишним включить в активы компании и Сулимский механический завод в виде вишенки на торте, — усмехнулся князь. — Он уже сейчас производит некоторое горное оборудование в том числе и на продажу. И это направление при расширении объемов угледобычи следует всемерно развивать. Плюс следует посмотреть на вот какой момент. Не

будет ли полезным перевести на Россуголь владение новопостроенным участком железной дороги в Кузнецком угольном бассейне? Русской оружейной компании он по сути не нужен, так что если таковая возможность юридически имеется, то ее следует использовать. Что же касается руководства Россугля, то я уже попросил наших безопасников и Александра Владимировича начать подбор кандидатов.

— Хорошо, Александр Яковлевич. С Экибастузом как быть? Вы про него ничего ничего не сказали.

— Экибастуз включать в компанию не стоит. Нормального выхода на сеть железных дорог экибастузский уголь пока не имеет, и да добывается там мало при потенциальной возможности выдавать на гора на порядки больше, а потому в случае акционирования в настоящее время актив будет сильно недооценен. К тому же некоторые другие соображения у меня на этот насчёт имеются. На мой взгляд земель, богатых углем, там у Иртыша намного больше, чем сейчас используется. Но потом, когда компания будет оформлена, мы купца Дерова известим о её создании. Что же касается сроков выхода за привлечением стороннего капитала, то думается, что это произойдёт не раньше, чем будут построены вторые пути на участке от Челябинска до Оби и пропускная способность Сибирского пути сильно возрастет. То есть не раньше, чем через пару лет. А скорее всего и позже.

— Долгосрочные контракты постепенно переводим на новую компанию?

— Да. Те, которые просто можно переписать на Россуголь, те переводим. И новые заключаем на него же. То, что сделать затруднительно или невыгодно, то оставим на тех компаниях, на которые они записаны сейчас. А по истечении срока контрактов новые будут заключены уже от Россугля.

— Хорошо. Вообще я нечто подобное я уже сам обдумывал. По-моему, нам по одним акциям удастся получить на порядок больше, чем мы уже вложили в это дело.

Князь Агренив улыбнулся.

— Думаю, даже больше чем на порядок. Вспомните конец 90-х годов. Ведь люди расставались с деньгами просто за обещание условной компании «Рога и копыта» что-то организовать на пустом месте, которое подчас никто и не собирался выполнять. В подобных масштабах такое конечно если и произойдет, то не скоро. Но в данном случае у нас выходит очень крупная компания, единственный недостаток которой заключается в том, что большинство её активов находится за Уралом, а на Юге России у неё земель, перспективных на уголь, маловато. Но продажи угля у нас растут и растут хорошо. И перспективы огромны. По-хорошему, нужно было бы ещё до акционирования прикупить еще земли в Донбассе и развивать в первую очередь их, но денег на это, как вы понимаете, особо нет. Однако впоследствии, когда компания уже будет более менее организована, можно будет переговорить с Рябушинскими и Алчевским на предмет их возможного вхождения собственными землями и угольными активами в Россуголь. Тогда на Юге и покупать ничего не нужно будет. Но это потом по ситуации решать будем.

— Хмм! В случае вхождения Рябушинских и Алчевского, мы также рискуем продешевить при акционировании, — улыбнулся Вениамин Ильич.

— Посмотрим. Это как раз не горит. По-хорошему, мы в любом случае продешевим. Но ждать, когда в Сибири и на Дальнем Востоке наконец появится дельная промышленность, потребляющая много угля, десятилетиями мы тоже не можем. Просто не доживем до этого

счастливого момента. Потому некоторые, в том числе и возможные активы, я в Россуголь включать не намерен. Тот же Экибастуз и возможные угольные концессии южного Кузбасса, до которого мы рано или поздно все равно доберемся. И пласт под Челябинском, который мы разрабатываем разносом, пойдёт для Россугля только в концессионную разработку. Права собственности на него я оставляю за РОК. В любом случае я намерен получить за долю в активах максимум, отдав как можно меньше. Лучшим для нас вариантом было бы вообще только привлекать заемные средства через выпуск долгосрочных облигаций, но вряд ли это получится сделать без акционирования. Часть акций все-таки придется выпустить в свободное обращение в том числе и на зарубежных рынках. Кое-что на этот счёт я придумал. Но об том пока рано говорить.

Ноябрь 1903 года

Иван Михайлович, он же Джон Браунинг с удовольствием прошёлся вдоль стеллажей с образцами оружия. Тут были и серийные образцы, и эксклюзив, и новинки, ещё только готовящиеся к производству, и опытные образцы, и то, что по каким-то причинам не пошло в серию. Выбор на любой вкус и калибр. Глаз любого мужчины откровенно радуется подобному изобилию. А уж глаз оружейника и подавно. Такая выставка устраивалась до этого всего один раз. В 99 м году. Да и предназначена она всего для нескольких людей. Главных людей Российской оружейной компании и прочая и прочая. Эта вторая по счёту. Завтра должен подъехать князь. Кое-каких образцов не было даже здесь. Руководство о них знало, а прочим знать было не обязательно. Причём Джон подозревал, что кое о чем не знает даже он — главный оружейник компании. Но это его нисколько не огорчало. В конце концов у всех есть свои маленькие тайны. И дело совсем не в недоверии. Как сказал однажды князь Агренов, «меньше знаешь — крепче спишь». А имея дело с производством и оборотом оружия, иногда приходится и переступить черту. Такая уж здесь специфика.

Джон подошел к очередному стеллажу, который был посвящён калибру 4,2 русских линии. Вернее ему и тому, что можно сделать из огромных запасов русской винтовки Бердана. А сделать можно было очень и очень много. Самое простое — дробовики нескольких калибров. Рассверливанием стволов и кое-какой переделкой берданок в охотничьи ружья занимались даже кустари в Туле и Ижевске. А также сами эти заводы. И в сумме выделяли в год наверно тысяч по двадцать дробовиков в год. Российская оружейная компания, ставшая инициатором подобного производства, ещё в 98-м году прекратила эти работы. Слишком дёшево стали стоить подобные вещи. Выгоды почти никакой для большого завода. Аналогично обстояло и с берданками, переделываемыми под карабин. Возни немало, а прибыли кот наплакал. Но в переработку ещё вполне годные берданки пошли только пару-тройку лет назад, потому как они пока ещё стояли на вооружении русской армии, хотя активно вытеснялись новыми МАГаи и Агрениями. Все это уже неинтересно с точки зрения компании, хотя и связано с её историей производства. А вот дальше шли более интересные вещи. Взять хотя бы этот двухствольный штуцер. Вообще это разработка Мосина и Федорова, но начали его выпускать именно в Коврове. А уж потом к выделке подключился Сестрорецкий завод. Оно и понятно. Как казенные заказы сильно сократились, заводы начали искать, чем занять имеющиеся мощности и рабочих. У оружейной империи князя Агренова уже года четыре почти нет казенных заказов кроме как на пулеметы и взрыватели. Так что приходится крутиться с выпуском все большего ассортимента оружия для гражданского рынка. И хотя сейчас наклеивается мексиканский заказ, но как говорят русские, это еще бабушка надвое сказала. Конкурс на винтовку для мексиканской армии РОК выиграла, но с деньгами у мексиканцев всегда были проблемы. Вот и сейчас они просят осуществить продажу в рассрочку или за что-то еще, производимое в их стране. И не понятно, выгорит сделка или нет...

Ладно, черт с ними, с мексиканцами. Вот греки — это другое дело. Они более ста тысяч винтовок заказали. И хотя есть некоторые опасения насчёт своевременной оплаты, но они точно от нас никуда не денутся. Наша винтовка у них уже на вооружении. И они ей уже повоевать успели. А то, что не слишком успешно, так это не от винтовки зависит. Впрочем оплата заказа — это головная боль коммерческого отдела.

Возвращаясь к оружию... М-да, вот взять этот штуцер. Он вполне достаточен для того, чтоб с охотиться на любого зверя Северного полушария. Ну, правда, если из него исключить Африку и Индию. Отличная в сущности вещь. При этом не слишком дорогая. У него у самого такой дома имеется, причем новодел в эксклюзивном варианте под патрон с бездымным порошком. А если использовать берданочный ствол, то из обрезка ствола ещё выходит ствол револьвера. А вот кстати и сам револьвер. РОК выставила его на армейский конкурс в САСШ. К сожалению, уже ясно, что победить в нем не удастся. И дело не в том, что их револьвер хуже. А в том, что в Америке тоже имеются запасы устаревших винтовок, которые тоже можно переработать на что-то более полезное. А потому после некоторых размышлений Штаты выбрали калибр 0.45 дюйма, что сразу отсекло от конкурса ненужных иностранных конкурентов. Вряд ли, конечно, в Америке будут переделывать старье в новые револьверы, но факт остается фактом. САСШ сохранили привычный для себя калибр. С другой стороны наш револьвер уже разработан, причём с несколькими вариантами длины ствола. Оружие большой останавливающей силы. И также под бездымный порох. Пускать в свободную продажу такой в России и в некоторых странах Европы нельзя. Но Джон был абсолютно уверен, что револьвер обязательно найдёт своего покупателя. Может даже сама русская армия или полиция им заинтересуется. Правда у русских вечная проблема с деньгами. А так оружие получилось намного лучше, чем еще стоящий на вооружении револьвер Смита и Вессона. Потому как тому, что пришло на его замену ... М-да... останавливающей силы пуле трехлинейного револьвера все-таки явно недостаточно. Все хорошо — точный, ладный, отдача не сильная, в руке хорошо сидит, но калибр для войны все ж маловат. Срочно переделывать сделанный к американскому конкурсу револьвер в калибр 0.45 не стали. А несрочно его переделают у Стивенса в Америке. Все равно выпускать в России в его в американском калибре не будут, потому что торопиться было уже некуда.

Джон взял в руки ещё один штуцер. Элитная вещь, спроектированная им самим под идею князя о мощных поясковых патронах. Стоит дороже пулемета. Но платить деньги есть за что. Это оружие для сафари на «big five». Здесь уж кроме старого русского калибра с берданкой вообще никакой связи. Рынок достаточно узкий, но очень вкусный. Охотники, которые едут охотиться в британские, французские и немецкие колонии не привыкли отказывать себе в хорошем оружии. Хотя те же англичане весьма консервативны в своих вкусах. И тем не менее. Оружие в Европе пошло. Не говоря о богатых русских охотниках и путешественниках. Была мысль сделать штуцер под немного меньший калибр, но принято решение пока обождать пару-тройку лет. Нужно сначала приучить подобных взыскательных покупателей к эксклюзивной продукции РОК, а потом можно будет выпустить на рынок очередную модель. Джон усмехнулся. Никуда эти господа с большими деньгами от нас не денутся! Будут покупать как миленькие.

А вот «Рокот» под тот же что патрон, что и револьвера. С берданкой опять же кроме одинакового калибра ничего общего не имеется. Это максимальный калибр для Рокотов. Выпускается на заводе очень малой партией на любителей. А подобных любителей больше всего как раз среди его бывших соотечественников. Американцы вообще любят все большое. Поэтому выделка отдана на американский завод Стивенса, который князь купил с потрохами. Англичане тоже предпочитают большие калибры в оружии самообороны, но их консерватизм частенько им мешает. Потому в Британии, вернее в ее колониях, предпочитают именно

револьверы.

А взять вот этот пистолет-карабин «Кнут» в калибре 4,2 линии. Конкретно данный образец с новым стволом. Но если вдруг будет нужно, то вполне можно использовать стволы от берданок. По сути это разборный карабин, потому как стрелять из него как из пистолета могут только очень крепкие парни. Очень уж сильная отдача. Зато с пристегнутой деревянной кобурой в качестве приклада совсем другое дело. В серию пока не пошёл. Из-за особой мощности. Патрон тот же что и револьвера и Рокота, но с большей навеской пороха.

А вот последняя разработка Грeve. Джон провёл ладонью по ладному помповому ружью. Валентин Иванович совместил ствол берданки с помповым принципом перезарядки ствола самого Браунинга. Вышла знатная вещица. И тоже не слишком дорогая в выделке. Впрочем ствол можно взять любой. Хоть новодел, хоть берданочный. И тут есть одна особенность. По какой-то неведомой Джону причине в России, да и в Европе тоже, на гражданском рынке оружия ружья со скобой Генри не пользовались большой популярностью. А вот помповики пошли. Если не на ура, то где-то близко к этому. В прошлом году удалось продать аж 27 тысяч дробовых помповиков в трех калибрах. Так что возможно и это ружье ждет коммерческий успех. Тем более, что князь Агрeнев категорически запретил продавать кому-либо лицензию на принцип помповой перезарядки. Оно и правильно. Поскольку товар пользуется все возрастающим спросом, то желающие будут платить столько, сколько запрошено. А купить можно только у нас. Монополия! И плевать на введенные теми же САСШ высокие таможенные ставки. Таможенные сборы просто лягут на потребителя. А этому пулевому ружью ещё только предстоит завоевать своего покупателя. Хотя князь почему-то высказывал скептицизм насчёт идеи нарезной помпы. Но это мы ещё поглядим!

— Иван Михайлович, — к главному конструктору подошел начальник опытного цеха. — Где размещать экспозицию гранат, мин и прочего взрывающегося добра? Может мы их завтра перед приездом его сиятельства выложим у нас на верстаках?

Браунинг на секунду запнулся, а потом ответил.

— Нет, Пантелеймон Кондратьевич, ты их на третьем складе размести. Он сейчас наполовину пустой стоит. А столы ты знаешь, где на время взять.

Когда начальник опытного цеха ушёл, Джон вернулся к осмотру образцов.

Вот лежит пистолет-пулемет Мосина под этот же русский калибр. Может он когда-нибудь и пойдёт в производство. Но это наверно случится только тогда, когда какому-нибудь государству понадобится вооружить свою полицию скорострельным оружием с мощным останавливающим и убойным действием. А пока пусть полежит. Возможно когда-нибудь придёт время и этого оружия.

Джон взял в руки мощную целевую винтовку с оптическим прицелом. М-да, это одна из его неудач! Оказалось, что даже на самом современном оборудовании не получается выдержать настолько идеальную геометрию ствола, чтоб сделать по-настоящему точную целевую винтовку в данном или большем калибре, стреляющую более чем на три четверти версты с нормальной точностью даже с сошек. А может здесь виноват порох или пуля? Скорее всего и то и другое, и ещё ряд факторов. Потому у целевых калибр 9 мм так пока и остался максимальным, в котором они выделяются мелкой партией. В продажу целевые винтовки вообще не поступают. Князь наложил запрет. Разве что казна заказывала и получила полторы сотни штук, а потом дозаказала ещё.

Рядом с самого края лежали две фантазии мастеров опытного цеха. Именно, что фантазии. Он сам дал указание не доводить их до ума, потому как ничего хорошего из этого не выйдет. В производство они точно не пойдут, а значит нет смысла тратить на их доводку силы и время. Джон улыбнулся, — и все равно это история компании и история оружия. А значит им здесь место.

Браунинг обошел несколько стеллажей и подошёл к стенду с легкими пулеметами. Несколько вариантов. Его боль последние три года. Не выходит пока у него лёгкий пулемет. Он и его опытные мастера бьются, как рыба об лед, а пока не получается. И проблем не одна, а сразу несколько. Тут и рантовый русский патрон, и качество материала ствола, и проблемы с креплением магазинов и ещё пара не очевидных вопросов. Грум-Гржимайло по нужному сорту стали ствола пока разводит руками. Не получается у него повторяемость в плавках металла. Но Владимир Ефимович не теряет духа и сейчас возлагает надежды на электрометаллургию. Надо сказать, надежды обоснованные. Опытно-промышленная установка уже выдаёт плавки и результаты вроде бы самые успешные. Так что через полгода, глядишь, и получатся нужные сплавы в товарных количествах. А вообще дело с пулеметом, конечно, движется потихоньку. Но именно потихоньку. Прорыва нет. Пока нет. А вот датский конкурент — Мадсен свой лёгкий пулемет сделал. Не сказать, что датчане решили все проблемы. Вон он этот Мадсен на краю стоит. Но тем не менее в продажу его пустили и на вооружение армии датчане его приняли. Из-за проблем с пулеметом Агренов даже предлагал Джону подумать о безрантовом патроне меньшей мощности. Но что это за пулемет выйдет? И кто его такой купит, раз под него нужен особый патрон? Нет, так дела не делаются! Хотя надо сказать, что соблазн такой имелся. И не малый. Но Джон этот соблазн отверг. И правильно сделал. В армии есть пистолетный патрон или револьверный. И есть винтовочный. И так обстоит в любой стране мира. Ещё один средний патрон не примут ни в одной стране мира без особых на то причин. По крайней мере в тех, кто самостоятельно производят вооружение для собственных армий. Безусловно, полно прочих стран, но не они определяют моду на оружейном рынке. РОК теперь, конечно, один из главных законодателей мод, но финансы Российской Империи не позволят ей принять на вооружение и выпускать пулемет под специальный безрантовый патрон уменьшенной мощности. А значит и нет смысла пока думать о подобном оружии. Был бы какой-то иной первоначальный богатый заказчик, тогда другое дело, а так только время терять. Тем более лёгкий пулемет под винтовочный патрон все равно нужен. И значит нет смысла отвлекаться на какие-то промежуточные варианты. Есть вещи, которые создаются в процессе прорыва, и есть те, которые приходится доводить долго и трудно. Ничего, справимся и с этим пулеметом!

Джон вздохнул и пошёл на выход. Поднявшись к себе в кабинет, он взялся было за чертежи, но мысль как-то уплывала. Помянув нечистого, он встал и подошёл к окну. Тут ему в очередной раз пришла мысль, что руководство компании иногда ведёт себя несколько странно. Вот, скажем, взять производство боеприпасов. У РОК имеется свой завод по выделке патронов. Своей деятельностью Русская оружейная фактически способствует развитию стороннего производства патронов в Империи. С расширением ассортимента оружия РОК в стране появляются небольшие частные фирмы, не говоря уж о большом частном патронном заводе в Туле, изготавливающие различные типы патронов, которые вводит в оборот РОК, но князь Агренов почему-то отказывается их патентовать, хотя и может. И в Европе количество запатентованных им патронов можно пересчитать по пальцам одной руки. В основном те, что идут к дорогому оружию. Странно, что и говорить.

Говорят, есть планы по строительству собственного патронного завода в Испании. Зачем? Нет, конечно, свой завод в Европе точно не помешает. Но почему именно в Испании? Ещё одна странность! А ещё нечто подобное говорилось про Южную Америку. Там, правда, пока непонятно. Вроде бы князь хочет найти достойного компаньона, который бы сам тянул эту

лямку производства и сбыта, а РОК занималась бы только контролем. Здесь все понятно и прозрачно. Русская оружейная уже неплохо подсадила три главные страны Южной Америки на своё оружие, и теперь пора забираться туда с ногами и окончательно столбить рынок. Сначала по патронам, а потом можно будет даже подумать о переносе туда части производства оружия для снижения издержек. Но последнее, пожалуй, выйдет не скоро, потому как для этого там должна быть хорошая металлургия. А с этим пока у южноамериканцев проблемы. Взять хотя бы ту же Чили. Там вообще почти весь чёрный металл привозной. Какое уж тут производство оружия?

Да что там Чили?! Вон на востоке Империи зреет конфликт с Японией. И вроде бы неплохо было бы поставить где-нибудь в тех местах патронный заводик, тем более там рядом такой потребитель как Китай, ан не выходит. Для этого нужно туда завезти рабочих соответствующей квалификации, построить пороховой и капсульный заводы. А для порохового нужно развить выделку азотной и серной кислоты. Что-то там вроде бы есть, но в мизерных количествах. И, почитай, выходит, что построить завод можно, но работать он не будет. Вот такой парадокс получается.

Джон ещё немного постоял у окна, смотря на зимний пейзаж, вздохнул и пошёл к рабочему столу.

Конец ноября 1903 года

Звук перестука колёс изменился и поезд, везущий князя Агренева на Дальний Восток въехал на Самарский мост через Волгу. Здесь река ещё не до конца встала. На середине ещё оставалась полоса чистой воды, по которой потихоньку полз припозднившийся буксир с двумя баржами.

Из окна стали видны пригороды Самары — места, где работали капиталы Александра. Один нефтеперерабатывающий завод чего стоил! Он был построен по новой для этого времени технологии. Здоровенные ректификационные колонны непрерывного цикла, гидроочистка, термический крекинг, выработка циклических углеводородов... Не все пока работало так, как должно. Потому здесь уже год как торчала команда химиков во главе с Зелинским, вводя одно специализированное производство за другим. Говорят, раньше проезжая мимо завода, нефтепромышленники ворчали себе под нос, что князь чудит. Теперь уже перестали. Ныне наоборот закидывают удочки, а нельзя ли и им занять нечто подобное, но размером поменьше. Среди них есть и Нобель и Лианозов и англичане. Ротшильды и Рокфеллер, правда, пока не объявлялись. Видимо, знают, какой ответ им будет дан — технология запатентована, но пока не отработана. Впрочем, ответ почти честный. Почти.

По объёму переработки нефти это — завод-гигант. По нынешним меркам. Он уже самый крупный в Империи. И к нему уже достраивается вторая очередь. Вернее полуторная. А также ряд специальных сопутствующих производств. Зато среди этих спецпроизводств будет выделка ПВХ. И тогда сладкий и денежный европейский рынок проводов и кабеля раскроет перед ним свои жаркие объятия. М-да. Правда до этого ещё эдак года три, если все пойдёт нормально.

По полиэтилену, к сожалению, получилось не очень удачно. Менделеев синтезировал его в 1899 году одновременно с немцем Гансом фон Пехманном. И соответственно было выдано два патента, германский — фон Пехманну и русский — Менделееву. Налицо был патентный конфликт и вероятные долгие судебные тяжбы и не только они. Поэтому было решено подождать несколько лет и посмотреть, что будет. И это решение явно оправдалось. Применения новому веществу германцы явно не нашли, производить не собирались, и

потенциального патентного конфликта не случилось. Так что нужно подождать ещё пару-тройку лет и спокойно выкупить у немцев германский патент. А после этого уже начинать производить полиэтилен, например, для того же телефонного кабеля. Впрочем наверняка этой парой-тройкой лет дело не ограничится. Чтоб уверенно себя чувствовать в подобных делах, не помешает сначала построить ещё один завод подобной мощности. Или перепрофилировать один из имеющихся у совместной с Манташевым нефтяной компании завод в основном на выпуск гранулированного полиэтилена. Но с этим как-нибудь в будущем решим.

А вот аммиачную революцию решено пока отложить. Желающим купить лицензию управляющие пока отвечают, что она не будет продаваться в течении пяти лет. Вернее уже четырёх с половиной. Но на самом деле скорее всего отсрочка по истечении этого срока будет ещё продлена на такой же срок. А самым настойчивым и щедрым покупателям будет предложена внутрироссийская лицензия. И пусть себе строят заводы тут, в любом регионе России за исключением приграничных губерний. Если все выйдет как задумывается, то Россия вполне может стать на некоторое время экспортером азотных удобрений для части европейских стран. А потом в предстоящую мировую войну у Империи будет меньше проблем с выделкой пороха и взрывчатых веществ. Это, конечно, не означает, что он сам не сможет построить пару-тройку аммиачных заводов за границей. Очень даже может, если деньги будут. Впрочем насчет денег на будущее есть интересные соображения. А пока следующий завод намечено строить на Северном Кавказе. С площадкой только пока не определились. Майкоп, Петровск или Грозный. У вариантов есть свои плюсы и минусы. Скажем, неподалеку от Грозного Манташев осенью того года ухитрился взять у терских казаков в аренду три перспективных на нефть участка земли. Причём на двух из них до нефти он уже добурился в одном случае с мощным фонтаном. По третьему участку пока непонятно. Может и пустышкой оказаться. А вот в киргизских степях ему успех не сопутствует, что Александра Ивановича сильно задевает. Зубалов, с которым удалось встретиться накануне отъезда на Дальний Восток, в красках рассказывал, как Манташев бил себя кулаком в грудь и мамой клялся, что найдёт таки на Эльбе нефть. Возможно и найдёт. Главное, чтоб не переусердствовал в её поисках. А то бурение нынче — дорогое занятие особенно в отдаленных безлюдных местах. В общем, в письме Александру Ивановичу, переданному через Зубалова, Александр просил компаньона по нефтяному бизнесу не слишком усердствовать именно на Эльбе. Если дело пошло в районе Грозного, то в том районе и нужно сосредотачивать свои усилия. Тем более, что там Ахвердов и К° всегда готовы вмешаться за дележ перспективных участков около Грозного. Да и без Ахвердова на северном Кавказе хищников хватает. Один Шелл чего стоит. Пустынные киргизские степи могут подождать хотя бы потому, что даже если там и найдётся нефть, всю инфраструктуру в тех местах придётся создавать самим с нуля. А это деньги ну очень немалые.

Зубалов, побывав на грозненских нефтепромыслах, рассказал очередной ужастик. Впрочем ужастиком это было только по мнению князя. Если в Баку бензин и лигроин, которые почти не находили сбыта, сжигались или просто выливались в Каспийское море, то в Сунженской долине утилизация этих горючих жидкостей имела свою «специфику». Для того, чтоб избавиться от них, нефтедобытчики вырывали колодцы, в которые и сливали бензин. Так что после встречи с Зубаловым Агренов начал прикидывать, как бы этак можно было бы использовать в собственных целях то, что не нужно другим. Причём желательно как можно более долгий срок. Хоть сейчас на Северном Кавказе как и в Баку активно внедряются бензиновые и нефтяные двигатели в том числе и его выделки, но фабрикация бензина как отхода при переработке нефти пока на порядок превышает его потребление. Да и сами двигатели денег стоят. А бензин для нефтяников пока фактически ничего не стоит. Так что им вполне можно хоть топить паровые котлы, хоть использовать в ДВС. Разницы для того, кто перерабатывает нефть невелика. Все равно ещё остаются очень большие объёмы, которые некуда девать. Связываться с перевозкой бензина как легко воспламеняющейся жидкости

желают немногие. Да и инфраструктуры под это у многих нет. Поэтому стоит попытаться купить этот самый бензин по фиксированно низкой цене по долгосрочному контракту лет на десять вперед. Опять же собственный НПЗ в на Северном Кавказе теперь строить придётся уже по-любому. Так почему бы не поставить там выделку толуола с бензолом из почти дармовой бензиновой фракции? Ведь сейчас Грозный дает до 5 % от российской нефтедобычи, а содержание бензинов в нефти там доходит до 14 %. Плюс несколько процентов лигроина. Так что есть за что побороться. Кусок явно лакомый, если удастся договориться о долгосрочном контракте по дешевке с хорошими такими штрафными санкциями. Благо образовалась свободная наличность с возвращением Долгина и его уже не маленьких капиталов. Плюс пара миллионов появилась от выкупа казной накопленных в предыдущие годы всяких полезных для войны вещей. И это только начало. По идее ещё миллионов на 5 казна у него закупится сразу после начала боевых действий. Плюс текущее снабжение и поставки, что в разы больше. Так что со свободным капиталом стало проще. Правда, как всегда сразу встает другой вопрос, где взять кадры, которые все решают. А пока перед отъездом Александр поручил Сонину и Горенину подобрать небольшую команду способных парней и отправить на грозненские нефтепромыслы дабы подробно разузнать все условия возможной работы в этом перспективном направлении. То есть люди Манташева пусть занимаются под Грозным освоением новых месторождений, а эта команда своим делом. А уж потом можно будет проекты состыковать.

Появление свободных средств также позволило запустить в работу сразу два очень нужных и полезных проекта. Во-первых, постройку трубного завода в Сулине по методу братьев Маннесманов. Вообще с немцами переговоры велись более двух лет. Уж больно они не хотели продавать лицензию на сторону. Оно и понятно. Германский капитал контролировал половину продаж труб в Империи. Причём сами братья уже не являлись хозяевами патента. Они его продали консорциуму банков и фабрикантов. В общем крови из подчиненных Вениамина Ильича немцы попили за это время немало. Но в конце концов договориться с германцами удалось, хоть это и стоило не дешево. В итоге немецкий концерн «Маннесманрёрен верке» и РОК получали в создаваемой «Восточной трубной компании» по трети пакета акций, а ещё треть должна была распространяться по открытой подписке. Впрочем желающих приобщиться к такому перспективному бизнесу несмотря на не самые денежные времена было много. Новая трубная компания могла построить в России два завода, причём второй не раньше чем в 1910-м году. Работать она могла только на внутренний рынок и рынки Персии, Афганистана и Маньчжурии. И никуда более. В общем немцы оградили собственные интересы как только могли. Но с другой стороны, трубы нужны были не только для добычи нефти и её транспортировки, а в много где ещё. К тому же в планах на будущее у Агренева стояло последующее изготовление труб минометов. Да и более полное использование мощностей своих металлургических заводов юга России тоже дело очень важное.

Во-вторых, был запущен проект постройки в Санкт-Петербурге второго подшипникового завода. Собственно столица выбрана местом постройки завода из-за наличия относительно квалифицированной рабочей силы и из-за близости к шведской природно легированной руде, которую использовали немцы на своём подшипниковом заводе, теперь с потрохами принадлежащему Русской Оружейной компании. Здесь, правда, имелся один значительный минус, связанный с энергодефицитностью региона, который сильно проявится в случае европейской войны, но Александр уже видел способы смягчить в будущем этот минус за счёт постройки ГЭС на Волхове, если звезды сойдутся, и за счет ТЭС, работающей на местном торфе. В этом случае тут плюсы явно перевешивали минусы. И если трубный завод являлся в первую очередь необходимостью для нормальной работы нефтянки и не только ее, то подшипниковое направление наряду с аммиачным и некоторыми прочими по замыслу князя должно было со временем стать одним из конкурентных преимуществ не только его

промышленной империи, но и Империи в целом на долгие годы вперед. Если все получится, как задумано.

Имелись у него и мысли на будущее, пока ещё не оформившиеся в конкретные планы. Вот, скажем, взять северные черноземные губернии центральной России. В них имелся явный переизбыток рабочей силы. Правда, малоквалифицированной и по большей части от сохи, но ... На севере от этой весьма обширной области имелся Московский промышленный район, на юге Новороссия с её металлургией, металлообработкой и угольными шахтами, на западе — промышленный Харьков и Брянск. А вот районы Белгорода, Курска, Липецка, Орла были явно бедны на промышленность. Отчасти из-за того, что, по-видимому, не обладали какими-то серьезными местными конкурентными преимуществами, отчасти из-за отсутствия на месте серьёзных капиталов, которые можно было бы пустить в дело. Да и иностранцы, все больше наводняющие своими капиталами и собственным присутствием Россию, в основном обходили эти губернии стороной. Из-за избытка населения в первую очередь сельского из этих районов шло переселение в Сибирь на новые земли, что хоть и было крайне полезно, но стоило казне немалых денег. И если можно было бы хотя бы часть этого избыточного населения занять на месте полезным трудом, то это было бы очень неплохо. А если бы это получилось сделать за чужой счёт, ну например, за казенный, то было бы вообще здорово. Хотя на казну больших надежд в этом плане не было. После войны с Японией у неё явно будут проблемы с деньгами. Собственно самый простой способ занять сельское население известен был Александру ещё из его прошлой жизни. То есть развитие свиноводства и птицеводства на этих землях. И пусть постройка крупных комплексов сейчас была невозможна, в принципе вопрос можно было бы решить и проще. Но вот влезать в сельское хозяйство ещё и в этих землях в планы князя никак не входило. Иным способом частичного решения проблемы перенаселения могло бы стать размещение в крупных городах северного Черноземья заводов, выпускающих не сложную, но нужную технику. Хотя бы ту же сельскохозяйственную, благо неподалёку на юге имелся и уголь и металл. Это было уже более интересно с его точки зрения. Тем более, что в случае принятия положительного решения, здесь можно было бы сэкономить на постройке жилья, потому как частный сектор имелся в достаточных количествах. Третьим простым способом трудоустройства населения являлась добыча из земли чего-нибудь полезного с последующей относительно простой переработкой. То есть это производство стройматериалов, стекла и изделий из него, карбида, фосфатных удобрений и прочего подобного. Бизнес, требующий не слишком больших капиталов, и при этом занимающий немало рабочих рук. Но сильно зависящий от имеющегося внутреннего спроса. Ну и ещё одним вариантом была глубокая переработка сельхозпродукции в продукт окончательного потребительского спроса. То есть расфасованного и упакованного. Причём крайне желательно, чтобы большая часть этой продукции шла сразу на экспорт. Это как раз то, чем РАК пыталась заниматься последние три года в верхневолжских губерниях. Выходило пока не очень. Серьёзной проблемой тут была логистика. Вернее проблема перегрузки. Крановое хозяйство в русских морских портах было редким явлением, из-за чего стоимость обработки грузов в России вдвое проигрывала европейским портам. Но не это было главным. Проблемой была вообще перегрузка фасованного товара — условной крупы или муки в пакетах. Да и оптовые иностранные покупатели пока не слишком активно брали русскую фасовку. К тому же своих пассажиров для продажи этого добра в Европе Александр так и не завёл. Нет, занять несколько собственных крупных магазинов в европейских столицах можно было бы, но это ничего не решало. А устройство крупной европейской сети супермаркетов встало бы во много миллионов рублей, причём эти деньги пришлось бы брать из сумм предназначенных на постройку заводов и рудников внутри страны. Так что не сложилось. Агренив бы и сеть губернских пассажей с удовольствием продал лет этак через пять-семь, если б при этом не пострадали продажи его товаров. И хоть розничная торговля приносила процент дохода больший, чем некоторые его

производства, наличие собственной крупной сети магазинов никак не поможет стране в предстоящую мировую войну, которая все равно начнётся лет эдак через десять.

А вот кстати! Взять кожевенную отрасль. До недавних пор несмотря на возможность обработки в том числе и ремесленным способом кож Россия вывозила большую часть кож за границу в необработанном виде. А потом ввозила примерно обратно в уже обработанном примерно на ту же сумму, что и вывезла. Отчасти причиной тому была дороговизна необходимых химикатов, которые приходилось выписывать в Германии и Англии. Но только отчасти. Сейчас же тех же серной кислоты, квасцов, сульфата аммония, хромпика и некоторых других химикатов Кыштым производил все больше и больше. В связи с появлением дешевой химии на Урале и в Западной Сибири активно начала подниматься переработка кож. Квасцов пока правда производили маловато, но это только пока. Так почему бы не развить эту кожевенную отрасль и в северном Черноземье? Занятие трудоёмкое, а масштабы необходимой переработки велики. Дух от этого промысла, правда, весьма противный, но почему бы и нет?

Александр потянулся за блокнотом для ценных мыслей и набросал в нем несколько строк. Подумал, покрутив свой «Паркер», и набросал ещё парочку.

Вообще если получится наметить верные и недорогие пути решения проблемы, а потом отдать их специалистам на проработку, то может получиться некая государственная программа, кою вполне можно предложить Михаилу и Коковцеву. В этом могут вполне поучаствовать частные банки и купцы с промышленниками, если увидят свой интерес и некоторые преференции от казны. Так что тут есть за что побороться. Но дело это не быстрое, а долгое и многотрудное. В поезде в одиночку такое не придумаешь, однако ценные мысли на этот счет и в дороге могут прийти. Вот хотя бы как эта мысль с кожевенной отраслью...

Поезд начал тормозиться и вскоре остановился на станции Самара. За окном раздался громкий голос проводника, извещающий о том, что стоянка продлится 15 минут.

— Ну да, сейчас сменят паровоз и дальше поедет. А после отправления можно будет навестить вагон-ресторан, — решил Александр. — А то червячок уже проснулся и требует его заморить.

Вообще вагоны-рестораны ранее в Империи не производились. Да и не на всех железных дорогах они были в поездах дальнего следования. Импортные были, но не везде. Министерство путей сообщения не слишком торопилось закупать эти вагоны за валюту. Так что можно сказать, что кризис начала века оказал стимулирующее воздействие на вагоностроителей. И вдвойне приятно, что это были свои вагоностроители — челябинские. Сами вышли с предложением начать их выделку в условиях сужающегося рынка заказов, сами сконструировали. Князю оставалось только переговорить с Хилковым, который дал зелёный свет этому начинанию. А поскольку конструкция и оборудование вышло удачным и недорогим, то от МПС вскоре последовал немалый заказ аж на три года вперёд. А потом, видя такое дело, подтянулись и представители частных железных дорог. Но вообще конечно он допустил промашку с этим заводом. Не нужно было ставить столь крупное производство паровозов и вагонов. Если б не частичное репрофилирование и выпуск различного специализированного подвижного состава, пришлось бы сильно сокращать объемы производства. Но справились, пусть и с некоторыми потерями, но справились.

Через час, вернувшись из вагона-ресторана, князь взялся за всученную ему секретарем перед отъездом очередную порцию почтовой корреспонденции. Уже несколько лет назад он перераспределил получение почты на несколько адресов. Так что удалось разделить эти потоки. Те партнёры и знакомцы, которые были важны Александру, отправляли почту на новый адрес, и эту почту князь просматривал собственноручно. А остальная корреспонденция,

приходящая на обычные адреса, просматривалась сначала помощником личного секретаря. Отобранное помощником попадало на стол Ярославцеву. Тимофей также сортировал полученное, направляя отобранное либо самому князю, либо специалистам, а на что-то отвечал самостоятельно. Построенный подобным образом многослойный фильтр почти избавил Александра от бесконечного спама начала двадцатого века. Так что то, что сейчас ехало с Агрневым в поезде действительно могло его заинтересовать или требовало личного ответа.

Разорвал очередной конверт, Александр вчитался в текст. М-да... Саратовский губернатор в очередной раз, в третий уже, предлагает князю поставить в подведомственной ему губернии новое производство и готов выделить участок земли под это на льготных условиях. Таких людей как губернаторы игнорировать нельзя. Отвечать придется, хотя Тимофей вполне мог бы это сделать и сам. Ответ ему и так известен — денег не печатаем. В ответе будет конечно совсем другое, но по сути смысл тот же. Хотя мысли насчёт заводов в низовьях Волги у Агрнева несомненно имелись. Но пока, увы, их приходилось откладывать в долгий ящик.

Князь взялся за перо и быстренько набросал ответ. Потом скрепил скрепкой оба письма и отложил в сторону. Ярославцев остался в Москве, так что сейчас его обязанности в поезде заменяет один из команды телохранителей. Запечатает, надпишет конверт и отправит.

Так, что тут у нас ещё? О! Письмо от Карпинского. Так-так! И пишет Павел Михайлович, что в Сысертском округе совсем рядом с Полевским заводом под железной шляпой обнаружено еще одно месторождение колчедана. Анализ дал неплохое содержание меди. И карта прилагается. Ага! Ну вот похоже и оно — Зюзельское месторождение. Вот теперь в Сысертском горном округе полный комплект медных месторождений. Ну по крайней мере из того, что сохранилось в памяти. Что несомненно радует. По-хорошему, Соломирскому нужно бы сначала с Дегтяркой разобраться, а потом уже и за Зюзельский рудник браться. Но как-то в это не очень верится. Зюзельский рудник от Полевского завода — рукой подать. С него на завод руду и гужом возить можно. Хотя нет! При таких глубинах залегания руду сначала нужно разрабатывать разносом. Уж какую выгоду дают экскаваторы, Соломирский теперь прекрасно знает. А экскаваторы делается только у меня в Челябинске. Ну и ещё штучно в Питере, но туда Дмитрий Павлович ездит не слишком часто. Так, что тут ещё? Образцы имеют некоторое содержание золота и серебра, но не слишком большое. А вот цинка нет, что позволяет перерабатывать руду более простым способом, поскольку не требуется улавливать этот самый цинк.

Александр быстро просмотрел стопку писем, но послания от Соломирского не было. Это кстати даже хорошо, что его нет. Видимо, Дмитрий Павлович решил сначала все хорошо разведать, а уж потом радовать своё драгоценного партнёра. Впрочем, он наверняка в курсе, что Карпинский отпишет своему нанимателю. Короче, будем посмотреть.

Так, ещё что нам пишет Карпинский? А, ну да. В очередной раз через управляющего предлагают присоединиться к «крайне необходимому делу» и войти в объединение уральских производителей гвоздей и проволоки. И ведь организовались таки, — Горенин докладывал. Акционерное общество «Гвоздь» во главе с Ратьковым-Рожновым — хозяином Ревдинского округа. Собрали больше половины производителей этого добра на Урале. Но многие отказались. Тот же Абемелек-Лазарев отказался. И нечто подобное мутят насчёт листового и кровельного металла. Одним из главных в этом мутном деле, прикрываемом высокими патриотическими речами, все тот же действительный тайный советник В. А. Ратьков-Рожнов. Тот самый, что, будучи городской главой Санкт-Петербурга, в 1897 году и владея немалым пакетом по сути германского «Общества электрического освещения» Сименса, получил для этой компании концессию на освещение северной столицы аж на 40 лет. И обломал этой, прямо скажем, монополией нормальный бизнес другим людям. В том числе и князю Агрневу.

Впрочем создавая уральский картель и надеясь порулить ценами, его члены своих целей уже не добьются. Во-первых, с южными заводами России, девять из которых состоят в «Продамете», они вряд ли договорятся. Французы с бельгийцами при желании их легко удавят ценами, как только всерьёз займутся «народным товаром». Во-вторых, без Кыштыма, Кизела и Сысертского округа у картеля не хватит объемов продукции для диктата цен даже за Уралом. Это не говоря о том, что есть ещё несколько прочих округов и казенные заводы, не вошедшие в этот пул. Ну и в третьих, ... В третьих, Алчевский также поддерживает объединение сбыта с некоторыми заводами, где у руля стоят русские предприниматели. В своё время Александр отговорил владельцев некоторых южных заводов ложиться под французско-бельгийский синдикат «Продамет». Тут и Мальцовские заводы, тут и Общество Брянского рельсопрокатного, железоделательного и механического завода, плюс естественно полтора его завода — Сулинский и ДЮМО. Так что ежели удастся договориться о совместном сбыте хотя бы этим четверем заводам плюс Кыштым и плюс может быть Сысерть, то явной монополии «Продамета» уже не бывать. И ведь есть еще несколько крупных и не очень заводов, которые могут примкнуть куда угодно. Или не примкнуть никуда. Тот же по сути английский Юзовский завод Новороссийского общества, представителем которого является князь Кочубей, ещё совсем не факт, что примкнет к «Продамету». Хотя, конечно, французы будут очень стараться. Посмотрим. Нашему вероятному объединению, конечно, с «Продаметом» тягаться сложно, но и французам ценового диктата никто не гарантирует. Это без учёта того, что может сделать Император, если надумает взяться за монополии в стратегических областях. Да, формально «Продамет» закона по монополиям не нарушает. Но по сути он как раз и подпадает под этот закон. И если Михаил сочтет, что подобный синдикат ему не нужен, то его слово в России — закон, потому как он — самодержец. А в будущем все равно на Урале и в Кузбассе задумывается поставить пару крупных металлургических заводов перед Мировой войной. Так что ещё поглядим, «кому на Руси жить хорошо». Вот только весьма вероятно, что подобный шаг может убить самые «лежачие» из уральских округов. Но и содержать такую древность только для того, чтобы чем-то занять местное население, смысла явно не имеет. Плохо то, что среди лежачих есть и некоторые казенные заводы. А это отрицательно влияет на мнение чиновников, которые будут подавать свои рекомендации на самый верх.

Возвращаясь же к уральскому картелю, можно констатировать, что объединение сбыта вполне себе пойдёт уральским заводам на пользу, поскольку ликвидируется прослойка посредников. А вот диктовать цены рынку они черта с два смогут. Так что это вроде как плюс для страны.

Причём надо сказать, что деятельность самого Александра на Урале уже принесла положительный результат в том числе и уральским округам. Дешевый Коркинский уголь хоть и нельзя использовать в домне, но для многих других целей он вполне подходит. И его уральцы неплохо берут. Пошёл тонкой струйкой коксующийся уголь с Кузбасса. Его пока не хватает даже казенному Златоустовскому округу и Кыштыму. Того же Соломирского приходится кормить «завтраками». Ну дык это только начало, а там потихоньку дело раскошегарится. Ну и, наконец, применение отбойных молотков и прочих механизмов Абамелеком-Лазаревым в Кизеле также несколько снизило цену на уголь на западе Урала и в Прикамье. Все это слегка повысило конкурентность уральского металла. Ещё бы казна наконец разродилась решением построить железную дорогу к Егоршинскому углю, так вообще стало бы неплохо. Но Минфин с Министерством промышленности и торговли пока с этим не торопятся. И ведь не скажешь же тому же Коковцеву, что я знаю, что там угля лет на 100 хватит. Уральцы вот все пишут в разные инстанции, что им уголь и эта дорога нужна. Но казну тоже понять можно. У неё таких просителей не одна тысяча, и каждому дай. А не успеешь дать, они опять у крыльца стоят с ещё большими запросами, как будто им вечно кто-то что-то должен. Нахлебники и захребетники, вот ей Богу. Все горные округа заложены-перезаложены, набраны кредиты и в государственных банках и в частных, в том числе часто ещё под невывезенный металл и так

далее. И что? Да ничего. Владельцы горных округов явно не бедствуют. А бедствуют их рабочие, получающие гроши. Так и эти гроши иногда месяцами задерживают. А Урал, как и Алтай — место в Российской Империи особенное с его горными округами. Просто так закрыть нерентабельный завод или рудник и уволить рабочих данного округа по закону нельзя. Хозяин округа обязан в этом случае предоставить рабочим или другую работу или выделить земельный надел для пропитания. Вернее надел выделить в любом случае обязан, но тут есть нюансы с его размерами. Или просто кормить бывших работников за свой счёт. Это если округ частновладельческий. А если посессионный, то вопрос ещё более запутанный и до сих пор по сути не решен даже законодательно. И владельцы этими особенностями прекрасно пользуются, как вот сейчас в кризис выбывая из Государственного банка ссуды иногда якобы на прокорм рабочих. Вот только кредиты эти до простых работяг редко доходят. Или доходят в сильно урезанном виде. А при таком отношении к рабочим до толпы с красным флагом и Интернационалом один шаг несмотря на пропальваемую грядку с оппозиционерами и революционерами. Если так будет продолжаться и далее, то на место одного изъятого будут приходиться трое. Голодного слова не берут, ему себя и семью кормить нужно.

Взять того же Ратькова-Ражнова с его посессионным Ревдинским округом. В прошлом году он закрыл без лишних вопросов Бисертский завод и ещё какой-то неподалеку, оставив толпу народа без денег и пропитания. Уж кто-кто, а служивший долгое время по Министерству юстиции чиновник законы знать должен. Только плевать он хотел на закон, если его власть не одернет. В итоге владелец получил и массовую забастовку, и письма от пострадавших во все инстанции. А потом ему ещё и поджог на заводе устроили. Да вдогонку уральское горное ведомство ему основательно мозги вправило. Вот только тогда он испугался и производство вновь запустил, хоть и в усеченном виде. Думаете он бедный? Как бы ни так! Владелец заводов, земель, пароходов, включая доходные дома, золотые прииски, обширные лесные угодья с лесопилками от Карелии до Амура и так далее. И таких тут каждый второй владелец, если не каждый первый. Хотя если посмотреть с другой стороны, то невозможность закрыть старый нерентабельный завод — это нонсенс и явный пережиток феодализма. Хозяев заводов тоже можно понять. Древесный уголь для домен — это вчерашний день. И для его заготовки нужно много дешевой рабочей силы. А другого доменного угля на Урале пока нет. Древесный уголь также накладывает свои ограничения на размер домен. Да еще леса основательно вырублены, плюс перевозка в основном гужом. Потому крупного современного высокопроизводительного производства металла на Урале пока нет и быть не может. А раз его нет, то платить больше заводчик рабочему не может. К тому же страна крестьянская, и нужды у населения простые и дешёвые. В общем, замкнутый круг...

Александр почесал ручкой за ухом и поглядел в окно на проплывающие за окном заснеженные поля. Надо сказать, что он и тут немного помог простому уральскому люду. Мало того, что у него в Кыштыме и на Челябинских землях производство растёт из года в год, привлекая рабочий люд с других округов, так ещё как раз в начавшийся кризис несколько тысяч умелых уральских мастеровых вместе с семьями или без оных он отправил на работу в Риддер, Экибастуз, Кузбасс, Кольский, на Байкал и Петровск-Забайкальский. Капля в море, конечно, а все равно приятно. А вот те, кто в это время уехал по его предложению и за его счёт в Приморье, возможно скоро его начнут поминать не самым добрым словом. Их то скорее всего призовут на службу в первую очередь, и некоторые не вернуться с войны. Или вернуться с увечьями. Но тут ничего не сделаешь. Кому-то нужно Родину защищать, пусть и вдалеке от нее.

Александр вздохнул и взялся за газеты, купленные его парнями в Самаре. Первая страница всех газет, и это понятно, была посвящена объявленному освобождению крестьян. Крестьянин получил право выхода из общины, право продажи своего надела земли и право перемещения

по стране без обязательного ранее получения паспорта и разрешительных документов. Тема являлась хитом для всех газет Империи уже вторую неделю, да и вообще взбаламутила всю страну. Естественно мнения сильно различались. Одни называли Михаила II Освободителем, другие предрекали серьёзные потрясения для страны в результате этого «скороспелого и не до конца продуманного решения». Но одну важную вещь признавали все издания, если конечно хотели её признать. С началом действия этого закона у переселенцев в Сибирь появятся дополнительные весьма полезные при переезде на новое место денежные средства, что позволит лучше и легче устроиться за Уралом. И это было особенно важно в условиях, когда поток переселенцев в последние два года начал снижаться. Причины этого снижения в данном случае не были важны. Новые законы придадут темпам заселения Сибири основательный пинок. Законы должны были вступить в действие с 1 сентября будущего года. Но вот механизм действия в виде различных положений и инструкций разработан пока не был. Все это ещё пока находилось в кабинетах.

Насколько Александру было известно, Михаилу удалось убедить семью в том, что Романовы от этого немало выиграют. Ведь заселяться будут и их Сибирские земли, сейчас лежащие впусте. Иметь нетронутые леса и поля в Сибири — это конечно неплохо. Но лучше получать с этого дополнительный доход, чем его не получать. Там, где идет расселение, развиваются торговля, ремесла и со временем промышленность. С избытком же населения в Европейской части страны нужно что-то срочно делать, пока дело не дошло до крайностей. Рост цены земли и ее аренды в центральных губерниях — это хорошо, но в меру. К тому же государственная помощь селу в годы неурожая становится излишне накладной. Да и толку с малоземельного крестьянина мало. Весь экспортный хлеб и большая часть остального ныне выращивается в крупных хозяйствах. Поэтому лучше уж продолжить перенаселение в Сибирь. Там земли много, и толку от её использования и от крестьян за Уралом будет больше. А чтоб минимизировать издержки казны на переселение и сроки обустройства на новом месте, нужно чтоб у переселенцев появились дополнительные деньги. Ну не из казны же их выделять. Так что пусть крестьянин, выходя из общины, получит их от другого крестьянина или от его бывшей общины за долю своей земли в общине. Казне тоже придётся помогать процессу, но размеры безвозмездной помощи в этом случае потребуются на одну переселяемую семью в разы меньше. Безусловно, при этом придется увеличить кредитование, но зато в данном случае обеспеченность кредита будет высокой, поскольку в залоге оказывается земля, которую в случае чего можно изъять у должника и перепродать. А деньги, полученные переселенцем в европейской части Империи, будут быстро им потрачены за Уралом, что вызовет там рост торговли и даст заказы уральской промышленности, испытывающий последние годы серьёзные трудности. То есть процесс ускоряется и частично переводится на самофинансирование за счёт самого крестьянства. Притом за Уралом хозяйства должны получаться крепкие благодаря обилию земли. А значит образовывается серьёзный район, который может производить экспортный русский товар. Ну и так далее... Также при выходе законов было анонсирована возможность выхода из общины и выселение на хутор с собственным отрубом. Но было заявлено, что это является следующим этапом земельной реформы и станет возможным года через два-три, когда земства начнут предоставлять услуги по размежеванию, для чего организовывались дополнительные курсы землемеров.

Часть идей в этом плане подкинул Императору сам Агренов ещё до того, как Михаил взошел на трон. Ну а потом, что называется, процесс пошёл. Ну, а что? Красивая схема! Её инициатор должен стать любим простым народом. Противников, правда, нашлось немало, но это ожидаемо. К тому же умные все равно оценят идею, а до остальных особо нет дела. Недовольные нововведениями находятся всегда и везде.

Середина декабря 1903 года

Адмирал Макаров поднялся из-за стола.

— Заходи, Александр Яковлевич. Гостем будешь!

— И вам, Степан Осипович, доброго здоровья! — поприветствовал хозяина дома гость.

— Чаю будешь? — спросил Макаров.

— Это можно! — князь уселся в кресло напротив хозяина, — А то с утра все на ногах, да в заботах.

Макаров выглянул за дверь и распорядился адъютанту подать два чая.

— Ну рассказывай, Александр Яковлевич, что на этот раз тебя ко мне привело. Знаю, радеешь ты о деле государственном. Так что готов помочь тебе, чем могу.

— Степан Осипович, тут такое дело. С конвоем, что сегодня пришел, шёл и мой пароход «Парана». Конвой то вон уже в гавани, а «Парану» не пускают. На внешнем рейде стоит. Говорят, — не положено. Предлагают идти в Дальний разгружаться.

— Ну так правильно. В Порт-Артуре торговым пароходами не место.

— Оно то, конечно, так. Вот только груз больно специфический у него. Да и для флота кое-что есть. К тому же сами склады у меня именно в Порт-Артуре.

— Так-так! — заинтересовался Макаров. — И что ж это за груз такой?

— Для флота несколько дальномеров, немного исправленных взрывателей Бринка, еще кое-что и патроны. Много патронов. Целый пароход.

— Дальномеры и взрыватели — это дело. Вот за это спасибо! А с патронами — это тебе к генералу Смирнову. Его это епархия.

— Тут дело не простое, Степан Осипович. Вот гляди, — князь выложил на стол два трехлинейных патрона. — Вот патрон принятый в армии. А вот патрон с остроконечной пулей. Я его ещё на конкурсе на трехлинейки предлагал. Но тогда по какой-то причине его отвергли. А сейчас в ГАУ опять задумались. Патрон по всем характеристикам лучше того, что принят на вооружение. Но теперь уже накопленные мобилизационные запасы старых патронов не дают пока его принять. При том, что нынче уже и в ГАУ признают, что сей патрон лучше.

— Так ко мне то какое это отношение имеет? — не понял Макаров.

— А вот скажи, Степан Осипович. Может Порт-Артур в сухопутную блокаду попасть?

— Ну ты сказал, Александр Яковлевич! Такая вероятность, конечно, не исключена.

— А как думаешь, Степан Осипович. Дополнительная полусотня пулеметов под улучшенные патроны с пароходом патронов — это лучше, чем без наличия оного.

— Ах вон оно что! — улыбнулся Макаров. — У тебя и пулеметы тут уже есть? И ты хочешь устроить тут нечто вроде войсковых испытаний?

— Пулеметы пока поездом едут. Вскорости должны быть.

— Ну что ж, это другое дело..

После стука в дверь вошёл адъютант с вестовым. С чаем, пирожными и баранками.

— Семен, — обратился Макаров к адъютанту. — Сейчас найдёшь Грече. Скажешь, что я распорядился пропустить пароход «Парана», что на внешнем рейде стоит, в бухту. Как освободится какой причал, так пусть пароход ставят под разгрузку.

Когда адъютант с вестовым вышли, беседа продолжилась.

— А что, — спросил Макаров, — патроны эти только к твоим пулемётам подходят? И никак больше?

— Не совсем так, Степан Осипович. Патроны в общем-то подходят и к винтовками Мосина, но тогда прицельную планку менять нужно. А вот у тех пулеметов, что сейчас на вооружении, там сложнее. Там и задержки при стрельбе могут быть и перекосы патрона и прочее. Но это тоже поддается исправлению.

— Ладно, — махнул рукой Макаров. — Войну все равно придётся выигрывать большим калибром. Потому как если не выиграем её флотом, туго армии на суше придётся. Вот скажи мне, ... подводный миноносец, что сегодня специальным пароходом привезли. Ты ж вроде как разработал его вместе с Круппом. Скажи, Александр Яковлевич. Ты в него веришь? Веришь, что вещь стоящая?

Агреев отхлебнул чая из стакана и улыбнулся.

— Верю, Степан Осипович. Верю! Если б не верил, не стал бы этим заниматься. Минимум один вражеский корабль подлодка на дно пустит. И возможно опаску враг иметь будет в этих местах появляться. А ежели утопят больше одного, так и вообще можно отвадить крупные корабли супостата от местных берегов.

А про себя Александр, заметил..., — Если сами подводники раньше не утонут по какой-нибудь собственной ошибке.

— Ну дай бог! В добрый путь!

— Но есть и ещё одна возможность. — продолжил Агреев. — Хоть подлодка и мала, и запас хода у нее не очень большой, ее можно буксировать за кораблем в район её предполагаемых действий. Например, к тому же Чемульпо, который наверняка японцы будут использовать. И ту лодку, что привезли и сейчас начали собирать во Владивостоке тоже кораблем можно привести на буксире хотя бы до Цусимского пролива. Даже нужно. Но лучше до Чеджудо. А оттуда она сама может дойти в Порт-Артур. Потому как, думаю, что во Владивостоке ей работы не найдётся. А вообще, я уверен, что со временем подводные лодки станут важной составляющей флота. Пока же они делают только первые шаги.

— Ну дай Бог! Меня то больше радует, что «Маньчжурия» со вторым боекомплектом и запасными стволами главного калибра с конвоем пришла. А то пока натаскивал артиллеристов со всей эскадры, стволы «Сисоя Великого» в ноль расстреляли. Так что формально у нас в Порт-Артуре восемь броненосцев, а на деле только семь. Да и боекомплекта немало потратили. Практических снарядов уже давно нет. Приходится чугунными стрелять. Хотя похоже толку от них в бою не будет никакого. Ту старую японскую посудину, что ты нам в качестве мишени подарил, мы уже сколько раз топили и снова поднимали. А толку? Один из десяти чугунных снарядов взрывается. Да и взрывчатки в чугунных снарядах с гулькин нос. Остальные просто

аккуратные дырки в бортах и настройках делают. Эх..! — Макаров с обидой махнул рукой. — Вот новые стальные фугасные — да, те взрываются, а чугуном только дырки в бортах сверлить. Пришлось их почти все в порт сдать от греха. Только на пристрелку оставили. В ходе неё не суть важно, чем стрелять.

Собеседники немного посидели молча, отдавая должное китайскому зелёному чаю и вкуснейшим пирожным.

— Есть у меня к вам, Степан Осипович, ещё один неприятный вопрос. Вы ведь послали в Чемульпо крейсер Варяг?

— Да, в качестве стационара. В Корее опять какие-то волнения в начале декабря случились. А в чем дело?

— Дело в том, что по сути рейд Чемульпо является ловушкой. Когда японцы надумают напасть, они не будут утруждать себя соблюдением рыцарских правил, как это уже было раньше. А поскольку Чемульпо им будет категорически нужен, то наш корабль оттуда не только не выпустят, но и там же и уничтожат. Каким образом это будет сделано — не суть важно. Это как раз в самурайских традициях. По их понятиям не важно, как ты уничтожил врага. Главное — победа. А мы можем по недоумию потерять отличный крейсер. Это было бы большой ошибкой. Крейсеров на Дальнем Востоке и так меньше, чем хотелось бы. А Император Михаил Александрович иногда достаточно нервно реагирует на глупые ошибки по недомыслию. Очень бы не хотелось, чтоб произошло и то и другое.

Адмирал с подозрением посмотрел на собеседника:

— У вас есть какие-то сведения, которые мне не известны?

— Нет. Сведений нет. А вот нехорошие предчувствия есть. И исторические прецеденты тоже имеются. А я своим предчувствиям привык доверять. Особенно если прочие данные эти предчувствия подтверждают. Да и простая логика подсказывает, что таким образом легко и без потерь японцы могут сократить нам флот на один очень приличный крейсер.

— А не вы ли, Александр Яковлевич, мне говорили, что японцы скорее всего не начнут до тех пор, пока их недавно купленные корабли не покинут воды Италии и Британии. Итальянцы ещё не сдали корабли японской команде, а до готовности британских кораблей ещё несколько месяцев. Да и про доставку команд в Британию ничего не известно.

— А я и не отказываюсь от своих слов. Но это наша логика. А вот японцы могут поступить иначе. Чёрт их знает, что делается в их головах. Но мы, привыкнув к ожиданию какого-нибудь внешнего события, можем по глупости лишиться корабля.

— То есть вы предлагаете мне заменить стационар на менее ценный корабль?

— Да. Если нельзя не иметь стационара в Чемульпо, то пусть им будет корабль, обладающий для нас меньшей боевой ценностью.

Адмирал покрутил в руках пустой стакан. После некоторых раздумий он ответил.

— Хорошо. Вы меня убедили. Я пошлю Варягу замену. Но в таком случае, скажем, в том же Шанхае стационар тоже может попасться в ловушку и принужден будет разоружиться. А там у меня сейчас Кроун на «Маньчжуре».

Князь в ответ улыбнулся.

— Да, это так. Но Шанхай японцам в этот раз захватывать не нужно. В случае с Шанхаем я готов поймать излишне хитрозадого охотника. Скажем, если вы мне дадите пару 15-дюймовых минных аппаратов, то ловец останется на дне, а «Маньчжур» или какая-то другая из наших канонерок спокойно уйдёт из порта.

Макаров откровенно нахмурился.

— Ваше предложение, Александр Яковлевич, дурно пахнет. К тому же я вам выдать требуемое никак не могу. Это противозаконно.

— Ну, скажем, мобилизовать небольшое гражданское судно своей властью, если его хозяин не будет против, вы вполне можете. А на вспомогательный крейсер вполне можете выдать минные аппараты и самоходные мины. Хотя я предпочитаю обзывать их торпедами. Куда пойдёт потом столь мелкий вспомогательный крейсер, это никто в здравом уме отслеживать не будет. В нужный момент скромная посудина окажется там, где нужно. И если охотник будет один, он отправится на дно.

— А если охотников будет больше одного?

— Тогда команде вспомогательного крейсера придётся решать на месте, как ей быть.

Макаров откинулся на спинку кресла. Потеребив свою бороду, он проворчал.

— Все это мне крайне не нравится. Тем более, что все основано на ваших предположениях. Я подумаю и потом дам вам ответ.

— Мне этого достаточно, Степан Осипович. Пока время терпит. По крайней мере я на это надеюсь.

Еще немного потеревив свою знаменитую бороду и, видимо, посомневавшись в допустимости вопроса Макаров, все-таки его задал. А вопрос и вправду получился не совсем удобный.

— Есть у меня к вам неудобный вопрос, Александр Яковлевич. Если не хотите, можете не отвечать. Но все же... Скажите, отзыв в столицу Стесселя — это ваших рук дело?

Александр открыто улыбнулся. Что ж, придётся расставить все точки над I. Впрочем рано или поздно это все равно бы произошло. Так почему бы и не сейчас.

— Видите ли, Степан Осипович, отозвать кого-либо, тем более генералов и адмиралов, я не могу. Это с одной стороны. С другой, — Император был обеспокоен массой противоречивых сообщений с Дальнего Востока включая Порт-Артур. И попросил меня побыть здесь его глазами и ушами для того, чтоб дело, порученное множеству его поданных, делалось в соответствии с предписанным, быстро и добро, насколько это возможно. К сожалению, разобравшись с имеющимися фактами, мне стало понятно, что, как руководитель, господин Стессель не справляется обязанностями на своём посту. Более того некоторые его действия, вернее бездействия и волокита, наносили прямой вред делу. Обо всем этом я доложил в Столицу. Ну а уж Император сам принял решение. И явно не только на основании моего доклада, поскольку, насколько мне известно, отозван и ряд фигур, о которых мной в докладе на Высочайшее Имя не упоминалось. Таков мой ответ. Причём я бы предпочел, чтоб вы не предавали огласке услышанное вами сейчас. Многие здесь об этом подозревают. Но

подозрения — это не точные сведения, а всего лишь подозрения. Надеюсь, мы договорились?

Адмирал покачал головой.

— Пусть будет по-вашему. Если по чести сказать, мне со Стесселем порой приходилось трудно. Бюрократия вообще, к сожалению, частенько портила мне жизнь. И в этом плане с генералом Белым проще. К тому же он мне не начальник. Но мы все-таки одно дело делаем...

Собеседники немного посидели в тишине. Князь уже подумывал о том, чтобы попрощаться и раскланяться, но у Макарова нашелся ещё один интересный вопрос. И даже не один.

— Вы слышали самые свежие новости из Санкт-Петербурга? Государь Император разрешил покупку земли в Привисленских губерниях евреям и польской шляхте, коя раньше была лишена этого права. Вам не кажется, что это очень рискованный шаг? Как бы со временем не получить очередной польский бунт. Да ещё эти евреи...

— Нет, Степан Осипович, не кажется. Более того, ход весьма интересный. Вы ведь заметили, что шляхта может теперь покупать земли *только* в Привисленских губерниях. Про Литву и Украину как раз ничего не говорится. Ну а где полякам жить, как не в Польше? Они там и живут. Просто теперь некоторые получили право выкупить свои родовые имения. Но только в том случае, если им их продадут. А ведь могут и не продать. Причем купить это могут не все, а только постоянно проживающие на территории Российской Империи и имеющие русское гражданство. То есть те, кто в свое время сбежал от правосудия за границу, этого права не приобрели. И в стране эти изменники не покажутся. Кроме того купить землю там можно только за наличные. Ссуды под залог покупаемой земли банкам давать запрещено. А кроме того за землю им теперь придется конкурировать с евреями, которым такое право также дано. Но вот спекулировать землёй в Польше не получится. Купив её, продать можно только через 15 лет. Какие уж тут спекуляции? Таким образом те, кто из этих двух категорий граждан может и хочет занять землю в Польше, останутся там. Причём им за это придётся хорошенько заплатить. Русской та земля так и не стала. Да теперь уже не станет несмотря на все предпринимаемые ранее меры. Ну и ещё один из главных моментов. Вы ведь слышали о грядущем добровольном переселении евреев в Сибирь?

— Да уж, немало мы копий по этому поводу с господами офицерами сломали..., — Макаров сокрушённо вскинул руки, — и большинство, да и я сам сомневаются в ...эмм... продуманность этого шага.

— Думаю, для вас не секрет, что еврейское население проживает скученно в назначенных для того городах и местечках. Особенно плохо положение евреев в мелких местечках Белой Руси и Литвы. И там же обитает часть обнищавшей шляхты. С работой в тех местах обстоит очень неважно. Из-за этого немалая часть экстремистски настроенной оппозиции и особенно молодёжи происходит из данной части населения. Если все оставить, как есть, то социальная напряженность на западе Империи будет только возрастать. Кроме САСШ прибывающим на жительство евреям особо нигде не рады. Да и Америка привечает эмигрантов больше на словах. Вот если они сами найдут деньги на переезд и последующее обустройство, то, да, их готовы принять, как готовы принять любого европейского эмигранта. Принять примут, а дальше сам крутись, как хочешь. Никто о тебе заботиться не будет, если земляки не помогут. Но число иммигрантов-евреев из России несмотря на вроде бы плохое положение в черте оседлости весьма невелико. Так вот... С этой категорией нужно было что-то делать. Перемещать её в Центральную часть Империи естественно никто не собирается. Там и так народа хватает. Из страны они ехать тоже не слишком стремятся. Но зато за Уралом населения сильно не хватает. Просторы огромны, а людей мало. Продолжается переселение крестьян в

Сибирь на казенные и кабинетные земли, которому недавними законами придан дополнительный импульс. Так почему бы и не переместить туда часть населения с запада страны, тем более, что крестьяне едут осесть на землю, но в городах и селах также нужны цирюльники, портные, скорняки, лавочники и просто рабочие? И то, что часть из них будет иудейского происхождения, не столь уж важно. Для переселения нужно знать русский язык и иметь некоторые средства на переезд. То есть Император старается разрядить обстановку на западе страны и увеличить население Сибири. Это, так сказать, общий принцип. Однако разработка детального плана столкнулась с большим количеством проблем и противоречий, которые необходимо разрешить наилучшим из возможных образом. А поскольку ещё стоит задача на некоторое время прикрыть нарождающийся за Уралом рынок от иностранных финансовых стервятников, то из-за того, что переселяться будут именно евреи, возникли дополнительные трудности. Потому хоть и выход закона о добровольном переселении евреев был ранее анонсирован, он несколько задерживается из-за различных согласований и дополнений. Их цель состоит в том, чтобы переселиться могла действительно нуждающаяся часть населения Империи, а вот дельцы, желающие навариться на процентах с международного еврейского капитала, который попытается проникать в Сибирь вместе с переселенцами, остались бы разочарованными. Все возможные лазейки сразу прикрыть, к сожалению, не удастся, но к этому нужно стремиться.

Александр оставил от себя стакан и откинулся на спинку кресла.

— Если говорить кратко, то вот так примерно обстоит дело. Дело многотрудное. Когда оно только начиналось, все представлялось более простым, чем оказалось на самом деле, — резюмировал он.

Адмирал некоторое время помолчал, глядя в окно, а потом высказался.

— М-да, идея интересная. Честно говоря, мне все представлялось более простым образом. Это нужно хорошенько обдумать. Разве что не побоюсь выразить некоторое сомнение в том, что выполнить намеченное удастся должным образом. Идеями мы богаты, но вот исполнение частенько заставляет вспомнить про овраги...

— А вот тут я с вами соглашусь. Но здесь уж ничего не поделаешь, — Александр развел руками. — Чем богаты...

Распрощавшись с Макаровым Агренов вышел на крыльцо штаба.

М-да, низкое серое небо. И с него сыпет какая-то мелкая гадость. То ли снег, то дождь. Прямо как в Питере. Только в отличие от Столицы тут по улицам шастает более многонациональная толпа. Китайцы, маньчжуры, корейцы, русские, попадают и японцы с европейцами. Впрочем во Владивостоке и Хабаровске было также.

Князь в несколько быстрых шагов достиг автомобиля и плюхнулся на заднее сидение. Кожа с характерным скрипом приняла его вес. За ним на переднее залез охранник и, обернувшись назад спросил.

— Куда, Командир?

— В гостиницу.

Автомобиль попетляв немного по улицам Нового Города, добрался до весьма приличной

гостиницы. А там князя ждала короткая телеграмма из Инкоу от Дымкова. «Посылка нашим южным друзьям с китайской оказией ушла тчк ДИВ тчк».

Ну что ж, очень хорошо. А то как-то борьба угнетенного филиппинского народа против иноземных захватчиков начала затихать. Уж больно сурово обходятся новые демократические хозяева Филиппин со своими бывшими союзниками, с которыми несколько лет назад вместе боролись против старых испанских хозяев. Усмирили по некоторым данным уже больше ста тысяч. Причём в землю и навсегда. Короче обычные демократические каратели. А поскольку усмиряют они в первую очередь не повстанцев, а мирное население целыми деревнями, то цифры усмиренных такие и выходят при не слишком большом американском воинском контингенте. В общем три с половиной тысячи винтовок в основном все тех же бывших китайских с патронами уже ждут на архипелаге. Китаец-приказчик русского китайца Тифонтая отправил на китайской посудине товар на Филиппины. Там суденышко встретят и разгрузят филиппинцы. Игорь тока издали должен был понаблюдать за процессом погрузки и отплытия. И никаких русских. Если что, претензии предъявить можно только китайцам. Но кто ж из европейцев в здравом уме китайцев в Китае на лицо запоминать будет?

И что приятно и полезно, за эту и за предыдущую посылки филиппинцы смогли рассчитаться самостоятельно, благо приобретение этого добра стоило весьма дёшево. А цели заработать на таких поставках Александр перед собой не ставил. Вышло не в убыток, и ладно. Насчёт геноцида филиппинцев он даже попытался разжечь скандал в прессе через Мадрид. Но кроме испанцев, как бывших владельцев Филиппин, этим никто не заинтересовался и не понял. В нынешние времена считается, что на своём заднем дворе джентльмен может поступать так, как считает нужным. И никто не вправе его в этом укорять. А острова испанцы американцам как бы продали, так что никаких претензий господ просвещенные европейцы предъявлять Америке не собирались. Впрочем правило подходило не всегда и не для всех. Когда это было выгодно, европейская пресса могла выступить и единым фронтом, как это было в отношении англо-бурской войны. Но сейчас выгоды никто не видел, а потому и сотрясать воздух обвинениями в жестоком обращении с «благочестивыми католиками-аборигенами» позволила себе только часть испанской прессы. Впрочем имелась и иная точка зрения. Как докладывал агент из Испании некоторые испанские газеты злорадно прошлись по бунтовщикам. Типа так им и нужно, — не хотели мириться с мягкими испанскими порядками, получите жестокие от своих бывших якобы заступников. Ещё сто раз нас с умилением вспомните.

А вообще испанцы радовали. После разгрома от САСШ они немного пришли в себя и начали оглядываться по сторонам в поисках, чем бы повысить боеспособность собственной армии и флота. Наперво они заказали в начале года Русской Оружейной компании партию пулеметов, так хорошо показавших себя в войне с американцами. А сейчас проводили армейские испытания двух пистолетов РОК, никак не в силах выбрать какой же им больше подходит. Потому как нравились им оба пистолета. И испанцы похоже пока пребывали в состоянии буриданово осли. А вот сербы наоборот в этом году его сильно разочаровали. Мало того, что зверски расправились со старой правящей фамилией, так ещё и всячески пытались наглым образом или скинуть цену или вообще получить задарма лицензию на производство Агрени на собственном заводе, ссылаясь на славянское братство и собственную бедность. Да, поддержка среди отечественных панславистов у них нашлась мощная. Причём деньги на переоборудование завода они уже успели найти у французов. В общем, ну их к черту этих братушек с такими запросами. Они ж, получается, к нему опять через несколько лет прискачут, когда вместе с греками и болгарями начнут воевать дряхлеющую Османскую Империю. Нет, дело это, конечно, весьма полезное в перспективе. Но зачем ему бедные нахлебники, даже если вдруг Михаил за них и заплатит из русской казны? Не выгодней ли для России будет поддержать болгар в будущей балканской войне, особенно если в Болгарии

сменится нынешний правитель, излишне тяготеющий к австрийской короне? И только при том условии, что с этого можно будет получить что-то вещественное или полезное. Ну и поддержать черногорцев естественно. Они теперь в родственных отношениях не только с Великим Князем Петром Николаевичем будут. А с сербами потом Михаил решать будет. Пока что он выразил сожаление в связи со смертью старой правящей четы и ничего больше не предпринимает. Ну а что? Сделанного все равно не переиграешь, тем более, что с Обреновичами Россия не ладит из-за их проавстрийского курса, а как будет с Карагеоргиевичами, там посмотрим. Лет эдак через несколько.

Александр подошёл к окну, выходящему на внутренний рейд Порт-Артура. Рейд полный кораблей и судов.

Классная наблюдательная позиция! И ведь такая не у него одного. А вон буксир ещё кого-то втягивает в бухту... О! Так это «Парана». Ну точно она! Ну вот и славненько...

Агреньев понаблюдал за входящим сухогрузом, а потом вернулся к своим мыслям.

М-да... Дык вот... В его мире действия сербов формально стали поводом для Первой Мировой войны. И хоть повод — это не причина, но тем не менее. Как дружить с теми, чья экономика плотно завязана на австрийскую, потому как живут они почти исключительно сельским хозяйством и выхода к морю не имеют? Как дружить и помогать через несколько границ, если у сербов выхода к морю нет? Да даже если бы и был, это ж, если турки закроют Проливы, вокруг всей Европы в какой-то иностранный порт пилить. В общем все это крайне неудобно. Правда, и болгары не лучше, и как бы даже не хуже. Всегда готовы переметнуться на сторону сильного. Но у них хоть порты на Чёрном море имеются. Все в общем-то рядом. Так что во время Балканской войны, если верхушка там будет вменяемой и им помочь, то есть вероятность выхода болгарских войск к Мраморному морю или вообще захвата европейской части Босфора. И вот тут может появиться возможность зацепиться за берег, что правда приведёт к клинчу с немцами и англичанами, которым подобный вариант как нож острый. Впрочем, даже если и не цепляться до будущей Великой Войны за Проливы, при дружественной и нейтральной Болгарии турки оказываются полностью отрезанными от немцев с австрийцами и долго не протянут. А в идеале и вообще в войну не вступят. Но в последнее верится плохо, потому как это уже не выгодно всем европейским игрокам кроме России. Ведь большинство уже готовы поделить наследство османов. Говорят, англичане уже предлагали покойному Николаю II сразу после того, как он стал Императором, забрать себе западную Армению. Суки! Естественно через войну. То есть пока наши бы в очередной раз били турок, англичане бы без особых хлопот прибрали бы к рукам часть Ближнего Востока в Средиземноморье. А то и не только там. Хорошо, наши верха на это не повелись. Да и западная Армения — тот ещё актив. По-хорошему он и задаром не нужен. Проблем с дашнаками сейчас и в самой России хватает. Вот что за народ? Их в свое время фактически спасли от истребления турками, устроив частичный обмен населением и переселив часть армян в Россию. Да и потом продолжали периодически спасать, хоть уже и через «не хочу». Но им этого мало. Им подай собственное государство, революционеры хреновы. В общем, пока турки особо массовый геноцид армянам у себя не устроят, все так и будет продолжаться. А иностранные спонсоры будут подзуживать русских армян. Впрочем, там в Закавказье вообще все паршиво. И правительственная политика тоже. Она сейчас вроде меняться начала, но слишком много зависит от конкретного исполнителя. Не дай Бог что, и мало не покажется. Ведь бакинские нефтепромыслы там, и от этого никуда не деться. А это болевая точка Российской Империи, да и его тоже. Слишком много там крутится капиталов, и слишком много даёт Баку прибыли и топлива. Потому во время войны с японцами недруги и конкуренты вполне могут попытаться ударить в эту болевую точку. Да точно ударят, вот хотя бы тот же Рокфеллер, которому бакинские нефтепродукты в Европе через несколько лет уже не будут

нужны. А уж для англичан Кавказ вообще излюбленное место для создания проблем России. И то, что в Баку уже имеется немало британских капиталов, роли не играет. В Англии хватает влиятельных групп по интересам. Там где одним прибыль, другим головная боль. Создать проблемы в Баку достаточно просто. Слишком все скучено. Вышки, бассейны с нефтью, выбросы попутного газа... Если пойдут поджоги, мало никому не покажется. И главное состав населения. Кого там только нет! Азербайджанские татары, армяне, русские, персы, дагестанские народности, курды, иностранцы... И все это вперемешку. Причём большинство в случае чего готова взяться за оружие и выяснить отношения или пограбить ближнего, если он окажется слаб. Опереться власти по-хорошему там могут только на русских и на войска. Раньше власти пытались опираться на татар, потому как те якобы не склонны к антиправительственным действиям. Ха три раза! Толку то от того? Зато вооружиться большими ножиками и пойти резать чужих с одновременным грабежом они готовы не меньше, чем всякие революционеры. А уж если ещё за это ещё кто-то заплатит их бекам... Слава Богу, что Михаил проблему понимает и в случае необходимости готов действовать очень жёстко. Но он Питере, а на местах исполнители и различные нюансы. Так что несмотря на понимание, как оно там может выйти, никто сейчас не скажет.

Опять же если на Кавказе начнётся организованная заварушка, то и ответ за это должен быть. Причём первоначально придется выяснять, кому мы этим подаркам обязаны. Впрочем беда даже не в выяснении, а в возможности нанесения адекватного ответа. Плохо с этими возможностями. Англосаксов нужно бить по кошельку, тогда они начинают дергаться. Вот только для хорошего и правильного ответа нужны не просто люди. Нужна мощная организация с хорошим финансированием. Только тогда начнут уважать. Но этого у России пока нет. И даже ещё не создано. А создавать беспорядки, во время которых обделываются всякие грязные детишки, тоже нужно уметь. Вот он пока этого не умеет. И теми же Филиппинами и бурами пользовался и пользуется просто потому, что знает, что и где должно было происходить. А создать проблемы своими руками, пусть и воспользовавшись вовремя ситуацией, это серьёзное искусство и уровень мастерства. И для всего этого нужны люди и большие бабки. Опять БАБКИ! И не важно, что это уже будет не из его кармана. У Империи лишних бабок на это нет. И не лишних тоже. А так получается, что воевать России скоро придется, считай, против всего мира и в первую очередь финансового, для которого Япония со своим флотом и армией всего лишь один из инструментов.

Начало декабря 1903 года

Полковник Васильев зашёл в открытую перед ним казакон Конвоя Его Императорского Величества дверь. Прошёл на середину рабочего кабинета Императора, остановился и отдал честь.

— Здравия желаю, Ваше Императорское Величество!

— Здравствуй, Михаил Владимирович. Проходите, присаживайтесь, — отозвался Император и рукой указал на место перед собой, куда следует «приземлиться» скромному жандармскому полковнику.

Заняв предложенное ему место напротив Государя, Михаил Васильевич щелкнул замками бронированного чемоданчика и достал оттуда несколько укладок. С некоторых пор он обзавелся этим хранилищем для важных бумаг. Все-таки полезная оказалась штука. Многие важные господа много бы отдали за то, чтоб познакомиться с документами, которые переносились в нем. Другое дело, что мало кто знал, что скромный жандарм в не особо высоком звании может обладать такими сведениями и документами. Но это уже были их

проблемы.

— Ваше Императорское Величество, за прошедшее время с последней моей аудиенции в поле зрения моей Службы попало несколько дел. Начну с главного. Как вы вероятно помните, в прошлом году была вскрыта афера связанная с поставками рельсов и металлоконструкций на Кругобайкальскую железную дорогу по завышенным ценам, в которой участвовали два южных металлургических завода, принадлежащие иностранным инвесторам, и крупный Петербургский банк. Афера, наносившая ощутимый вред казне, была прекращена в том же году. Два завода были отлучены на 1903 год от поставок рельсов для казенных надобностей. Однако, как нам удалось узнать, оба завода продолжают продавать казне свою продукцию, но, так сказать, под другой вывеской. Дело в том, что заказ на рельсы для второй нитки Великого Сибирского пути от Челябинска до Оби был заключен весной этого года в том числе и с недавно образованным акционерным обществом «Продамет», которое осуществляет сбыт продукции заводов юга России от своего имени и по поручению объединившихся в синдикат заводов. Общество действует по французскому уставу и формально имеет свое правление в Париже. Получив заказ, «Продамет» распределяет его между всеми заводами в соответствии с определенными собственными принципами. Таким образом, отлученные на этот год от государственного заказа заводы опять его получили. Хотя формально они с казной никаких договоров не имеют...

— Тааак...! — протянул возмущенный Михаил, — то есть Император Всероссийский этим деятелям уже не указ?

Михаилу подобный оборот дела категорически не понравился. Мало того, что Александр все уши уже прожужжал про монополии и конкретно этот «Продамет», так они сразу после образования подобное вытворять начинают. Что доказывает, что его друг прав.

— Осмелюсь доложить, Ваше Императорское Величество, — продолжил полковник, — дело не только возмутительное, но ещё имеет и определённые подводные камни. Собственно-с, те, кто должен контролировать процесс поставок наверняка знали, что идёт нарушение Вашей воли. Подозреваю, что Сергей Юльевич Витте был об этом в курсе. Возможно и князь Хилков об этом может знать, хотя и сомнительно, потому как Министру путей сообщения все равно, кто поставляет ему металл и рельсы. К заключению договоров на поставки он имеет самое незначительное касательство. Этим заведует Министерство финансов. Но частности мы пока не выясняли. Если на то будет Ваше указание...

— Будет! Разобраться и доложить! — рявкнул Михаил.

— Будет исполнено! — Васильев боднул головой воздух, — но осмелюсь доложить...

Он немного помолчал, собираясь с мыслями и продолжил.

— Дело осложнено некоторыми обстоятельствами. Можно отказаться от услуг этих заводов и сейчас, но сразу возникнут проблемы. Постройка второй нитки железнодорожного полотна входит в разряд особо важных для Империи и срочных. Если сейчас начинать это дело, то «Продамет» без этих двух заводов может сорвать сроки поставок рельсов и прочих металлоконструкций, в связи с чем запланированные сроки введения железной дороги также окажутся под вопросом. А это не государственных интересах. Более того, это вдвойне не желательно в настоящий момент в том случае, если разразится война на Дальнем Востоке. Однако можно действовать иначе, одновременно наказав зарвавшихся дельцов, и не сорвав при этом постройку железной дороги...

— Я вас слушаю, полковник.

— Контракт на поставки заключен до конца 1904 года. На 1905-й год контрактов пока не заключалось. Обычно это делается в середине предшествующего года. Если Вашему Величеству будет угодно указать, какого конкретного результата следует добиться по отношению к двум этим иностранным заводам и к «Продамету», то мне было бы проще составить Вам свои соображения на этот счёт...

Михаил откинулся на спинку стула. Прошлый раз к Витте прибежал французский посол. Да и за бельгийскую «Коккериль» активно просили. Тогда Михаил приказал оставить все просьбы без удовлетворения. И были проблемы. А оно вон как обернулось. Приспособились, собаки!

— Обанкротить завод, допустим, только один завод мы можем? А то два — это как-то многовато.

— Несомненно-с! Так же как и принять определённые меры к самому «Продамету». Отсутствие заказов от казны и земств, а также рекомендации крупным отечественным потребителям не иметь дело с заводом очень быстро приведет завод к закрытию большей части производств. Но подобным образом мы излишне напугаем вообще всех иностранных инвесторов, что, как мне кажется, излишне в данной ситуации. Поскольку нарушение налицо, то можно применить следующий порядок действий, дабы не нарушать текущие поставки металла и металлоконструкций на строящиеся железные дороги. В следующем году перед заключением очередных договоров на поставки предложить данным заводам добровольно выплатить в казну всю прибыль, которую они получили и еще получают за казенные заказы в период с 1902 по 1904 год. Собственно себестоимость отдельных изделий будет выяснить не трудно, а объёмы известны или примерно известны. И предложить данным заводам выбор. Либо они выплачивают эту сумму, а она явно окажется не маленькой, добровольно, либо заводы лишатся казенных заказов и заказов от земств навсегда вне зависимости от того, кто будет владельцем данных заводов в будущем. А также предупредить как данные заводы, так и сам «Продамет» о том, что любые организации, в которые входят эти два завода, также лишатся казенных заказов. И одновременно допустить об этом утечку в прессу. При таком порядке действий для всех будет очевидно, кого и за что мы пытаемся наказать. Это касается самих заводов. Сомнительно, чтобы владельцы заводов захотят пойти на обострение, а владельцы прочих непричастных заводов станут поддерживать виновных. Хотя, безусловно, определенное давление со стороны французского и бельгийского правительства будет оказано. Одновременно возможны определённые разовые акции типа утечек в прессу о намерениях казны и отдельных частных лиц по строительству новых крупных современных металлургических заводов на Урале и Кузбассе. Думается, что если князя Агренева попросить, то он не будет опровергать эти слухи. Тем более, что похоже это и не совсем слухи, — улыбка полковника вышла хищной и на напоминала оскал волка.

Император усмехнулся.

— Мне нравится ваш ход мысли, полковник! Продолжайте!

— Судя по имеющемуся сейчас строительству металлургических мощностей, в 1905 году вероятнее всего в Империи будет иметься резерв мощностей чёрной металлургии, который сможет покрыть временное выпадение указанных заводов и не позволит ценам вырасти. Выплатить штраф единовременно весьма вероятно владельцы заводов не смогут, и им придётся договариваться с казной либо о рассрочке, либо о передачи части акций в казну. Нас, думаю, устроит любой разумный результат. Это что касается самих виновников. При этом, по моему

мнению, будет напугано само руководство «Продамета», которое кстати возглавляет в настоящий момент директор провинившегося завода. Планировать применение санкций к самому «Продамету» одновременно с санкциями к двум указанным заводам считаю пока преждевременным, дабы не сильно пугать прочих заводчиков. Хотя они и не исключены. Тут следует действовать по ситуации. Если она будет позволять, то они возможны. Если нет, то можно и выждать немного, пока ситуация нормализуется. Опять же хотелось бы получить Высочайшие указания о том, что именно мы хотим достичь с самим «Продаметом».

— Что мы хотим..., — повторил задумчиво Михаил. — Хмм! Знаете, Михаил Владимирович, я пока затрудняюсь сформулировать ответ на данный вопрос. Думаю, следует разработать несколько вариантов воздействия и на них. Какой из них выбрать, там видно будет. Пока я не решил, что с ними делать. Но как минимум хорошо напугать их стоит. И посмотрите, не нарушают ли они законодательство о монополиях самим своим существованием.

— Будет сделано-с!

Император в задумчивости постучал пальцами по столу, глядя в окно, а потом опять обратил свой взгляд на полковника:

— Что у вас еще, Михаил Владимирович?

— Есть кое-что немного не по моей части, но попало на глаза. По охранному отделению Порт-Артура прошел рапорт одного из сотрудников о том, что фирма «Артур Коппель» продала японцам планы укреплений крепости. Фирма отнюдь не мелкая, образована выходцами из Германии. Ведёт торговые дела в том числе и на Дальнем Востоке. В Порт-Артуре, Владивостоке, Харбине, а также в некоторых городах центра Российской Империи включая обе столицы. Собственно я обратил своё внимание на это только потому, что никаких действий по этому делу предпринято не было. С одной стороны информация оперативная и в суд с ней не пойдёшь. Но и дела заведено не было. С другой стороны понять генерала фон Валя и его подчиненных тоже можно. Людей у него на Дальнем Востоке немного... — Васильев вопросительно посмотрел на своего Государя.

— Ладно, давайте свои бумаги. Я попрошу Виктора Вильгельмовича разобраться в своём ведомстве.

Полковник поднялся и передал несколько скрепленных бумаг Императору.

— Хорошо, — Михаил II быстро просмотрел поданные ему листы и убрал их в стол, — по вашему ведомству есть что-то интересное?

— Так точно-с, Ваше Императорское Величество, — Васильев передал через стол тонкую красную папку. — Здесь собраны материалы по сбору «благотворительных» пожертвований Пензенским губернатором. Дело в общем то ясное. Осталось получить Вашу санкцию на проведение необходимых процессуальных действий. Это дело Отдельного корпуса жандармов, но Виктор Вильгельмович несколько приболел и попросил меня передать вам эти бумаги, дабы не задерживать ход дела. Сбор так называемых пожертвований практикуется повсеместно. Но одни обличенные властью сановники действительно собирают их для своих городов или губерний, да ещё собственные деньги доносят на школы, дома призрения и прочие благоугодные цели, а другие не только собирают «пожертвования» в свой карман, но ещё и подчиненным это дозволяют. Вероятнее всего с определенной выгодой и для себя. Данный случай из ряда неприглядных. По губернатору явно Сахалин плачет.

— Хорошо, я посмотрю, кто это у нас такой двурушный...

Перед тем как полковник покинул кабинет, Государь озадачил его своей «просьбой».

— Михаил Владимирович, у вас же имеются определённые материалы по Витте? Ну так вот пришлите мне их, скажем, завтра-послезавтра.

После ухода полковника Васильева Михаил встал из-за стола и начал расхаживать по кабинету.

— Интересно, — раздумывал Император, — какой план обороны Порт-Артура ухитрились выкрасть германцы?

Планов было целых три. И самый точный существовал в двух экземплярах, которые лежали в сейфах у Алексеева и у Редигера. И существовало ещё два плана с определенными неточностями и искажениями. При этом настоящий план укреплений воедино пока вообще не существовал. Просто у генерала Белого имелись кальки с дополнительными укреплениями, кои в октябре начала строить Дальневосточная компания Александэра и очередной переправленный в Порт-Артур из под Москвы батальон саперов. Еще 17 бетонных ДОТов. В основном на два пулемета. И дюжина ДЗОТов. Причём кальки имели привязку к плану обороны из сейфа Алексеева, а вот без него они были вообще бесполезны, поскольку не имели привязки к местности. Перенесение расположения объектов на план обороны должно состояться, только когда строительство дополнительных узлов обороны будет закончено, или в случае, если и когда японцы высадятся на полуострове.

Но отреагировать на сигнал нужно. Да, у фон Валя действительно людей маловато несмотря на то, что туда уже отправилось несколько команд жандармов. Зато там уже есть Александэр. А то, что у князя имеются опытные люди и на Дальнем Востоке, Михаил знал абсолютно точно. Тем более, что его люди сейчас собираются в Уссурийске. И значит нужно, чтоб люди фон Валя вошли в контакт с Агрневым и попросили его помочь, если помощь таковая нужна. Да и самого Александэра нужно предупредить телеграммой о вероятном совместном деле с ОКЖ. Да, так будет верно!

А вообще после вступления на престол Михаил ознакомился с личным делом князя Агрнева. И надо сказать, что законопослушным русским подданным его друг не являлся. Вот только было в этом два «Но». Во-первых, реальных доказательств своих не самых чистых дел он не оставлял. При этом подобные дела всегда были направлены против не самых законопослушным лиц или компаний. И во-вторых, учитывая первое, он всегда действовал в интересах России. Хотя иногда и понимал эти интересы несколько своеобразно. Было, правда, несколько вообще темных дел, в которых терялись даже съевшие собаку жандармы. И тем не менее. Вот только методы... М-да! Впрочем, если бы каждый русский дворянин в меру своих сил и возможностей действовал столь же целеустремленно на благо государства Российского как Александэр, то враги бы давно забыли, как зариться на Россию, казенные деньги и её интересы. Но об этом можно только мечтать...

Михаил мотнул головой.

— Ладно, а сейчас стоит зайти к Ксении...

Черногорская принцесса приехала в Петербург полтора месяца назад. И нужно сказать, девочка оказалась большой умницей. В такую можно и влюбиться. Тем более, что это дело ещё и крайне полезное. Она как-никак его будущая жена. Венчание и все прочие мероприятия намечены на начало февраля. И если японцы попробуют омрачить его бракосочетание... Ну что ж, тем хуже для них! Александэр докладывает, что Кругобайкальская дорога вероятно

откроется в середине января. И сразу на 14 пар поездов в сутки. Жаль только в других местах не все идёт так гладко. Ну да где наша не пропадала...

mir-knigi.org